ИСТОРИЯ РОССИИ

УРА

С Д

КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ РОССИИ

Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней

Под редакцией
профессора **Б. В. Личмана**

Издание 2-е дополненное и переработанное

Екатеринбург 1993

ББК 63.3 (2) ISBN 5-231-7078-6
А 15

Рецензент: Уральский государственный педагогический институт, кафедра Отечественной истории.

А 15 **ИСТОРИЯ РОССИИ.** Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней / Под ред. проф. Б. В. Личмана: изд. Урал. гос. техн. ун-та — УПИ, Екатеринбург, 1993 — 333 с.

Основа курса лекций — изложение исторических концепций Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского, М. Покровского, Л. Гумилева. Во всех разделах выдерживается линия на непредвзятость к историческим школам, равноуважительность к интерпретациям фактического материала. Книга снабжена аннотацией на английском языке.

ISBN 5-231-7078-6

ОТ РЕДАКТОРА

Отечественная историческая наука переживает кризис. В настоящее время очевидна невозможность объяснить исторический процесс, базируясь только на марксистской методологии. Анализ недавно вышедшей литературы показывает, что часть обществоведов переписывает историю, переосмысливая ее с позиций историко-материалистического подхода. Другие в основу изучения заложили синтез всех существующих подходов: христианского, всемирно-исторического (в том числе историко-материалистического), культурно-исторического. Для трудов этой части историков характерна эклектичность суждений.

Авторы данного курса лекций не стремятся к созданию универсальной исторической модели (методологии), так как понимают, что в процессе постижения истории будут рождаться разнообразные подходы.

В учебнике материал расположен равномерно по периодам. В основу положен многовековой Российский принцип периодизации — правление монархов и крупные исторические «куски». Правомерен отказ от вульгарного деления истории на предысторию человечества и истинную историю, рубежом которых является 1917 год. В результате такого деления целые поколения россиян изучали историю Отечества до XX века на уровне рассказов для детей, а историю современности — через призму борьбы большевиков за власть и успешного строительства коммунизма в стране.

Концепцией предложенного учебника «Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней» является равноуважительное отношение к различным историческим подходам и русским школам: Н. Карамзина, С. Соловьева, В. Ключевского, М. Покровского, Л. Гумилева и др. Это первая проба составления учебника, в основе которого лежат различные школы и концепции русской истории. В условиях кризиса истории оправдано появление прообраза справочника концепций русской истории на большом фактическом материале.

В настоящем учебнике ставится задача изложения материала отечественной истории с позиций сопоставления различных исторических школ, а право выводов предоставляется читателям. Во

всех лекциях выдерживается линия на непредвзятость к концепциям. Курс состоит из 17 лекций: 1 — Введение; 2 — Древние народы на территории России; 3 — Происхождение славян; 4 — Киевская Русь; 5 — Раздробленность Руси; 6 — вторая половина XV — начало XVI вв.; 7 — XVI в.; 8 — XVII в.; 9, 10, 11 — XVIII в.; 12, 13, 14 — XIX в.; 15, 16, 17 — XX в. В приложении даны основные даты истории, названы Государи и руководители России с древнейших времен до наших дней. Тематика курса отражает следующие аспекты: Россия и окружающий мир, государственность и право, экономика и культура. Каждая лекция включает название, план, текст, использованную литературу.

Лекции прошли конкурсный отбор. Авторский коллектив многочислен — 8 профессоров, 11 доцентов, 2 старших преподавателя, 1 ассистент. Это не могло не наложить отпечатка субъективных мнений на концептуальную линию учебника.

Лекция 1. ВВЕДЕНИЕ (ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ)

ПЛАН

1. Что такое история?

2. Основные концепции (интерпретации) исторического процесса.

3. Российские исторические школы и их представители.

1. ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ?

Долгое время история рассматривалась не как наука, а относилась к литературе и искусству. Не случайно в греческой мифологии покровительницей истории считалась одна из муз, изображавшаяся в виде молодой женщины с одухотворенным лицом и со свитком папируса или пергамента в руке. Имя музы истории — Клио — произошло от греческого слова «прославляю». И действительно, первые летописи, хроники, биографии посвящались, в основном, прославлению правителей.

Итак, что же такое история? Слово «история» заимствовано из греческого языка, где так называлось повествование о событиях.[1] Представление о том, что такое история и чем она должна заниматься, исторически видоизменялось.

В современной мировой исторической литературе встречаются самые разнообразные определения предмета истории, вплоть до диаметрально противоположных (насчитывают до 30 дефиниций предмета истории как науки). Определение предмета истории связано с мировоззрением историка, его философскими взглядами.

Историки, стоящие на материалистических позициях, считают, что история как наука изучает конкретные, ограниченные определенными пространственно-временными рамками, закономерности общественного развития, связанные с деятельностью людей.

[1] В настоящее время термин «история» используется, как правило, в двух смыслах: во-первых, для обозначения процесса развития человеческого общества, личности во времени; во-вторых, когда речь идет о науке, которая изучает этот процесс.

Господствующим в западной («буржуазной») науке убеждением является то, что главным объектом изучения в истории является человек. Известный французский историк Марк Блок определил историю как «науку о людях во времени», причем на первый план выдвигал духовную сторону деятельности человека, считая, что предмет истории «в точном и последнем смысле — сознание людей».

Серьезные расхождения между учеными различных концепций касаются не только определения предмета истории, но и объяснения исторического процесса.

В марксистской историко-материалистической концепции конечной причиной и решающей движущей силой всех важнейших исторических событий, процессов считается труд, производство, способ производства. Наряду с этим признается и особенное в историческом процессе — исторические условия (классовая борьба, взаимоотношения с другими странами, географические и другие особенности и т. д.), а также единичное — деятельность исторических личностей.

Среди «буржуазных» концепций широкое распространение получила плюралистическая интерпретация исторического процесса, когда не признается общая причина исторического развития, а считается, что в обществе действует множество разнопорядковых факторов, которые регулируются многообразием интересов различных социальных организаций и групп.[1]

На каких бы мировоззренческих позициях ни находились историки, все они используют в своих исследованиях научный аппарат, определенные научные категории. Важнейшей среди них выступает категория «историческое время». В этой категории любое событие можно измерить временными и пространственными характеристиками. А история как процесс — это не просто множество рядом расположенных точечных событий, а именно движение от события к событию.

С понятием «историческое время» неразрывно связана периодизация — как форма количественного (временного) обозначения исторических процессов. Первую попытку периодизации всемир-

[1] Например, американский социолог и историк Р. Пайпс и английский историк Т. Самуэли так определили исключительность истории (и место во всемирно-историческом процессе) России: 1. Бедность почвенно-климатических условий, что обусловило патримониальную форму государственного правления. 2. Влияние татаро-монгольского ига, передавшего русскому обществу восточную форму общественного устройства. 3. Заимствование христианства у Византии, которое привело к игнорированию «аналитического разума», к упрочению авторитарной власти. 4. Особые, свойственные русской нации, этнические характеристики. В силу этих причин в России отсутствовала почва для формирования демократических традиций и институтов.

ной истории сделали историки-гуманисты. Средневековье они рассматривали как упадок, прежде всего — упадок культуры, а свое время оценивали как Возрождение.

Идеологи Просвещения (Ж.-Ж. Руссо) делили историю человечества на три периода: естественного состояния, дикого и цивилизованного.

Позже возникли и другие теории периодизации. Английский историк А. Тойнби (30-е гг. XX в.) полагал, что в истории существовали так называемые локальные цивилизации[1] (всего он выделил 21 цивилизацию). Каждая из них проходит стадии зарождения, роста, разложения и гибели.

В марксистской историко-материалистической концепции принято строить периодизацию на основе изменений (смены) способов производства или общественно-экономических формаций, которые последовательно сменяют друг друга.

Историческая наука имеет дело с фактами, которые составляют основу всякого исторического знания. Именно на фактах базируются все представления и концепции. От достоверности фактов зависит восприятие и объяснение исторической действительности, способность постижения сущности исторического процесса.

В исторической науке факт рассматривается в двух смыслах: 1) как явление, имевшее место в истории; 2) как его отражение в исторической науке (факт — знание). Но между ними существует тесная связь. Второе невозможно без первого.

Сами по себе «голые факты» как фрагменты действительности» могут ничего не говорить читателю. Только историк дает факту известный смысл, который зависит от его общенаучных и идейно-теоретических взглядов. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт получает разное толкование, разное значение. Таким образом, между историческим фактом (событием, явлением) и соответствующим ему научно-историческим фактом стоит **интерпретация.** Именно она превращает факты истории в факты науки. Не означает ли такое наличие различных интерпретаций исторических фактов, что исторической истины нет или их несколько? Нет, не означает. Просто меняются наши представления об истине. Движение науки идет как бы от неполной, относительной истины к более полной. Но абсолютной истины, как известно, не существует, поэтому, пока живет общество, не будет написано и «последней главы» истории.

[1] Цивилизация (от латинского гражданский, государственный) — 1) синоним культуры; 2) уровень, ступень общественного развития, материальной и духовной культуры (античная, современная цивилизации); 3) ступень общественного развития, следующая за варварством (Л. Морган, Ф. Энгельс), (см.: Советский энциклопедический словарь. М., 1987. С. 1478).

Историк, как правило, имеет дело с прошлым и не может непосредственно наблюдать объект своего изучения. Главным, а в большинстве случаев единственным источником информации о прошлом для него является исторический памятник, через посредство которого он получает необходимые конкретно-исторические данные, фактический материал, составляющий основу исторического знания.[1]

Все исторические источники можно разделить на 6 групп:

1. Наиболее многочисленная группа источников — это письменные источники (эпиграфические памятники, т. е. древние надписи на камне, металле, керамике и проч.; граффити — тексты нацарапанные от руки на стенах зданий, посуде; берестяные грамоты, рукописи на папирусе, пергаменте и бумаге, печатные материалы и др.).

2. Вещественные памятники (орудия труда, ремесленные изделуя, предметы домашнего обихода, посуда, одежда, украшения, монеты, оружие, остатки жилищ, архитектурные сооружения и т. д.).

3. Этнографические памятники — сохраняющиеся до настоящего времени остатки, пережитки древнего быта различных народов.

4. Фольклорные материалы — памятники устного народного творчества, т. е. предания, песни, сказки, пословицы, поговорки, анекдоты и т. д.

5. Лингвистические памятники — географические названия, личные имена и т. д.

6. Кинофотодокументы.

Изучение в совокупности всех видов источников позволяет воссоздать достаточно полную и достоверную картину исторического процесса.

Подведем итог по первому вопросу. Изучение истории — сложный процесс реконструкции прошлого, состоящий из сплава сообщений источников, собственных представлений ученых об истории, впитавших в себя опыт науки.

---

[1] Под историческими источниками понимаются все остатки прошлого, в которых отложились исторические свидетельства, отражающие реальные явления общественной жизни и деятельности человека. Специальная научная дисциплина об исторических источниках, приемах их выявления, критики и использования в работе историка называется источниковедением.

2. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ (ИНТЕРПРЕТАЦИИ) ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последние годы в общественном сознании заметно меняется отношение к историческому знанию. Наше понимание прошлого, близкого (советский период) и далекого (дооктябрьский период), оценка настоящего и коренящихся в нем тенденций к будущему (какому?), проблема особого пути России в мире — все это актуализирует интерес к истории. Но на фоне этих перемен отчетливо видны три обстоятельства. Во-первых, массовое сознание, как и прежде, тяготеет к мифологическим представлениям о прошлом и настоящем, отвергая попытки теоретического осмысления истории или создавая на почве таковых новые мифы. Мы по-прежнему, говоря словами Пушкина, ленивы и нелюбопытны к собственному прошлому. Во-вторых, обнаружился феномен «белых пятен» в истории, когда мы с удивлением узнаем, что большинство наших исторических сведений являются ложными, не соответствуют тому, что было. И в-третьих, идеализация недавнего прошлого, сопровождавшаяся «очернением» дооктябрьского времени, сменилась прямо противоположной тенденцией к идеализации второго и «очернению» первого. Все это рождает сомнение в возможности объективного, не зависящего от политической или иной конъюнктуры, исторического знания.

По-видимому, эти сомнения порождаются специфическим характером исторической науки, которая в большей степени, нежели естествознание, зависит от идеологической ситуации в обществе и для которой губительна монополия той или иной идеологии на духовное господство в обществе.

Наличие различных подходов к изучению истории объясняет возникновение многочисленных концепций исторического процесса.

Христианская концепция истории

Предпосылки научного понимания истории складывались в русле религиозных представлений о мире, составивших онтологическую основу мировоззрения европейской цивилизации с IV—V вв. до середины XVIII в. включительно.

В рамках религиозных воззрений формировались основные проблемы и идеи исторической науки. Первая из этих проблем —

вопрос о смысле и содержании человеческой (земной) истории. С точки зрения христианства смысл истории заключается в последовательном движении человечества к Богу, в ходе которого формируется свободная человеческая личность, преодолевающая свою зависимость от природы и заданных ею потребностей и страстей, приходящая к познанию конечной истины, дарованной человеку в Откровении. В этом смысле человек выступает уже как продукт собственного исторического развития, а не стихийная сила природы, полностью подвластная слепой судьбе, как это было в античной истории. Освобождение человека, превращение его в сознательного исторического деятеля — основное содержание исторического процесса, как он представлен в христианстве.

Вторая проблема — вопрос о начале и конце истории. Начав отсчет человеческой истории от грехопадения Адама и Евы и изгнания их из рая, христианская историософия подчеркивает качественное различие между исторической жизнью человека и его первобытным существованием, а также фиксирует внимание на хронологической стороне исторического процесса, без чего невозможна наука истории. Идея конца истории, сроки которого скрыты от человеческого разума, имела научное значение в том плане, что накладывала запрет на попытки пророчеств и утопических предсказаний о будущем, ориентировала историческое познание на область реальных фактов и тенденций.

Третья проблема — вопрос о внутренней структуре исторического процесса, закономерно проходящего определенные ступени, которые позднее были интерпретированы как ступени исторического прогресса человечества на пути к свободе. В связи с этим был поставлен вопрос о соотношении общества и природы, о влиянии природной среды на исторический процесс — географических, климатических, этнобиологических условий, в которых совершается история.

Христианская историософия оставила в наследство исторической науке идею всемирной истории, совершающейся под действием универсальных закономерностей, общих для всех народов, включающихся в историческую жизнь. Тот факт, что различные народы живут в разном историческом времени, объяснялся различием сроков принятия христианства, в связи с чем была выделена магистральная линия истории, на которой находятся христианские народы, и тупиковые ее линии, пролегающие по языческой периферии христианского мира.

Рационалистическая (Всемирно-историческая) концепция истории

С началом Нового времени христианская историософия была подвергнута критическому переосмысливанию. Характерное для XVII в. пантеистическое отождествление Бога и природы обернулось мировоззренческим шоком новоевропейского человека, ощутившего себя песчинкой в бесконечной Вселенной, подчинением живой человеческой личности с ее потребностями и целями безличному, объективному Разуму. Долгое время рационализм отрицал возможность научного познания истории, рассматривая последнюю как царство случайности и произвола, насилия и заблуждений, отчуждения и несвободы человека. Отрицание истории в культуре Просвещения (Франция XVIII в.) способствовало появлению идеи революции как прыжка из «истории» в «природу», из царства принуждения и неразумия в царство разума и свободы. Только резкий контраст практических результатов Великой французской революции с утопическими проектами будущего позволил реабилитировать «историю», сделать ее предметом научного и философского анализа.

Отправной точкой создания рационалистической (всемирно-исторической) концепции истории является романтический культ «великой личности» (Шиллер, Фихте, Ф. Шлегель, В. Скотт), нашедший позднее философско- теоретическое обоснование и систематическую форму выражения в философии истории Гегеля и историческом материализме Маркса.

Взаимосвязь духовного и естественного в историческом процессе составляет основную проблему рационалистической концепции истории, предлагая два крайних решения, какими были философия истории Гегеля и исторический материализм Маркса. Но и в том, и в другом случае основные положения этой концепции сохраняют свою силу, а различия, несмотря на их глубину, имеют все же частный характер. И Гегель, и Маркс стоят на точке зрения, что история универсальна, в ней действуют общие и объективные по характеру закономерности. История проходит три ступени. У Гегеля это — восточный (азиатский), грекоримский (античный) и германский (европейский) мир. У Маркса в Предисловии к «Критике политической экономии» — азиатская, античная, феодальная и капиталистическая формации, а в подготовительных рукописях к «Капиталу» — докапиталистическое, капиталистическое и посткапиталистическое общества. Для обоих мыслителей характерен тезис о том, что важнейшим общественным институтом является государство: как наличное бытие нравственной идеи (Гегель) или как политико-юридическая надстройка над экономическим базисом (Маркс). Их объединяет также и интер-

претация исторического познания — в состав его они включают как раздел, связанный с изучением фактической стороны истории, так и теоретико-методологический раздел: философия (Гегель) или социология (Маркс).

Рационалистическая концепция истории имела научное значение в рамках индустриального общества и позволила выявить предпосылки, тенденции и закономерности его становления в той форме, в какой это имело место в Западной Европе. Присущий этой концепции европоцентризм значительно сокращал возможности построения картины всемирной истории, ибо не учитывал особенности существования и развития не только иных цивилизаций (Америка, Азия, Африка), но даже так называемой европейской периферии (Восточная Европа и особенно — Россия). Это обусловило кризис рационализма и необходимость создания альтернативной концепции истории, более отвечающей духу времени и уровню развития науки.

Культурно-историческая концепция истории

В основу культурно-исторического подхода легла идея локальных цивилизаций. Ее суть заключается в том, что история человечества рассматривается как пространство, заполненное самобытными регионально-культурными организмами или локальными цивилизациями. Каждая из них в своем существовании и развитии подчиняется органическому принципу, проходя стадии рождения, становления, расцвета, упадка и гибели. В этом смысле рационалистическая концепция истории оказывалась описанием не всемирной истории, а только одной из локальных цивилизаций — европейской. И даже положение о конце истории, выдвинутое Гегелем и молчаливо признававшееся марксизмом, видевшим в революции скачок в царство свободы, решительный разрыв с прошлым (гибель капитализма — только иное выражение шпенглеровского «заката Европы»), отвечало духу теории локальных цивилизаций. Она несет на себе ощутимую печать органицизма, в данном случае — влияния со стороны дарвиновской теории эволюции видов с ее движущим фактором борьбы за существование и запретом на межвидовое «скрещивание». Локальные цивилизации стремятся к обособленности, контакты между ними рождают конфликты и могут только ускорить гибель одной из них.

Кризис идеи всемирности истории, обусловленный неудачей рационализма в ее обосновании, стал одним из источников этой теории. Другой ее источник — чрезмерное давление теоретической конструкции на область фактических данных, рост которых приводил к дальнейшему противоречию между собственно историческим исследованием и его теоретико-методологическими осно-

ваниями («если факт не укладывается в рамки теории, тем хуже для факта» — Гегель). Специфика исторического факта (его «однократность» и неповторимость, его отнесенность к прошлому и недоступность непосредственному наблюдению и фиксации и т. п. в отличие от фактов естествознания) обусловила появление историко-социологического номинализма, утвердившего принципиальное различие между науками о природе и науками о духе. Причем в констатации этого обстоятельства сходились представители таких диаметрально противоположных течений, как неокантианство (Г. Риккерт) и философия жизни (А. Бергсон). Вообще, оба эти направления в философии, первое из которых утверждало самоценность и автономность культуры перед лицом жизненной стихии, а второе — приоритет жизни перед культурой как миром мертвых, окаменевших форм прошлого исторического опыта, тяготевшего над современностью, сыграли решающую роль в становлении теории локальных цивилизаций. Третий источник — тенденция перерастания европейских государств того времени в империи — многонациональные образования, объединенные общностью языка, территории и того жизненного духа («воли к власти» — Ницше), который питал стремление к росту за счет поглощения слабого, к борьбе за существование и передел мира и проявлялся в откровенно расистских и геополитических концепциях германских, французских, английских, российских («евразийство») историков и философов, в идеализации варварства («нибелунги» в немецкой культуре, «скифы» и «гунны» в поэзии русских символистов и т. д.).

Более или менее законченную разработку теория локальных цивилизаций получила в работах историков Н. Данилевского (Россия), О. Шпенглера (Германия) и А. Тойнби (Англия). Научное значение этой теории заключалось в том, что она вскрыла ограниченность рационалистической концепции истории и дала толчок для дальнейшего развития исторической науки, обретения ею теоретической самостоятельности, а также способствовала развитию этнографических исследований народов Америки, Африки, Австралии, Полинезии и др., находящихся на первобытной ступени общественного развития. Эта теория способствовала преодолению европоцентризма, создала предпосылки для непредвзятого, объективного изучения иных культур. Тем самым была существенно расширена предметная область исторических фактов, на основе чего возникли новые подходы к решению проблемы всемирности истории, в частности, вопроса о месте России в мировой истории.

В связи с кризисом господствовавшей в нашей науке марксистской концепции истории внимание научной общественности привлекает цивилизационный подход. Понятие цивилизации зача-

стую рассматривается как некая замена базовому для марксизма понятию общественно-исторической формации. С нашей точки зрения, такая замена выглядит чисто формальной процедурой, мало что меняющей в содержании философско-исторических представлений и лишь имитирующей отход от марксизма. Во-первых, само понятие цивилизации возникло и разработалось в рамках рационалистической концепции истории, заключавшей в себе (в том или ином наборе) существенные элементы цивилизационного подхода (теорию гражданского общества, правового государства, учение о роли экономики в общественном процессе). Во-вторых, выше мы уже анализировали опыт теории локальных цивилизаций, в рамках которой понятие цивилизации жестко противопоставлялось понятию формации. И в-третьих, существуют удачные попытки синтеза формационного и цивилизационного подходов, представленные, например, трудами современного французского историка Ф. Броделя, разработавшего модель «глобальной истории».

В последние годы большой интерес вызывают работы русского историка Л. Н. Гумилева. Опираясь на установки теории локальной цивилизации (прежде всего на работы Н. Данилевского и историков «евразийского» направления), он рассматривает в качестве базовой структуры исторического процесса этнос — общность людей, населяющих определенную территорию и объединенных действием пассионарного духа (биопсихической энергии, рождаемой сочетанием собственно этнических, географических, климатических условий жизни этой общности). Под влиянием пассионарного духа этнос выходит из состояния равновесия с окружающей природой и социальной средой, обретает историческую динамику. Он ведет завоевательные войны, создает государство и культуру. По мере затухания пассионарной энергии, растрачиваемой в исторической деятельности, этнос снова растворяется в природной и социальной среде, становится добычей иных, поднимающихся цивилизаций, поглощается ими, часто бесследно исчезает, входя в состав нового этноса (суперэтноса).

Так, в истории России он выделяет две цивилизации. Первая — Древняя Русь, киевско-славянский суперэтнос, существовавший в бассейне Днепра. Фаза затухания его пассионарной энергии пришлась на XII—XIII вв., когда он распался под ударами татаро-монгольских кочевых племен. Вторая — Московско-Петербургская Россия, великорусский этнос, возникший в XIV в. из обломков славянского суперэтноса, финно-угорских племен и части монгольских завоевателей, ушедших из Золотой Орды.

Историческая концепция Л. Н. Гумилева — своеобразная реакция исторической науки на засилие в ней вульгарного экономико-социологического детерминизма, по существу не только иг-

норировавшего роль духовной культуры в развитии общества, но и вырвавшего это развитие из природной среды, пренебрегшего, помимо всего прочего, этническим компонентом истории. Л. Н. Гумилев восстанавливает насильственно прерванную связь с традицией русской исторической науки начала XX в.

Определенная слабость его концепции—чрезмерный органицизм, связанный с прямым переносом модели биогеоценоза, выработанной русскими биологами-дарвинистами нашего века (К. Тимирязев, А. Северцев, И. Шмальгаузен), на исторический процесс, в результате чего в тени, на втором плане остается роль духовной культуры в развитии общества. Это приводит к прямому оправданию насилия в истории, к игнорированию нравственного аспекта в деятельности великих личностей (например, Чингисхана, тут же напрашивается историческая параллель — И. В. Сталин), к невозможности дать им моральную оценку. Но эти недостатки, скорее всего, выражают не личные взгляды великого русского историка, а являются неизбежной платой за перерыв традиций исторической науки в России и будут критически преодолены в ходе ее последующего развития.

3. РОССИЙСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ И ИХ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Первыми письменными источниками по истории нашего отечества являются летописи. «Откуда есть пошла Русская земля?» — с этого вопроса восемь с половиной веков назад начинал свой обзор отечественной истории древнерусский летописец Нестор (XI — начало XII вв.), автор первой редакции «Повести временных лет». Шли века, менялись поколения летописцев, создавались общерусские летописные своды и писались областные летописи, содержащие огромный материал о сотнях исторических деятелей, описания сражений, битв и испытаний, обрушившихся на княжества, на народ, и все это было выражением закономерности развития русской истории — преодоления раздробленности, единения русских земель, завершившегося созданием централизованного государства.

С образованием Российского государства с центром в Москве появилась потребность определить его место среди других стран. Предпринимается попытка обосновать происхождение царского самодержавия, доказать его незыблемость и вечность. В 1560—63 гг. появилась «Степенная книга», в которой история страны изображена как серия сменяющих друг друга княжений и царствований.

Обоснование сильной государственной и монаршей власти потребовалось и в период образования империи при Петре I. Он прямо заявил о необходимости всем его подданным «ведать Российского государства историю». Реализуя это пожелание, один из «птенцов гнезда Петрова» — Василий Никитич Татищев (1686—1750) в своем труде «История Российская с самых древнейших времен» (в 4-х книгах) — предпринимает первую попытку создания обобщающей работы по истории России. В. Н. Татищев был не только современником петровских преобразований, но и активным их участником, что определило и его концепцию. Он рассматривает политическое развитие России под углом борьбы монархии с аристократией, доказывает полезность самодержавия и вред аристократического правления, убеждает читателя в благости «монаршего правления», воспитывая подданных в духе покорности царю. В. Н. Татищев ввел в научный оборот много новых источников: «Русскую правду» (свод древнерусского феодального права), «Судебник 1550 г.», ряд летописей.

История В. Н. Татищева содержит обзор событий от скифских времен до конца XVI в. — правления Ивана Грозного. Изложение носит двойственный характер. Первые две части поднимают ряд общих проблем: о древнейшей истории народов Восточной Европы, о славянской письменности, о происхождении госу-

дарства и его формах и т. д. Последующие две части приближаются к типу сводной летописи. На основе данных из разных летописных текстов дается изложение политической истории России в хронологической последовательности.

Таким образом, в эпоху Петра I происходит осмысление истории России как истории государства Российского.

Крупнейшим представителем русской исторической школы является русский писатель, историк Николай Михайлович Карамзин (1766—1826). Основоположник русского сентиментализма, автор «Писем русского путешественника», «Бедной Лизы», «Рассуждений философа, историка и гражданина» и др., издатель популярных журналов («Московский журнал» 1791—1792 гг. и «Вестник Европы» 1802—1803 гг.) свой главный труд посвятил истории («История государства Российского» в 12-ти томах). Концепция «государственника» Н. М. Карамзина следующая: Россия — громадная страна, «мира половина», и потому государственным строем ее должна быть монархия. Это не отвлеченная и умозрительная теория, за ней стоит опыт истории России, в котором некогда русское самодержавие сыграло определенную прогрессивную роль, способствуя объединению России и сплочению в единое государство различных феодальных земель, осуществляя в лице Петра I важные государственные преобразования. Успехи самодержавия, по Карамзину, определяли благосостояние Руси, периоды упадка самодержавного режима были чреваты для страны бедами.

История, по мнению Карамзина, должна была учить и царей. На примерах правления русских монархов — положительных и отрицательных — он хотел учить царствовать. Для этого он, вслед за Монтескье, дает определение самодержавия, подчеркивая его обязанности перед народом. «Предмет самодержавия есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу».

Этап в развитии русской исторической науки в XIX в. связан с именем Сергея Михайловича Соловьева (1820—1879). Самым значительным по содержанию и обилию использованных источников является его труд «История России с древнейших времен» в 29-ти томах, где рассматривается развитие российской государственности от Рюрика до Екатерины II. С. М. Соловьев считал государственность основной силой общественного процесса, необходимой формой существования народа, который немыслим без государства. Однако успехи в развитии государства он не приписывал царю и самодержавию. Его мировоззрение сформировалось под влиянием гегелевской диалектики, которая признавала внутреннюю обусловленность и закономерность исторического процесса.

В отличие от предшественников Соловьев предовал значение в истории природе, географической среде. Он считал: «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают».

Объясняя каждое явление в истории внутренними причинами, Соловьев показывал все явления во взаимосвязи с другими, стремился «показать связь между событиями, показать, как новое проистекало из старого, соединить разрозненные части в одно органическое целое...». В соответствии со своей концепцией истории он выделял четыре крупных раздела:

I. Господство родового строя — от Рюрика до Андрея Боголюбского.

II. От Андрея Боголюбского до начала XVII в.

III. Вступление России в систему европейских государств — от первых Романовых до середины XVIII в.

IV. Новый период истории России — от середины XVIII в. до великих реформ 1860-х годов.

Последователем идей Соловьева был Василий Осипович Ключевский (1841—1911). В «Курсе русской истории» в пяти томах В. О. Ключевский первый среди российских историков отошел от периодизации по царствованиям монархов. По Ключевскому—история делится на периоды, исторические вехи: Днепровский, Верхневолжский, Московский или Великорусский, Всероссийский.

Теоретическое построение Ключевского опиралось на триаду: «человеческая личность, людское общество и природа страны». Основное место в «Курсе русской истории» занимают вопросы социально-экономической истории России. Ключевский, описывая структуру российского общества, основой деления на классы считал различные виды хозяйственной деятельности, разделение труда (земледельцы, скотоводы, купцы, ремесленники, воины и т. д.). В понятие «народ», в отличие от последующих историков (марксистов), он не вкладывал социального содержания (не выделял трудящихся и эксплуататоров). Термин «народ» Ключевский употреблял в смысле этническом и этическом. Ключевский ставил вопрос об общеисторическом процессе, в котором каждая местная история имеет своеобразие. Высшим достижением национального и морального единства народа, по мнению Ключевского, является государство как орган бесклассовый и общенародный, защищающий национальные интересы.

Труд Ключевского привлекает яркими характеристиками исторических деятелей, оригинальной трактовкой источников, широким показом культурной жизни русского общества.

Распространение марксизма в конце XIX в. вызвало волну новой интерпретации фактов русской истории. В этой концепции

исходной точкой является социально-экономический детерминизм в изучении истории, что определило трактовку исторического процесса как смену социально-экономических формаций, основное содержание которого — борьба классов. История производства и идеологии, государства и права, политических событий и религии, науки и искусства определялась центральным тезисом — приматом классовой борьбы.

Марксистская концепция отечественной истории, с благословения В. И. Ленина, была создана большевиком Михаилом Николаевичем Покровским (1868—1932) и впервые нашла отражение в работе «Русская история в самом сжатом очерке»,[1] а затем изложена в его фундаментальном труде «Русская история с древнейших времен» в 5-ти томах.

М. Покровский считается родоначальником школы советских историков. Эта школа является единственной у нас в стране до сегодняшних дней. В основе всех учебников, множества исторических трудов, изданных в советское время, лежит марксистская, историко-материалистическая концепция понимания истории. Под схему закономерности смены социально-экономических формаций большевики подводили факты русской истории с соответствующей интерпретацией. Вся история была разбита на пять формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. В основе их смены лежит противоречие между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, разрешение которого приводит к изменению способа производства. Главной движущей силой исторического процесса марксисты объявили бескомпромиссную классовую борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми, а руководителем угнетенных (при капитализме) — пролетариат. Орудием построения социализма должно было стать государство диктатуры пролетариата.

Сегодня стала очевидной невозможность, базируясь только на формационной теории Маркса, объяснить исторический процесс, причинно-следственные связи явлений и событий. Практика XX в. не подтвердила основной вывод теории о неизбежности гибели капитализма и победе социалистической революции.

Несмотря на господство в советской историографии вульгарного марксизма, ряд историков работал, плодотворно решая многие проблемы: этногенез славян, зарождение и развитие российской государственности, история русской культуры и др.

Начальные века русской истории изучали Б. А. Рыбаков, А. П. Новосельцев, И. Я. Фроянов, П. П. Толочко, Л. Н. Гумилев;

[1] Работа М. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» получила высокую оценку В. И. Ленина, призвавшего «Разработать подробнее марксистское понимание русской истории» (ПСС. Т. 1. С. 365).

эпоху средневековья — А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, Д. А. Альшиц, Р. Г. Скрынников, А. Л. Хорошкевич; эпоху петровских преобразований — Н. И. Павленко, В. И. Буганов, Е. В. Анисимов; историю русской культуры — Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, А. М. Сахаров, Б. И. Краснобаев и др. Не случайно, многие работы указанных авторов публиковались и получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

В настоящее время вместе с оживлением интереса в обществе к русскому богословию возрождаются работы авторов христианской концепции — Г. Флоровского, Н. Канторова, А. Нечволодова.

Как ранее отмечалось, историческая концепция Л. Н. Гумилева явилась своеобразной реакцией исторической науки на засилие в ней вульгарного экономико-социологического детерминизма. Лев Николаевич Гумилев (1912—1992), действительный член Российской академии естественных наук, доктор географических и доктор исторических наук, создал новое направление науки — этнологию, лежащую на стыке нескольких отраслей знаний: истории, этнографии, психологии и биологии. Л. Гумилев писал о гуннах, торках, хазарах, монголах, русских. Он опубликовал более двухсот статей и десяток монографий: «География этноса в исторический период», «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая степь», «От Руси до России» и др.

Имеется также ряд интересных трудов по истории советского общества. Однако в силу доминирования историко-материалистического подхода (ранее историки прославляли, а сегодня «очерняют» большевиков) пока не удалось создать многоконцептуальной истории России XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев Ю. Перестройка и историческое знание // Иного не дано. М., 1988. С. 491—508.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гуревич А. Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3.

Дьяков В. А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

Егоров В. К. История в нашей жизни. М., 1990.

Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Лекция 2. ДРЕВНИЕ НАРОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

ПЛАН

1. Историографические подходы к теме.
2. Этническая и политическая панорама Восточно-Европейской равнины и Сибири в 1 тысячелетии до н. э. — 1 тысячелетии н. э.
3. Великое переселение народов.

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕМЕ

На территории нашей страны движение и контакты этносов[1] начались задолго до российской государственности. Россия унаследовала многие тенденции, сложившиеся до нее — в том числе и непрерывную динамику межэтнических связей. При изучении российской истории не следует обходить вниманием древние народы, заселявшие когда-то Восточную Европу и Сибирь.

В части работ история России рассматривалась исключительно как история русского народа. Такой подход был свойственен даже грандам исторической науки — Н. М. Карамзину, С. М. Соловьеву, В. О. Ключевскому. Школа государственников упоминала другие народы, в основном, в связи с внешней политикой Русского государства, хотя ею признавался факт вливания в состав русского этноса некоторых финно-угорских племен.

Лишь в конце XIX — начале XX веков стали появляться работы, рассматривавшие историю России как историю многонационального государства. Часть этих работ была написана с рационалистических, европоцентристских позиций.

Публиковались и книги православных авторов. Один из них — А. Нечволодов — в своем объемном издании «Сказания о земле Русской» трактовал нашу историю как историю народа, наделенного Божественным призванием, видя ее корни в далеких библейских временах и включая в нее всю докиевскую древность. При этом к предкам славян причислялись скифы, гунны и другие народы.

[1] Этнос — человеческое общество, развивающееся в конкретных биосферных и социосферных условиях. «Этнос» — термин, вбирающий в себя характеристики, универсальные для того или иного социобиосферного сообщества, независимо от исторической стадии его развития: род, племя, народность, нация.

В это же время вышли первые труды представителей российской исторической мысли, получившей название евразийства. К евразийской школе относились не только историки и работавшие над исторической тематикой публицисты — Г. В. Вернадский, Н. С. Трубецкой, В. Н. Ильин, Г. В. Флоровский, но и специалисты по географии, философии, востоковедению и другим отраслям знания. Отвергавшие рационализм западного типа евразийцы рассматривали Россию как целый историко-географический континент с особой судьбой. Они считали, что российские истоки — не только в Европе, но и в Азии, пристально изучали роль Востока в истории России. Евразийцы впервые обратили внимание на Восточно-Европейскую равнину как на некий «котел» для этнических «переплавок», выдвинув тезис «Россия — это соборность наций».

Наследие евразийцев заметно отразилось в творчестве историка и этнолога Л. Н. Гумилева, написавшего большое количество работ, посвященных истории древних народов. Особое внимание он уделял проблеме межэтнических контактов, в том числе и в российской истории, утверждая, что россияне — это этнос, сложившийся из трех компонентов: славян, финно-угров и татар.

Интересные взгляды, перекликавшиеся с теоретическими построениями евразийцев, высказывал русский историк Н. И. Ульянов, работавший в 50—80-х годах в университетах Франции и США. Он считал, что «если существуют законы истории, то один из них надо усматривать в географических очертаниях Государства Российского» и отмечал факт образования российского жизненного пространства задолго до появления Руси: «Она велика от рождения, а не в силу завоевания. Создание империи рюриковичей, как оно изложено в летописи, похоже не на завоевание, а на государственный переворот. Князья покоряли не свободные народы, а перенимали власть над ними от прежних державцев. «Не дайте хазарам, дайте мне», — говорил им Олег. Самим народам, видимо, было безразлично — платить ли хазарскому кагану или новгородскому конунгу».

Концепции евразийцев активно разрабатывались в 20—30-х годах в условиях эмиграции. В этот период в официальной советской науке монополией владели сторонники формационно-классового подхода, жестко критиковавшие евразийцев, называя их «националистами и православными мистиками». Критике подвергались также школы государственников и «федералистов» (В. Костомаров, М. Грушевский). Глава марксистской историографии М. Н. Покровский говорил, что «понятие национальности заслонило у них классовую борьбу». Историки-марксисты в истории всех народов видели, прежде всего, «историю развития материальных производительных сил и соответствующих им, от воли людей не зависящих, производственных отношений». По их мнению, борьба

классов, начиная с разложения родовой общины, определяла ход человеческой истории — в том числе и развитие национальных процессов. Этнологию объявляли «продуктом реакционной буржуазной науки». Существенно, что при этом марксистская историческая школа в своих построениях последовательно проводила европоцентризм и однолинейную схему исторического процесса.

Отдавая «ритуальную» дань марксистской традиции, советские историки накапливали разнообразные методы и подходы к изучению и освещению истории древних народов. Начиная с 40-х годов, развернулась продуктивная переработка немалого фактологического материала, активизировались археологи, этнографы, этнолингвисты, антропологи, специалисты по отечественным и зарубежным письменным источникам. Были сделаны крупные практические и методологические шаги для воссоздания этнической и политической картины в Восточной Европе в докиевский период. Особый вклад в это внесли такие ученые как П. Н. Третьяков, Д. К. Зеленин, Ф. П. Филин, М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, В. В. Мавродин, О. Н. Трубачев, С. А. Плетнева, В. В. Седов и некоторые другие.

В настоящее время этнографические, археологические, теоретические изыскания продолжаются. Тематика, касающаяся древних народов на территории нашей страны, постоянно обогащается и расширяется.

2. ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ И СИБИРИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н. Э. — I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

С глубокой древности юг Русской равнины был областью расселения различных народов. Первыми обитателями Северного Причерноморья, имя которых сохранила письменная история, были киммерийцы, жившие здесь в VIII—VII веках до н. э. и представлявшие собой сильный союз племен. Древнегреческий историк Геродот упоминал в своих сочинениях и другие племена, обитавшие в этом регионе.

С VII века Северное и Восточное Причерноморье привлекало выходцев из Греции, основавших там немало колоний: Ольвию, Херсонес (Корсунь в русской летописи, расположенную близ нынешнего Севастополя), Феодосию, Пантикапею, Финагорию, Танаис. Эти города были значительными торговыми факториями. Торговля процветала на базе развития земледелия, ремесел, рыболовства. Политическим центром региона была Пантикапея, находившаяся на берегу Керченского пролива (греки называли его Боспором Киммерийским) и являвшаяся долгое время столицей Боспорского царства — единственного в Северном Причерноморье

крупного государства в то время. Отличительной чертой жизни в причерноморских городах был высокий уровень материальной и духовной культуры. Благодаря археологии до нашего времени дошли шедевры античных ремесел, скульптуры, мозаики, литературы.

В истории среди многих народов особое место всегда отводилось скифам. В представлении русских историков и литераторов скифы оказывались то нашими предками, то их ожесточенными противниками. Главные сведения о скифах дают археология и книги Геродота. Образовавшись в Азии, этот народ к VIII веку до н. э. распространился до северных берегов Черного моря. Он представлял собой большое племенное объединение и занимал в VII—V веках до н. э. среднее и южное Поднепровье, Нижний Дон, Кубань и Тамань. Могущественная Скифская держава сумела противостоять военно-политическим претензиям персов и македонян.

У скифов было развитое хозяйство в виде земледелия, скотоводства и ремесел. Они активно торговали с греческими колониями. Знаменитые скифские курганы донесли до нас свидетельства яркой и своеобразной культуры.

Известный поэтический образ скифов как «азиатов с раскосыми и жадными очами», созданный А. Блоком, не соответствовал действительности: антропологические материалы доказывают, что никаких монголоидных черт у скифов не было. Они являлись типичными европеоидами. По языку принадлежали к североиранской группе. Из ныне существующих народов ближе всех к ним по языку находятся осетины — потомки сарматов, ближайших родственников скифов.

Сарматы и скифы оказались непримиримыми соперниками. Перейдя в южнорусские степи из Западной Азии во II веке до н. э., сарматы разбили скифов в истребительной войне и заняли земли Причерноморья и Прикаспия. В течение нескольких последующих столетий остатки скифов растворились в среде новых пришельцев — сарматов, аланов, готов. По версии академика Б. А. Рыбакова, часть скифов была ассимилирована славянами. Соприкосновение славянского языка с языком скифо-сарматских потомков обогатило русскую лексику.

Одновременно с сарматами, но с другой стороны — из Прибалтики, в Южнорусские степи пришло германское племя **готов**, вступив в соперничество с сарматами и аланами. Военно-политический перевес готов проявился только через несколько веков. В IV веке н. э. их вождь Германарих образовал царство, раскинувшееся от Дуная до Дона и Кубани. Готской власти подчинилось разноплеменное население. Государство готов просуществовало недолго, пав под ударами гуннов.

Воинственные **гунны**, оттеснившие готов на запад, были вы-

ходцами из монгольских степей, откуда они откочевали через Забайкалье сначала в Западную Сибирь, где вошли в военно-дипломатический союз с вогулами (манси), а затем — в Причерноморье. В византийских источниках гунны представлены «племенем, превосходящим всякую меру дикости, не знающим огня и хлебопашества». Мощный союз гуннских племен под главенством их вождя Аттилы во 2-ой половине IV века ворвался в Европу, производя опустошения среди встречных народов. Имя гуннов впоследствии долго сохранялось как синоним варварства, необузданной воинственности и жестокости. Провоевав в Европе около 80 лет, гуннский племенной союз распался. Одна часть племен, оставшись на Дунае и в Причерноморье, постепенно была ассимилирована их соседями. Другая часть ушла обратно на восток, где также «потерялась» в круговороте этнических и политических перемен.

В середине VI века на Алтае и в Монголии сложился обширный и влиятельный **Тюркский каганат**, военным путем расширивший свою территорию до Китая, Аму-Дарьи и Нижнего Дона. При распаде каганата образовались тюркские племенные союзы, некоторые из них — аварский, хазарский и булгарский — создали развитую государственность.

Авары в VI веке повторили путь гуннов из Азии в Центральную Европу — в район между Дунаем и Карпатами, где и было образовано аварское государство, просуществовавшее до начала IX века. Движение авар через южнорусские степи сопровождалось ожесточенными столкновениями со славянами. Поработив часть славянских племен, авары («обры» в славянском варианте) подвергали их жестокому угнетению, о чем с горечью рассказывается в «Повести временных лет».

Воинственность авар толкала их на конфликты с Византией, с баварцами, с франками. Принесшие массу беспокойств соседним народам и государствам, авары в IX веке внезапно исчезли, поголовно вымерев от тяжелой эпидемии. Их гибель нашла на Руси отражение в поговорке: «Погибоша аки обри».

Около VII века в прикаспийской части Северного Кавказа и на Нижней Волге сложилось **Хазарское государство.** В течение двух веков власть хазар распространилась на Крым, Приазовье и Среднюю Волгу. Хазары считали себя прямыми наследниками Тюркского каганата, своего правителя называли каганом. В Хазарии было построено несколько крупных городов: Беленджер на реке Сулак, Семендер (возле современного Дербента), Итиль на Волге (столица, население которой отличалось этнической пестротой и достигало 100 тысяч человек), Таматарха и Финагория на Тамани, Саркел и др. Развитие городов отражало характер хазарской экономики, которая держалась не столько на традиционном

для тюрок скотоводстве, сколько на использовании географических выгод и контроле торговых путей с Востока и из Византии к славянам, балтам и финнам. Взимание больших таможенно-транзитных пошлин составляло важную статью доходов кагана. Значительные средства казне давало взимание дани с соседних народов: со славянских племен — полян, северян, вятичей, радимичей, а также с жителей Боспора, северокавказских племен, буртасов, эрзи, черемисов, булгар и сувар.

И кагану, и купеческой верхушке Хазарии крупные барыши приносила работорговля, заставлявшая охотиться за «живым товаром». Невольниками часто становились славяне. Эти источники прибыли определяли паразитарный характер хазарской экономики.

Тесно связана была с принципами экономики Хазарии ее внешняя политика. Но этими принципами ущемлялись соседи хазар, что неизбежно вело к обострению отношений. Некоторое время Хазарский каганат владел политической гегемонией на Русской равнине. В вассальной зависимости от него находилась Волжская Булгария. До середины X века организовать результативный отпор хазарам не удавалось и Киевской державе. Орудиями хазарской политики были наемное войско и дипломатические интриги, направленные в числе прочего на сталкивание печенегов и византийцев с Русью. Напряженными были отношения Хазарии с Арабским Халифатом, нанесшим ей ряд военных ударов. Обострялись споры и с Византией по поводу смежных районов в Крыму.

Враждебные отношения с христианскими и мусульманскими соседями привели хазарское правительство в начале IX века к серьезному политическому шагу — официальному принятию иудаизма — религии, в одинаковой мере холодно воспринимаемой и в Византии, и в Халифате. Каган Обадия, обращаясь в иудейство, надеялся на укрепление своих позиций за счет поддержки влиятельной иудейской торгово-ростовщической верхушки.

Надежды кагана, однако, не оправдались. До принятия иудаизма в Хазарии наблюдалась религиозно-этническая пестрота, но и новая религия с ее догматом избранности не могла объединить все народы, входившие в состав каганата. Иудаизм оторвал кагана и его итильское окружение от провинциальной знати и еще дальше развел с народом. Против правительства образовалась своеобразная христианско-мусульманско-языческая фронда. Междоусобицы сильно ослабили государство, что усугубилось проникновением в его пределы кочевых орд мадьяров и печенегов. Часть Хазарии отошла к арабам. Началась война с заметно окрепшей Русью.

В 965 году киевский князь Святослав нанес тщательно спланированный и мощный удар по Хазарии, от которого она уже не

смогла оправиться. В X веке сын Святослава Владимир подавил остатки хазарской государственности. Распалась и этническая система Хазарии. Потомки тюрко-хазар смешались с другими тюркскими народами, частично влились и в состав русского этноса. Иудео-хазары эмигрировали в Западную Европу, а частью рассеялись по окраинам каганата. Их потомки в виде небольших этнических групп сохранились в Дагестане (горские евреи) и в Крыму (караимы).

Булгарские племена по языку были родственны аварам и хазарам. Около VII века булгары разделились на четыре группы. Две из них кочевали в Приазовье и Северном Кавказе, приняв позже участие в этногенезе балкарцев и некоторых других народов. Третья группа отправилась на Балканы, где слилась с дунайскими славянами, передав им свой этноним. Четвертая перекочевала в Среднее Поволжье, где подчинила ряд местных финно-угорских племен. Здесь было создано государство Волжская Булгария.

У волжских булгар кроме скотоводства за счет заимствования навыков у соседей и перехода к оседлости развились пашенное земледелие и различные ремесла. Столица — город Булгар — являлась крупным торговым пунктом, связанным с Русью, северными племенами, южными и восточными кочевниками. Прочные связи у булгар установились со Средней Азией, которые укрепились после принятия ими ислама.

Волжская Булгария была многонациональным государством. Булгары и финно-угры чересполосно занимали одни и те же районы, частично ассимилируясь, причем взаимно. Современное чересполосное сосуществование марийцев, мордвы, чувашей, татар уходит корнями в то далекое время. Численно булгары преобладали. Это государство шло в рост до тех пор, пока в XIII веке не подверглось разгрому со стороны монголо-татар. После этого название «булгары» в Поволжье стало постепенно исчезать в условиях ассимиляторских процессов. Но не исчез народ, когда-то носивший это имя: потомками волжских булгар являются чуваши и казанские татары. Булгарский элемент заметен в процессе формирования башкир, марийцев, удмуртов.

В IX веке в Днепровско-Донском междуречье появились **печенеги**, сразу же заявив о себе как об активной военно-политической силе. Они воевали с мадьярами, хазарами и Русью. Первое столкновение русских с печенегами было в 915 году, после чего был заключен мир. В 944 году князь Игорь привлек печенегов к совместному походу на Византию. Воевать с печенегами было трудно: они были необычайно подвижны и практически неуловимы. Со своей стороны, печенеги легко поднимались в походы против любой страны, грабеж который принес бы им выгоду.

Чаще всего их использовали византийцы, хотя и им печенеги нередко досаждали. По некоторым данным, печенеги участвовали в походе Святослава на Хазарию. Но уже через 3 года после этого византийцам удалось стравить печенегов с русскими. Затяжной конфликт привел к окружению печенегами отряда Святослава на днепровских порогах в 971 году. Святослав был убит.

После этого наступление печенегов на Русь усилилось, началась изнурительная борьба. Печенеги грабили Русь, вмешивались в княжеские междоусобицы. Это длилось до 1019 года, когда Ярослав Мудрый нанес им серьезное поражение. Напор печенегов после этого ослабел. В 1036 году Ярослав повторил успех у стен Киева, фактически уничтожив печенежскую опасность. Вместе с тюрками и берендеями печенеги стали вассалами Руси. В середине XII века эти три этноса объединились в союз, получивший в русской летописи имя Черных Клобуков. Монголо-татарское нашествие привело к полной потере их самостоятельного значения и поглощению другими народами.

В XI веке из степей Прииртышья и Восточного Казахстана через Поволжье к южной границе Руси подошли **половцы** (куманы), заняв берега Среднего и Нижнего Донца, где имелись удобные пастбища для кочевого скотоводства. Весь XI век половцы осваивали степь, захватывая новые земли и переходя с места на место, узнавая наиболее удобные стойбища, рыбные и охотничьи промыслы, водные и сухопутные пути торговых караванов, от которых получали немалые пошлины.

Половцы сразу же вошли в соприкосновение со славянским миром. Свое имя они получили от русских, которые назвали их так за светлые волосы и голубые глаза (от слова «полова» — солома). Обычаи половцев выглядели в глазах русичей весьма своеобразными. В пищу половцы употребляли «хомяки и сусолы» — по выражению русского летописца, пораженного этим фактом. У половцев существовал выраженный культ рода. Умершим родичам на могилы они ставили стелообразные каменные скульптуры. Постепенно половецкие мастера достигли необычайного искусства, изготовляя известняковые и мраморные скульптуры, максимально приближенные к оригиналу. Десятки тысяч статуй стояли на курганах и майданах, на перекрестках дорог и берегах рек. Вплоть до XVII века они были необходимой частью и украшением степного пейзажа (с тех пор многие скульптуры были уничтожены, несколько тысяч попало в музеи).

К середине XII века ареал половецких кочевий простирался от Днепра до Волги. Половцы представляли собой к тому времени военно-политическую силу, с которой считались и Русь, и Византия. Русским приходилось много воевать с ними. В начале XII века сокрушительное поражение им нанес Владимир Мономах.

Разоренные половцы отступили за Волгу и за Урал, часть их ушла в Закавказье, где поступила на военную службу к грузинскому царю Давиду Строителю, еще одна часть откочевала в Приднепровье. Два половецких хана — Боняк и Тукорган — объединили приднепровские орды, продолжая набеги на Русь, грабя ее окраины. Эти ханы вошли в русский фольклор как заклятые враги, получив в сказаниях и былинах имена Буняки Шолудивого и Тугарина Змеевича.

Русско-половецкие контакты были постоянными и разнообразными. Летопись пестрит описаниями взаимных набегов, битв, миров, совместных походов, брачных союзов. Половцы находились под сильным влиянием русской культуры, нередко носили русские христианские имена. Со вступлением Руси в полосу раздробленности половцы активно вмешиваются в княжеские усобицы. Стремясь освободиться от назойливого внимания степняков, новгород — северский князь Игорь Святославович — герой «Слова о полку Игореве» — в 1185 и 1191 годах организовал антиполовецкие походы, которые кончились крупной неудачей.

Первыми в Европе, испытавшими силу удара монголо-татар, были донские половцы, возглавляемые Юрием Кончаковичем. В битве на Калке в 1223 году они потерпели разгромное поражение. Не помогла и помощь русских дружин. Несмотря на отчаянное сопротивление монголам, половцы были разбиты и рассеяны. Уцелевшие роды ушли на Дунай под покровительство Венгерского королевства и в Египет для службы в мамлюкской гвардии султана. Оставшиеся половцы были переселены завоевателями в Поволжье и включены в Золотую Орду, где смешивались с монголами и родственными тюркскими племенами. Имя половцев исчезло, но их потомки живы в составе казахского, башкирского и других этносов.

С первых лет истории восточные славяне жили на одних территориях с **финно-угорскими** и **балтскими племенами**. «Повесть временных лет» перечисляла народы, которые отдавали дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь. Никоновская летопись прибавляла к числу данников Руси мещеру. Все эти племена поддерживали активные хозяйственные связи со славянами, часто вступали в военно-политические союзы. Шли процессы культурно-бытового заимствования, заключались межплеменные браки. Некоторые финские (меря, мещера, мурома) и балтские (голядь) племена полностью растворились в славянском этническом массиве.

Среди историков и этнографов признается роль финно-угров в формировании как древнерусского этноса, так и великорусской народности. Но степень их влияния на русский этногенез оценивалась по-разному. М. Н. Покровский заявлял: «В жилах велико-

россов течет 80% финской крови». Противоположной точки зрения придерживался Д. К. Зеленин, отрицавший ассимиляцию славянами финнов и считавший, что славяне только оттеснили финнов с ареала их обитания. Обе точки зрения являются крайними. Ближе к истине находились сторонники взвешенного подхода — В. О. Ключевский, В. В. Мавродин и др.

Взаимовлияние славян и финно-угров отрицать невозможно. При этом славянский элемент доминировал. Ассимиляция шла мирно. Волны славян — переселенцев перекатывались через финно-угорские поселения, оставляя рядом с ними славянские деревни, села, хутора. Смешанные браки сопровождались переходом целых родов у мерян, мещеры, муромы на русский язык.

Меряне в 1 тысячелетии заселяли территорию на месте нынешних Москвы, Ярославля, Костромы, Иванова, Владимира, Суздаля. В этих краях русско-мерянское двуязычие сохранилось кое-где в глухих углах еще в начале XVI века. Ассимиляционные процессы были характерны как для мещеры и муромы, обитавших на Оке, так и для северных финно-угров: веси, карелы, чуди, ижоры, а позднее — для поволжских и зауральских: зырян (коми), пермяков, мордвы, удмуртов, марийцев, остяков (ханты) и вогулов (манси). Большинство финно-угров крестились по православному обряду, брали русские имена и фамилии. В карельских рунах русские назывались братьями. Финно-угры участвовали в русских военных походах в Византию, в Швецию, в битвах против тевтонских и ливонских рыцарей. Немало финнов находилось в ближайшем окружении киевского князя и местных князей.

Финно-угорское влияние отчетливо просматривается в российской географической топонимике (Москва, Ока, Сылва, Протва, Сосьва, Лозьва, Муром, Весьегонск и т. п.), в великорусском антропологическом типе, в говоре великороссов, в русской мифологии (водяные, лешие, русалки — калька с финских представлений), в характере хозяйственных промыслов русских, их быту (парная баня, печи-каменки и т. д.).

3. ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Этническая и политическая панорама Восточно-Европейской равнины и Сибири никогда не была статичной. Ей всегда была присуща динамика. В особенной степени она проявилась в начале 1 тысячелетия нашей эры.

Первые века новой эры стали временем массовых миграций в Евразии, получивших в историографической традиции название великого переселения народов. Ряд историков для обозначения этого явления пользуется понятием «этническая революция». Этот

термин призван подчеркнуть масштаб миграционных процессов в I тысячелетии и их роль в изменении этнической карты Европы и Азии. Перемены были колоссальны. С исторической арены было «сведено» немалое число «старых», прежде влиятельных этносов, были «вызваны» к жизни «молодые» народы, закладывавшие своими передвижениями основы этнической и политической географии Западной и Восточной Европы, значительной части Азии и Северной Африки.

В ходе масштабных перемещений стирались и изменялись границы прежних племенных ареалов, шло резкое увеличение межплеменных контактов, смешивались разные этнические компоненты, что приводило к образованию новых народов. История многих современных народов берет начало в этой эпохе. Миграция послужила фоном и главным условием начала этногенеза большинства европейских наций.

Современные историки не слишком расходятся в определении состава участников великого переселения народов (гуннские, германские, славянские, аланские и другие племена), в оценках роли их в этом процессе. А вот в 20—30-х годах задававшей тон в советской историографии школе М. Г. Покровского было свойственно главную роль отводить германским племенам.

Действительно, первая волна великого переселения была связана с германцами. Во II—III веках через Русскую равнину с севера на юг — из районов Прибалтики и Дании в Крым, на Балканы и оттуда в Южную Азию — двинулись германские племена готов. У Иордана есть упоминание о мордве, мери, веси, эстах и об онежской чуди, которые вошли в состав готского царства, созданного вождем готов Германарихом и простиравшегося на всю Русскую равнину.

Под напором гуннов и славян готы были вытеснены из Причерноморья на запад, приведя в движение и другие германские племена, граничившие с Римской империей. Германцы в IV — V веках н. э. основали королевства в бывших римских провинциях: в Южной Галлии и Испании — вестготы; на юго-западе Германии, в Эльзасе, большей части Швейцарии — алеманны; на юго-западе Галлии — бургунды; в Северной Галлии — франки; в Италии — остготы и лангобарды; на Британских островах — англы, саксы, юты. В результате германского нашествия рухнула Западная Римская империя, и установились государства, на полторы тысячи лет вперед определившие политическую географию Западной Европы — Франция, Италия, Испания, Великобритания, Германия. Путем смешения германцев с кельтами и романизированным населением сформировались современные европейские этносы — французы, англичане, испанцы, итальянцы, голландцы и др.

В советской исторической литературе 20—30-х годов великое переселение народов фактически приравнивалось к движению германских племен и ничего не говорилось о роли славян, тюркских племен, арабов. Это заведомо ограничивало вскрытие масштабов исторического действия и не давало ответа на вопрос о значении великого переселения народов для истории нашей страны.

В дальнейшем эта тема была серьезно углублена советскими исследователями. Стало очевидным, что в начале I тысячелетия н. э. размах славянской колонизации был не менее значительным, чем у германских племен. Согласно теории А. А. Шахматова, Л. Н. Гумилева и др., первоначальный ареал обитания славян находился на довольно ограниченной территории в Южной Прибалтике, откуда и пошли первые импульсы славянской миграции в I—II веках н. э. По мнению академика Б. А. Рыбакова, прародиной славян была область от Эльбы до Днепра.

Интенсивное движение позволило славянским племенам за исторически короткие сроки заселить гигантские пространства от Вислы до Верхней Волги, от Балтики до Черного и Андриатического морей. Причем, если многие кочевые и часть германских племен отрывались от своих тылов, что вело к их гибели в военных столкновениях или быстрому растворению в иных этнических массивах, то славяне — в отличие от них — не оставляли окончательно своих территорий, а только постоянно расширяли их. Славянская колонизация носила комбинированный характер: наряду с организованными военными походами шло мирное заселение новых территорий земледельческими общинами, ищущими новых пахотных земель.

Великое переселение положило начало истории современных славянских народов, в том числе и русского. После начальных импульсов переселения славянская единая этническая общность разделилась на отдельные племена и народы. При этом единство славянской материальной и духовной культуры на основе традиций земледельческих общин и свойственных им ведических культов сохранялось еще довольно долго — вплоть до христианизации славян, разделившей их по религиозному признаку. Длительное время сохранялся и единый славянский язык, позволявший, несмотря на диалекты, примерно до XIV века вполне свободно понимать друг друга поляку и болгарину, новгородцу и жителю Черногории. В «Повести временных лет» XII века летописец оставил весьма показательную формулу: «Словенский язык и русский одно есть».

Тем не менее, после расселения славян на новых местах их языки и культуры стали постепенно расходиться. Причинами тому являлись огромная территория расселения, естественно-географические барьеры между славянскими племенами, иноземные втор-

жения. Не последнюю роль сыграли контакты с местными неславянскими племенами, влиявшие на язык и культуру славян. К примеру, на Балканах в состав славянских общин вливались фракийцы, частично греки, иллирийцы, пришедшие с Волги булгары. Между Днепром и Ильменем славяне активно вступали в контакт с финно-уграми, балтами, тюрками. (Подробно вопрос о славянах освещен в лекции доц. Б. Б. Овчинниковой «Происхождение восточных славян. Переход от варварства к цивилизации»).

Территория Восточной Европы стала плацдармом для перемещений не только готов, монголоязычных гуннов и славян. В середине I тысячелетия со стремлением к политической гегемонии в регионе выступили тюркские племена — авары, хазары, булгары. Их движение с востока на запад диктовалось логикой их кочевого хозяйства и межэтнических столкновений. Тюрки выделялись и в азиатских миграциях — особенно при заселении Сибири: кыргызы, уйгуры и др. В результате поглощения южными тюркоязычными переселенцами некоторых палеоазиатских и тунгусских племен стал формироваться якутский этнос.

К последним миграционным волнам великого переселения ученые относят арабские завоевания, начавшиеся в VII веке и охватившие Аравию, Западную и Среднюю Азию, Закавказье, Северную Африку. С эпохой великого переселения совпало несколько этапов еврейской миграции с Ближнего Востока. Рассеивание евреев началось еще до новой эры в связи с вавилонскими, македонскими, римскими завоеваниями. Походы арабов вызвали еще несколько волн исхода евреев с их прародины. К концу VIII века относятся первые экспедиции норманов как в Западную, так и в Восточную Европу. В конце IX века в южнорусские степи ворвались печенеги. В это же время далекий переход мадьяр (угро-финское племя, родственное ханты и манси) с Южного Урала в Европу завершился заселением ими Паннонии, где они ассимилировали местных славян.

В трудах разных историков наблюдаются несовпадения при определении хронологии великого переселения. Марксистская историография начало событий связывала с движением германцев и относила к IV веку. Такой специалист по данной тематике, как Л. Н. Гумилев, первые толчки массовых миграций уверенно относил к I—II векам н. э.

Налицо и расхождения в объяснении побудительных причин великого переселения народов. Школа М. Н. Покровского главным двигателем племенных перемещений называла «потребность в больших пространствах земли, необходимых при тогдашнем примитивном ведении хозяйства». Кроме того, выделялись такие причины, как «разложение у варварских племен первобытно-общинного строя, формирование крупных племенных союзов, воз-

главляемых военной аристократией, стремившейся к обогащению и упрочнению власти».

По логике христианских богословов в смене этнической картины в Европе после великого переселения с наглядностью проявилось Божественное Провидение: «старые» народы сошли с исторической арены вместе с завершением ветхозаветных времен. Новая христианская эра стала временем торжества евангелической проповеди и жизнеутверждения народов, обратившихся к христианству.

Эта позиция не лишена доли практического смысла. Христианская религия и деятельность церкви стали факторами определенной стабилизации положения в Европе после мощной этнической и политической «перетряски». Наличие цельной мировоззренческой системы послужило формированию западноевропейского (западнохристианского) суперэтноса.

В Восточной Европе сильнейшего динамического напора тогдашних процессов не выдержали гунны, авары, хазары, печенеги и другие, исчезнув с этнической карты. Славянству динамика его тогдашнего существования не принесла катаклизмов благодаря действию такого относительно устойчивого фактора, как славянское этническое единство. Кроме того, проводником стабилизирующих тенденций в Восточной Европе была Византия, переживавшая культурный и военно-политический расцвет и являвшаяся ядром православной культуры. Византия втягивала в орбиту своего влияния — несмотря на неизбежные трения — южных и восточных славян, внося заряд своеобразия в их дальнейшую историю.

Для объяснения природы великого переселения народов — как и других явлений этнической истории — представляет интерес «теория пассионарности» Л. Н. Гумилева. Согласно ей, резкая активизация целых этносов связывается с «пассионарным взрывом», т. е. всплеском жизненной энергии «молодых» народов на фоне определенной инерционности исторически более старших этносов. Пассионарные толчки находятся в зависимости от космической энергетики. Они дают начало этногенезу тех или иных народов и представляют собой явление не столько социальное, сколько биосферное, которое в схеме можно обрисовать как некую мутацию, задающую людям особую биоэнергию, способную генетически передаваться потомкам.

Пассионарностью Гумилев называет «органическую способность человека к сверхнапряжению, к жертвенной деятельности ради высокой цели». Она характеризует этносы, которые — как и каждый отдельный человек — рождаются, мужают, стареют и умирают. Этносы проходят фазы подъема активности, перегрева и медленного спада за 1200—1500 лет, после чего рассыпаются

или сохраняются как реликт при отсутствии видимого саморазвития. Новые этносы очень часто сохраняют этнонимы,[1] но это не влияет на смену их качественных характеристик, стереотипов поведения и исповедуемых ценностей.

При таком подходе идея «отсталости» или «дикости» отдельных народов не применима. Сравнение этносов и цивилизаций корректно лишь с учетом их исторического возраста. Кроме того, нужно учитывать, что первоначальные импульсы этногенеза — микромутации в форме пассионарных толчков — возникают в конкретных географических и социальных условиях, имея при этом и различную силу воздействия. Особую роль играют этнические контакты, которые для народов проходят по-разному и приводят к разным результатам. В силу всего этого каждый этнос несет на себе печать самобытности и неповторимости.

Однако довольно-таки часто эти соображения сбрасываются со счетов, и этносы сравниваются с применением шкалы линейного времени. Абсолютизировав с европоцентристских позиций понятие «прогресс», историки и философы — рационалисты в XVIII веке, как и их поздние последователи — механически «выстроили» народы на иерархической лестнице, «сделанной» по сугубо западноевропейским меркам. Определяя такими мерками «ценность» того или иного народа, очень многие этносы в прошлом и настоящем пришлось бы «списать за ненадобностью».

Напротив, подход сторонников культурно-исторической концепции предполагает признание своеобразия и оригинальности каждого этноса из когда-либо существовавших на планете. По этой концепции каждый народ занимает свою природно-экологическую и историческую «нишу», а мир представлен не однолинейной схемой, а мозаичной красочной картиной. Этот подход оставляет надлежащее и вполне достойное место в истории древним народам, в том числе и населявшим когда-то Россию.

[1] Этноним — название того или иного народа.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1975.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти томах. Т. I. Ч. 1. М., 1987.

Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л., 1986.

Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

Покровский М. Н. Борьба классов и русская историческая наука. Л., 1927.

Соловьев С. М. История России: Кн. I. Т. I—II. М., 1960.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., 1962.

Ульянов Н. И. Исторический опыт России // Родина. 1991. № 2.

Лекция 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН. ПЕРЕХОД ОТ ВАРВАРСТВА К ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПЛАН

1. Теории происхождения славян.
2. Древние авторы о славянах.
3. Происхождение славян в современной отечественной исторической науке.

1. ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Для понимания процессов, которые привели к формированию единой древнерусской государственности, необходимо представлять территориальное расположение и динамику расселения славянских племен в догосударственный период, то есть выяснить вопросы территориально-географического порядка: где обитали «первославяне», с кем соседствовали, с какими природно-географическими условиями сталкивались, каковы пути последующих перемещений славянских племен. И здесь сразу встает важный вопрос о происхождении славян — времени и месте их формирования в древней индоевропейской среде.

По этой проблеме имелось и имеется немало гипотез. Исконные области древних этнических общностей славян, получившие наименование «прародины» славянских племен, определяются учеными до сих пор неоднозначно.

Первым, кто попытался ответить на вопросы: откуда, как и когда появились славяне на исторической территории, был древнейший летописец Нестор — автор «Повести временных лет». Он определил территорию славян, включая земли по нижнему течению Дуная и Паннонию. Именно с Дуная начался процесс расселения славян, то есть славяне не были исконными жителями своей земли, речь идет о их миграции. Следовательно, киевский летописец явился родоначальником так называемой миграционной теории происхождения славян, известной как «дунайская» или «балканская». Популярной она была в сочинениях средневековых авторов: польских и чешских хронистов XIII—XIV вв. Это мнение долгое время разделяли историки XVIII—нач. XX вв. Дунайскую «прародину» славян признавали, в частности, такие историки как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др. По мнению В. О. Клю-

чевского, славяне переселились с Дуная в Прикарпатье. Исходя из этого, в его работе прослеживается мысль о том, что «история России началась в VI в. на северо-восточных предгорьях Карпат». Именно здесь, по мнению историка, образовался обширный военный союз племен во главе с племенем дулебов-волынян. Отсюда восточные славяне расселились на восток и северо-восток до Ильмень-озера в VII—VIII вв. Так, В. О. Ключевский видит восточных славян сравнительно поздними пришельцами на своей земле.

К эпохе средневековья восходит зарождение и распространение еще одной миграционной теории происхождения славян, получившей наименование «скифо-сарматской». Впервые она зафиксирована Баварской хроникой XIII в., а позднее воспринята многими западноевропейскими авторами XIV—XVIII вв. Согласно их представлениям предки славян продвинулись из Передней Азии вдоль Черноморского побережья на север и осели под этнонимами «скифы», «сарматы», «аланы» и «роксоланы». Постепенно славяне из Северного Причерноморья расселились на запад и юго-запад.

В начале XX в. вариант, близкий к скифо-сарматской теории, предложил академик А. И. Соболевский. По его мнению названия рек, озер, гор в пределах расположения древних поселений русского народа якобы показывают, что русские получили эти названия от другого народа, который был здесь ранее. Такой предшественницей славян, по предположению Соболевского, была группа племен иранского происхождения (скифского корня). Позже эта группа ассимилировалась (растворилась) с жившими далее к северу предками славяно-балтийцев и дала начало славянам где-то на берегах Балтийского моря, откуда славяне и расселились.

Иной вариант миграционной теории дал другой крупный историк и языковед академик А. А. Шахматов. По его мнению первой прародиной славян был бассейн Западной Двины и Нижнего Немана в Прибалтике. Отсюда славяне, приняв имя венедов (от кельтов), продвинулись на Нижнюю Вислу, откуда только что перед ними ушли в Причерноморье готы (рубеж II—III вв.). Следовательно, здесь (Нижняя Висла), по мнению А. А. Шахматова, была вторая прародина славян. Наконец, когда готы ушли из Причерноморья, то часть славян, а именно восточная и южная их ветви, двинулась на восток и на юг в Причерноморье и образовала здесь племена южных и восточных славян. А значит, следуя этой «прибалтийской» теории, славяне явились пришлыми на землю, на которой они затем создали свои государства.

Существовал и существует ряд других теорий миграционного характера происхождения славян и их «прародины» — это и «азиатская», выводившая славян с территории Средней Азии, где предполагалась общая для всех индоевропейцев «прародина»,

это и «среднеевропейская», по которой славяне и их предки оказывались пришельцами из Германии (Ютландии и Скандинавии), расселяясь отсюда по Европе и Азии, вплоть до Индии, — и ряд других теорий.

Очевидно одно, что согласно миграционной теории славяне изображались по летописным данным сравнительно поздним пришлым населением на занимаемой ими территории (VI—VIII вв.), т. е. авторы этих теорий не считали их постоянными обитателями тех земель, где славяне были известны с древности.

В противоположность теориям миграционного характера в советской историографии признается автохтонность происхождения славян. Интересными на этот счет являются взгляды историков не только нашей страны, но и наших соседей. В частности, близкими к воззрениям наших ученых 50-х —70-х годов XX в. были и чешские исследователи, последователи крупного славянского ученого Л. Нидерле. Они считали, что славянство образовалось на обширной территории, в состав которой вошла не только территория современной Польши, но также значительная часть современной Украины и Белоруссии. По этой точке зрения — восточные славяне явились автохтонами (местными жителями) на своей земле. Подобные взгляды были высказаны болгарскими и польскими учеными.

Отечественные историки в отражении данного вопроса отмечают сложность самого процесса происхождения славян. По их глубокому убеждению первоначально складывались отдельные мелкие разрозненные древнейшие племена на определенной обширной территории, которые затем образовались в более крупные племена и их объединения и, наконец, в исторически известные народы, образующие нации. Таков общий путь этнического, культурного и языкового развития народов и наций. Следовательно, народы образовались в ходе истории не от единого исконного «пранарода» с его «праязыком» путем последующего его распадения и расселения из какого-то первоначального центра («прародины»), а наоборот, путь развития, в основном, шел от первоначальной множественности племен к последующему постепенному их объединению и взаимному скрещиванию. При этом мог, конечно, идти в отдельных случаях и вторичный процесс — процесс дифференциации уже сложившихся ранее крупных этнических общностей.

Сегодня, когда мы рассматриваем проблемы, связанные с происхождением того или иного народа, следует обратить внимание и на современное видение этого вопроса и его терминологии. Так, Л. Н. Гумилев обращает внимание на следующее: «Антропосфера делится на сообщества, которые мы называем попросту народами, либо нациями, либо этносами... «Народ» — термин не-

удобный, он слишком полисемантичен. Термин «нация» принято применять только к условиям капиталистической и социалистической формации, а до этого считается, что наций не было. Термин «этнос» очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается человечество». Так вот, в ходе процесса формирования этноса славян племена постепенно и последовательно проходили определенные стадии своего культурного и языкового развития, определявшего их этнические особенности. Роль переселений (миграций) в этом развитии оказывается, по мнению отечественных историков, второстепенной.

2. ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О СЛАВЯНАХ

Прежде, чем перейти к вопросу, как непосредственно излагают современные историки проблему этногенеза (происхождения) славян, обратимся к ряду древнейших письменных источников, которые составляют основу ее изучения. И сразу же отметим, что практически все они весьма выразительно с привязкой к определенной территории фиксируют славян лишь с середины 1 тыс. н. э. (чаще всего с VI в.), то есть тогда, когда они выступают на исторической арене Европы как многочисленная этническая общность.

Античные авторы знали славян под различными этническими именами и, прежде всего, под именем венедов. Впервые этот этноним встречается в Естественной истории Плиния (середина 1 в. н. э.), не считая упоминания Геродотом племени энетов, обитавших на северном побережье Адриатического моря. Плиний называет венедов в числе племен, соседствующих на востоке с группой германских племен—ингевонами: «земли до реки Вистулы обитаемы сарматами, венедами, скифами, гиррами». Скорее всего, это были области в бассейне Вислы и, может быть, более восточные земли.

К концу 1 в. н. э. относятся сообщения о венедах Корнелия Тацита, характеризующего их как довольно большую этническую группировку. Тацит указывает, что венеды жили между племенами певкинов (северная часть Нижнего Подунавья) и феннов, занимавших территорию лесной полосы Восточной Европы от Прибалтики до Урала. Точное место локализации венедов указать не представляется возможным. Трудно сказать к тому же, были ли венеды времен Тацита славянами. Существует предположение, что венеды в то время ассимилировались славянами и получили их имя. И если о венедах Тацита можно спорить, то венеды уже более поздних авторов — это несомненно славяне, то есть с VI в. н. э.

Более значительны сведения о славянах середины 1 тыс. н. э. Теперь славяне называются своим именем — словены, наря-

ду с которым упоминаются анты, а Иордан знает и прежнее имя — венеды. Византийские авторы — Прокопий Кесарийский, Агафий, Менандр Протиктор, Фиофилакт Симокатта, Маврикий — описывают, в основном, славян Подунавья и Балканского полуострова, что связано с вторжениями славян в пределы Восточно-Римской империи (VI—VII вв.). В сочинениях византийскими авторами сообщаются сведения о разных сторонах жизни и быта славян.

Более существенные сведения для исследования проблемы славянского этногенеза имеются в труде готского епископа Иордана. Его труд позволяет установить связь между славянами и венедами античных писателей. По Иордану—венеды суть славяне. Из сообщений видно, что в VI в. славяне заселяли широкую полосу, простиравшуюся от Среднего Подунавья до нижнего Днепра.

Информацию о жизни и быте восточных славян дают нам не только византийские авторы, содержится она и в географических компиляциях крупнейших арабских географов 2-ой половины IX—X вв.: Ибн-Хаукаля, ал-Балхи, ал-Истархи и др. О славянах повествуют и полулегендарные сведения в скандинавских сагах, в эпосе франков, германских сказаниях. Однако следует иметь в виду, что содержащиеся в них сведения далеко не безупречны. Они неполны, часто отрывочны, а порой и противоречивы. И в исследовании истоков исторической жизни славянства только одних письменных источников явно недостаточно.

Большинство современных славяноведов придерживаются мнения, что решение вопроса о происхождении и древних судьбах славян будет достигнуто на путях тесного содружества различных областей науки — лингвистики, истории, археологии, филологии, этнографии, антропологии. К настоящему времени именно так проводятся исследования по этой проблеме. В результате чего современные ученые могут свидетельствовать о том, что в истории славянства существовал так называемый период единого славянства или иначе «праславянский» период, который лежит за пределами письменной истории. И здесь лишь археология и сравнительное языкознание дают нам некоторые представления о нем.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯН В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Предыстория восточных славян своими корнями уходит в глубокую древность. Их далекие предки существовали еще до того, как сложилась славянская общность. Именно они, отдельные предки протославян, в результате своего культурного сближения дали славянство. И корни этого процесса археологами прослеживаются с III тысячелетия до н. э. Тогда племена предков прото-

славян жили еще материнским родом, но уже знали мотыжное земледелие и скотоводство. Установлено, что в рамках IV тыс. до н. э. скотоводческо-земледельческие племена, носители Балкано-Дунайской археологической культуры, занимали область нижнего течения Днестра и Южного Буга. Следующим этапом было расселение известных «трипольских» племен — III тыс. до н. э. Это были племена с развитым для своего времени скотоводческо-земледельческим хозяйством, обитатели огромных поселков.

На рубеже III—II тысячелетий до н. э. у этих племен состоялся переход от неолитических орудий к обработке бронзы, к плужному земледелию. Развитие скотоводства привело к повсеместной борьбе за стада и пастбища. Складывается патриархальный род. Пастушеские племена, носители культуры «шнуровой керамики и боевых топоров», расселились на обширных пространствах Центральной и Восточной Европы от Рейна до Волги и достигли южных участков Балтийского побережья. Предки балтов, славян и германцев в то время еще не были так разделены между собой. Около XV в. до н. э. движение их племен остановилось. И эти территории были заселены различными этническими племенами с различным уровнем социального и культурного развития. Если признать прародиной славянской общности ко времени расцвета бронзового века широкую полосу Центральной и Восточной Европы, то восточный предел ее образовывали Припять, Средний Днепр, верховья Днестра и Южного Буга, бассейн Роси. Эта праславянская земля совпадает с ареалом так называемой тшинецкой археологической культуры XV—XII вв. до н. э. Население с культурой славянского типа в конце II тысячелетия до н. э. благодаря плужному земледелию добилось существенных хозяйственных результатов. В I тысячелетии до н. э. экономическая и культурная жизнь находилась уже на заметно высоком уровне. Произошел переход к обработке железа. И этот период характеризуется многообразием культурных особенностей у отдельных предков праславян.

С конца I тысячелетия до н. э. и до IV—V вв. н. э. — начало праславянского периода. В этот период устанавливается культурная, а также и языковая общность при известном племенном своеобразии. Именно в этот промежуток времени, а точнее с VIII в. до н. э., внимание первых историографов все чаще стали привлекать южные районы Восточной Европы и западная окраина Великой степи, где эллиноазиатские этносы вошли в соприкосновение с кочевыми скифами. Это коснулось и истории славянского этноса. Восточная группировка праславян — обитателей междуречья Днестра и Днепра — оказывается оторванной от основного этно-культурного массива славян и попадает в ареал скифской культуры (сер. 1 тыс. до н. э.). Так, значительная часть

праславян была включена в орбиту скифского объединения и подверглась их влиянию. Здесь уместно вспомнить описания, которые оставил Геродот о «скифах-пахарях» (земледельцах), именуемых сколотами. Рядом исследователей подразумевается, что это и есть праславяне. Археологически их местопребывание соотносится с подольской и милоградской культурами. Скифская культура разорвала непрерывность праславянской тшинецкой культуры. Когда скифское господство рухнуло в результате войн, менее всего пострадали племена западных и северо-западных славян междуречья Днестра и Среднего Днепра. Именно они сравнительно быстро освободились от скифского господства, хотя влияние последних в среде славян укоренилось надолго. Находясь в тесном контакте с западными соседями, эта часть славян быстрее всех возродила традиции праславянской культуры, что нашло отражение в пшеворской (на западе) и зарубинецкой (на востоке) культурах в первой четверти I тысячелетия н. э. Стадия праславянского единства продолжалась. Племена, оставившие зарубинецкие древности, в этот период составляли огромный массив, распространяясь в пределах украинской лесостепи и по ее северной периферии. В дальнейшем, через несколько столетий, их потомки сыграют решающую роль в формировании, по Начальной летописи, восточно-славянских группировок. Но до этого им пришлось пройти большой путь развития, историческая протяженность и трудность которого были обусловлены событиями начавшейся эпохи «великого переселения народов» — эпохи гуннского нашествия. IV—V века н. э. во многом изменили этническую евразийскую карту.

В отличие от своих южных соседей — скифов, фракийцев, кельтов, в среде которых еще во второй половине 1 тысячелетия до н. э. возникла государственность, праславянские зарубинецкие племена не вышли пока за границы первобытного строя жизни. Однако, судя по археологическим данным, уже четко отмечается, что они распадались на ряд локальных группировок. В их среде выдвигается отдельная семья, а несколько таких семей составляют территориально-соседскую общину, т. е. социальную организацию, которая возникает в момент распада первобытнообщинного строя и формирования новых предгосударственных образований.

Представляется, что после того, как в середине 1 тысячелетия н. э. под ударами гуннов рухнули западно-славянские оседлости (черняховская археологическая культура), потомки носителей зарубинецкой культуры, жившие севернее их и менее подверженные разрушению, стали расселяться на юг, причем эта волна расселения была более мощной, чем некогда на север. В области Среднего и Верхнего Поднепровья праславянские группировки, объединившие известных по летописи северян, полян, бужан и

уличей, в третьей четверти I тысячелетия н. э. создают одно из древнейших восточно-славянских государственных объединений, получившее в источниках наименование «Русская земля», в которую не вошли лежавшие рядом западные земли древлян, дреговичей, волынян (дулебов), хорватов.

В сложных условиях формировались северные восточно-славянские племена вятичей, кривичей, словенов новгородских. Они также были потомками зарубинецких племен, однако включали в себя элементы как славянские, так и балтские.

Вопрос о том, откуда и какими путями продвигались славяне, осевшие в Новгородской земле в середине I тыс. н. э., на археологическом материале, как утверждает В. В. Седов, пока не может быть решен. Можно утверждать, что обширные пространства Верхнего Поднепровья и Полоцко-Витебского Подвинья вплоть до VII в. были заселены племенами днепровских балтов. Отметим немаловажный факт, что славяне, расселившиеся в бассейне озер Ильмень и Псковского, какое-то время были отрезаны от основной массы славянства. Подобная картина расселения славян наблюдается в начале средневековья и в некоторых других регионах Европы (Седов, 1989).

В VI—VII веках, можно сказать, завершается период праславянской истории. Расселение славян на обширнейших пространствах, их активное взаимодействие с иноэтничными племенами привели к культурной дифференциации славянского мира и членению единого языка на отдельные славянские языки. Происходит складывание современных славянских народов, у которых образуются общественные классы с их противоречиями и начинают возникать первые государственные образования: княжества Само в Моравии и Чехии, Прикарпатское — на Волыни, Болгарское государство на Дунае, в междуречье Днестра, Днепра и Волги — государство Киевская Русь или «Русская земля». Так в VIII—IX вв. наступает новый этап славянской истории, расширение племенных союзов и образование государств.

Налицо были тенденции к индивидуализации, к выделению в VIII—IX вв. из массы общинников отдельных лиц. Вероятно, первыми пытались обособиться представители общинной знати. Началось выделение индивидуальных семей.

Исследуя закономерности перехода различных обществ от варварства к цивилизации, сегодня ученые отмечают, что военно-демократические структуры не перешли прямо в государственные, а сменились другими, догосударственными, но основанными уже на изоляции большинства населения от управления обществом. Именно этот период исследователи называют «вождество». Для общества на этой стадии характерным является то, что в нем уже существует социальное и имущественное неравенство, но еще от-

сутствует легализированный аппарат принуждения. Так вот, этническая общность восточных славян VIII—IX вв. накануне образования у них государственности, по мнению современных историков, вполне может быть реконструирована как общность периода «вождества».

На самом рубеже между доклассовым и классовым обществом[1] сородичи, принося вождю дань из продуктов своего труда, все еще ожидали от него поддержки в случае нужды. От этой системы взаимоотношений оставался только шаг к тому моменту, когда знать стала обладать (узурпировала) правом собирать и распределять в своих целях часть прибавочного продукта: «...натуральные повинности общинников в пользу общины превратились в феодальные повинности». Но это уже будет прерогативой становления государства на Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1959.

Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв., М., 1982.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

[1] Основой деления общества на классы является частная собственность.

Лекция 4. КИЕВСКАЯ РУСЬ

ПЛАН

1. Историки о возникновении Киевской Руси.
2. Социально-политический строй и экономика.
3. Культура.

1. ИСТОРИКИ О ВОЗНИКНОВЕНИИ КИЕВСКОЙ РУСИ

К вопросу образования Русского государства обращалось и обращается большое число представителей различных наук — от истории, археологии до лингвистики и географии. Положительным является то, что увеличивается количество публикаций, повышается комплексность исследования вопроса о происхождении Древнерусского государства.

Как ранее, так и сейчас идут споры об истории возникновения Древнерусского государства. Эта проблема постоянных политических спекуляций. Анализ исторических исследований показывает, что прав был, наверное, М. Н. Покровский, определивший историю как «политику, опрокинутую в прошлое».

В исторической науке по вопросу образования государства у восточных славян с XVIII века кипят страсти. В 30—60 годы XVIII в. немецкие ученые Иоганн Готфрид Байер и Герард Фридрих Миллер, работавшие в Петербургской Академии Наук, в своих научных трудах впервые попытались доказать, что Древнерусское государство было создано варягами. Они положили начало норманнской теории происхождения Российского государства. Крайним проявлением концепции является утверждение, что славяне в силу своей неполноценности не могли создать государства, а затем без иноземного руководства были не в состоянии управлять им.

Против этой теории решительно выступил М. В. Ломоносов, которому императрица Елизавета I поручила написать историю России. С тех пор борьба норманнистов и антинорманнистов не утихает.

Норманнисты единодушны в двух принципиальных вопросах. Во-первых, они считают, что норманны добились господства над восточными славянами путем внешнего военного захвата или с помощью мирного покорения (приглашения княжить); во-вторых, они

считают, что слово «русь» норманнского происхождения.

Антинорманнисты считают, что термин «Русь» доваряжского происхождения и восходит к очень древним временам. В «Повести временных лет» есть места, которые противоречат легенде о призвании трех братьев княжить. За 852 год есть указание о том, что при царствовании в Византии Михаила уже была Русская земля. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях речь идет о том, что варягов княжить приглашали все северные племена, в том числе и русь. Советские исследователи М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев считают, что запись о призвании варяжских князей появилась в летописи позже, чтобы противопоставить два государства — Киевскую Русь и Византию. Автору летописи для этого потребовалось указать иностранное происхождение княжеской династии. Согласно исследованию А. А. Шахматова, варяжские дружины стали называться русью после того, как перешли на юг. А в Скандинавии ни по каким источникам нельзя узнать о каком-то племени русь.

Вот уже в течение двух с лишним веков идут споры между представителями норманнской и антинорманнской (славянской) школ в истории. В настоящее время позиции норманнистов и славянофилов сблизились. Однако это сближение вовсе не является свидетельством утверждения истины. Как та, так и другая концепции оказались тупиковыми. Кроме того, существуют еще и другие мнения. В. А. Мошин доказывает греческое происхождение названия «Русь». О существовании Руси как тмутараканского княжества в IX в. пишут А. Н. Насонов, М. В. Левченко, А. Л. Монгайт. Протоиерей Лев Лебедев пишет: «...в IV—VII вв. происходило известное нам формирование первой русской государственности — культурно-политическое объединение племенных союзов полян и северян под общим главенством племени «рус» с княжеской династией кривичей». Этот вывод интересен тем, что корень «крив» соответствует сегодняшнему названию «русский» у соседей кривичей — латышей.

Научные результаты двухсотлетних дискуссий состоят в том, что ни одна из школ не может внятно объяснить, что такое «русь»; если это этнос, то где он локализовался, в силу каких причин на определенном этапе усилился и куда впоследствии исчез.

Возникновение Киевской Руси хронологически вписывается в процесс государствообразования, протекавший в IX—X вв. на территориях Северной, Центральной и Восточной Европы. В первой половине IX в. образовалось Великоморавское княжество, на рубежe IX—X вв. — Чешское. В середине IX в. шло объединение польских племен, во второй половине X в. было создано Древнепольское государство. В IX в. сложилась государственность в Хорватии и на сербских землях. IX в. — время появления объединенного англо-саксонского королевства, а X в. — Датского.

Однако в исторической науке не закончены дискуссии по вопросу, было ли Киевское государство первым государством восточных славян или у него были исторические предшественники?

Арабские историки ал-Истахри и ал-Балхи в начале X века называли три таких объединения в VIII веке: Куябу (Киевская земля), Славию (Новогородская земля) и Артанию или Артсанию. Одни историки (В. В. Мавродин) склонны видеть в Артании Рязань, другие (Х. Ловмяньский, А. П. Новосельцев) — Ростов Великий, третьи (В. Л. Янин) — Таманский полуостров. Описываются еще более ранние образования во главе с Божем и Маджаном, имевшие место в VI и даже IV веках.

Не вызывает сомнения существование названных политических образований. Все же скудность источников не позволяет с достоверностью судить, были ли они уже государствами или чем-то догосударственным, например, племенными союзами.

Спорным остается вопрос о государстве Киевском при Дире и Аскольде. Существует мнение, что Дир и Аскольд — варяги, захватившие в 860 или 862 гг. Киев, в котором не было князя. В 866 г. они организовали смелый набег на Константинополь и захватили его.

Через два года после набега Аскольд заключает с греками мир и решает ввести христианство. Патриарх Константинопольский Фотий по этому поводу пишет: «Не только болгарский народ переменил прежнее нечестие на веру во Христа, но и тот народ, о котором многие рассказывают и который в жестокости и кровопролитии все народы превосходит, оный глаголемый Россь... Однако ныне переменил языческое и безбожное учение... на чистую и правую Христианскую Веру». (См. А. Нечволодов. Указ. соч.).

При всех спорах и неясностях достоверным остается одно: в IX в. государственность у восточных славян уже существовала. Объединение земель вокруг Киева, безусловно, было государством.

Согласно «Повести временных лет» объединение Древнерусского государства началось варягами с севера. За 859 г. в летописи есть сообщение, что племена славян на юге платили дань хазарам, а на севере чудь, славяне, меря и кривичи платили дань варягам.

Достоверность описываемого подтверждает сравнительный материал Западной Европы. В первой половине IX века норманны или викинги (на востоке их называли варягами) делали набеги на территории приморских стран. Они вымогали выкупы или дани. В 836 и 837 гг. викинги нападали на Фризию и каждый раз получали выкуп. В 845 г. норманны опустошили селения по берегам Сены до Парижа. Король Франции Карл Лысый вынуж-

ден был уплатить 7 тысяч фунтов серебра, чтобы спасти Париж от разграбления.

Видимо, как и на Западе, в зависимости от норманнов были северные племена Восточной Европы и некоторые племена по торговому пути «из варяг в греки».

Далее летопись сообщает, что в 862 г. новгородцы изгнали варягов за море, но среди разноязыких племен, да и в самом Новгороде, мира не было и пришлось пригласить князя, «который бы владел и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси и пригласили трех братьев Рюрика, Синеуса и Трувора. Рюрик стал княжить в Новгороде, Синеус — на Белоозере, а Трувор — в Изборске.

После смерти братьев Рюрик стал княжить один, а своим дружинникам раздал Полоцк, Ростов, Белоозеро. Когда умер Рюрик (879 г.), воевода Олег вместе с малолетним сыном Рюрика Игорем подняли племена по торговому пути «из варяг в греки» на большой поход к югу. В походе участвовали меря, варяги, словене, кривичи, весь и в 882 году захватили Киев. Так произошло объединение северных и южных славян, образовалось Древнерусское государство с центром в г. Киеве.

В литературе существуют разные мнения об основах происхождения государства.

В XVIII в. В. Н. Татищев полагал развитие государственной власти из семейной. И в дальнейшем этой концепции придерживались и норманнисты, и славянофилы. Но, как считает В. И. Паранин, такой ход государственного строительства на такой обширной территории и при великом множестве разноязычных народов представляется весьма сомнительным. И. В. Киреевский считал государственность естественным развитием народного быта.По его мнению, маленькие сельские общины сливались в большие — областные, племенные и т. д. А из них уже слагалось одно общее согласие русской земли.

В отличие от всех исследователей И. Я. Фроянов выдвигает концепцию, по которой Русь, по крайней мере до конца X века, остается еще не государством, а племенным союзом, то есть переходной к государственной организации формой, соответствующей этапу военной демократии. Дань он рассматривает не как вид феодальной ренты, а как военную контрибуцию, наложенную на покоренные племена в пользу государственной власти или его агентов, никак не соотнося ее с классовой эксплуатацией трудового населения. Само государство (со второй половины XI—XII вв.) вырастает на общинной основе и принимает общинную форму «городских волостей — государств», князья и знать (как связанная с князьями, так и земская) в своей политической деятельности выражают, в значительной мере, интересы и потребности сво-

бодных членов общества таких государств (т. е. свободных горожан и свободных крестьян), причем союзы общин в этих государственных образованиях возглавляет торгово-ремесленная община главного города. Вассалитет (княжеский, боярский) и иммунитет носят дофеодальный характер.

Л. В. Черепнин предложил концепцию государственного феодализма в Киевской Руси. Он исходил из того, что дань собиралась с крестьянского населения как феодальная рента. То, что не было феодальных вотчин, компенсировалось распределением дани среди дружинников, как совокупного господствующего класса.

2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ЭКОНОМИКА

Для характеристики социально-политического строя Древней Руси можно использовать такие источники, как свод законов «Русская Правда», летопись «Повесть временных лет», в которую включены Договоры Олега (907, 911 гг.), Игоря (944 г.), Святослава (971 г.) с Византией, а также свидетельства византийских, арабских и европейских авторов. На основании указанных источников можно дать характеристику населения Древней Руси.

«Русская правда» называет основным населением страны свободных общинников — людинов или людей (отсюда: сбор дани с крестьян-общинников — полюдье).

«Русская правда», рассматривая людинов, указывает, что они объединялись в сельскую общину — вервь. Вервь обладала определенной территорией, в ней выделялись отдельные экономически самостоятельные семьи.

Вторая большая группа населения — смерды. Это, возможно, не свободные или полусвободные княжеские данники. Смерд не имел права оставлять свое имущество непрямым наследникам. Оно передавалось князю. С развитием феодальных отношений эта категория населения увеличивалась за счет свободных общинников.

Третья группа населения — рабы. Они известны под разным названием: челядь, холопы. Челядь — это раннее название, холопы — более позднее. «Русская правда» показывает рабов полностью бесправными. Раб не имел права быть свидетелем на суде. За его убийство хозяин не нес ответственности. Наказанию за побег подвергался не только раб, но и все, кто ему помогал.

Рабство было 2-х видов — полное и неполное. Источники полного рабства: плен, продажа себя в рабство, женитьба на рабыне или выход замуж за раба; поступление на службу к князю тиуном, ключником, ратайным старостой и незаключение договора и т. д.

Однако полное рабство было неоднородным. Основная масса рабов выполняла черную работу. Их головы оценивались в 5 гривен. Рабы — надсмотрщики, управляющие, ключники были на другой ступеньке социальной лестницы. Голова княжеского тиуна оценивалась в 80 гривен, он мог уже выступать свидетелем на суде.

Неполные рабы — закупы появились в XII веке. Закуп — это разорившийся общинник, пошедший в долговую кабалу за определенную ссуду (купу). Он работал слугой или в поле. Закуп был лишен личной свободы, но у него сохранялось свое хозяйство и он мог выкупиться, вернув долг.

Большинство историков считает, что рабство на Руси не получило широкого распространения. Другого мнения придерживаются А. П. Пьянков, М. Н. Покровский. «Захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли. Отсюда непрерывные войны между этими князьями, войны, целью которых было «ополониться челядью», т. е. захватить много рабов. Отсюда их сношения с Константинополем, где был главный тогда ближайший к России невольничий рынок» (М. Н. Покровский).

Небольшой группой зависимого населения Руси были рядовичи. Их жизнь тоже была защищена пятигривенным штрафом. Возможно, это были не пошедшие в холопство тиуны, ключники, старосты, мужья рабынь и т. д. Судя по «Русской правде», они были мелкими административными агентами.

Другая небольшая группа — изгои, люди, лишившиеся своего социального статуса: холопы, отпущенные на волю, общинники, изгнанные из верви и т. д. Видимо, изгои пополняли ряды городских ремесленников или княжескую дружину, особенно во время войны.

Довольно большой группой населения Руси были ремесленники. Города по мере роста общественного разделения труда становились центрами развития ремесла. К XII веку в них насчитывалось свыше 60 ремесленных специальностей; русские ремесленники иногда производили более 150 видов железных изделий. На внешний рынок шли не только лен, пушнина, мед, воск, но и льняные ткани, оружие, изделия из серебра, пряслица и другие товары.

С ростом городов, развитием ремесленничества связана деятельность такой группы населения, как купцы. Уже в 944 г. русско-византийский договор позволяет утверждать существование самостоятельной купеческой профессии. Следует помнить, что каждый купец в те времена был и воином. И у воинов, и у купцов был один покровитель — бог скота Велес. Через Русь пролегали

важные торговые пути по Днепру и Волге. Русские купцы торговали в Византии, в арабских государствах и в Европе.

Необходимо выделить и такую группу населения Древней Руси, как дружинники («мужи»). Дружинники жили на княжеском дворе, участвовали в военных походах, в сборе дани. Княжеская дружина — это составная часть аппарата управления. Дружина была неоднородна. Наиболее приближенные дружинники составляли постоянный совет, «думу». Они именовались боярами. С ними князь советовался по важным государственным делам (принятие православия Владимиром; Игорь, получив от Византии предложение взять дань и отказаться от похода, созвал дружину и начал советоваться и т. д.). Старшие дружинники могли иметь и свою дружину. Впоследствии бояре выступали в роли воевод.

Младшие дружинники исполняли обязанности судебных исполнителей, сборщиков штрафов и т. д. Княжеские дружинники составляли основу нарождающегося класса феодалов.

Дружина была постоянной военной силой, которая пришла на смену всеобщему вооружению народа. Но народные ополчения еще долгое время играли большую роль в войнах.

В источниках прослеживается установление и усиление власти киевских князей над племенными союзами славян. Киевский князь объединял славянские земли как с помощью насилия, так и согласия. Древлян Олег присоединил насильно, Владимир таким же образом присоединил радимичей. Северяне были присоединены под флагом освобождения от хазар и т. д.

Ко времени Святослава с князьями племен было покончено. Их свели на степень посадников князя Киевского. Князь Владимир посадил своих сыновей по землям: Вышеслава—в Новгород, Изяслава — в Полоцк, Святополка — в Туров, Ярослава — в Ростов, Глеба — в Муром, Мстислава — в Тмутаракань, Всеволода — во Владимир. Практически все княжества оказались в руках семьи князя Владимира. Все они подчинялись князю Киевскому. А на него возлагались задачи военного руководства, дипломатических сношений, поддержки военно-политического господства над соседями. Н. М. Покровский называет первых русских князей «предводителями шаек работорговцев», которые ничем не управляли и только с XI века начали понемногу заботиться о порядке в городах. Однако Л. В. Черепнин утверждает, что на Руси уже в начале X в. существовал правовой кодекс — прототип «Русской правды». Функции князя были определены уже в легенде о призвании варягов.

Князь властвовал и управлял не безраздельно. Княжеская власть была ограничена элементами сохранившегося народного самоуправления. Активно действовало народное собрание — вече — в IX—XI вв. (в Новгороде и Пскове значительно дольше).

Народные старейшины принимали участие в княжеской думе.

Время появления феодального землевладения остается в исторической науке спорным. Проблема зарождения феодального строя в Древней Руси и его классовой структуры была поставлена в советской историографии в дискуссиях конца 1920-х годов и получила решение в исследованиях Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. Изучение этой проблемы в последующие годы Б. А. Рыбаковым, Л. В. Черепниным и другими учеными выявило расхождение в понимании влияния «дофеодальных факторов» на развитие общества, его структуры, внешних и внутренних источников формирования зависимого населения.

М. Б. Свердлов разделяет мнение Л. В. Черепнина о разложении у восточных славян первобытнообщинного строя в VIII — IX вв. и постепенном утверждении на протяжении X — первой половины XI вв. раннефеодальных отношений. Согласно этой точке зрения, во второй половине XI—XII вв. завершается становление всех основных социально-экономических и политических институтов феодального строя.

И. Я. Фроянов считает, что в Древнерусском государстве существовало по крайней мере два социально-экономических уклада. Были свободные общинники и значительный слой рабов. Этот же вывод поддерживает А. П. Пьянков. Большинство историков считает, что в Киевской Руси было раннефеодальное государство, сочетающее в себе элементы феодализма и пережитки первобытнообщинного строя. Некоторые авторы отмечают, что сохранились даже элементы матриархата, что именно этим объясняется включение князем Владимиром в пантеон богов богини Мокошь.

Известны три линии, по которым шло развитие форм феодальной собственности и обращение сельского населения в зависимое от господствующего класса. Во-первых, происходило «окняжение» земли и обложение свободных общинников данью, перераставшей в феодальную ренту. Так складывалась государственная собственность, получившая впоследствии наименование «черной». Во-вторых, наблюдалось расслоение соседской общины, из которой выделялись крестьяне — землевладельцы, превращавшиеся затем в феодалов, и безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами. Наконец, в-третьих, собственники феодалы сажали на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами.

До середины XI—XII вв. господствующей формой феодальной собственности была государственная, господствующим видом эксплуатации — взимание дани. К XI в. складывается землевладение княжеское (домениальное), боярское, церковное, основанное на присвоении прибавочного продукта, произведенного трудом зависимого крестьянина и посаженного на землю холопа. Процесс расслоения древнерусского общества (в том числе и общины) да-

ет заметные результаты уже к началу X в. Так, в договорах Руси с Византией X в. упоминаются «светлые и великие князи», «князи», «великие бояре», «бояре», («боляре»).

Наиболее ранней формой эксплуатации крестьян киевскими князями являлась дань (продуктами сельского хозяйства, промыслов, деньгами), которой они облагали сельское население.

Присоединенные территории начинали рассматриваться верховными правителями как государственная собственность. Право на сбор дани с определенных территорий получали дружинники князя. Так, «мужу» Игоря Свенельду была пожалована для этих целей земля древлян. Первоначально взыскание дани производилось посредством «полюдья», то есть поездок княжеских дружинников в подвластные земли, где они кормились за счет местного населения до тех пор, пока не соберут дани.

Термин «полюдье» имел два значения: форма взыскания дани и кормление дружинников.

Дань раскладывалась по погостам и взыскивалась с «двора», «дыма», «рала», «плуга», то есть с отдельных крестьянских хозяйств. В связи с этим погосты, как поселения соседских общин, приобретают новое значение — административно-фискальных округов. С именем княгини Ольги летопись связывает проведение в 946—947 гг. ряда мероприятий, направленных на укрепление княжеской власти в пределах сельских территорий: нормирование повинностей, получавших регулярный характер, устройство погостов как постоянных центров сбора дани. Система «полюдья» постепенно сменяется системой «свозa» — доставки дани в погост.

Смерды и данники стали подчиняться княжеским судебным органам. Система штрафов в княжескую казну вытеснила платежи в пользу потерпевших.

3. КУЛЬТУРА

История русской культуры начинается с Крещения Руси. Языческое время остается за порогом истории. Это совсем не значит, будто не было языческого прошлого. Оно было, и очень яркие его следы сохраняются в памяти народа, в быту, в самом народном складе.

Наиболее древний пласт язычества — одухотворение природы, вера в леших, водяных и т. д. Следующий пласт представлен общинными аграрными культами и семейно-родовым культом. В период, предшествовавший принятию христианства, господствовали племенные культы. Каждое племя имело своих богов-покровителей. У полян таким покровителем был Перун, у словен — Велес и т. д.

С образованием единого государства была, видимо, предпринята первая попытка превратить Киев в религиозный центр восточных славян. В договоре Олега с греками (907 г.) упоминаются и Перун, и Велес. В это время почти все восточнославянские племена были присоединены Киевом.

В договоре Игоря с Византией (944 г.) назван только Перун, хотя в походе участие принимали те же племена. Скорее всего, здесь наблюдается попытка поставить Перуна выше всех богов: Киев — центр государства и Перун — главный бог.

В середине X века отношения Киева с «примученными» племенами резко меняются. После казни князя Игоря древлянами в вопросе религии киевским властям пришлось отступить. В договоре 971 г. Святослава с Византией Велес вновь упоминается наряду с Перуном.

Однако в 980 году князь Владимир предпринял новую религиозную реформу — «Постановление кумиров». Это было еще одно возвеличивание Перуна, а фактически — попытка перейти к единобожию. Она оказалась неудачной, так как верховенство Перуна навязывалось силой союзным племенем. Неудача этой реформы предопределила необходимость новых преобразований, нужно было единобожие. Это не было прихотью Владимира или его бояр и дружинников.

Летописец Нестор сообщает подробно, как была крещена Русь. Князь Владимир выслушал представителей разных вер — иудейской, магометанской и христианской, учел, что христианство могло осуществляться с ориентацией на Рим или Византию.

Римская церковь признавала богослужебным языком только латынь. Римский папа требовал полного подчинения себе королей и императоров и тем самым возвышался над ними как в религиозном, так и в политическом отношении. Патриарх Константинопольский признавал определенную зависимость от императора и ставил церковь на службу государству. Константинопольская православная церковь допускала возможность использования любых языков.

Определяя ориентиры, Русь учитывала еще и территориальную близость Византии и то, что родственные русичам болгары уже приняли православие.

Выбор исторически был предрешен в пользу Византии — государства, аналогичного по социальной сущности и по политическому устройству растущему Древнерусскому государству.

По данным летописи крещение киевлян было летом 988 года. Оно явилось официальным началом христианизации Древней Руси.

Новую веру, ставшую государственной, необходимо было распространить на всю территорию. Это оказалось не так-то просто,

хотя кроме византийских священников в крещении активное участие принимала княжеская власть.

Судя по летописям, редко где крещение народа обходилось без насилия. Новгородцев в 991 г. крестили при помощи дружины из Киева. Первые два епископа Федор и Илларион (XI в.) ничего не могли сделать с ростовчанами-язычниками. Жителей Мурома не смогли приобщить к православию ни сын Владимира Глеб, ни его преемник. И так было по всей Руси. Даже обращенные в христианство люди часто сохраняли веру в древних богов.

Принятие христианства имело важные последствия. Князь и его окружение получили идейную основу для единства древнерусского государства. Крещение укрепило связи Руси с Европой.

Владимир был женат на сестре византийского императора Василия II Анне. После ее смерти он вступил в брак с дочерью немецкого графа Куно фон Эннингена. Князь Святополк был женат на дочери польского короля Болеслава I, князь Ярослав Мудрый — на дочери шведского короля Олафа, князь Владимир Мономах — на дочери английского короля Геральда II. Дочери киевских князей были замужем за правителями многих государств.[1]

Византийское религиозное и гражданское влияние на древнерусскую культуру очевидно. Но ни о каком засилии Византии в древнерусской культуре говорить не приходится. Русь не была пассивным объектом его приложения. Даже заимствованные культурные достижения подвергались глубокой трансформации под воздействием местных традиций. Наиболее интенсивным было воздействие византийской культуры на высшие слои общества, гораздо меньше его испытывали народные массы.

Принятие христианства способствовало широкому распространению и быстрому развитию письменности и письменной культуры. Вместе с богослужебными книгами и богословской литературой на Русь из Болгарии, принявшей христианство на 120 лет раньше, проник и первый межславянский литературный язык — старославянский. Он стал языком культа и религиозной литературы.

На местной восточнославянской основе сформировался древнерусский литературный язык. Это язык деловой письменности, исторической и повествовательной литературы. На нем написаны «Русская правда», «Слово о полку Игореве», русские летописи, «Поучения» Владимира Мономаха и т. д. О распространении письменности среди городского населения свидетельствуют бере-

[1] Династические браки Киевских князей с государями Европы, широкие экономические связи позволяют отдельным историкам настаивать на чисто европейском характере Древнерусского государства. Крайним проявлением этой концепции является утверждение о несхожести, пропасти между Киевской Русью X—XI вв. и Российским государством XV—XVII вв.

стяные грамоты, найденные при раскопках в Новгороде и других городах. Первые фрагментарные летописные записи появились в Киеве вскоре после изобретения славянских письмен Кириллом и Мефодием. Они относятся ко времени княжения Аскольда (867—875). Обнаруженная вторичная языческая летопись, описывающая княжение Игоря и Ольги, относится к 912—946 гг. Последний раздел киевской языческой летописи охватывает 946—980 гг. и, в основном, относится к княжению Святослава и Ярополка Святославича. В нем отмечались основные события того времени: приезд посольств, отношения с печенегами, необычные природные явления и пр.

При Ярославе Мудром по его инициативе создается летописный свод 1093 г. Содержание этого свода постепенно разрасталось и к началу XII в. составило обширный систематический рассказ. «Повесть временных лет» правомерно рассматривается как введение в русскую историю, как энциклопедия древнерусской жизни IX—XI вв.

В развитии русского летописания чувствуется определенная религиозно-историческая тенденция или идея. Митрополит Иларион, более известный как автор слова «О законе, Моисеем данном, и о благодати и истине», о котором Е. Е. Голубинский отозвался, как о «безупречной академической речи, с которой из новых речей идут в сравнение только речи Карамзина». Рядом с этим произведением Е. Е. Голубинский ставит также «Слово о полку Игореве». Это действительно превосходный образец ораторского искусства, хотя авторы и находятся под определенным влиянием византийской письменности, повторяют чужие темы.

Первые авторы относились к «церковной интеллигенции». Богословов не было в их рядах в эти ранние века. Но были люди подлинной церковной культуры... Это были первые побеги русского эллинизма.

Центрами древнерусской культуры были города с их ремесленным производством. В IX—X вв. насчитывалось 25 городов, в XI — 89, к концу XII в. — 224. В городах жили и трудились ремесленники разных специальностей. Большие успехи были достигнуты в выплавке и обработке металлов. Железо выплавлялось из болотных руд в сыродутных «домницах». В городах было налажено массовое производство железных орудий: топоров, серпов, лопат и др. Своим мастерством славились русские оружейники. В Европе высоко ценились кольчуги и прямые русские мечи. Древнерусские ювелиры наладили массовое производство различных украшений. Археологи обнаружили в Киеве целую мастерскую по изготовлению стеклянных браслетов. Много ремесленников занималось обработкой кожи и дерева, изготовлением тканей, одежды и обуви.

Существовало в Древней Руси и школьное образование. Школы для детей бояр создавались при Владимире. Ярослав Мудрый создал школу в Новгороде для детей старост и духовных лиц. Имелись школы и для подготовки к государственной и церковной деятельности. В них наряду с богословием изучались философия, риторика, грамматика, географические и естественные науки.

После принятия христианства на Руси развивается монументальное каменное зодчество. Принципы строительства каменных храмов были заимствованы из Византии. Первой каменной постройкой была Десятинная церковь, возведенная в Киеве в конце X века. Она была разрушена монголами в 1240 году. В 1031—1036 гг. в г. Чернигове был воздвигнут Спасо-Преображенский собор. Вершиной южнорусского зодчества XI в. является Софийский собор в Киеве, построенный греческими и русскими мастерами. Вслед за Киевской Софией были построены Софийские соборы в Новгороде и Полоцке.

Эти соборы отличаются от византийских сохранностью традиций русского деревянного строительства дохристианской эпохи: многокупольностью, шлемовидными куполами и многим другим.

Из Византии на Русь пришли новые для нее виды монументальной живописи — мозаика, фреска и иконопись.

Самые ранние из сохранившихся произведений древнерусской живописи были созданы в Киеве. Суровой красотой и монументальностью отличаются мозаики и фрески Софийского Собора. Они выполнены в строгой и торжественной манере, свойственной византийской монументальной живописи. Среди фресок Софии два групповых портрета семьи Ярослава Мудрого, на стенах двух башен изображены сцены княжеской охоты, цирковых состязаний и т. д.

Русская культура была подчинена единому стилю — стилю, отдаленным аналогом которого может быть указан романский стиль на Западе и Юге Европы, а более близким — стиль, господствовавший в Византии и в странах ее культурного влияния.

ЛИТЕРАТУРА

История СССР. Под ред. Н. Е. Артемова. Ч. 1. М., 1982.

История крестьянства в Европе. Т. I. М., 1985.

Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.

Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945.

Нечволодов А. Сказание о Русской земле. Екатеринбург. 1991.

Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск, 1990.

Павленко Н. И. История СССР с древнейших времен до 1961 г. М., 1987.

Перхавко В. Б. Связи древней Руси со славянскими странами. М., 1987.

Покровский М. Н. Избранные произведения. Т. 3. М., 1967.

Пьянков А. П. Происхождение общественно-государственного строя Древней Руси. М., 1979.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Российское законодательство X—XX вв. Т. I. М., 1985.

Флоровский Г. Протоиерей. Пути русского богословия. Киев, 1991.

Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л. 1980.

Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. // **Новосельцев А. П.** и др. Пути развития феодализма. М., 1972.

Лекция 5. СЕВЕРНАЯ РУСЬ. ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУССКО-ЛИТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XII—XIV ВЕКАХ

ПЛАН

1. Раздробленность на Руси. Ее оценка в российской историографии.
2. Золотая Орда: мифы и реальность.
3. Великое княжество Литовское и Русское.

1. РАЗДРОБЛЕННОСТЬ НА РУСИ. ЕЕ ОЦЕНКА В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Хронологическим началом периода раздробленности историческая традиция считает 1132 год, когда после смерти Мстислава, сына Мономаха, «разодралась земля Русская» (по выражению летописи) на отдельные княжества. До этого великокняжеская власть не испытывала чрезмерной угрозы со стороны местного сепаратизма, поскольку за ней были закреплены важнейшие политические и экономические рычаги: войско, система наместничества, налоговая политика, приоритет княжеской казны во внешней торговле.

Процесс регулировки внутригосударственных связей проходил не без трений между центральной властью и местным самоуправлением. При этом общественная практика не подавлялась властными структурами, централизм управления вполне уживался с местными особенностями и традициями. И тем не менее во второй трети XII века дезинтеграционные тенденции взяли верх — Русь попала в полосу раздробленности.

Как причины, так и сам характер этого явления исследователи в разное время раскрывали по-разному. В части историографии, утвердившей формационно-классовый подход, раздробленность получила определение феодальной. Школа М. Н. Покровского рассматривала феодальную раздробленность как закономерный этап в поступательном развитии производительных сил. Согласно формационной схеме феодализм и есть замкнутость хозяйственно-политических структур. Раздробленность при этом трактуется как новая форма государственной организации, а главные причины раздробления сводятся к экономическим, так назы-

ваемым «базисным»: 1) господство замкнутого натурального хозяйства, означающее отсутствие у производителей заинтересованности в развитии товарных рыночных отношений. Считалось, что натуральная замкнутость отдельных земель давала возможность полнее использовать местный хозяйственный потенциал; 2) развитие феодальной вотчины, игравшей организующую роль в развитии сельскохозяйственного производства в силу более весомых возможностей, нежели у крестьянских хозяйств, для многоотраслевого ведения экономики.

Выделение этих причин из многосложного причинно-следственного комплекса было связано с традиционной для советской историографии унификацией русской истории с западноевропейской (западноевропейский феодализм представлялся наиболее типичной формой этой общественной формации). Формационные построения служили доказательством жесткой детерминированности исторических процессов, где результаты человеческих усилий, совокупности этих результатов ложатся в изначально предопределенное русло.

С развитием советской исторической науки неизбежно углублялось изучение многих явлений отечественной истории, что не мешало, однако, живучести сложившихся стереотипов. Двойственность в оценках касалась и раздробленности. К примеру, в 1975 году историк А. К. Леонтьев так оценивал это явление: «Феодальная раздробленность была новым, более высоким этапом в развитии феодального общества и государства... Вместе с тем утрата государственного единства Руси, сопровождавшаяся началом затяжных княжеских усобиц, ослабляла и разъединяла ее силы перед лицом возраставшей угрозы иноземной агрессии».

Ссылки на диалектический подход неспособны затушевать факт, что угроза внешней агрессии ставила под вопрос само существование Руси — независимо от уровня развития феодальных отношений. Под более высоким уровнем развития общества подразумевались, в первую очередь, возросшие возможности реализации местных экономических потенциалов. На практике, однако, такая реализация нередко сдерживалась многими неблагоприятными факторами: политической нестабильностью, отсечением от ресурсов других регионов, от важнейших морских и сухопутных торговых маршрутов, от общегосударственной инфраструктуры и т. п.

При объективном подходе к изучению проблемы было бы логичным отказаться от ставшей достаточно традиционной унификации процессов раздробления на Руси с западноевропейским феодализмом. На развитие древнерусских земельных отношений в значительной степени влияли такие факторы, как наличие общинного землепользования и огромный фонд свободных земель. Исто-

рики С. В. Думин, А. А. Турилов прямо признают, что по письменным источникам киевского времени (XI—первая половина XIII в.) процесс феодализации землевладения прослеживается довольно слабо.

Разумеется, нельзя полностью отрицать тенденции феодализации древнерусского общества. Речь о том, что не следует упрощать то, что названо «механизмом взаимодействия базиса и надстройки». Большего внимания требуют политические, культурные и социально-психологические аспекты проблемы. Неотрегулированность порядка княжеского престолонаследия, распри внутри правящей династии, сепаратизм и амбиции местной земельной знати отражали дестабилизацию политического положения в стране. Причем эта дестабилизация была не абстрактной тенденцией, а выражала себя через конкретную деятельность конкретных людей. Столкновение, борьба центростремительного и центробежного факторов, объединяющего и разъединяющего начал определяли ход исторических процессов и до, и после раздробления Киевской Руси. Не проводя прямых аналогий, нельзя не заметить, что дезинтеграция внутригосударственных связей в России заявляла о себе в начале XVII века и в XX веке.

Подавляющее большинство историков досоветского периода вело речь не о феодальной, а о государственной раздробленности. Дооктябрьская историография показывала, что в XII—XIV вв. русские крестьяне были свободными арендаторами частновладельческих земель, а оброк был арендной платой за землю. Класс землевладельцев не был однородным, рамки между его различными категориями постоянно размывались. Сложившаяся структура социальной иерархии сама по себе еще не предполагала раздробления государства.

По оценкам Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева, этот период был своего рода смутой, временем «темным, молчаливым», а также «скудным делами славы и богатым ничтожными распрями». Понятие «феодальная раздробленность» представителями «государственной» школы по отношению к Руси не употреблялось. В. О. Ключевский говорил не о раздробленности, а об «удельном строе», называя этот период «удельными веками». Терминология Ключевского подразумевала прежде всего государственную децентрализацию вследствие осуществления принципа наследственного деления земель и власти внутри княжеского рода. Понятие «феодализм» Ключевским использовалось только по отношению к Западной Европе: «...Государство распадается на мелкие тела, в строе которых с наивным безразличием элементы государственного порядка сливаются с нормами гражданского права. Из такого состояния общества на Западе вышел феодализм; такое же состояние на Верхней Волге послужило основой удельного порядка».

Период раздробления, по Ключевскому, был временем тяжелых испытаний для Руси, но при этом имел и свое историческое значение: «...значение удельных веков не в них самих, а в их последствиях, в том, что из них вышло». Т. е. это время переходное — от Руси Киевской к Руси Московской.

Ключевский обращает внимание на то, что в удельный период, несмотря на раздробление, интегрирующие тенденции сохранялись. Несмотря на кризис центральной власти, шел процесс этнической консолидации населения Северо-Восточной Руси. «Общеземское чувство» русских людей подкреплялось единством языка, традиций, менталитета. Скрепляющие функции по отношению к русской общественной жизни выполняла православная церковь.

Парадоксальным образом элементы единства просматривались и в системе отношений внутри княжеского рода, хотя именно князья были виновниками конфликтов и раздробления. Будучи членами одной фамилии, в стремлении утвердиться в более престижных уделах князья «были блуждающими кометами» (по выражению Ключевского). На Западе же феодалы прочно «врастали» в свои лены.

С оригинальным объяснением раздробления Киевской державы выступил Л. Н. Гумилев. Согласно его концепции, оно стало результатом спада пассионарной энергии в системе древнерусского этноса. Проявления этого спада он усматривал в ослаблении общественных и внутригосударственных связей вследствие победы узкокорыстных интересов и потребительской психологии, когда государственная организация воспринималась обывателями как обуза, а не как гарант выживания, стабильности и защиты.

Накопленные богатства обеспечивали комфорт, поэтому носители потребительской психологии задавали тон в обществе, духовно-идеологически подавляя людей общественно активных, самоотверженных, терпеливых. Потребительство разжигало эгоистические страсти, распространяло безразличие к государственным проблемам, мешало чутко угадывать перспективу.

Несмотря на то, что наиболее дальновидные люди предупреждали о жестоких последствиях раздробленности, называя ее «погибелью земли русской», большинство было инертным, находясь под впечатлением недавнего благополучия, обманываясь, что оно будет вечным. В течение XI и в начале XII веков военные столкновения Руси с ее соседями не перерастали рамок пограничных конфликтов. Относительная безопасность делалась привычной, вносила элементы беззаботности. Поколения, выраставшие в таких условиях, упускали из внимания мысль о государстве как гаранте выживания народа — мысль, хорошо понятную их предкам, создавшим государство в обстановке непрерывных войн с кочев-

никами. Люди теряли бдительность, отвлекались от мыслей о судьбе отечества, их внимание переключалось на внутриполитические склоки.

Для мыслящей части общества в те времена оценка раздробленности была однозначно негативной. Русские летописцы обозначили последствия государственного распада как «наказание за грехи». В конце XII века безымянный автор «Слова о полку Игореве» перед лицом подступающей внешней угрозы обратился к князьям с призывом к единению русских сил. И хотя оставалось лишь 38 лет до битвы на Калке, этот призыв остался неуслышанным.

Отрицательные последствия раздробленности не заставили себя долго ждать. В конце XII века усилился натиск половцев, который для монолитной в военно-политическом отношении Руси не вызывал бы особых трудностей. В результате половецких набегов страдала прежде всего Киевская земля. Половцы и внутренние усобицы разорили Киев, привели его к упадку. Население Южной Руси отливало в северные и северо-западные районы страны.

На фоне упадка Киева проявлялся относительный политический подъем Владимиро-Суздальского и Смоленского княжеств, а также Новгородской земли. Однако этот подъем в то время еще не мог привести к созданию общерусского центра, способного объединить Русь и выполнить важнейшие внешнестратегические задачи.

Во второй трети XIII века Русь оказалась перед тяжелыми испытаниями, когда на нее с востока обрушились монголы, а с запада — немецкие, датские, шведские рыцари, литовские, польские и венгерские феодалы. Русские князья, замотанные распрями, не сумели объединиться для отпора агрессии. Развал государственной организации ослаблял способность к сопротивлению.

2. ЗОЛОТАЯ ОРДА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В начале XIII века монгольские племена, объединенные под властью Чингисхана, начали завоевательные походы, целью которых было создание огромной сверхдержавы. Уже во 2-й половине XIII века пространства от Тихого океана до Дуная оказались под контролем Чингизидов. Сразу после своего появления исполинская империя разделилась на отдельные части (улусы), крупнейшим из которых был улус потомков Джучи (старшего сына Чингисхана), куда вошли Западная Сибирь, часть Средней Азии, Приуралье, Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Крым, земли половцев и других тюркских кочевых народов. Западная часть улуса Джучиева стала юртом сына Джучи Батыя и

получила в русских летописях название «Золотая Орда» или просто «Орда».

Начало политической истории Золотой Орды относится к 1243 году, когда Батый возвратился из похода в Европу. В этом же году великий князь Ярослав первым из русских правителей прибыл в ставку монгольского хана за ярлыком на княжение.

Золотая Орда была одним из крупнейших государств средневековья. Ее военная мощь в течение долгого времени не имела равных. Дружбы с ордынцами искали правители даже отдаленных стран. По территориям Орды проходили важнейшие торговые маршруты, связывавшие Восток и Запад.

В научной и учебной литературе — как и на уровне обыденного сознания — утвердились некоторые стереотипы и заблуждения, связанные с Золотой Ордой. Это относится к развитию культуры, наличию городов, соотношению понятий «монголы» и «татары», некоторым моментам истории русско-ордынских отношений. Долгое время Золотая Орда была нежелательной темой в науке, любой положительный факт по отношению к ней казался сомнительным. Термин «татарщина» в трудах классиков марксизма был синонимом варварства и нес исключительно пренебрежительный смысл.

Растянувшись от Иртыша до Дуная, Золотая Орда с этнической точки зрения представляла пеструю смесь самых разных народов — монголы, волжские булгары, русские, буртасы, башкиры, мордва, ясы, черкесы, грузины и др. Но основную массу населения Орды составляли половцы, в среде которых уже в XIV веке стали растворяться завоеватели, забывая свою культуру, язык, письменность (подобные процессы характерны были и для других государств, созданных монгольскими завоевателями). Многонациональный характер Орды наследовался ею вместе с завоеванными территориями, принадлежавшими ранее государствам сарматов, готов, Хазарии, Волжской Булгарии.

В литературе самое широкое хождение получило наименование населения Золотой Орды «монголо-татарами». После знакомства с историческими фактами условность этого термина становится очевидной.

Этноним «монголы» являлся самоназванием объединенных Чингисханом племен, однако повсюду, где появлялись монгольские войска, их называли татарами. Это было связано исключительно с китайской летописной традицией, с XII века упорно именовавшей всех монголов «татарами», что соответствовало европейскому понятию «варвары». Это название китайцы распространяли не только на монголов. За одним из племен, несшим пограничную службу на северной границе Китая и охранявшим ее от монголов, этноним «татары» закрепился как самоназвание. Татары постоян-

но враждовали с монголами, в XII веке отравили отца Чингисхана. Придя к власти в Монголии, Чингисхан поголовно истребил их. Однако китайцы продолжали применять имя татар по отношению к монголам. Оно и было принесено в Европу из Китая задолго до похода Батыя. Русские летописи по отношению к населению Золотой Орды употребляли слово «татары», хотя на Руси хорошо знали, что основатели улуса Джучи называли себя монголами. Словесный гибрид «монголо-татары» возник в XIX веке и укоренился в российской историографии, хотя в войсках Чингисхана и Батыя никаких татар не было. Современные татары не имеют отношения к народу, обитавшему до XIII века на границе Монголии с Китаем. Они возникли в результате сложных межэтнических контактов и взаимодействий.

Одно из стереотипных представлений о Золотой Орде состоит в том, что это государство было чисто кочевническим и почти не имело городов. Этот стереотип переносит ситуацию времен Чингисхана на всю историю Золотой Орды. Уже преемники Чингисхана отчетливо поняли, что «нельзя управлять Поднебесной, сидя на коне». В Золотой Орде было создано более сотни городов, выполнявших функции административно-налоговых и торгово-ремесленных центров. Столица государства — город Сарай — насчитывала 75 тысяч жителей. По средневековым масштабам это был огромный город. Подавляющее большинство золотоордынских городов было разрушено Тимуром в конце XIV века, но некоторые сохранились до наших дней — Азов, Казань, Старый Крым, Тюмень и др. На золотоордынской территории строились города и с преобладанием русского населения — Елец, Тула, Калуга. Это были резиденции и опорные гарнизоны баскачества («Калуга» переводится как «застава»). Благодаря союзу городов со степью развивались ремесла и караванная торговля, создавался экономический потенциал, длительное время способствовавший сохранению могущества Орды.

Культурная жизнь Орды характеризовалась многоэтничностью, а также взаимодействием кочевого и оседлого укладов. В начальном периоде Золотой Орды культура развивалась во многом за счет потребления достижений завоеванных народов. Это не значит, тем не менее, что монгольский субстрат золотоордынской культуры не имел самостоятельного значения и влияния на покоренные племена. У монголов была сложная и очень своеобразная обрядовая система. В отличие от ситуации в соседних мусульманских странах в общественной жизни Орды довольно высокой была роль женщин. Очень характерным для монголов являлось чрезвычайно спокойное отношение к любым религиям. Веротерпимость вела к тому, что сплошь и рядом даже в одном семействе мирно уживались приверженцы различных исповеданий.

К примеру, в роду самих Джучидов хан Батый был язычником, его сын Сартак — христианином, а брат хана Берке — мусульманином.

Развивалась традиционная народная культура — особенно богатый и яркий фольклор героико-былинного и песенного характера, а также орнаментально-прикладное искусство. Важнейшей культурной чертой монголов-кочевников было наличие собственной письменности.

Строительство городов сопровождалось развитием архитектуры и домостроительной техники. После принятия ислама в качестве государственной религии в XIV веке стали интенсивно сооружать мечети, минареты, медресе, мавзолеи, монументальные дворцы. В разных районах Золотой Орды достаточно четко выделялись зоны конкретного влияния различных градостроительных традиций — булгарских, хорезмских, крымских и т. п.

Постепенно различные элементы многоэтничной культуры объединялись в одно целое, перерастали в синтез, в органическое сочетание разнообразных черт духовной и материальной культуры разных народов, населяющих Золотую Орду. В отличие от Ирана и Китая, где монгольская культура быстро и легко растворилась без заметных следов, в Золотой Орде в один поток слились культурные достижения разных народов.

Одним из самых полемичных в отечественной историографии является вопрос об отношениях между Русью и Ордой, о степени тяжести так называемого «монголо-татарского ига» и его последствиях для хода русской истории.

В 1237—1240 годах разобщенные в военно-политическом отношении Русские земли, подверглись разгрому и разорению войсками Батыя. Удары монголов по Рязани, Владимиру, Ростову, Суздалю, Галичу, Твери, Киеву оставили у русских людей впечатление шока. После Батыева нашествия во Владимиро-Суздальской, Рязанской, Черниговской, Киевской землях более двух третей всех поселений было уничтожено. Массово вырезались и городские, и сельские жители. Такую или похожую картину рисовали русские летописцы и подавляющее большинство российских историков.

Трудно сомневаться, что агрессия монголов принесла жестокие несчастья русскому народу. Но в историографии имелись и другие оценки. Так, в 1930 году М. Нечкина писала: «Жестокости и «зверства» татар, на описание которых русские историки-националисты не жалели самых мрачных красок, были в феодальную эпоху обычным спутником любых феодальных столкновений... Трудовое население покоряемых татарами земель зачастую рассматривало их в начале покорения как союзников в борьбе против угнетателей — русских князей и половецкой аристократии». Смягченную оценку батыева погрома Руси пытался дать Л. Н. Гуми-

лев, но и он не мог затушевать жестоких расправ монголов над русскими в конце 30—начале 40-х гг. XIII в.

Монгольское нашествие нанесло жестокую рану русскому народу. Завоеватели в течение первого десятка лет после нашествия не брали дань, занимаясь только грабежами и разрушениями. Но такая практика означала добровольный отказ от долговременных выгод. Когда монголы осознали это, начался сбор систематизированной дани, ставшей постоянным источником пополнения монгольской казны. Отношения Руси с Ордой приняли предсказуемые и устойчивые формы — рождается явление, получившее название «монгольское иго». При этом, однако, практика периодических карательных походов не прекращалась до XIV века. По подсчетам В. В. Каргалова, в последнюю четверть XIII в. Орда провела не менее 15 крупных походов. Многие русские князья подвергались террору и запугиванию с целью не допустить с их стороны антиордынских выступлений.

Русско-ордынские отношения были непростыми, но сводить их только к тотальному давлению на Русь было бы заблуждением. Еще С. М. Соловьев четко и однозначно «развел» период опустошений русских земель монголами и последующий за ним период, когда они, живя вдалеке, заботились только о сборе дани. При общей негативной оценке «ига» советский историк А. К. Леонтьев подчеркивал, что Русь сохранила свою государственность, не была прямо включена в состав Золотой Орды. Негативно влияние монголов на русскую историю оценивает А. Л. Юрганов, но и он признает, что хотя «непокорных унизительно наказывали... те князья, которые охотно подчинялись монголам, как правило, находили с ними общий язык и даже более того — роднились, подолгу гостили в Орде». Многие русские князья становились — по выражению Юрганова — «служебниками» монгольских ханов.

Н. М. Карамзин считал, что зависимость от монголов способствовала преодолению раздробленности русской земли, созданию единой государственности, подводя русских к мысли о необходимости объединения. Разделяя эту мысль, В. О. Ключевский выделял еще одну сторону власти монгольского хана над русскими князьями — он полагал, что она выступала для Руси в качестве объединительного фактора и что без арбитража Орды «князья разнесли бы Русь в клочья» своими усобицами.

Л. Н. Гумилев категорически отвергал понятие «монголо-татарское иго», называя его мифом. При этом он утверждал, что «...говорить о завоевании России монголами нелепо, потому что монголы в 1249 году ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим монгольским Улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и решен был в княжение

Александра Невского, когда он добился выгодного союза с Золотой Ордой».

Писатель Б. Васильев одну из своих статей прямо озаглавил «А было ли иго?», приводя доводы в пользу добровольности русско-ордынского союза, говоря о дани как законной плате монголам за охрану русских границ, о фактах участия русских войск в организованных монголами военных походах. (Действительно, русские отряды участвовали в завоевании Северного Кавказа, Южного Китая и др.).

В свою очередь, публицист В. Кожинов, не отрицая монгольского ига, отвергает тезис о его чрезвычайной обременительности для русского народа. При этом он ссылается на исследование историка П. Н. Павлова «К вопросу о русской дани в Золотую Орду», опубликованное в 1958 году. Согласно выкладкам, приведенным в этой работе, выявляется, что в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь 1—2 рубля в современном исчислении. Такая дань не могла быть тяжелой для народа, хотя она сильно ударяла по казне русских князей.

Специфику составляло и то, что угнетение не было прямым: угнетатель жил вдалеке, а не среди покоренного народа. Такая форма зависимости не направлялась на отдельно взятые личные интересы, а связывала их круговой порукой. По мере ослабления Орды угнетение теряло остроту.

Своеобразие русско-ордынских отношений становится понятным только в контексте той исторической эпохи. В середине XIII века децентрализованная Русь подверглась двойной агрессии — с Востока и с Запада. При этом западная агрессия несла несчастья никак не меньше: она была подготовлена и финансирована Ватиканом, заложившим в нее заряд католического фанатизма. В 1204 году крестоносцы разграбили Константинополь, затем обратили взоры к Прибалтике и Руси. Их давление было не менее жестоким, чем у монголов: немецкие рыцари поголовно уничтожали сорбов, пруссов, ливов. В 1224 году они вырезали русское население города Юрьева, ясно дав понять, что ждало бы русских в случае успешного продвижения немцев на восток. Цель крестоносцев — разгром православия — затрагивала жизненные интересы славян и многих угро-финнов. Монголы же были веротерпимы, духовной культуре русских они всерьез угрожать не могли. И в отношении территориальных захватов монгольские походы заметно отличались от западной экспансии: после первоначального удара по Руси монголы отошли назад в степь, а до Новгорода, Пскова, Смоленска они вообще не дошли. Католическое же наступление шло по всему фронту: Польша и Венгрия устремились на Галицию и Волынь, немцы — на Псков и Новгород, шведы высадились на берегах Невы.

Как писал крупнейший русский историк Г. В. Вернадский, «Русь могла погибнуть между двух огней в героической борьбе, но устоять и спастись в борьбе одновременно на два фронта она не могла. Предстояло выбирать между Востоком и Западом».

Разные варианты выбора олицетворялись деятельностью двух русских князей — Даниила Галицкого и новгородского военачальника Александра, названного Невским. Даниил — по версии Г. В. Вернадского — поначалу лавировал между Западом и монголами. Ему удалось получить поддержку Батыя, после чего его внешнеполитический вес резко вырос, «Запад начал заискивать перед ним» (по словам Г. Вернадского). Однако Даниилу показалось унизительным расположение к нему ордынцев: «злее зла честь татарская» — отразил его чувства летописец. Даниил вступил в переговоры с Папой Римским, рассчитывая на военную помощь Запада. Никакой помощи он не получил. Разменявшись «на повседневные политические мелочи», он упустил из рук главные нити исторических событий, открыл Венгрии, Польше, Литве дорогу в юго-западную Русь. Волынь и Галиция на долгие века попали в сферу влияния католичества, оторвавшись от общерусского культурного потока. Г. Вернадский писал: «...используй Даниил с тыла поддержку монгольской силы, — он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных. Он мог прочно утвердить Русь и Православие в восточной и средней Европе. Шумная и блестящая эпопея Даниила Галицкого прошла впустую».

Для верного выбора внешнеполитической стратегии и тактики «нужно было отчетливо сознавать и глубоко чувствовать — инстинктом, нутром, так сказать, — исторический смысл своеобразия русской культуры — Православие» (Г. Вернадский). Александр Невский, заручившись дипломатической поддержкой монголов и страхуя свои тылы, подавил все попытки немцев и шведов проникнуть в земли Северо-Западной Руси. Подчинение Александра монголам не было механическим — он выделил в них те стороны и качества, которые могли помочь сохранить и утвердить русскую культурную самобытность, защитить ее от католического Запада.

В 1240 году Александр разбил на Неве войско шведского ярла Биргера, получившего благословение на крестовый поход от Папы Римского. Еще через 2 года он изгнал ливонских рыцарей из Копорья и Пскова, разгромив их на льду Чудского озера. В 1245 году он победил литовцев в районе Витебска и Торопца. Папа Римский за признание католичества пообещал Александру помощь ливонцев против татар. Но Невский остался верным избранному курсу. Он помог Батыю в решении внутриордынских династических споров. В 1252 году уже монголы поддержали

Александра в усмирении его противников среди русской знати. В 1262 году Александр воевал против ливонцев и укреплял дипломатический союз с монголами, миром уладив возможный конфликт с Ордой после избиения монгольских баскаков во многих северорусских городах, предотвратив кровавый погром Руси. А в 1269 году монгольский отряд помог новгородцам отогнать крестоносцев от новгородских стен.

В некоторых публикациях подчинение Александра Орде рассматривается как предательство христианского мира. Эта позиция является прозападнической. Александр Невский сорвал колонизаторские замыслы Запада, сохранил плацдарм для накопления Русью жизненных сил, решил задачу спасения самого ценного наследия — культурной традиции. После его кончины «бысть во всемъ народе плачь неутешимъ».

Зависимость Руси от Орды сочеталась с неоднозначным развитием политических и дипломатических отношений. С одной стороны, русские князья получали подтверждения на княжение в ханской ставке, неугодные ордынцам убирались с политической арены. С другой же стороны и Русь имела каналы политического и духовно-идеологического влияния на Орду. Особую роль играла русская православная церковь В 1261 году в Сарае была учреждена епархия русской церкви, что позволило через миссионерскую и проповедническую деятельность распространять духовно-культурное влияние Руси в Орде, а также защищать интересы православных пленников. В 1279 году русский митрополит получил от хана охранную грамоту, которая признавала неприкосновенность православной веры, храмов и церковного имущества. Православная церковь освобождалась от выплаты дани монголам, что позволяло под ее прикрытием формировать материальную базу для начала освободительной борьбы.

Однако вопрос о формировании освободительной идеологии окончательно вышел на повестку дня лишь в 1313 году после объявления ханом Узбеком ислама официальной религией Орды. До этого момента события развивались так, что Золотая Орда могла стать если не прямо русским, то монголо-русским государством, как было монголо-китайское, монголо-персидское, а с другой стороны — литовско-русское. Существенным для такого слияния в новых монгольских государствах был религиозный вопрос. Культурное слияние было полным, когда правящая монгольская знать принимала веру большинства населения страны, как это было в Китае (буддизм) и в Персии (ислам). При условии, что монгольские ханы приняли бы православие, духовным и культурным центром русской земли мог оказаться Сарай, а не Москва.

Деятельность православной епархии в Орде не прошла даром. После 1313 года на Русь двинулся поток православных татар.

Они в большинстве своем принимались на военную службу к московскому князю, находившемуся в союзе с православной церковью. Москва затмила могуществом другие княжества, получив в свою дружину воинов, не имевших себе равных за счет совершенной боевой выучки и особой воинской солидарности.

Уже в конце XIII века сбор дани Орда передала русским князьям, что облегчало им возможности для финансового и политического маневрирования. Иван Калита и другие потомки Александра Невского продолжали проводить политику «смиренной мудрости», постепенно накапливая предпосылки для перелома в происходящем.

Перелом произошел в 1380 году, когда на Куликовом поле московское войско, вбирая в себя массы добровольцев из всех русских земель, выступило против ордынского темника Мамая, поддержанного Литвой и Генуей. Русь окрепла, Орда стала терять былую мощь. Политика Александра Невского естественным образом превратилась в политику Дмитрия Донского.

Ордынское иго оказало мощное воздействие на ход русской истории. Как писал Г. В. Вернадский, «подчинившись государям из дома Чингисхана, Русская земля в политическом отношении была включена в огромный исторический мир, простиравшийся от Тихого океана до Средиземного моря». Через 200 лет после создания ханом Батыем монгольского государства оно распалось на несколько составных: Большую Орду, Астраханское, Казанское, Крымское, Сибирское ханство, Ногайскую Орду. В то же самое время Московская Русь — напротив — консолидировалась и набирала мощь. После распада Золотой Орды ее геополитическое наследство неизбежно должно было кому-то перейти — оно перешло к Руси.

Л. Н. Гумилев утверждал, что россияне (великороссы) — этнос, сложившийся из трех компонентов: славяне, финно-угры и татары («татары» — т. е. смесь тюрок с монголами). Он называл этот этнос очень сильным и свободным от вражды на национальной почве. Уважая точку зрения Гумилева, тем не менее нельзя преувеличивать масштабы смешения монголов и жителей Северо-Восточной Руси. Не отрицая русско-монгольских межэтнических контактов, следует признать, что их уровень не определял качественные характеристики великорусского этноса, что особенно проявляется при сравнении со степенями монгольского влияния на булгар, половцев, башкир, чувашей.

Влияние ордынской материальной и духовной культуры на вполне сложившуюся русскую имело, бесспорно, место, но было неспособно переломить ее своеобразие. Было и тюркское воздействие на русский язык: заимствовался прочно укоренивший-

ся лексический ряд, но при этом совершенно не затрагивалась морфология русского языка.

Потеря государственной независимости и выплата дани были нелегким моральным грузом для русского народа. Но борьба против этих явлений ускорила процесс централизации Русского государства, заложила основы для создания российской государственности, послужила стимулом для укрепления национального самосознания и общественной консолидации. Несмотря на всю неоднозначность русско-ордынских отношений, на постепенно спадавшую остроту в них, генетическую память народа невозможно было освободить от ужасов первоначального удара Батыя по Руси. Поэтому после получения независимости в общественном сознании особое место заняла «идеология выживания», которой подчинялась и социальная структура русского общества, и хозяйственная жизнь Руси. Формировалась установка на особую осторожность в выборе путей развития, что граничило с изоляционизмом и преобладанием политического консерватизма. Послеордынская Россия встала на путь эволюции особого типа, который в части историографии не совсем точно назван «моделью догоняющего развития».

3. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РУССКОЕ

Одним из последствий государственной децентрализации Киевской державы, усиленным батыевым погромом, стало разобщение древнерусских территорий, когда Южная и Западная Русь попали под власть Литвы. Некогда единый русский народ разделился на три ветви — великороссов, украинцев и белорусов. Разрыв культурных и политических связей между частями некогда единого целого вел к консервации некоторых диалектных и обрядовых особенностей, хотя осознание духовно-этнической общности не оставляло потомков древних русичей и в условиях взаимоизолированности.

Присоединение западнорусских земель к Литве началось во второй трети XIII века при великом князе Литовском Миндовге В период правления Гедимина и его сына Ольгерда территориальные приобретения Литвы продолжались. В ее состав вошли Полоцкое, Витебское, Минское, Друцкое княжества, Турово-Пинское Полесье, Берестейщина, Волынь, Подолье, Черниговская земля и часть Смоленщины. В 1362 году под власть литовского князя был приведен Киев. Коренная Литва окружалась поясом подвластных ей русских земель, которые составили 9/10 всей территории образовавшегося государства, простиравшегося от Балтийского до Черного моря.

Русское культурное влияние в новом государстве пользовалось подавляющим преобладанием, подчиняя господствующую в политическом плане народность — литовцев. Гедимин и его сыновья были женаты на русских княжнах, при дворе и в официальном делопроизводстве господствовал русский язык. Литовской письменности в то время не существовало вовсе.

Вплоть до конца XIV века русские области, присоединяясь к Литве, не испытывали национально-религиозного гнета. Строй и характер местной жизни сохранялся, потомки Рюрика оставались на своих экономических позициях, мало потеряв и в политическом плане, поскольку государственный строй Литвы носил федеративный характер. Великое княжество Литовское являлось скорее конгломератом земель и владений, чем единым политическим целым. До некоторых пор русское культурное влияние в Литовско-Русском государстве усиливалось по нарастающей. Гедиминовичи обрусевали, многие из них принимали православие в его русском варианте. Налицо были тенденции, ведущие в сторону складывания нового своеобразного варианта русской государственности на южных и западных землях бывшей Киевской державы.

Эти тенденции были сломлены, когда великим князем Литовским стал Ягайло. Его прозападническая ориентация была результатом личных характеристик Ягайло: властолюбия, тщеславия, жестокости. В 1386 году он принял католичество и оформил унию Литвы с Польшей. Амбиции польской шляхты, связанные со стремлением проникнуть на обширные западнорусские земли, были удовлетворены. Ее права и привилегии быстро перевесили права русской аристократии. Началась католическая экспансия на западные земли Руси. Упразднялись крупные областные княжения в Полоцке, Витебске, Киеве и других местах, самоуправление заменялось наместничеством. Литовская аристократия сменила культурную ориентацию с русской на польскую. Полонизация и окатоличивание захватили часть и западнорусской знати, в то время как большинство русских сохраняло верность православию и древним традициям. Началась национально-религиозная вражда, которой не было до 80-х годов XIV века. Эта вражда перерастала в жесткую политическую борьбу, в ходе которой у национально мыслящей части западнорусского населения неизбежно крепли настроения в пользу единого Русского государства. Процесс складывания государственного ядра на северо-востоке Руси влиял на эти настроения и усиливал их.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под ред. **Б. А. Рыбакова.** М., 1975.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 тт., Т. I. М., 1987.

Новосельцев А. П., Пашуто В. И., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972.

Павлов-Сильванский М. П. Феодализм в России. М., 1986.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., М., 1982.

Соловьев С. М. История России. Кн. 1. М., 1960.

Лекция 6. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XVI вв.)

ПЛАН

1. Северо-восточная Русь и Орда.
2. Иван III — первый государь всея Руси.
3. Политическое и социальное развитие.
4. Культура и быт.

1. СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ И ОРДА

Усиление Московского княжества вело к изменению отношения к татарам. Сущность этого изменения состояла в переходе от политики покорности и повиновения Орде к политике борьбы против нее, тем более, что в Золотой Орде тогда наблюдались усобицы, падение значения ханской власти. За период с 1360 по 1380 гг. в Орде сменилось 14 ханов. Но Мамаю удалось временно ликвидировать усобицы и сосредоточить власть в своих руках. Он решил призвать Московского князя к порядку и в 1378 г. совершил поход на Русь, но на реке Воже (приток Оки) татарское войско было разбито. После этого обе стороны стали готовиться к решительной битве. С этой целью Мамай заключил союз с Великим князем Литовским Ягайло и вступил в тайные сношения с рязанским князем Олегом, недовольным главенством Москвы.

Несмотря на то, что ни Тверь, ни Новгород, ни Нижний Новгород не приняли участия в борьбе с Мамаем, Дмитрию удалось создать небывалую до того рать, которая насчитывала 100—150 тыс. человек. В этом деле существенную помощь князю оказывало духовенство, прежде всего — преподобный Сергий Радонежский, который примером своей жизни «поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее» (В. О. Ключевский). Святой Сергий не только благословил Дмитрия Ивановича на подвиг, но и предсказал погибель Мамаю, воскликнув: «Пойди, господине, на поганые половци, призывая бога, и господь бог будет ти помощник и заступник!». Исход сражения решила Куликовская битва, которая произошла в день праздника Рождества Богородицы 8 сентября 1380 г. на правом берегу Дона при впадении в него реки Непряд-

вы. Битва шла несколько часов. Татары дрогнули и побежали. Летописцы называли Куликовское сражение «Мамаевым побоищем», а Дмитрию народ дал почетное прозвище «Донской», с которым он и вошел в историю.

Куликовское сражение имело огромное политическое и национальное значение. «Событие состояло в том, — говорил В. О. Ключевский, — что народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями». Велика была радость на Руси, но велика и скорбь, так как русское войско понесло огромные потери.

Битва была выиграна, но Дмитрию Донскому не удалось освободить Русь от монгольского ига. В 1382 г. новый хан Золотой Орды Тохтамыш вторгся в русские области и опустошил Москву, Дмитрию пришлось согласиться на возобновление выплаты дани. И все же зависимость Русских земель от Орды становилась все более номинальной.

Дмитрий Донской передал в наследство своему сыну Василию I Владимирский великокняжеский престол как вотчину, не спрашивая ханского разрешения (ярлыка). Василий I продолжал собирать русские земли под власть Московского княжества. Его смерть положила начало длительному и острому политическому кризису, заполнившему почти все княжение его сына Василия II Васильевича (1425—1462 гг.). Дело в том, что Василий Дмитриевич перед своей смертью благословил своего 10-летнего сына Василия на великое княжение. Но после смерти Василия I его брат Юрий Дмитриевич отказался признать старшинство своего племянника и вступил в борьбу за великокняжеский престол. Эта борьба, которую после смерти Юрия продолжали его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка, носила характер феодальной войны, тянулась около 20 лет и доходила до крайней жестокости с обеих сторон.

Усобица осложнялась бурными и сложными отношениями Василия II с монголами. Татарский хан в самом начале признал его великим князем, но в 1445 г. большой отряд одного из татарских ханов Улу-Махмета ворвался в московские владения, разбил русские войска и взял Василия II в плен. Великий князь был освобожден из плена за огромный выкуп. Используя недовольство, вызванное сбором средств для выкупа, Дмитрий Шемяка в 1446 г. захватывает в Троицком монастыре Василия Васильевича и ослепляет его (отсюда прозвище — Темный), а в феврале этого же года занимает Москву. Однако против Шемяки выступило население Москвы, особенно духовенство во главе с епископом рязан-

ским Ионой. Дмитрий Шемяка вынужден был пойти на освобождение Василия Темного, который в декабре 1446 г. вступает в столицу своего княжества.

Кроме политического междоусобия княжение Василия II было потрясено еще церковной смутой. В 1431 г. в Москве хотели поставить митрополитом епископа Иону, но патриарх Константинопольский поставил митрополитом на Руси грека Исидора. В 1439 г. на соборе во Флоренции заключили унию об объединении православной и католической церквей с признанием верховной власти римского папы. Акт об унии подписал и русский митрополит Исидор. Но когда он вернулся в Россию в сане римского кардинала, то великий князь и русское духовенство отказались признать унию. Исидор был низложен, а в 1448 г. на соборе русских епископов Иона был избран митрополитом впервые без ведома Константинопольского патриарха. Русская церковь стала автокефальной (независимой).

В настоящее время часть историков считает, что во время феодальной войны второй четверти XV в. еще могли реализоваться альтернативные варианты централизации. Во главе объединения древнерусских земель могли оказаться торговый Новгород или северная Галицкая земля с ее развитыми промыслами и значительным числом свободных крестьян, а возможно и княжество Литовское и Русское, где литовцы играли своеобразную роль «варягов». Однако победа в проведении централизации осталась за московским князем Василием II, использовавшим в качестве союзников ордынцев. В борьбе за центральную власть Василия II поддержала русская православная церковь.

Завершение феодальной войны означало окончательную победу объединительной тенденции вокруг Московского княжества. Эта тенденция была закреплена, стала необратимой в период княжений Ивана III и Василия III.

Характер Ивана III Васильевича формировался в сложной обстановке. Детство и отрочество будущего первого государя всея Руси пришлось на заключительные, самые драматические этапы феодальной войны второй четверти XV в. На седьмом году жизни княжич был обручен с 4-летней дочерью тверского великого князя. Через несколько лет 10-летняя Мария Тверская превратилась в великую княгиню Московскую. В ту пору не удивлялись ранним бракам. Решающее значение здесь имели династические и политические интересы. С детских лет приучали Ивана III к походам. Воеводы и воины привыкали смотреть на него как на будущего своего государя. Уже в 12-летнем возрасте Иван отправился в свой первый самостоятельный поход. Естественно, фактически во главе войска шли опытные воеводы. Но формально главенство и личное участие княжича стало ступенью к его по-

литическому возмужанию. К 17-летию он уже далеко не формально носил титул великого князя. Физическая беспомощность слепого отца подчеркивала значение сына. Как ближайший помощник Василия II, он принимал реальное участие в управлении великим княжеством.

2. ИВАН III — ПЕРВЫЙ ГОСУДАРЬ ВСЕЯ РУСИ

Княжение Ивана Васильевича (1462—1505 гг.) было важнейшим этапом в процессе создания единого Российского государства. Это время образования основной территории России, окончательного освобождения ее от монгольского ига и формирования политических основ централизованного государства. Иван III был крупнейшим государственным деятелем, человеком больших политических замыслов и решительных начинаний. Умный, дальновидный, расчетливый и настойчивый, но осторожный и хитрый, он был достойным продолжателем дела своего отца. Ивана Васильевича долгое время прозывали Великим.

Почти полувековой срок его княжения прошел под знаком борьбы за воссоединение Русских земель. Ивану III удалось изменить весь облик государства — превратить его из сильного княжества в мощную централизованную державу.

С большим успехом Иван Васильевич осуществил объединение под своей властью разных областей Великороссии. Для этого он мобилизовал большие военные силы, но ему не понадобились кровавые битвы, так как население не оказывало серьезного сопротивления. Бояре в большинстве случаев охотно переходили на московскую службу, а князья присоединяемых к Москве княжеств или признавали власть великого князя и переходили на положение служебных князей, или бежали в соседнюю Литву.

В 1463 г. присоединилось к Москве Ярославское княжество — местные князья сделали это добровольно, затем был покорен обширный Пермский край, пришло под руку великого князя Ростовское княжество. Настал черед «господина Великого Новгорода»: в 1471 г. рать великого князя выступила из Москвы, и после победы на реке Шелони Новгород был приведен к повиновению. Советский историк Ю. Г. Алексеев написал: «В Шелонской битве пали не только знамена Великого Новгорода. Поражение потерпела вся старая, удельная Русь». В 1478 г. Новгородская феодальная республика была ликвидирована, а сам Новгород и его земли вошли в состав Русского централизованного государства. В 1485 г. была покорена старая соперница Москвы — Тверь, а через четыре года Вятская область присоединилась к Москве. Иван III стал называться Великим князем всея Руси. Время раздробленности закончилось.

По-прежнему наиболее важными оставались отношения с Золотой Ордой. Усилив свои позиции, Иван III начал вести себя как независимый от монголов государь, перестал платить им дань. Тридцать лет не было врагов под стенами Москвы. Выросло целое поколение людей, ни разу не видевших ордынцев на своей земле. Хан Ахмат решил восстановить господство Орды над Русью. Честолюбивый, умный, но осторожный, он несколько лет готовился к походу против русской земли. Победами в Средней Азии и на Кавказе он снова поднял могущество ханства, укрепил свою власть. Однако Ахмат не сумел удержаться в Крыму. Здесь на ханском престоле сидел вассал турецкого султана Менгли-Гирей. Крымское ханство, выделившееся из Золотой Орды, с тревогой следило за усилением державы Ахмата. Это открывало перспективы русско-крымского сближения.[1]

В 1480 г. энергичный и удачливый Ахмат, заключив союз с литовским королем Казимиром, поднял в поход на Русь Большую Орду[2], собрав все силы своей огромной, еще грозной империи. Над Русью вновь нависла опасность. Момент для нашествия хан выбрал весьма удачно: на северо-западе шла война русских с Орденом; враждебной была позиция Казимира; начался феодальный мятеж против Ивана Васильевича его братьев Андрея Большого и Бориса на почве территориальных споров. Все как будто складывалось в пользу монголов.

Войска Ахмата подошли к реке Угре (притоку Оки), которая протекала по границе Русского государства и Великого княжества Литовского. Попытки татар форсировать реку не имели успеха. Началось «стояние на Угре» войск противников, которое закончилось в пользу русских: 11 ноября 1480 г. Ахмат повернул прочь. Где-то на зимовье в устье Северного Донца Иван Васильевич настиг его чужими руками: сибирский хан Ивак отрубил Ахмату голову и отправил ее великому князю в доказательство, что враг Москвы повержен. Иван III приветливо встретил послов Ивака и одарил их и хана.

Таким образом, пала зависимость Руси от Орды. Почти 240 лет русский народ вел борьбу за свою свободу. В 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей нанес ослабевшей Золотой Орде окончательный удар. Вместо нее образовалось несколько ханств: Казанское, Астраханское и Ногайские орды.

Укрепление Московского княжества, расширение его территории неизбежно сталкивало его интересы с Великим Литовским

[1] Крымское ханство — государство в Крыму (1443—1783 гг.) Выделилось из Золотой Орды. С 1475 г. — вассал Турции.

[2] Большая Орда — государство в 1433—1502 гг. в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье. Выделилась из Золотой Орды. Разгромлена Крымским ханством.

княжеством. Это привело к войнам между двумя государствами. Победу в них одержала Москва. По мирному договору, заключенному в 1503 г., Великий князь Литовский Александр уступил Ивану Васильевичу 70 волостей и 19 городов — Чернигов, Брянск, Рыльск, Путивль, Гомель, Дорогобуж, Любич и многие другие.

Завершился процесс объединения Русских земель, потребовавший вековых напряженных усилий всего народа. В далеком 1462 г. Иван III унаследовал от отца, Василия Темного, немалое Московское княжество, территория которого достигала 400 тыс. км². А сыну своему, княжичу Василию III, он оставил обширную державу, площадь которой выросла более чем в 5 раз и превышала 2 млн. км². Вокруг когда-то скромного княжества сложилась мощная держава, ставшая самой крупной в Европе: «Изумленная Европа, — писал К. Маркс, — в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи».

В конце XV в. появилось и новое имя централизованного государства — Россия. В связи с этим представляется интересным диалог — рассуждение ученых Л. Гумилева и А. Панченко о зарождении великорусского этногенеза, о соотношении понятий «Русь — Россия». Принцип этнологии прост: каждый этнос — или скопление этносов, суперэтнос, — возникает вследствие микромутации, изменяющей бытующий стереотип поведения, иначе — мотивацию поступков, на новую, непривычную, но жизнеспособную. Русичи, как вообще славяне, появились на исторической сцене в результате пассионарного толчка I—II веков.

Затем происходит образование нового этноса, называвшего себя «христианами». У этого этноса принципиально не могло быть единства по происхождению, языку, территории. В тот суперэтнос, который условно называют «византийским», славяне вошли в IX—X вв. В 988 г. Киевский князь Владимир Святославич принял крещение. Крестились не великороссы, не русские, а русичи. А это разные этносы.

Датировкой великорусского «начала» стал XIII в. — век кризиса феодализма во всем мире. Пассионарный толчок (микромутация), подъем пассионарности в России начался именно тогда, совпал с деятельностью Александра Невского и с эпохой татаро-монгольского нашествия. Александр Ярославич двумя победами остановил натиск шведов и крестоносцев. Героический подвиг его спас Русскую землю лишь от западных завоевателей. Но сам факт показывает, что наряду с процессами распада появилось новое поколение — героическое, жертвенное, патриотическое. Иными

словами, появились люди, ставящие идеал (или далекий прогноз) выше своих личных интересов. Пусть их в XIII в. были единицы — в XIV в. их дети и внуки составили уже весомую часть общества. Эти пассионарии стали затравкой нового этноса, впоследствии названного «великороссийским». Затем, как известно, Москва перехватила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди. На Русь стекались и татары[1], не желавшие под угрозой казни принимать ислам, и литовцы, не принимающие католицизм, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и мордва. Девиц на Москве, как утверждает А. Панченко, было много, службу получить было легко, еда стоила дешево, воров и грабителей вывел Иван Калита. Но для того, чтобы это скопище людей (живущих, в основном, дружно и в согласии) стало единым этносом, не хватало одной детали — общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, требующем сверхнапряжения. Именно эти факты становятся концом только биологического становления и началом исторического развития.

В XIV в. на Руси антиордынские настроения вылились в мощное движение, связанное с новым взрывом этногенеза. Именно оно толкнуло русских людей на Куликово поле. Эта битва стала мерилом нравственных ценностей. На сражение пошли рати москвичей, владимирцев, суздальцев и т. д., а вернулась рать русских, благословленная на подвиг Сергием Радонежским. Это было началом осознания ими себя как единой целостности — России.

Таким образом, можем датировать толчок великорусского этногенеза началом XIII в., инкубационный период XIII—XIV веками, а осознание русскими себя как целостности — 8 сентября 1380 г. Но новое имя государства «Россия» впервые встречается в летописях периода княжения Ивана Васильевича. Названия «Россия», «Российская земля» долго сосуществовали рядом с прежними именами — Русь, Русская земля. Постепенно они становились все более распространенными. «Российский» стал означать принадлежность к государству, а «русский» — к народности. Такие изменения имели жизненное значение. Централизованное единое государство складывалось как многонациональное. Наряду с русским народом в него входили многие другие народы и племена (карелы, коми, ханты, манси, мордва, удмурты и др.).

[1] По свидетельству источников, доля татар в российском дворянстве XIV—XVI вв. была значительной. Генеалогия многих российских дворянских родов уходит корнями в Золотую Орду. Примеров тому великое множество: Аксаковы, Бунины, Корсаковы, Салтыковы, Юсуповы и др.

3. ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

По мере объединения русских земель под властью Московского государства менялся характер власти, ее организация и идеология. В дипломатической переписке Иван III с 1485 г. именовал себя так: «Иоанн, божьей милостью государь всея Руси». Вскоре стал появляться и другой, более высокий его титул: «царь всея Руси». После того, как Русское государство освободилось от зависимости Золотой Орды, к великокняжескому титулу иногда стали прибавлять слово «самодержец»: сначала в смысле независимости великого князя от какого-либо другого государства, а затем в смысле неограниченности его власти.

Удельными князьями оставались, главным образом, братья и племянники великого князя, но они уже не имели права чеканить свою монету, устанавливать дипломатические отношения с иностранными государствами и править суд по важным делам.

В целях укрепления своей власти и повышения ее престижа Иван III после смерти первой жены (тверской княгини Марии Борисовны) сочетался браком с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей Палеолог.[1] Сам факт бракосочетания Ивана III с Софьей Палеолог был весьма символичен. Царевна своим замужеством как бы делала московских государей преемниками византийских императоров. Царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву — новый Царьград, где и разделила их со своим супругом.

Вслед за царевной из Италии, где она получила воспитание при папском дворе, были выписаны мастера, которые построили новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В Кремле при дворе стал вводиться сложный и строгий церемониал. В дипломатических бумагах появился новый, более торжественный язык, складывалась пышная терминология. Во время приемов иностранных послов Иван III сидел на троне, подаренном ему Палеологами. Послы должны были низко кланяться государю, одетому в расшитые золотом и серебром одежды. Составной частью их стали византийские «бармы» (оплечья) и так называемая «шапка Мономаха», якобы подаренная византийским императором еще Владимиру Мономаху.

Вводится новый герб Русского государства. Старый московский герб, изображавший всадника, поражающего копьем змея, Иван III объединил с древним гербом Византии — двуглавым орлом, означавшим единство Восточной и Западной Римской им-

[1] В 1453 г. под ударами турок пал Константинополь. Византийская империя прекратила свое существование.

перии. На печати с гербом Русского государства на русском языке того времени сокращенно был воспроизведен полный титул Ивана III. На одной стороне печати сделана надпись: «Божьей милостью государь всея Руси великий князь Иоанн». На другой же стороне перечисляются основные земли, подвластные московскому государю: «Великий князь Владимирский и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский и иных».

Тем не менее, в современной литературе, в том числе зарубежной, высказываются сомнения в существовании или формировании теории «Москва — третий Рим» уже в правление Ивана III. Западногерманский историк П. Ниче утверждает, что эта концепция — поздняя выдумка историков, и приводит следующие рассуждения: некоторые исследователи считают, что в качестве «третьего Рима» Москва переняла из Византии двуглавого орла, придворный церемониал, имперскую идею и т. д. Однако двуглавый орел, считает Ниче, воспринят не из Византии, где он был орнаментальным украшением, но не символом государственности, а из Священной Римской империи германской нации, которая поддерживала с Москвой постоянные связи с конца XV в. Тем самым демонстрировалась равноправность Московии с империей. Гипотеза, что русское самодержавие (автократия) заимствовано из Византии, тоже не соответствует действительности, ибо оно формировалось самостоятельно. Классическую фразу Филофея (идеолога Ивана Грозного) «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать» также можно трактовать не как претензию на мировое господство, а как осознание страшной ответственности за дальнейшее существование мира, ибо два Рима пали из-за грехов, следовательно, нельзя допустить падения по той же причине последнего оплота православия.

Таким образом, делает вывод историк П. Ниче, в Московском государстве в то время не существовало самосознания наследника Византийской империи в политическом смысле слова. Возможно, эта идея внедрилась позже с Запада, который был заинтересован в союзнике в борьбе с Османской империей.

По мере процесса объединения и централизации изменялась организация управления государством. Система удельного княжения сокращалась. Бывшие удельные князья пополняли ряды московского боярства. Самые знатные бояре входили в состав Боярской думы — высшего совещательного государственного органа. В Боярской Думе совместно с великим князем решались все важнейшие государственные вопросы и вопросы дворцового хозяйства. Представители феодальной аристократии заведовали казной, командовали войском, управляли областями, вели переговоры с иностранными послами и т. д. Постепенно выросла целая система

дворцовых учреждений, ведавших великокняжеским хозяйством, дворцовыми землями (Новгородский, Тверской и другие дворцы). Наряду с системой дворцов в конце XV в. стали зарождаться центральные правительственные учреждения общерусского характера, которые ведали отдельными отраслями управления на всех землях государства. Они получили название изб, а позднее — приказов. Во главе изб обычно стоял боярин. Но главным лицом становились дьяки — управляющие канцелярией и их помощники, которые формировались из среды служилого дворянства.

В местном управлении также вводилась определенная система. В административном отношении основная территория Русского государства делилась на уезды, а последние — на волости и станы. Общее управление на местах было сосредоточено у наместников и волостелей. Они являлись судьями, сборщиками доходов князей. Наместники были еще и военными начальниками города и уезда. По старому обычаю они содержались («кормились») за счет населения. Первоначально «кормления» — поборы — ничем не ограничивались. Позже были установлены нормы «кормления».

В процессе формирования централизованного государства складывались сословия. Одна из причин возникновения служебного сословия и закрепощения крестьян заключалась в том, что расширение границ Российского государства сопровождалось оттоком населения на окраины. Государство в этом не было заинтересовано, так как для службы на великого князя возможен был только вариант условного землевладения, то есть предоставление земли (вместе с живущими на ней крестьянами) помещикам при условии несения ими военной и гражданской службы. Таким образом формировалась поместная система, при которой государство всегда могло располагать значительными военными силами без затрат каких-либо средств на их содержание. Условность такого поместного землевладения состояла в том, что оно, в принципе, не было наследственным (и даже пожизненным) и зависело от самого факта несения службы государству. Помещик должен был не только сам служить, но и выводить определенное число своих вооруженных людей. Как система поместное землевладение сложилось к концу XV в., когда Иван III, а затем Василий III ввели в поместную раздачу значительный массив новых земель. Главным юридическим признаком служилого сословия было право владения землей и крестьянами при условии несения государственной службы.

Юридически централизация выразилась в появлении первого общерусского «Судебника» (1497) с едиными юридическими нормами. Ст. 57 Судебника ознаменовала собой начало формирования крепостного права. Она ограничивала крестьянам сроки ухода от владельца неделей до и неделей после Юрьева дня (26 но-

ября); крестьянин должен был платить пожилое, что жил на земле феодала.

Объединитель России Иван Васильевич умер в 1505 г. на 67-м году жизни после 44 лет правления. Уходя из жизни, он четко наметил новый порядок наследования престола. В своем завещании он не дробил земли, хотя и оставил на кормление волости для всех своих сыновей. Но наследнику Василию, сыну Софьи Палеолог, он отдал две трети всего государства и всю полноту власти. Василий III (1505—1533) был менее энергичным правителем и не таким талантливым политиком, как его отец, но и при нем границы государства продолжали расширяться—были окончательно присоединены Псков, Рязанская и Смоленская земли.

Российское государство формировалось как многонациональное, но включение в его состав других народов было, как правило, мирным, нередко добровольным и имело для них прогрессивное значение. Внутри страны прекратились разорительные феодальные усобицы. Исчезли пограничные рубежи между отдельными землями. На территории всего государства стали вводиться единая денежная система, единые меры веса, длины. Все это способствовало подъему экономики.

Образование Российского централизованного государства стало фактом большого международного значения. Россия заняла видное место среди европейских государств. Возрос авторитет России среди западных и южных славян. В Москве находили убежище многие южнославянские патриоты и греки, подвергшиеся у себя на родине гонениям со стороны турецких завоевателей. Российское государство установило постоянные дипломатические связи со многими странами Европы и Азии.

4. КУЛЬТУРА И БЫТ

Решающее влияние на культуру оказывали церковь и религия. Великим подвижником земли Русской является Сергий Радонежский (1314 или 1322—1392). Церковь почитает его святым. Во-первых, он вдохновил Русь, благословил князя Дмитрия и его рать на Куликовскую битву. Более того, дал двух иноков — Пересвета и Ослябю. Тем самым он совершил подвиг самопожертвования. Он не только посылал своих духовных детей на смерть, но также совершал прямое нарушение церковных законов: монах не должен вступать на военную службу. За нарушение этого запрета он подвергается отлучению от церкви. Принцип послушания иноков перекладывал этот грех на плечи игумена, благословившего своих монахов на пролитие крови. Посылая иноков на битву, Сергий рисковал собственным «спасением души».

Во-вторых, Сергий Радонежский был великим миротворцем. Князья подчас по мелочам ссорились друг с другом, воевали, гибли многие люди, этим пользовались враги русской земли. Вот святой отец и спешил с миротворческой миссией, чтобы примирить спорщиков. Например, идет пешком из Троицы в Рязань, чтобы помирить рязанского князя Олега с Дмитрием Донским в 1385 г., и война прекратилась. Он учил уважать человека, учил умению понимать друг друга.

В-третьих, Сергий являлся реформатором русской монашеской жизни: ввел в своем монастыре Общежитский Устав — равноправие монахов. И это не только новый порядок, но и сама система отношений. Его ученики создали немало таких монастырей. Утверждались нравственные основы, и это делалось в тяжелое, кровавое время; появились праведники. Таким образом, своей реформой, да и всем своим образом жизни, действиями Радонежский давал надежду людям, что страна обязательно возродится.

Надо иметь в виду, что вокруг личности и роли Сергия Радонежского в жизни православной церкви и русского общества немало спорного. Об этом говорят в своих работах ряд ученых, в том числе В. А. Кучкин и В. Л. Егоров (журналы «Вопросы истории», 1985, № 9 и «Наука и религия», 1987, № 7). И это правомерно, ибо до нас дошло слишком мало первоисточников об этом человеке. Прежде всего судят о его делах по труду Епифания Премудрого «Житие Сергия Радонежского». Из современных историков, думается, наиболее всесторонне и аргументированно освещает роль игумена-подвижника Н. С. Борисов в своей книге «И свеча бы не угасла» (М.: Молодая гвардия, 1990).

Христианство сыграло положительную роль в преодолении суровых нравов, невежества и диких обычаев древнерусского общества. В частности, нормы христианской морали оказывали огромное влияние на семейную жизнь, брак, воспитание детей. Правда, богословие придерживалось тогда дуалистического воззрения на разделение полов — на два противоположных начала — «доброе» и «злое». Последнее олицетворялось в женщине, определяя ее положение в обществе и семье.

У российских народов долгое время бытовала большая семья, объединявшая родственников по прямой и боковым линиям. Отличительными чертами большой крестьянской семьи являлись коллективное хозяйство и потребление, общее владение имуществом двумя и более самостоятельными брачными парами. У городского (посадского) населения семьи были меньше и состояли, обычно, из двух поколений — родителей и детей. Семьи феодалов были, как правило, малыми, так как сын феодала, достигнув 15 лет, должен был служить государеву службу и мог

получить как свой отдельный поместный оклад, так и пожалованную вотчину. Это способствовало ранним бракам и выделению самостоятельных малых семей.

С введением христианства браки стали оформляться через обряд церковного венчания. Но традиционный дохристианский свадебный обряд («веселие») сохранялся на Руси еще примерно в течение шести — семи веков. Церковные правила не оговаривали препятствий для вступления в брак, кроме одного: «бесноватость» жениха или невесты. Но в реальной жизни ограничения были довольно жесткими, прежде всего в социальном отношении, которые регулировались обычаями. Закон формально не запрещал феодалу жениться на крестьянке, но фактически это случалось очень редко, так как класс феодалов представлял собой замкнутую корпорацию, где браки поощрялись не просто с лицами из своего круга, а с ровней. Вольный человек мог жениться на крепостной, но должен был получить разрешение у барина и уплатить определенную сумму по договоренности. Таким образом, и в деревне, и в городе браки, в основном, могли совершаться внутри одного класса-сословия.

Расторжение брака было весьма затруднительным. Уже в раннем средневековье развод («распуст») разрешался лишь в исключительных случаях. При этом права супругов были неравны. Муж мог развестись с женой в случае ее измены, причем к измене приравнивалось общение с чужими людьми вне дома без разрешения супруга. В позднем средневековье (с XVI в.) развод разрешался с условием пострижения в монахи одного из супругов.

Православная церковь разрешала одному лицу вступать в брак не более трех раз. Торжественный обряд венчания совершался, обычно, лишь при первом браке. Четвертый брак категорически запрещался.

Новорожденного ребенка надлежало крестить в церкви на восьмой день после рождения именем святого этого дня. Обряд крещения считался церковью основным, жизненно важным обрядом. Некрещенный не имел никаких прав, даже права на погребение. Ребенка, умершего некрещенным, церковь запрещала хоронить на кладбище. Следующий обряд после крещения — «постриги» — производился год спустя после крещения. В этот день кум или кума (крестные родители) выстригали у ребенка прядь волос и дарили рубль. После пострижек каждый год праздновали именины, то есть день того святого, в честь которого человек был назван (позже стал называться «день ангела»), а не день рождения. Царские именины считались официальным государственным праздником.

Все источники свидетельствуют, что в эпоху средневековья в семье была чрезвычайно велика роль ее главы. Он представлял

семью в целом во всех ее внешних функциях. Только он имел право голоса на сходках жителей, в городском вече, позже — в собраниях кончанских и слободских организаций. Внутри семьи власть главы была практически неограниченной. Он распоряжался имуществом и судьбами каждого из его членов. Это касалось даже личной жизни детей, которых отец мог женить или выдать замуж против воли. Церковь порицала его только в том случае, если он при этом доводил их до самоубийства. Распоряжения главы семьи должны были выполняться беспрекословно. Он мог применять любые наказания, вплоть до физических. «Домострой» — энциклопедия русского быта XVI в. — прямо указывал, что хозяину следует бить в воспитательных целях жену и детей. За неповиновение родителям церковь грозила отлучением.

Внутриусадебный семейный быт долгое время был сравнительно замкнутым. Однако простые женщины — крестьянки, посадские — вовсе не вели затворнический образ жизни. Свидетельства иностранцев о теремном затворничестве русских женщин относятся, как правило, к быту феодальной знати и именитого купечества. Их редко выпускали даже в церковь.

О распорядке дня людей средневековья сведений сохранилось немного. Трудовой день в семье начинался рано. Обязательных трапез у простых людей было две — обед и ужин. В полдень производственная деятельность прерывалась. После обеда по старой русской привычке следовал длительный отдых, сон (что весьма удивляло иностранцев). Затем вновь работа до ужина. Вместе с окончанием светового дня все отходили ко сну.

С принятием христианства официальными праздниками стали особо чтимые дни церковного календаря: Рождество, Пасха, Благовещение и другие, а также седьмой день недели — воскресенье. По церковным правилам праздничные дни следовало посвящать благочестивым делам и религиозным обрядам. Работать в праздничные дни считалось грехом. Однако бедные работали и в праздники.

Относительная замкнутось домашнего быта разнообразилась приемами гостей, а также праздничными церемониями, которые устраивались, преимущественно, во время церковных праздников. Один из главных крестных ходов устраивался на Крещение — 6 января. В этот день патриарх освящал воду Москвы-реки, а население города совершало обряд Иордани (омывания святой водой). По праздникам устраивались и другие уличные представления. Бродячие артисты, скоморохи известны еще в Древней Руси. Кроме игры на гуслях, дудках, песен, представления скоморохов включали акробатические номера, состязания с хищными животными. В скоморошью труппу входили, обычно, шарманщик, гаер (акробат), кукольник.

Праздники, как правило, сопровождались общественными пирами — братчинами. Однако представления о якобы беспробудном пьянстве русских явно преувеличены. Только во время 5—6 наиболее крупных церковных праздников населению разрешалось варить пиво, а кабаки являлись государственной монополией. Держание частных кабаков строго преследовалось.

Общественный быт включал также проведение игр и забав — как военных, так и мирных, например, взятие снежного городка, борьбу и кулачный бой, городки, чехарду, жмурки, бабки. Из азартных игр получили распространение игра в кости, а с XVI в. — в карты, привезенные с Запада. Любимым развлечением царей и бояр была охота.

Таким образом, жизнь человека в эпоху средневековья, хотя и была сравнительно однообразной, но далеко не исчерпывалась производственной и социально-политической сферами, включала многие аспекты повседневного бытия, на которые историки далеко не всегда обращают должное внимание.

Возрождение русской культуры начинается во второй половине XIV в. Оно было неразрывно связано с освободительной борьбой против татаро-монгольской зависимости и движением за объединение земель.

Тема борьбы за независимость была центральной как в устном народном творчестве, так и литературных работах. Наиболее крупными патриотическими произведениями были «Задонщина» и «Сказание о Мамаевом побоище», прославляющие победу объединенных русских войск в Куликовском сражении.

Напряженная борьба за независимость России способствовала возникновению исторической и политической литературы. Наиболее значительным памятником исторической мысли являлись летописные своды. Центром общерусского летописания стала Москва, где в 1408 г. был составлен первый летописный свод общерусского характера — Троицкая летопись. В 1408 г. был составлен Московский летописный свод, в котором проводилась мысль о преемственности власти московских государей от киевских и владимирских князей.

В исторической литературе на рубеже XV—XVI вв. усиливаются рационалистические взгляды на исторические события. Некоторые из них объясняются причинными связями, обусловленными деятельностью самих людей. Авторы исторических произведений (например, «Сказания о князьях владимирских», конец XV в.) стремились утвердить мысль об исключительности самодержавной власти русских государей как преемников Киевской Руси и Византии. Аналогичные идеи высказывались в хронографах — сводных обзорах всеобщей истории, в которых Россия рассмат-

ривалась как последнее звено в цепи всемирно-исторических монархий.

Расширялись не только исторические, но и географические знания людей эпохи средневековья. В связи с усложнением административного управления выросшей территорией Русского государства стали составляться первые географические карты («чертежи»). Этому же способствовало развитие торговых и дипломатических связей России. В конце XV в. начинается освоение морского пути из Белого моря в западноевропейские страны. Русские мореплаватели внесли большой вклад в географические открытия на Севере. К началу XVI в. ими были обследованы Белое, Студеное (Баренцево) и Карское моря, открыто много северных земель — острова Медвежий, Новая Земля, Колгуев, Вайгач и др. Русские поморы первыми проникли в Ледовитый океан, создали первые рукописные карты обследованных северных морей и островов. Они одними из первых освоили Северный морской путь вокруг Скандинавского полуострова.

Определенный прогресс наблюдался в области технических и естественно-научных знаний. Русские мастера научились производить довольно сложные математические расчеты при строительстве зданий, были знакомы со свойствами основных строительных материалов. При постройке зданий использовались блоки и другие механизмы. Для добычи соляных растворов применялись глубокое бурение и прокладка труб, по которым жидкость перегонялась при помощи поршневого насоса. В военном деле было освоено литье медных пушек, получили распространение стенобитные и метательные орудия.

В XIV в. в городах Руси возобновилось каменное строительство. Были восстановлены каменные соборы во Владимире, Ростове, Суздале и других городах. В Москве были возведены белокаменные стены и башни Кремля, целый ряд соборов и монастырей. В процессе образования единого государства с центром в Москве стал создаваться новый общерусский стиль монументального зодчества. Для этого стиля было характерно творческое использование архитектурных традиций старых русских городов и вместе с тем их обогащение достижениями европейского зодчества эпохи Возрождения.

Формирование новой национальной архитектуры сопровождалось подъемом русского изобразительного искусства. Этот подъем связан с именем великого русского живописца Андрея Рублева (около 1360—около1430). В первой четверти XV в. он вместе с иконописцем Даниилом Черным украсил фресками и иконами ряд московских соборов. Вершиной творчества А. Рублева стала икона «Троица», написанная в Троице-Сергиевом монастыре под Москвой. Творчество Андрея Рублева оказало большое влияние

на дальнейшее развитие русской живописи. По своей художественной ценности и высокому мастерству оно стоит на уровне самых выдающихся достижений современной ему итальянской живописи эпохи Возрождения.

Таким образом, развитие русской культуры XIV—начала XVI вв. было обусловлено процессом объединения Русского государства, проходило под влиянием идей возрождения России и формирования самосознания единства ее народов.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

Громов М. Н., Козлов Н. С. Русская философская мысль X—XVII веков. М., 1990. С. 121—207.

Гумилев Л., Панченко А. Чтобы свеча не погасла. Л., 1990.

Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.; 1991.

Дегтярев А. Трудный век Российского царства. Л., 1988.

Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972.

Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. №. 4.

Леонтьев А. К. Нравы и обычаи // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 33—75.

Наше Отечество: Опыт политической истории. М., 1991. С 24—30, 39—47.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.

Спорные вопросы Отечественной истории XI—XVIII вв. М., 1990. Ч. 2.

Лекция 7. НАЧАЛО САМОДЕРЖАВИЯ В РОССИИ. ГОСУДАРСТВО ИВАНА IV (ГРОЗНОГО)

ПЛАН

1. Иван IV (Грозный) — первый российский царь. Историография проблемы.
2. Социальный и политический строй России.
3. Период внутренних реформ и внешнеполитических успехов 40-х—50-х гг.
4. Опричнина — эпоха террора.
5. Церковь и культура.

1. ИВАН IV (ГРОЗНЫЙ) — ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЦАРЬ. ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Нет времени в истории России более противоречивого, чем вторая половина XVI в. Переломный характер российского XVI в. ощущали уже младшие современники той мрачной эпохи. Вряд ли случайно, что почти все авторы первой половины XVII в., писавшие о смутном времени, этом калейдоскопе возводимых и свергаемых с престола царей-самозванцев, начинали свой рассказ о деятельности того царя, который «множество народу от мала до велика при царстве своем погуби и многие грады своя поплени», хотя и был «муж чюдного, рассуждения».

К середине XIX в. в российской исторической науке твердо установилось отношение к царю Ивану как к жестокому и злобному тирану. Великий «дворянский» историк Н. М. Карамзин дал читающей публике первое яркое и цельное представление о времени Грозного царя. Карамзин взял на вооружение концепцию «двух Иванов», созданную политическим противником, а сначала верным воеводой царя Ивана, князем Андреем Курбским. Какова ее суть? Первое время царь Иван был «добрым и нарочитым», от бога «препрославленный», который затем «грех ради наших сопротивным обретеся». Эта концепция стала официальной в первой половине XVII в., когда на престол взошел первый царь из династии Романовых — Михаил Федорович (1613—1645 гг.). С одной стороны, новой династии нужно было решительно отме-

жеваться от скомпрометировавших себя опричных зверств, с другой — лишь через родство с царем Иваном новый царь имел право на престол (дед Михаила был родным братом первой жены Ивана Грозного Анастасии[1] и дядей царя Федора Ивановича — сына Ивана Грозного).

Именно на этом фоне возникла карамзинская концепция Грозного — добродетельного героя и мудрого государственного мужа в первую половину своего царствования и тирана-деспота — во вторую.

Середина XIX в. — время рождения в России «буржуазной исторической науки». Историки «государственной школы», и прежде всего С. М. Соловьев, рассматривали историю как процесс постепенного вытеснения старых «родовых» начал «государственными». Деятельность Ивана Грозного, по мысли С. М. Соловьева, была при всех жестокостях шагом вперед, к победе государственных начал. Соловьев не забывал и о морали. Он писал, что «не произнесет историк слово оправдания такому человеку». Однако последователи Соловьева полностью отказались от моральных оценок как от вненаучных. Видный историк конца XIX — первой половины XX вв. С. Ф. Платонов создал ту концепцию деятельности Ивана IV и, в первую очередь, опричнины, которая с небольшими изменениями дошла до наших дней. По мнению Платонова, Иван Грозный вел борьбу против боярства как главного тормоза на пути централизации. Фактически под влиянием Платонова оказался и М. Н. Покровский — «официозный глава» марксистской истории. Он рассматривал опричнину как «дворянскую революцию». Утверждению платоновской концепции в советской исторической науке способствовали не только ее привлекательные стройность и логика, но и политические факторы. Личность царя Ивана IV весьма импонировала И. В. Сталину. Уже в конце 30-х годов (видимо, около 1938 г.) была дана негласная команда оправдывать террор Грозного как государственную необходимость. С начала 40-х годов Грозного рассматривали уже как выдающегося государственного мужа и патриота.

Террор Ивана Грозного, направленный против своего народа, был для Сталина не только оправданием его собственного террора. Изгоняя моральные оценки из истории, Сталин и его приближенные уничтожали мораль и в собственной политике.

Лишь со II-й половины 50-х годов XX века стало возможным

[1] Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева — 1-я жена Ивана IV, с которой он счастливо прожил более 13 лет и которая оказывала на него благотворное моральное влияние. От брака у них было два сына — Иван и Федор. В 1581 г. Иван IV убил своего старшего сына и престолонаследника царевича Ивана и тем самым подготовил гибель своей династии.

писать об Иване Грозном иначе. Пересмотр старых концепций оказался долгим и мучительным. Одним из пионеров новых подходов к изучению истории России XVI в. стал талантливый ученый А. А. Зимин. Он решительно порвал с традиционной концепцией борьбы боярства и дворянства — одним из китов, на которых зиждилась концепция прогрессивности опричнины, и показал, что опричнина утвердила в стране режим личной власти. В последнее время большой вклад в исследование проблемы альтернативности пути развития страны в XVI в. внес В. Б. Кобрин. Разумеется, нельзя свести историю изучения царствования Ивана Грозного лишь к смене подходов концепций, да и не все из них мы могли назвать. Это лишь констатация особого значения узких, конкретных исследований для реконструкции истинной картины того, что происходило в XVI в. в России.

Итак, каков же он — первый российский царь?[1] На престол в качестве первого российского царя взошел поздний сын великого князя Василия III (которому минул 51 год, когда родился долгожданный наследник) и Елены Васильевны Глинской, дочери князя Глинского, выходца из Великого княжества Литовского, свойственницы последних сербских деспотов. 25 августа 1530 г. в блеске молний и под грохот грома, красочно описанных новгородским летописцем, появился на свет долгожданный наследник престола.[2] В его характере можно обнаружить византийскую изощренность, унаследованную им от отца и бабки-Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора. Необузданностью желаний и быстрой сменой настроений отличался не только дед Грозного Иван III, но и легкомысленная и вспыльчивая красавица Елена Глинская. Внук византийской царевны и свойственник сербских деспотов соединил в себе и хорошие, и дурные стороны характеров предков. Государственный ум и малодушие, трезвый расчет и порывы необузданного гнева, религиозность, доходящая до ханжества, и неприятие церковной действительности, жестокость, озлобленность, ненависть к людям и сладострастие составляли причудливый сплав характера первого царя.

Великий князь Василий III умер, когда сыну было 3 года. После смерти матери, великой княгини Елены (по одной из версий — ее отравили), Иван, которому исполнилось тогда 8 лет, остался круглым сиротой. Страной управляла Боярская дума. Наступила мрачная эпоха боярского правления, эпоха беззакония, насилий, вражды и борьбы за власть — преимущественно, между двумя наиболее знатными боярскими фамилиями, князьями Шуй-

1 Первый российский царь Иван Васильевич IV Грозный род. 25 августа 1530 г., умер 18 марта 1584 г. Великий князь Московский, царь с января 1547 г.

2 От первого брака у Великого князя Василия III с Соломонией Сабуровой детей не было.

скими и Бельскими. То одна, то другая партия захватывала власть и преследовала побежденных противников. В результате многолетних кровавых распрей верх одержали родственники покойной великой княгини Елены — Глинские.

Мальчик-государь, от природы умный, живой, впечатлительный и наблюдательный, рос в обстановке заброшенности и пренебрежения. Родственники — бояре не только не заботились о его правильном образовании и воспитании, но даже плохо одевали и кормили его и его младшего брата Юрия, а иногда и прямо обижали и оскорбляли Ивана. Так в душе мальчика рано образовалось чувство вражды и ненависти к боярам как его врагам и похитителям власти. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий и его собственные беспомощность и бессилие развили в нем робость, подозрительность, недоверие к людям, а с другой стороны — пренебрежение к человеческой личности и к человеческому достоинству.

Имея в своем распоряжении много свободного времени, Иван предавался чтению и перечитал все книги, которые он мог найти во дворце. Единственным его искренним другом и духовным наставником был митрополит Макарий (с 1542 г.), знаменитый составитель Четьих Миней, огромного сборника всей церковной литературы, известной в то время на Руси.

Юному великому князю не было еще и полных 17 лет, когда его дядя Михаил Глинский и его бабушка княгиня Анна сумели подготовить политический акт большой государственной важности. 16 января 1547 г. великий князь Московский и всея Руси Иван Васильевич торжественно был увенчан титулом царя — Иван IV.

Во время долгой (по обычаю православной церкви) и торжественной службы митрополит возложил на Ивана крест, венец и бармы, присланные якобы византийским цесарем Константином Мономахом на Русь для венчания князя Владимира Всеволодовича (Мономаха).

Устами митрополита была начертана программа деятельности царя: в союзе с церковью, которая отныне объявлялась «матерью» царской власти, должен был укрепить «суд и правду» внутри страны, вести борьбу за расширение государства. По завершении чина венчания великий князь стал «боговенчанным царем». Дополнение короткого слова «царь» к и без того уже пышному титулу великого князя — «Государь и великий князь Московский, Владимирский и прочих земель» — делало его носителя равным по чину императору «Священной Римской империи», ставило выше европейских королей — датского, английского, французского и многих иных, уравнивало с восточными соседями — казанским и астраханским ханами, наследниками Золотой Орды, недавними повелителями Руси.

Роль Макария в венчании Ивана IV на царство несомненна. Но при этом надо иметь в виду, что отвращая царя от Глинских, пытавшихся использовать акт венчания в своекорыстных интересах, Макарий хотел укрепить свое собственное влияние на него, а вместе с тем — усилить влияние церкви в политической жизни.

С венчанием Ивана IV на царство идея «Москвы — третьего Рима» получила реальное воплощение. Участие церкви в создании идеологии самодержавной власти не ограничивалось в середине XVI в. составленным Макарием чином венчания на царство. Прославлением сотрудничества между государственной властью и церковью проникнуты обширный свод (позже названный Никоновской летописью) и «Степенная книга», вышедшие также из макарьевского окружения. Родословная Ивана IV выводится в Никоновской летописи от римских и византийских императоров: он в ней оказывается потомком Августа. Вся история возвышения Москвы, превращения ее в могучую державу трактуется в летописи как история возвеличивания и расцвета находящейся под божественным покровительством династии Рюриковичей, достойным продолжателем которой является царь Иван Васильевич. Идее союза царской власти и церкви подчинена даже сама структура «Степенной книги», составленной по поручению Макария царским духовником Андреем. Изложение здесь ведется по «степеням» (ступеням), то есть по великим княжениям, причем каждой ступени соответствуют жившие тогда митрополиты. Их жизнь и дела также описываются и прославляются в назидание потомству.

По мнению В. О. Ключевского, царь — властитель, независимый ни от какой внешней власти, никому не платящий дани.

Таким образом, новый титул — царь — не только резко подчеркивал суверенность российского монарха во внешних сношениях, особенно с ордынскими ханствами (ханов на Руси называли царями), но и четче, чем прежде, отделял государя от его подданных. Царский титул закрепил превращение князей-вассалов в подданных. Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом — она стала «царствующим градом», а русская земля — Российским царством. Но для народов России начинался один из самых трагических периодов его истории. Наступило «время Ивана Грозного».

Какое же государство досталось в наследство первому русскому царю?

2. СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РОССИИ К СЕРЕДИНЕ XVI в.

Единое Российское государство простиралось от Белого и Баренцева морей на севере, от Чернигова, Путивля и рязанских

земель на юге, от берегов Финского залива и Смоленска на западе до Северного Урала и нижегородских земель на востоке.

Это была огромная страна, площадь которой к началу царствования Ивана IV достигла 2,8 млн. кв. км. По размерам территории Россия уже в 1547 г. стала крупнейшим государством Европы после «Священной Римской империи Германской нации». Население России достигало 6,5 млн. чел. Однако по плотности населения (2 человека на 1 кв. км) Россия резко отставала от передовых европейских стран.

Ведущей отраслью хозяйства России было земледелие. Земельная собственность к середине XVI в. носила сословный характер. Государственное (черносошное), вотчинное и поместное (светское) землевладения соседствовали с монастырскими и церковными. Черносошное землевладение сохранилось только на окраинах страны: на севере и в недавно присоединенных районах на юге и востоке. В центральных районах основная масса земель государственных крестьян была расхищена феодалами.

Владелец вотчины, как показывает сам термин, мог передавать ее по наследству (от отца к сыну и т. д.), продавать и закладывать. На вотчином праве имели земли князья, в период раздробленности бывшие главами самостоятельных политических образований, а ныне сохранявшие лишь титул как обозначение родового звания, княжата — потомки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей и, наконец, бояре, составлявшие высшую прослойку феодального общества и вместе с князьями и княжатами занимавшие ведущее место в судебно-административном управлении страной. Все они в качестве вассалов великого князя обязаны были вместе с ним участвовать в походах во главе своих отрядов, состоявших из дворян и «служилых по прибору» (верхушки черносошного крестьянства, холопов и свободных элементов городского населения).

Поместья предоставлялись в пожизненное владение за военную службу дворянам (низшей военно-служилой прослойке феодалов), составлявших так называемый двор князя или знатного боярина. Держатель поместья (в конце XV в. назывался помещиком, а впоследствии помещиком) не мог передавать его по наследству, продавать или закладывать. В качестве первых получателей поместий от великого князя выступали дворяне и средняя прослойка феодалов, так называемые дети боярские. Эта форма землевладения была сравнительно новой. Помещичье землевладение занимало значительное место в центре страны — в Московском, Ярославском, Звенигородском уездах, где оно соседствовало с вотчинным и монастырским.

Поместное (условное) землевладение оказывало значительное влияние на старинные формы земельной собственности, вотчинное (наследственное) землевладение также все более связывалось с военной службой. С течением времени помещики и мелкие вотчинники становились основной опорой складывающегося самодержавия.

Монастыри пополняли свои владения как за счет присвоения черных земель, так и за счет отчуждения земель светских феодалов (с помощью вкладов, купли, мени). По свидетельству иностранного современника В. Блимента, в 1553 г. треть населенных земель в России принадлежала духовенству. Вотчины отдельных монастырей достигали огромных размеров.

Феодальная собственность на землю сочеталась с мелким крестьянским землевладением. В условиях крепостнической системы надел крестьянина, являвшийся своеобразной «натуральной заработной платой», служил средством обеспечения помещика рабочими руками. Размеры крестьянских наделов были еще сравнительно велики.

Крестьяне несли повинности в пользу государства, если жили на государственных землях, или в пользу владельцев, если проживали в частных владениях. В подавляющем большинстве они искони «сидели» на землях отцов и прадедов.

Основную рабочую силу в хозяйствах светских и духовных землевладельцев составляли «люди дворовые» (холопы) и зависимые крестьяне.

На фоне господства натурального хозяйства в России к середине XVI в. обнаруживаются новые явления, свидетельствующие о росте товарного производства. В условиях единого государства изменялся характер товарного обращения на местах: отдельные районы начали специализироваться на производстве какой-либо ведущей группы товаров. Крупным центром железоделательного производства стал Новгород. Соляными промыслами славились Соль-Галицкая, Уна, Ненокса (на берегу Белого моря). Пушнина шла с севера, куда из центра поступал хлеб. Крупнейшим рынком страны являлась Москва. Сюда приезжали даже купцы из восточных и западных стран.

Рост товарного производства давал возможность увеличивать количество вывозимых товаров и расширять их ассортимент. Укрепление международного авторитета России также содействовало развитию ее внешнеторговых связей с Западом и Востоком.

Развитие товарного производства вело к возникновению и росту ремесленно-торговых поселений— рядов, посадов и городов. Этот процесс происходил особенно интенсивно в первой половине XVI в., К середине XVI в. в России было уже до 160 городов. Крупнейшим городом была столица Русского государства —

Москва.[1] В Новгороде в то же время насчитывалось свыше 26 тыс. чел. Эти два города намного превосходили другие русские города.[2]

Основную массу населения городов составляли ремесленники и торговые люди. В России, как и в странах Европы, в первой половине XVI в. происходит рост влияния городов. Однако влияние городского населения на судьбы страны в России было гораздо меньше, нежели в передовых странах Европы, в силу слабости товарно-денежных отношений.

Высшая власть в середине XVI в. в Российском государстве осуществлялась великим князем и Боярской думой. Великому князю принадлежало право назначения на основные государственные должности, в том числе в Боярскую думу. Он же возглавлял вооруженные силы страны и ведал ее внешнеполитическими делами. От его имени издавались законы, а великокняжеский суд являлся высшей судебной инстанцией. При всем этом власть великого князя была в какой-то мере ограничена Боярской думой — сословным органом княжеско-боярской аристократии. Бояре ставились во главе посольских миссий и вели переписку.

Великокняжескую власть в городе как центре основной территориально-административной единицы страны — уезде, а так же в волости — полусамостоятельной единице внутри уезда, представляли наместники и волостели, осуществлявшие основные функции местного управления.

Необходимо подчеркнуть, что акт венчания на царство Ивана IV не положил конца боярскому правлению. С ним покончило лишь восстание 1547 г. Поводом к нему был страшный пожар в Москве 21 июня 1547 г., уничтоживший практически весь город. Ненависть к боярам была столь велика, что москвичи обвинили их в поджоге. Это событие и поставило правящие круги страны перед необходимостью приступить к осуществлению реформ. В такой обстановке к власти пришли костромской вотчинник А. Ф. Адашев и придворный священник, автор домашнего устава москвичей «Домостроя», Сильвестр.

3. ПЕРИОД ВНУТРЕННИХ РЕФОРМ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСПЕХОВ 40-х—50-х гг.

Источники не позволяют нам восстановить подробности политических обстоятельств, при которых в конце 40-х гг. сложилось

[1] Население Москвы превышало 100 тыс. человек. Англичанин Ричард Ченслор находил, что Москва превышала Лондон с его предместьями (к середине XVI в.).

[2] В Коломне к середине XVI в. насчитывалось около 3200 чел., в Можайске — 5700.

правительство, перенявшее руководство страной у Боярской думы, но мы знаем ту политическую фигуру, которая сыграла ключевую роль в формировании новой правящей группы. Этой фигурой был митрополит Макарий, мудрый и спокойный политик, находившийся в окружении царя до и после бурных событий 1547 г., глава церкви — могущественного политического механизма, издавна поддерживавшего объединение княжеств вокруг Москвы.

При участии Макария в окружении молодого царя оказались те лица, которым суждено было в глазах современников символизировать новое правительство — «Избранную раду». «Избранная рада» была органом, который осуществлял непосредственную исполнительную власть, формировал новый приказный аппарат и руководил им. Наиболее авторитетными политиками нового правительства стали Адашев и Сильвестр.

Бесспорно, что своим высоким положением Адашев и Сильвестр были обязаны доверию и поддержке со стороны царя и митрополита. Но надо иметь в виду, что авторитет царя еще только складывался. Иначе говоря, авторитет как царского титула, так и самой личности царя еще предстояло создать. Это стало одной из важнейших политических задач времени.

Компромисс, на котором было основано новое правление, имел не две стороны (феодальная аристократия с одной, служилое дворянство — с другой), а три: царь также был участником компромисса. На этом этапе царь вынужден был отказаться от претензий на неограниченную власть и довольствоваться «честью председателя». Выражая общие настроения, царь и митрополит Макарий собирали соборы примирения. 27 февраля 1549 г. было созвано совещание, на котором присутствовала Боярская дума в полном составе, фактически это был первый Земский собор.[1] Иван IV выступил с широкой программой консолидации и проведения внутренних реформ. Царь и бояре каялись в своих прежних «преступках». Цель всех этих усилий царь сформулировал в таком словосочетании: «смирить всех в любовь».

«Избранная рада» начала создание центральных органов государственного управления — приказов (до середины 60-х годов их называли «избами»). Одним из первых приказов была Челобитная изба, которую возглавил Адашев. Задачей этого учреждения было принимать челобитные (жалобы) на имя государя и проводить по ним расследование. Тем самым Челобитная изба становилась как бы высшим контрольным органом. Руководство этим приказом давало Адашеву огромную власть и авторитет.

[1] Земский собор — собрание сословных представителей: бояр, столичного дворянства, духовенства. До конца XVI в. Земский собор созывали еще 3 раза: в 1566, 1584, 1598 гг. Созывы соборов свидетельствовали о складывании в России сословно представленной монархии.

Главой Посольского приказа (ведомства иностранных дел) стал дьяк Иван Михайлович Висковатый, который около 20 лет руководил русской внешней политикой, пока не был казнен в годы опричнины по ложному доносу. Поместный приказ занимался распределением поместий и вотчин между служилыми людьми. Разрядный приказ стал своего рода штабом вооруженных сил: определял, сколько служилых людей и из каких уездов должно выйти в полки. Разбойный приказ вел борьбу против «разбоев» и «лихих людей». Земский приказ ведал порядком в Москве.

Укрепление нового государства (монархии) требовало решительной замены хищнического аппарата власти на местах, сложившегося при боярском правлении. В порядок дня встало создание аппарата чиновников. Наиболее эффективной формой создания исполнительного аппарата явилось избрание на местах самими подданными чиновников для несения государственных функций. Выбранные в городах и волостях целовальники (целовали крест на верность царю) и старосты становились «чиноначальными людьми» государства. Выборность и сменяемость этих лиц ставила их деятельность (в пользу государства и контролируемую государством) также и под контроль подданных.

Реформы коснулись и организации верхнего эшелона управления. Было несколько ограничено местничество. Суть его состояла в том, что при назначении служилых людей на те или иные должности учитывалась прежде всего их «порода» — происхождение, а не личные заслуги. Потомки должны были находиться друг с другом в тех же служебных отношениях — начальствования, равенства, подчинения — что и предки.[1]

Указ 1550 г. ввел два ограничения местничества. Первое касалось молодых аристократов. Их нельзя было в 15—18 лет (а с 15 лет начинали службу) назначать воеводами, а дать низкое назначение тоже было невозможно: «поруха» чести. Было решено, что служба молодых людей на невысоких должностях не считается прецедентом. Произошло явное «огосударствление» местничества. Назначение на службу стало государственной обязанностью.

В 1555—1556 гг. принято Уложение о службе. Определялось, с какого количества земли должен выходить вооруженный воин на коне; если вотчины или поместья феодалов были большими, то он должен выводить с собой и вооруженных холопов.

Как уже отмечалось, власть на местах издавна принадлежала наместникам (в уездах) и волостелям (в волостях). Они получали эти территории в «кормление». В пользу кормленщика шли судебные пошлины. Таким образом, кормления были системой вознаграждения за службу: должности наместника и волостелей

[1] Обычай возник на рубеже XV и XVI вв. и просуществовал до 1682 г.

на определенный срок получали в вознаграждение за участие в военных действиях. Эта система не была эффективной. Теперь кормления отменялись, деньги, которые шли кормленщикам, отныне взимало государство в качестве налога. Из этого централизованного фонда можно было платить «помогу» служилым людям.

В 1550 г. был принят новый судебник. Земское устроение явилось условием для проведения в жизнь судебной реформы. Тем самым суд становился прообразом взаимоотношений государственной власти в целом с выбираемыми от сословий. Судебник закреплял создание в Московском государстве «праведного» (справедливого) суда, контролируемого «лучшими людьми» из данного сословия на местах. Однако до создания постоянных верховных сословно-представительных учреждений дело не дошло.

Таким образом, система реформ, предпринятых фактическим правительством в конце 40—50-х гг. XVI в. по самой своей сути была изначально связана с идеей ограничения царской власти «мудрым советом», то есть той или иной формой представительства, выражающей, в отличие от кастовой Боярской думы, интересы служилой массы и верхов посада.

Реформы «Избранной рады», хотя еще и не закончили централизацию государства, пошли в этом направлении. Они привели к крупным военным и внешнеполитическим успехам. В чем же они выразились? Первым успехом стало завоевание татарского Казанского ханства. Несколько лет понадобилось потом для того, чтобы были покорены подвластные Казани народы (черемисы, мордва, чуваши, башкиры). В 1556 г. была сравнительно легко завоевана Астрахань; таким образом, все среднее и нижнее Поволжье (как и вся область на реке Каме) вошло в состав Московского государства. Этими военными успехами были открыты для колонизации огромные пространства плодородных и малонаселенных земель. В 80-е гг. XVI в. здесь возникают новые города — Самара, Саратов, Царицын, Уфа.

Достигнув блестящих успехов на востоке, Иван IV обратил свое внимание на запад. Здесь он поставил цель: пробиться к побережью Балтийского моря для установления непосредственного сообщения России со странами Средней и Западной Европы. Препятствием на этом пути лежали владения Ливонского ордена. В 1558 г. царь послал свои рати на Ливонию. Война сначала была удачной (взяли Нарву, Юрьев и около 20 ливонских городов), но потом повела к тяжелым и длительным военно-политическим осложнениям и неудачам. Не желая подчиниться московскому царю, магистр Ливонского ордена Кетлер отдался под покровительство и защиту великого князя Литовского, а Ревель с Эстляндией признали над собой власть Швеции. Таким образом, Ли-

вонская война повлекла за собой войну с Литвой и Швецией. Царь Иван, однако, решил продолжить борьбу, и в 1563 г. его войска опустошили литовские владения и взяли древний русский город Полоцк.

Разрыв между царем и Адашевым и Сильвестром был спровоцирован в 1560 г. смертью царицы Анастасии: Иван IV обвинил своих вчерашних соратников даже в том, что они околдовали его любимую жену.

Но причины разрыва были куда глубже: властолюбивый царь не мог долго терпеть рядом с собой умных и властных советников. Иван IV обвинил Адашева и Сильвестра в сговоре с целью утвердить в Русском государстве систему ограниченной монархии, где царь «почтен» лишь «председателем», обладает лишь номинальной властью, в то время как власть реальная находится в руках его советников. В этом кроется причина того, что случилось между царем и его бывшими советниками, главная причина распада правительства политического компромисса и начала «войны» между ними.

Опала Сильвестра и Адашева повлекла за собой крутой поворот в политике правительства, «Избранная рада» проводила структурные реформы, темп которых не устраивал царя. Слишком же торопливыми структурные преобразования быть не могут. В условиях России XVI в., где не созрели предпосылки для централизации, ускоренное движение к ней возможно только на путях насилия и террора, так как еще не сформирован аппарат власти, особенно на местах. Да и только что созданные центральные ведомства (приказы) действовали в традициях глубокой патриархальности. Путь же террора, которым царь Иван пытался заменить длительную и сложную работу по созданию государственного аппарата, был неприемлем для деятелей «Избранной рады».

4. ОПРИЧНИНА — ЭПОХА ТЕРРОРА

Центральное событие истории XVI в. — опричнина. В течение 7 лет, с 1565 по 1572 гг., в Московском государстве разгорелся и пылал, по образному выражению современника этих событий князя Андрея Курбского, «пожар лютости», унесший десятки тысяч человеческих жизней. Так что в памяти людей XVI-го в. опричнина осталась таким же символом людской мясорубки, как в нашей — 1937 год. И все же не случайно символом террора стала именно опричнина: количество казней и садистских расправ было в это семилетие особенно велико.

Итак, наступил 1564 г., последний доопричный год. Ситуация в стране была тревожной. В апреле из Юрьева Ливонского (ныне г. Тарту) бежал в Великое княжество Литовское опытный и вид-

ный воевода, князь Андрей Михайлович Курбский. Близкий к Адашеву и Сильвестру, Курбский избежал опалы, но в августе 1562 г. он проиграл битву под Невелем, и только боевая рана спасла князя от репрессий. Бегство князя Курбского тем сильнее ударило по Грозному, что беглый боярин прислал из-за рубежа краткое послание своему бывшему монарху, в котором гневно обвинял царя в тирании, казнях невинных людей. Таков был канун опричнины.

3 декабря 1564 г. началось стремительное развитие событий: в этот день царь с семьей и приближенными выехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь к гробу Сергия Радонежского. Задержавшись под Москвой из-за внезапно наступившей распутицы, царь к концу декабря добрался до Александровской слободы (ныне г. Александров Владимирской области) — села, где не раз отдыхал отец Ивана IV. Оттуда 3 января 1565 г. в Москву приехал гонец, который привез 2 грамоты.

В первой, адресованной митрополиту Афанасию, сообщалось, что «государь положил свой гнев на всех епископов и настоятелей монастырей, а опалу — на всех служилых людей, от бояр до рядовых дворян, поскольку служилые люди истощают его казну, плохо служат, а церковные иерархи их покрывают».

Вторая грамота была адресована всему посадскому населению Москвы, в ней царь заверял простой московский люд, чтобы «они никакого сомнения не имели, гнева и опалы у царя на них нет».

Это был блестящий политический маневр талантливого демагога: царь выступил в тоге радетеля за интересы посадских низов против ненавистных посадскому люду феодалов. Но возникает вопрос, а как же в данной ситуации быть? Ведь государство тем и государство, что во главе его стоит государь. Именно так, по словам официальной летописи, толковали московские люди, выслушав царские грамоты. И они решительно потребовали, чтобы бояре упросили вернуться царя на царство. Уже через 2 дня депутация духовенства и бояр была в Александровской слободе. Царь смилостивился и согласился возвратиться, но при двух условиях: во-первых, на изменников, в том числе и на тех, которые ему, государю, были непослушны, распространяются опала[1] и казни; во-вторых, в своем государстве он учиняет опричнину.

Слово «опричнина» употреблялось лет за сто до Ивана IV. Происходит оно от слова «опричь», являвшегося в древнерусском языке синонимом слова «кроме». После смерти или гибели воина на поле боя поместье, пожалованное ему за службу великим кня-

[1] Опалой в то время называлось нечто вроде отлучения. Лица, которых она постигала, лишались права на какую-либо деятельность при дворе, а также государственную службу.

зем, забиралось в казну, опричь (кроме) небольшого участка земли, который отдавали его вдове и детям. Этот остаток поместья и назывался «опричниной». Таким образом, исценируя в 1564 г. бегство из Москвы, Иван Грозный назвал опричниной небольшой удел, в который он «удалялся от царствования». Вся страна — «земщина» — оставалась, согласно его уверениям, в управлении Боярской думы. Сопроводивших царя в его удел стали называть опричниками. Князь Курбский именует опричников «кромешниками» — обитателями ада, тьмы кромешной, а потому и опричное войско — «полком сатанинским». Территория, занятая опричниной, постепенно увеличивалась и захватила большую часть государства. Впоследствии из крупных городов за земщиной оставалась Тверь, Владимир и Калуга, причем области земщины располагались по окраинам.

В изображении Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского опричнина является кровавой эпопеей бессмысленных убийств, совершавшихся по велению царя. Исполнителями его приказаний являлись люди без стыда и совести. Со своими страшными эмблемами — собачьей головой и метлой (символы уничтожения крамолы) у луки седла — они скачут по большим дорогам, грабят и убивают, облекшись в черные рясы.

Жертвами опричного террора стали и боярско-княжеская, и дворянско-помещичья фронды. Царский указ одинаково сгонял с земли и удельного князя, владельца наследственной территории и мелкого служилого человека. В этом уравнении родовитого вельможи с безродным служилым человеком в качестве жертвы царского недоверия и гонения ярко проявляла себя политическая сущность опричнины. Конфискация земли у каждого, кто не близок, кто не доказал своей абсолютной преданности, верности, готовности служить царской воле, выбивала почву из-под ног всякой оппозиции. Власть, по мнению царя, должна внушать всем, покушающимся на нее, страх. Бояться власти должны все подданные независимо от их общественного положения.

Теория самодержавия Ивана IV пронизана идеей опричнины. Она предполагает разделение государевых слуг на тех, кто «слугует близко», и на тех, кто не столь надежен и «слугует отдалее». Напрашивается вопрос: а откуда Иван IV думал взять себе верных слуг? Корпус верных слуг, с помощью которых можно защитить себя и свою власть, следует пополнять из худородных низов. Сам факт возвышения служилого человека «из грязи в князи» должен, по мнению Грозного, навечно привязать его к царю как верного и преданного слугу. Отсюда отнюдь не следует, что Грозный создавал свой аппарат власти из одних худородных. В опричнине на самых высоких постах служили и родовитые князья. Важно, однако, другое: родовитые в опричнине были «прослоены» ху-

дородными. Такая система снижала значение родовитости как таковой и поднимала до небывалой высоты людей, взятых из служилой массы.

Царь всячески старается создать впечатление о всенародной, всесославной поддержке его политики. С этой целью создаются (по его указанию) Земские соборы. Видимо, с этой целью указ о введении опричнины был представлен на утверждение Земского собора в феврале 1565 г. Таким образом, опричнина утвердила в России режим личной власти. Опричнина — это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок. Она создает не четко работающий аппарат государственной власти, обеспечивающий выполнение решений правительства, а аппарат репрессий.

Террор опричников привел к установлению деспотического режима, при котором возникло некое «равенство» рабов. Завершилось превращение дворян в холопов самодержавия. Известно, что раб не может управлять свободными или хотя бы полусвободными людьми. Цепная реакция рабской психологии привела к тому, что крестьяне оказались еще более закрепощены и принижены, чем их господа. То «барство дикое», о котором писал А. С. Пушкин, родилось у нас именно благодаря опричнине.

Но путь централизации страны через опричный террор, по которому пошел Грозный, был разорительным и даже гибельным для России. Царь Иван понимал, что режим индивидуальной диктатуры должен опираться на всеобщий страх перед диктатором, то есть нужна «подсистема страха». Для осуществления террористических акций необходим был специальный аппарат разветвлений, имеющий своих преданных агентов повсюду на местах. Людей из этого аппарата должна связывать круговая порука, кровь жертв и внутриведомственный страх — время от времени необходимо заменять агентов, убивая тех, кто убивал. Опричнина с неизбежностью порождает доносительство как социальный институт, доносы опутывают народ, всю страну снизу доверху железной паутиной страха и взаимного недоверия. Общественная мораль растлевается легкостью расправы над любым человеком руками опричника. Предательство, ложь, лжесвидетельство, воровство, убийство — все то, что осуждено христианской моралью — получают своего рода узаконение.

Все летописцы отмечают, что царь Иван Васильевич «громил Новгород Великий». А ведь поводом для этой страшной акции, как указывают историки, был ложный донос о том, что новгородцы якобы хотят перейти под власть польского короля, а самого царя Ивана «извести» и на его место посадить старицкого удельного князя Владимира Андреевича. Погром продолжался более пяти недель — с 6 января по 13 февраля 1570 г., когда ежедневно

«ввергали в воду» (под лед) 500—600, а в иные дни и до 1500 человек. Жестокость нужна была не для дела. Она нужна была как воплощение силы для воспитания покорности. Опричнина была попыткой компенсировать слабость власти ее суровостью. Получалось, что у подножия трона власти лежат трупы и чем их больше, тем больше и сильнее власть.

Долгое время в литературе было распространено мнение: опричнина дело исторически необходимое, поскольку Руси, чтобы выжить, нужна была централизация, а бояре вроде бы были ее противниками, поэтому и приходилось их уничтожать. Но факты говорят, что бояре вовсе не были противниками централизации, а Иван Грозный на самом деле боролся отнюдь не с боярами. Состав жертв его террора ныне изучен. На каждого боярина или дворянина приходилось, по меньшей мере, 3—4 рядовых служилых землевладельца, а на каждого последнего приходилось по десятку лиц из низших слоев населения.

Осенью 1572 г. государь опричнину «отставил», и сразу же она стала одиозной. Наказанию кнутом подлежал тот, кто только осмеливался произнести это слово. Отмена опричнины, однако, не прекратила террора. Он продолжался, но в меньших масштабах.

Каковы же ближайшие и отдаленные результаты опричнины? Начнем с ближайших. После опричнины в стране разразился тяжелейший экономический кризис — деревни и села Центра и Северо-Запада (Новгородские земли) запустели. По прочтению писцовых книг конца XVI в. возникает впечатление, будто страна пережила вражеское нашествие. Необработанными оказались до 90% земли. К тому же в 1570—71 гг. в дополнение ко всем бедам на Россию обрушилась эпидемия чумы.

Но если последствия хозяйственного кризиса были со временем преодолены, то другие последствия, отдаленные, наложили отпечаток на всю Российскую историю. Правление Грозного напоминало скорее государственный разбой, войну против своего народа, предпринятые исключительно ради укрепления личной власти, а это в свою очередь влияло на нравственную атмосферу в обществе, общественная мораль растлевалась легкостью расправы над человеком.

Общий результат опричнины В. О. Ключевский формулирует так: «Современники поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготовляла действительную».

Внешняя политика в последний период царствования Грозного представляет ряд неудач. Силы страны, истомленной долгой войной и опричным террором, слабели и истощались. В 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей со своей конницей прорвался до са-

мой Москвы, взял город, сжег и разграбил его (только Кремль уцелел) и, забрав огромное количество пленных, ушел в Крым.

Затянувшаяся Ливонская война продолжалась, но уже без успеха для русского оружия. В 1576 г. на польско-литовский престол был избран Стефан Баторий—энергичный, смелый, талантливый полководец. Перейдя в наступление, он в 1579 г. взял обратно Полоцк; все завоевания Ивана Грозного в Лифляндии также были потеряны. В 1582 г. было, наконец, заключено перемирие на 10 лет, по которому Грозный отказался от всех своих завоеваний в Литве и Лифляндии. Война, продолжавшаяся четверть века, Россией была проиграна.

Пользуясь ослаблением России, шведы также перешли в наступление на севере и взяли города Ивангород, Ям и Копорье, расположенные на южном побережье Финского залива. В 1583 г. со шведами было заключено перемирие, по которому они удержали за собой последние завоевания, а Грозный потерял даже тот кусочек Балтийского побережья, которым владел в старину Новгород Великий.

Во время сплошных неудач на западе, на востоке случилось событие, которое явилось началом покорения Сибири. В 1581—1582 гг. атаман донских казаков Ермак Тимофеевич с небольшим отрядом (около 800 чел.) перешел Уральские горы и завоевал «Сибирское царство» — небольшую область сибирского царя Кучума, расположенную по рекам Иртышу и Оби.

Иван Грозный умер в марте 1584 г. Наследником престола стал его второй сын Федор, слабый, болезненный, запуганный отцовским террором человек. Как всегда в подобных случаях, между приближенными к престолу началась борьба за власть и за влияние на слабого царя. После смерти (в 1586 г.) царского дяди по материнской линии боярина Никиты Романовича Захарьина на первое место выдвигается царский шурин Борис Федорович Годунов — умный, способный, энергичный и честолюбивый боярин. При Грозном он упрочил свое положение женитьбой на дочери любимого царского опричника Малюты Скуратова-Бельского, а потом царевич Федор женился на его сестре Ирине, и Борис стал, таким образом, близким к царской семье человеком. Преодолев сопротивление старой знати, Годунов становится при царе Федоре правителем государства.

В царствование Федора последняя жена царя Ивана Мария со своим малолетним сыном Дмитрием (род. в 1582 г.) и со своими братьями была удалена из Москвы в Углич, который дан был «в удел» Дмитрию. 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий был найден зарезанным во дворе угличского дворца. В январе 1598 г. царь Федор умер, а с ним прекратилась династия потомков Ивана Калиты. Как большинство диктаторских режимов, режим Грозного,

сцементированный лишь террором и демагогией, не пережил своего создателя, хотя и оставил глубокий негативный след как в психологии господствующего класса, так и в судьбах страны и ее народа.

5. ЦЕРКОВЬ И КУЛЬТУРА

Целям проникновения государственной власти в церковные дела должна была служить реформа церкви. Царь хотел получить санкцию церкви на государственные преобразования и в то же время принять меры к подчинению церкви и ограничению ее привилегий и земель, необходимых для обеспечения энергично создававшегося дворянского войска.

Общерусская церковная реформа была проведена на Стоглавом соборе, названном так по сборнику его постановлений, состоявшему из ста глав («Стоглав»). Собор открылся 23 февраля 1551 г. в царских палатах в торжественной обстановке. На нем присутствовали помимо высших духовных чинов сам царь, князья, бояре и думные дьяки. Инициаторы реформы намеревались соединить земское устроение с «многоразличным церковным исправлением», чтобы подкрепить начавшиеся преобразования авторитетом церкви. Стоглавый собор прежде всего заслушал две речи царя, в которых он обвинял бояр в «самовластии» и «своеволиях» в дни его малолетства.

Собору предстояло заняться самыми различными сторонами церковной жизни — обсудить меры по укреплению дисциплины среди духовенства, унификацию обрядов, моральное состояние служителей церкви, проблему церковного землевладения и привилегий церкви.

На первый план в работе Стоглавого собора были выдвинуты вопросы внутрицерковного порядка, прежде всего связанные с жизнью и бытом низшего духовенства, с отправлением им церковной службы. Вопиющие пороки духовенства, небрежное выполнение церковных обрядов, к тому же лишенных какого-либо единообразия — все это вызывало в народе отрицательное отношение к служителям церкви, порождало вольномыслие.

Чтобы пресечь эти опасные для церкви явления, рекомендовалось усилить контроль над низшим духовенством. С этой целью создавался особый институт протопопов,[1] назначаемых «по царскому велению и благословению святительскому, а также поповских старост и десятских священников. Все они обязаны были неустанно надзирать за тем, чтобы рядовые священники и дьяконы исправно отправляли богослужение, в церквах «стояли бы со

[1] Протопоп — главный среди священников данной церкви.

страхом и трепетом», читали там евангелия, Златоуст, жития святых.

Собор унифицировал церковные обряды. Он официально узаконил под страхом анафемы двуперстное сложение при совершении крестного знамения и «сугубую аллилуйю». Между прочим, на эти решения позднее ссылались старообрядцы в оправдание своей приверженности старине.

Продажа церковных должностей, взяточничество, ложные доносы, вымогательства стали столь распространенными в церковных кругах, что Стоглавый собор вынужден был принять ряд постановлений, несколько ограничивавших произвол как высших иерархов по отношению к рядовому духовенству, так и последнего по отношению к мирянам. Пошлина с церквей отныне должна была собираться не десятниками, злоупотреблявшими своим положением, а земскими старостами и десятскими священниками, назначаемыми в сельских местностях.

Перечисленные мероприятия и частичные уступки не могли, однако, сколько-нибудь разрядить напряженную обстановку в стране и в самой церкви. Предусмотренная Стоглавым собором реформа и не ставила своей задачей глубокое преобразование церковного устройства, а лишь стремилась укрепить его путем устранения наиболее вопиющих злоупотреблений.

Своими постановлениями Стоглавый собор пытался наложить печать церковности на всю народную жизнь. Под страхом царского и церковного наказания запрещалось читать так называемые «отреченные» и еретические книги, то есть книги, составлявшие тогда почти всю светскую литературу. Церкви предписывалось вмешиваться в повседневный быт людей — отвращать от брадобрития, от шахмат, от игры на музыкальных инструментах и т. д., преследовать скоморохов, этих носителей чуждой церковности народной культуры.

Время Грозного — время больших перемен в области культуры. Одним из наиболее крупных достижений середины XVI в. явилось книгопечатание. Первая типография возникла в Москве в 1553 г., и вскоре здесь были напечатаны книги церковного содержания. К числу наиболее ранних печатных книг относятся «Триодь постная», изданная около 1553 г., и два евангелия, напечатанные в 50-х годах XVI в.

В 1563 г. организация «государева Печатного двора» была поручена выдающемуся деятелю в области книгопечатания в России Ивану Федорову. Вместе со своим помощником Петром Мстиславцем 1 марта 1564 г. он выпустил книгу «Апостол», а в следующем году «Часовник». С именем Ивана Федорова мы связываем и появление в 1574 г. во Львове первого издания Букваря.

Под руководством митрополита Макария составлялись сочи-

нения, целью которых являлось поднятие авторитета церкви и царской власти. Среди сочинений, в которых ярко проводятся идеи клерикализма, особенно выделяются Четьи-Минеи (помесячные чтения). Этот труд, состоящий из 12 больших иллюстрированных томов, насчитывал 27 тыс. страниц, являлся своего рода церковной энциклопедией. В него была включена вся читаемая на Руси церковная литература, переработанная в духе прославления Русской земли как единственного центра христианства.

Под влиянием церкви было создано и такое своеобразное произведение, как «Домострой», окончательная редакция которого принадлежала протопопу Сильвестру. «Домострой» — это кодекс морали и житейских правил, предназначенных для зажиточных слоев городского населения. Он пронизан проповедями смирения и беспрекословного подчинения властям, а в семье — повиновения домовладыке.

Для возросших потребностей Русского государства нужны были грамотные люди. На созванном в 1551 г. Стоглавом соборе был поставлен вопрос о принятии мер к распространению просвещения среди населения. Духовенству предложили открыть школы для обучения детей грамоте. Обучали детей, как правило, при монастырях. Помимо этого, среди богатых людей было распространено домашнее обучение.

Напряженная борьба с многочисленными внешними и внутренними врагами способствовала возникновению в России обширной исторической литературы, центральной темой которой являлся вопрос о росте, укреплении и развитии Русского государства. Наиболее значительным памятником исторической мысли рассматриваемого периода были летописные своды.

Одним из крупных исторических произведений этого времени является Лицевой (т. е. иллюстрированный) летописный свод: он насчитывал 20 тыс. страниц и имел 16 тыс. прекрасно выполненных миниатюр, дающих наглядное представление о различных сторонах русской жизни. Этот свод создавался в 50—60-е годы XVI в. при участии Ивана IV, Алексея Адашева и Ивана Висковатого.

Другим значительным историческим произведением являлась так называемая «Степенная книга» (начало 60-х годов XVI в.). Она систематизированно излагала историю образования Московского государства. Свое название «Степенная книга» получила потому, что в ней русская история изображалась в виде своеобразной лестницы: каждая ступень или степень посвящалась жизнеописанию одного из князей династии Рюриков.

Особенно значительными в конце XV и в XVI вв. были достижения в области архитектуры. В 1553—1554 г. был построен храм Ивана Предтечи в селе Дьякове (неподалеку от села Коло-

менского), исключительный по оригинальности декоративного убранства и архитектурного замысла. Непревзойденным шедевром русского зодчества является воздвигнутый в Москве в 1554—1560 гг. Покровский собор (храм Василия Блаженного). Он был сооружен в ознаменование покорения Казани.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е. В. Донос // Родина. 1990. № 7.

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.

Валишевский К. Иван Грозный. М., 1989.

История СССР с древнейших времен до конца VIII в. Под ред. **Б. А. Рыбакова.** М., 1966. Т. 2.

Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти томах. Т. 2. М., 1987.

Костомаров Н. И. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. Исторические монографии и исследования в двух книгах. Книга первая. М., 1990.

Кобрин В. Б. Иван Грозный: Избранная рада или опричнина? — // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — нач. XX в. М., 1991.

Люкс Л. (ФРГ) Государство Правды // Родина. 1990. № 7.

Нечволодов А. Сказание о земле русской. Екатеринбург, 1992, т. IV.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Соловьев С. М. История России. М., 1960. Кн. III.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. М., 1986.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв. Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1978.

Хорошкевич А. Л. Опричнина и характер русского государства в советской историографии 20-х — середина 50-х годов // История СССР. 1991. № 6.

Лекция 8. РОССИЯ В XVII ВЕКЕ

ПЛАН

1. Смута.
2. Государственное и общественное развитие после Смуты.
2.1. Политико-административное устройство.
2.2. Социальный строй.
2.3. Внешняя политика.
2.4. Освоение русскими Сибири.
2.5. Проникновение западного влияния.
3. Церковный раскол.

1. СМУТА

К началу XVII века процесс становления российской государственности не имел полной завершенности, в нем накопились противоречия, вылившиеся в тяжелый кризис. Охвативший и хозяйство, и социально-политическую сферу, и общественную мораль, этот кризис получил название «Смута». Смутное время — период фактического безвластия, хаоса и небывалых общественных потрясений.

Понятие «Смута» пришло в историографию из народного лексикона, означая прежде всего анархию и крайнюю неустроенность общественной жизни. Современники Смуты оценивали ее как кару, постигшую людей за их грехи. Такое понимание событий в заметной степени отразилось в позиции С. М. Соловьева, понимавшего кризис начала XVII века как всеобщее моральное разложение.

По мнению К. С. Аксакова и В. О. Ключевского, в центре событий была проблема законности верховной власти. Н. И. Костомаров сводил суть кризиса к политическому вмешательству Польши и интригам католической церкви. Подобный взгляд высказывал американский историк Дж. Биллингтон — он прямо говорил о Смуте как о религиозной войне. И. Е. Забелин рассматривал Смуту как борьбу между стадным и национальным принципами. Представителем стадного принципа являлось боярство, жертвовавшее национальными интересами ради собственных привилегий. Такая мысль не чужда была и Ключевскому.

Значительный блок в историографии Смуты занимают труды, где она представлена как мощный социальный конфликт. С. Ф. Платонов видел несколько уровней этого конфликта: между боярством и дворянством, между помещиками и крестьянством и др. Н. Н. Фирсов в 1927 году говорил о крестьянской революции как о реакции на развитие торгового капитала.

Если в дореволюционной историографии политические, морально-этические и социальные аспекты Смуты были представлены как относительно равноценные, то советская историография явный крен делала в сторону только социальных факторов, как правило, абсолютизируя их. Интерпретируя события Смутного времени исключительно как «крестьянскую революцию», историки-марксисты отвергли сам термин «Смута». М. В. Нечкина заявила в 1930 году, что этот термин был принят, главным образом, в дворянской и буржуазной исторической литературе, «возник в контрреволюционных кругах и заключает отрицательную оценку революционного движения». Понятие «Смута» было надолго вытеснено формулировкой «крестьянская война под руководством Болотникова», что нашло отражение в работах М. Н. Покровского, И. И. Смирнова, Б. Д. Грекова, А. М. Сахарова, В. И. Корецкого и др.

Односторонность подходов и оценок постепенно изживалась. Появились работы, где анализу подвергается весь спектр причин и проявлений Смуты. Большое количество работ написано Р. Г. Скрынниковым, в них приведен обширный фактический материал, показана подлинная роль личностей, участвовавших в событиях, в том числе и Болотникова.

В. Б. Кобрин определил Смутное время как «сложнейшее переплетение разнообразных противоречий — сословных и национальных, внутриклассовых и межклассовых». Он ставил вопрос: «Вправе ли мы бушевавшую в России начала XVII века гражданскую войну свести к крестьянской?». Отказавшись от стереотипов в оценках исторических личностей, Кобрин попытался по-новому трактовать роль и Бориса Годунова, и Лжедмитрия I, приписывая им некий «реформаторский потенциал». Вполне правомерно применяя к Болотникову критерий народного восприятия, Кобрин «забывает» и о непопулярности в народе Годунова, и о крайнем неприятии самозванца — проводника католических интересов. Сохранившиеся документы времен Смуты ясно свидетельствуют, что самозванцы были не просто предателями национальных интересов, а прямыми ставленниками зарубежных держав и агентами антироссийского заговора.

Непосредственным толчком к брожению послужило пресечение правящей династии Рюриковичей, представителей которой массовое сознание признавало в качестве «природных госуда-

рей». Династический кризис вызвал растерянность в народе, а в верхних слоях знати возбудил хищные амбиции и стремление к власти и привилегиям. Схватка за царский престол, начатая московским боярством, привела к разрушению государственного порядка, к общественной деморализации.

Предпосылки Смуты зарождались еще в период правления Иоанна Грозного, централизаторская политика которого проводилась с крупными издержками. Усилия правительства по укреплению государства, по обеспечению безопасности границ осознавались в народе как необходимые. Народ был готов к самопожертвованию для общегосударственного строительства. Однако жестокая воля царя «отодвигала» его на задний план. Разнузданность опричников и крайняя бесцеремонность в выборе политических средств нанесли тяжелый удар по общественной нравственности, заронили сомнения и шаткость в умы людей. Ситуацию усугубляли экономические трудности, ставшие результатом истощения сил страны в Ливонской войне и постоянного напряжения на южных рубежах, создаваемого Крымским ханством.

Царствование Федора Иоанновича, сына Грозного, было временем политической осторожности и успокоения народа после опричнины. За спиной несамостоятельного Федора его шурин Борис Годунов, выполняя регентские функции, сумел стать фактическим правителем государства. В январе 1598 года после смерти Федора не осталось законных наследников престола. Земский собор избрал на царство Годунова, популярность которого была непрочной, что отражали закулисные интриги боярства против него. Являясь первым в русской истории выборным монархом, Годунов зарекомендовал себя не столько самодержцем, сколько популистом-временщиком, неуверенным в себе и боящимся открытых действий. Времена опричнины сказались на его политической характеристике, как и на всем обществе, где после Грозного тлели искры нравственного разложения. Годунов стремился получить общественное расположение, раздаривая незаслуженные привилегии и давая самые громкие обещания, в то же время упорно укрепляясь у власти за счет тайного надзора и доносительства, а также неафишируемых репрессий, то есть за счет тех же беззаконий, что были присущи опричнине.

Начало царствования Бориса несло людям немало благих надежд. Он выступил защитником прочной морали, запретив частную торговлю водкой. Внутренняя политика направлялась на социальную стабилизацию в стране. Поощрялись колонизация новых земель и строительство городов в Поволжье и на Урале. Были некоторые достижения и во внешней политике.

В ряде современных публикаций делаются попытки представить Годунова в качестве реформатора на том лишь основании, что он был выборным правителем. Этот тезис неубедителен. Именно на время правления Годунова приходится учреждение крепостного права в России. Будучи боярином по духу и происхождению, царь Борис усиливал привилегии боярства, хотя нельзя не видеть и такого мотива в прикреплении крестьян к земле, как стремление со стороны государственной власти предотвратить запустение центральных уездов страны вследствие расширяющейся колонизации и оттока населения на окраины. В целом же введение крепостного права безусловно усилило социальное напряжение в стране. Оно — вместе с обострением династической проблемы, усилением боярского своеволия, иностранным вмешательством в русские дела — способствовало разложению морали, распаду традиционных представлений и отношений.

Смута проявилась прежде всего в умах и душах людей. Страшный голод начала XVII века добил привычные моральные ценности, скреплявшие людей в единый коллектив. Голод, последствия которого усугублялись ошибками правительства Годунова, выкосил сотни тысяч человеческих жизней. Историк А. П. Щапов писал: «...люди, терзаемые голодом, валялись на улицах, подобно скотине, летом щипали траву, а зимой ели сено. Отцы и матери душили, резали и варили своих детей, дети — своих родителей, хозяева — гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье; путешественники страшились останавливаться в гостиницах...».

Народ бедствовал, а в это же время знать устраивала дележ богатств и привилегий, злобно соперничая в поисках личного благополучия. Запасов зерна, припрятанных многими боярами, хватило бы всему населению на несколько лет. Доходило до людоедства, а спекулянты удерживали хлеб, предвкушая повышение цен на него.

Суть происходящего хорошо осознавалась в народе и определялась словом «воровство», но быстрых и простых путей выхода из кризиса не мог предложить никто. Чувство сопричастности к общественным проблемам у каждого отдельного человека оказывалось недостаточно развитым. К тому же немалые массы простых людей заражались цинизмом, корыстью, забвением традиций и святынь. Разложение шло сверху — от потерявшей всякий авторитет боярской верхушки, но грозило захлестнуть и низы. Антиобщественные интересы явно брали верх, в то время как энергичные и честные люди, по словам С. М. Соловьева, «погибли жертвами безнарядья». Во всех сословиях налицо были раздоры, недоверие, падение нравов. Это оттенялось бездумным

копированием иноземных обычаев и образцов. Смута в умах усиливалась разгулом коррупции и дороговизны.

Безвластие и потеря централизующих начал вели к оживлению местного сепаратизма. Собранные до этого в единое государство отдельные земли стали вновь проявлять признаки обособленности. Брожение охватило и жителей нерусских окраин — как тех, что были присоединены с помощью военной силы, так и тех, которые вошли в состав Российского государства добровольно, откликнувшись на перспективу стабильного порядка и отлаженных связей в сильном государстве. Политическая дестабилизация вызывала неизбежное недовольство среди национальных меньшинств. Если до Смуты Москва была координирующим центром, связывающим все области страны, то с утратой доверия к московским властям утрачивались и связи между отдельными областями. «..Потеряв политическую веру в Москву, начали верить всем и всему... Тут-то в самом деле наступило для всего государства омрачение бесовское, произведенное духом лжи, делом темным и нечистым». (С. М. Соловьев). Государство превращалось в бесформенный конгломерат земель и городов.

Пренебрежение к государственным интересам и мелочная корысть боярства породили такое явление как самозванство. Как писал Н. М. Карамзин, «...оцепенение умов предавало Москву в мирную добычу злодейству... Расстрига со своими ляхами уже господствовал в наших пределах, а воины Отечества уклонялись от службы. Так нелюбовь к государю рождает нечувствительность и к государственной чести!». Ни один из самозванцев не посмел бы посягнуть на престол без открытой или тайной поддержки боярских группировок. Лжедмитрий I нужен был боярам для свержения Годунова, чтобы подготовить почву для воцарения одного из представителей боярской знати. Этот сценарий и был разыгран. Авантюра самозванца быстро исчерпала себя, когда боярский заговор окончательно созрел. В результате его на престол вступил князь Василий Шуйский.

Ограниченный претензиями боярства, Шуйский принес присягу своим подданным, что означало обязательство править по закону, а не по царской прихоти. Независимо от личных качеств нового правителя, это был первый в России договор царя и общества, хотя от имени общества в данном случае поспешила выступить боярская верхушка. Однако новые политические потенции так и не успели проявиться в условиях разгулявшейся народной стихии. Шуйский вступил на престол в результате закулисных интриг, «без воли всея земли», народное сознание отказалось признать его царем. Странный характер происходивших на вершинах власти перемен подогревал сомнения и недоверие среди народа. Трудно было поверить в искренность пропаганды, недавно уве-

рявшей в истинности царевича Дмитрия, а спустя лишь месяцы объявившей его лгуном и изменником. Брожение нарастало. Боярство, раздувая Смуту, загоняло себя в тупик. В социальных низах антибоярские настроения переросли в открытые выступления, вылившиеся в восстание. Вставший во главе его Болотников призывал истребить бояр и овладеть «...женами их, и вотчинами, и поместьями». Масла в огонь подливала Польша, посылавшая в Московию иезуитов, шляхтичей-авантюристов и разного рода подонков своего общества.

Страну захлестнула уголовщина. Грабежами занимались бродившие от города к городу польские, дворянские, казачьи отряды, различные ватаги и банды. От имени «тушинского вора» и польского наместника Гонсевского шла раздача поместий присягнувшим им корыстолюбцам, хотя хозяева этих поместий были в полном здравии. Помутнение в умах раскалывало семьи, брат шел на брата, отец — на сына. В Москве у кремлевского дворца беспрестанно волновались толпы народа, предписывая Шуйскому, а затем и Боярской думе, что нужно делать и какие указы принимать.

После свержения Шуйского и нескольких месяцев «семибоярщины» претензии на московский престол перешли к иностранцам. В августе 1610 года одна из боярских группировок «организовала» присягу польскому королевичу Владиславу, который после этого еще 24 года считал себя «законным московским государем», хотя не выполнил главного условия бояр — не принял православия.

К концу 1611 года Московское государство выглядело полностью разрушенным. Правительство было парализовано. В центре страны хозяйничали поляки, захватившие Смоленск и Москву. Новгород оказался у шведов. Каждый русский город действовал особняком. Однако в сознании людей все настойчивее крепла тяга к порядку. В отдельных землях — начиная с 1606 года — регулярно собирались местные земские советы, где люди сообща обсуждали свои интересы. Постепенно становилось все яснее, что решение проблем невозможно только в местных рамках — зрело понимание необходимости общерусского движения. Отражением этого стали народные ополчения, собираемые в русских провинциальных городах. Несмотря на распад государственных связей, осознание национального единства не исчезло — напротив, Смута придала ему особую силу. Непрерывную проповедь в пользу единства всех православных вела церковь. «Религиозные и национальные силы пошли на выручку гибнувшей земли» (В. О. Ключевский). Народная энергия не увяла от «безнарядья», продолжая питать государственное творчество. Несмотря на Смуту, в это время русские активно осваивают Поволжье, Урал, Сибирь. Имен-

но в те годы возникают города Пелым, Верхотурье, Сургут, Нарым, Томск, Мангазея, Туринск.

Проводя идею государственной консолидации, лидеры ополчения Минин и Пожарский четко сформулировали главные задачи момента: изгнать интервентов и подготовить условия для создания русского правительства, пользующегося доверием населения. В августе 1612 года произошли решающие бои, поляки были разбиты.

Смута преподала важный урок русскому народу. Призыв Козьмы Минина — не искать личных выгод, а отдавать все на общее дело — имел отклик у большинства простых людей, символизируя поворот общества к нравственному гражданскому началу. Народ, настрадавшись от беспорядков, на свои последние деньги собрал ополчение для восстановления спокойствия в стране, взяв в свои руки судьбу государства. Произошло то, что С. М. Соловьев назвал «подвигом очищения», когда «народ, не видя никакой внешней помощи, углубился во внутренний, духовный мир свой, чтоб оттуда извлечь средства спасения». Во время Смуты обанкротилась правящая верхушка, а народ, спасая государство, обнаружил «такое богатство нравственных сил и такую прочность своих исторических и гражданских устоев, какие в нем и предполагать было невозможно» (И. Е. Забелин).

Русские люди, перед лицом катастрофы собравшись с силами, воссоздали разрушенное государство, наглядно показав, что оно — не «царская вотчина», а предмет общей заботы и общего дела «всех городов и всяких чинов людей всего великого Российского Царствия».

Окончание Смуты способствовало победе государственного начала над земско-местническими амбициями. Стало ясно, что соединение областей воедино служит их же пользе — при условии, что соблюдаются добровольность этого соединения и права на местную самобытность. Российское государство после Смуты предстало, по словам А. П. Щапова, «в значении земско-областной федерации». «...Москва, смиренная, наказанная отпадением от нее разрозненных областей, призывала теперь их к новому органическому братскому союзу с нею, во имя духовно-нравственного единства...».

21 февраля 1613 года государственная власть в стране была восстановлена: Земский собор избрал царем Михаила Романова. Эта кандидатура устраивала всех, поскольку он и его окружение были способны настойчиво и спокойно вести восстановительную работу. Здоровый консерватизм первых Романовых давал возможность постепенно восстановить экономику и государственную власть.

2. ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПОСЛЕ СМУТЫ

2.1. Политико-административное устройство

После восстановления государственной власти в 1613 году страна оказалась перед необходимостью стабилизировать общественные связи, преодолеть хозяйственное разорение и запустение многих районов, усовершенствовать формы управления. Атмосфера, установившаяся в обществе, способствовала решению этих задач. В годы Смуты упали влияние дискредитировавшего себя боярства и его возможности вмешиваться в ход общественных процессов. Население после всех бед и потрясений тянулось к упорядоченной, спокойной жизни. Взяв курс на стабилизацию положения в стране, правительство опиралось именно на настроения большинства. В государстве, подорванном Смутой, юный и малоопытный царь Михаил мог удержаться на престоле только благодаря общественной поддержке.

Внутреннее и внешнее положение государства в начале царствования Михаила было тяжелым. Разоренная страна с трудом восстанавливала нормальную жизнь. Внутренний порядок и спокойствие нарушались бандами польских авантюристов и местных уголовников, продолжавших в первое время после Смуты терроризировать население грабежами и убийствами. Царским воеводам больших усилий стоила ликвидация воровских отрядов.

«В наследство» от Смуты правительству достались и внешнеполитические проблемы: приходилось отбивать атаки шведов, поляков, крымских татар. Формула В. О. Ключевского «Московское государство — это вооруженная Великороссия» четко отражает ситуацию после Смуты. Решение сложнейших внутренних и внешних задач требовало предельной концентрации государственных и общественных сил.

Эти факторы и определили пути формирования государственного управления. Для скорейшей ликвидации негативных последствий Смуты усиливалась его централизация. Нужно было преодолеть развал налоговой системы, упадок хозяйства, разгул преступности, снижение обороноспособности. В руках царя сосредоточивалась вся полнота верховной, законодательной, исполнительной и судебной власти. Все государственные органы действовали по царским указам. Центральное управление представляло собой систему приказов. При первых Романовых она разрасталась по мере усложнения административных задач. Распределение дел между приказами нередко бывало нечетким и запутанным: в одной и той же сфере сталкивались полномочия нескольких приказов. В эту систему вносились элементы бюрократичес-

кой тяжеловесности. Приказы делились на общегосударственные (Посольский, Поместный, Разрядный, Разбойный, Большой казны, Большого прихода и др.) и территориальные (Сибирский, Малороссийский и др.).

Особое место в административном устройстве занимала Боярская дума, составлявшая круг ближайших советников и сотрудников царя. В думу входили, в основном, представители аристократических фамилий. При царе Алексее в нее были введены наиболее компетентные выходцы из среднего дворянства. Технические функции в думе выполняли дьяки, секретари и докладчики.

Дума обсуждала административные и судебные вопросы, составляла указы и законы. Законодательная функция думы была утверждена в Судебнике 1550 года. Обычная вводная формула новых законов гласила: «государь указал и бояре приговорили». Часто в заседаниях думы участвовал царь, а для решения особо важных дел приглашались представители высшего духовенства. Члены думы для проведения конкретных мероприятий создавали специальные комиссии, а также назначались послами, начальниками приказов, полковыми и городовыми воеводами.

Особое значение в тот период имела централизованная военная организация. Московское государство, находясь в состоянии непрерывной борьбы на три фронта, остро нуждалось в регулярной армии. Но для ее создания не хватало ни финансовых, ни технических средств. Военные силы до некоторого времени носили характер ополчения, когда дворяне обязаны были по команде правительства являться на войну со своими отрядами, вооружениями и на своих конях. По мере стабилизации государственных финансов создаются военные части, получившие более регулярный характер, нежели дворянское ополчение. Это были драгунские, рейтарские и пехотные полки. Привлекались казачьи формирования. Военная организация совершенствовалась в направлении регулярности и централизации.

Усиливая централизм в управлении, правительства Михаила Федоровича и Алексея Михайловича при этом ясно понимали опасность перекосов в сторону тотального администрирования. Не забывалось, что необузданный произвол режима Ивана IV заронил в общественное сознание искры будущей Смуты. Первые Романовы признавали наличие церковно-моральных традиций и правовых норм, ограничивавших самодержавие. Далеко не последнюю роль играл духовно-этический контроль со стороны православной церкви. Нельзя было не считаться и с возросшим гражданским сознанием подданных. Взяв в 1612 году дело спасения страны в свои руки, народ хотел убедиться, что усилия не были затрачены зря. Это отражали Земские соборы, где представители всех земель и сословий обсуждали проблемы страны. Царь прислуши-

вался к их мнению, видя, что они не желают «будить уснувшую Смуту». Нельзя было забывать также, что царская власть была учреждена именно Земским собором. Обществу удавалось влиять на политику правительства, придавать ей протекционистский характер. Земские соборы заседали почти непрерывно в течение первых 10 лет царствования Михаила. В эти годы земские соборы помогли восстановлению Российского государства после Смуты, в чем была их крупная историческая заслуга. И в дальнейшем ключевые для государственного и общественного бытия вопросы выносились на «совет всей земли» — такие, к примеру, как внешняя политика в связи со взятием Азова казаками (1642 г.), принятие нового свода законов (1648 г.), воссоединение русских земель (1653 г.) и др. Кроме того, для обсуждения более частных вопросов правительство неоднократно созывало совещания представителей отдельных сословий.

В Смутное время в России важнейшую роль сыграли самоуправляющиеся земские собрания. Однако после Смуты необходимость централизации управления для решения сложных внутренних и внешнеполитических задач вела к ослаблению местного самоуправления. Усиливая представительство центральной власти на местах, правительство во все земли страны командировало воевод, сосредоточивших в своих руках военную и гражданскую власть в областях.

В некоторых центральных и большинстве северных волостей население образовывало «всеуездные миры», во главе которых ставились выборные земские старосты. При этом функции местного самоуправления были регламентированы сверху: вопросы, касавшиеся военной и стратегической сферы, оставались в ведении центра.

Развивалось крестьянское самоуправление. Для феодально зависимых крестьян оно смягчило последствия введения крепостного права, для государственных — облегчало условия отношений с администрацией. Крупным землевладельцам и чиновникам приходилось иметь дело не с разрозненным крестьянством, а с крупной организацией в виде общины, действовавшей на принципах круговой поруки и всячески защищавшей своих членов.

2.2. Социальный строй

Первые Романовы стремились внести элементы централизации и в социальную политику. Правительства выполняли функцию арбитража во всех социальных конфликтах, вмешиваясь не только в меж- и внутрисословные отношения, но нередко даже во внутриродовые споры или церковные дела.

Все сословия обязаны были служить государству и отличались лишь характером возложенных на них повинностей. Население делилось на служилых и тяглых людей.

Во главе служилого сословия стояло около сотни боярских фамилий — потомков бывших великих и удельных князей. Они занимали все высшие должности в военном и гражданском управлении, но постепенно в течение XVII века их позиции теснили выходцы из средних служилых слоев. Шло слияние бояр и дворян в один класс «государственных служилых людей». По своим социальным и национальным корням этот класс отличался заметной пестротой. В него входили потомки князей и их слуг, выходцы из тягловых сословий, дети священников, купцов, казаков, выходцы из Литвы, крещеные татары. Первоначально доступ к государственной службе был открыт всем свободным людям. По мере складывания государственной организации класс служилых приобретал все более замкнутый характер.

Дворяне получали за службу поместья из государственных земельных фондов. Потомки вотчинников, в свою очередь, активно привлекались к государственной службе. Это вело к стиранию граней между вотчинным и поместным землевладением. В то же время велика была имущественная дифференциация среди дворянства. Ее усиливала нехватка людских ресурсов.

Переходы крестьян из одного поместья в другое связывались, как правило, с переманиванием их более состоятельными, чем прежние, владельцами. Это подрывало хозяйство конкретных местностей, а значит и способность отдельных дворян надлежащим образом исполнять свои военные обязанности. География страны, становясь все обширнее, вызывала миграцию на новые земли, часто бесконтрольную, когда страдала система государственных налогов. Ничего лучшего, нежели юридическое прикрепление людей, правительство в тех условиях придумать не могло. При этом на практике к тем, кто бежал на новые окраины, серьезных мер чаще всего не применялось.

Прикрепление крестьян к земле имело сильнейшие социальные последствия. Не было обеспечено четкой юридической регламентации отношений между помещиками и крестьянами, что открывало широкие возможности для помещичьего произвола. Государство не отказывалось видеть в лице владельческих крестьян своих подданных, пыталось влиять на отношение к ним землевладельцев, но полностью контролировать эту сферу было не в состоянии. Практика распоряжения личностью крепостных со стороны помещиков неуклонно нарастала, хотя в XVII веке еще далека была от размеров «критической массы».

Значительно благоприятней было положение государственных и дворцовых крестьян, сохранивших полноценное самоуправление и (в отличие от владельческих) несших только одно тяг-

ло — в пользу государства. Их доля среди всего крестьянства была преобладающей.

Социальная политика правительства в то время определялась в значительной степени демографическими проблемами. Занимая площадь, превышающую размеры всей Западной Европы, Россия к середине XVII века имела не более 10 млн. жителей, в то время как Франция — 18 млн., Австрия — 14 млн., Италия — 11,5 млн. Осваивать новые земли, пополнять казну, содержать боеспособную армию без решения проблемы народонаселения было невозможно.

Юридическое закрепление на местах касалось не только помещичьих крестьян, но и некоторых категорий посадского населения. По большому счету, перед лицом государства не более свободными, чем крестьяне и горожане, были и дворяне, связанные обязательствами пожизненной государственной службы. Социальная структура общества, отрабатываемая в интересах государства, принимала на себя отпечаток некоей мобилизационной модели, когда за каждой общественной группой закреплялось определенное место в общегосударственной структуре.

Нужно отметить, что внедрение этой модели вовсе не означало тотального преобладания силовых методов в социальной политике правительства. Центральная власть применяла гибкую тактику. Учитывались местные условия, а с ними привычки и настроения так называемых инородцев. И в отношении к русскому населению использовались уступки, дарились сословные права и привилегии. Показательный пример — казачество. Казачья вольница поначалу доставляла массу хлопот московским властям, поскольку влекла беглых крепостных из центральных районов, мало церемонилась в выборе промыслов, игнорировала царские указы. В дальнейшем, однако, установился прочный союз казачества с государственной властью. Этот феномен имеет две стороны: во-первых, наглядно проявившуюся гибкость царского правительства в социальной политике и, во-вторых, государственное организующее начало, возобладавшее у казачества в условиях ничем не ограниченной вольницы.

Казаки объединялись в военно-демократические организации, управляемые на местах выборными старшинами. Московское правительство признало за казаками право на владение землей, оказывало им помощь провиантом, деньгами и оружием. Казачество обязывалось нести пограничную службу на рубежах Русского государства. В течение всего XVII века оно вело непрекращавшуюся ожесточенную борьбу с турками, крымскими татарами, ногайцами. Пополняясь за счет самых энергичных, легких на подъем людей, казачество являлось концентратом национальной энергии. Казаки в XVII веке были равны между собой в правах, не имели

существенных социальных различий. Это было братство сильных и отчаянных мужчин. Имея добровольное, мобильное, хорошо обученное, яростное в бою казачье войско, Россия получала немалые преимущества в военно-политическом противостоянии со своими воинственными соседями. На Западе явления, подобного казачеству, не было.

В XVII веке казаки, пользуясь вольной жизнью, нередко пускались в рискованные предприятия. Они производили опустошительные набеги на берега Крыма и Турции; в 1637 году донцы, объединившись с запорожцами, взяли мощную турецкую крепость Азов. В 1668 году казачий атаман Степан Разин затеял поход в Персию, желая повторить подвиг Ермака, положившего к ногам царя Сибирское ханство, но потерпел неудачу. Зная, что придется держать ответ за авантюрную акцию, Разин — отчаянный человек — поднял брожение, которое удалось остановить только через три года. Он выступил под именем «царевича Алексея», то есть стал самозванцем. Без самозванства, попыток использования атрибутов законности привлечь достаточное количество сторонников в то время было невозможно: народная психология была связана с прочным государственным инстинктом.

Энергия и предприимчивость толкали казаков в походы на восток. В XVII веке казаки — первопроходцы шли в авангарде колонизации. Ими осваивались Северный Кавказ, Зауралье, Яик, ставились здесь пограничные заставы. Выдерживая испытания в условиях суровой сибирской природы, казачьи дружины уже в 20-х годах XVII века достигли Енисея, в 30-х — Лены и Байкала. В 40-х—50-х гг. казачьи отряды Василия Пояркова и Ерофея Хабарова дошли до Тихого океана. Эти походы могут служить неплохой иллюстрацией государственного интеллекта казаков: тот же Хабаров, находясь за тысячи верст от Москвы, был недосягаем для правительства и имел возможность распорядиться завоеванными землями по своему произволу. Но подобные мысли казались недопустимыми — новые земли сразу же были объявлены собственностью российской короны.

Проблема нехватки людских ресурсов решалась правительством разнообразными способами. В ходе многочисленных воин русские войска приводили немало пленных. Режим их содержания был мягким, масса пленных шведов, поляков, литовцев успевала осваиваться в русских городах и селах, оставалась в России на постоянное жительство. Их дети от местных матерей росли русскими по языку и сознанию.

В Московском государстве не было сильной и самостоятельной буржуазии — такой, как в Европе. Конечно, в Москве и торговых городах (Новгород, Псков, Ярославль, Нижний Новгород, Астрахань) имелись богатые купцы, но на политическое влияние

они не претендовали. Русские купцы, промышленники, ремесленники организовывались в «сотни», контролируемые правительством.

Влиятельным сословием в XVII веке было духовенство, являвшееся наиболее образованной категорией населения и державшее в своих руках такие сферы как просвещение, культура, идеология.

Немало людей входило в низшие слои служилого класса — однодворцы, стрельцы, пушкари, ямщики и др. Особую прослойку общества составляли монахи и монастырские слуги. Были и такие, кто относился к «гулящим», находился вне крестьянских и посадских общин, не нес «государева тягла» — наемные рабочие, скоморохи, нищие, бродяги и т. п.

2.3. Внешняя политика

После восстановления государственности Россия еще долго преодолевала внешнеполитические проявления Смуты. В 1614 году шведы осадили Псков, а в 1617—1618 годах королевич Владислав предпринял большой поход на Москву. Русским удалось отбить агрессию, но за мир с соседями пришлось заплатить территориальными уступками: Швеции отошли побережье Финского залива и Карелия; Польша удержала за собой Смоленск и Чернигов.

В 1632 году вспыхнула новая русско-польская война, не давшая решительного перевеса ни одной из сторон. Тем не менее Владислав, наконец, отказался от притязаний на московский престол и признал Михаила Федоровича законным царем.

Но на этом противоречия между Польшей и Московией не были исчерпаны. Обострялся вопрос о западнорусских землях. В результате Люблинской унии 1569 года между Литвой и Польшей польская шляхта получила доступ на эти земли, стремясь ввести в новоприобретенных областях крепостное право. Массированное давление на православных начала католическая церковь. В 1596 году православной части населения была навязана Брестская уния, по которой они сохраняли православные обряды и обычаи, но должны были признать католические догматы и власть папы римского.

Уния расколола западнорусскую православную церковь. Униаты и не признавшие католичество православные после взаимных проклятий вступили в ожесточенную борьбу. Польский король издал манифест, по которому православие объявлялось вне закона. Начались преследования православных, закрытия их храмов.

Борцами за отеческую традицию явились православные брат-

ства в Киеве, Львове, Луцке и других городах. При братствах строились типографии, школы, больницы, развивалась широкая просветительская и благотворительная деятельность. Идейными центрами западнорусского православия стали Могилянская академия и Киево-Печерский монастырь.

Религиозный гнет сопровождался усилением крепостничества, имевшего особо жесткие формы. Феодалы и арендаторы их земель могли убить или искалечить крестьянина по своему произволу. Во многих районах крестьяне лишались земли. Тяжелейшие условия создавались для западно-русских купцов и ремесленников, задавленных бесчисленными пошлинами.

Сопротивление католичеству и шляхетскому угнетению вылилось в войну. В 1648 году запорожским казакам под руководством Богдана Хмельницкого удалось дважды разбить поляков. В 1651 году поляки нанесли страшный ответный удар, поставивший под вопрос жизнь западнорусского населения. Хмельницкий обратился к Алексею Михайловичу с настойчивой просьбой принять Украину «под высокую царскую руку». После долгих колебаний Москва дала положительный ответ. Земский собор, принимая решение о воссоединении, понимал, что предстоит тяжелая война с Польшей.

Начавшаяся в 1654 году война поначалу была успешной для России: ее войска заняли Белоруссию и Литву. Затем ситуация изменилась в силу целого ряда неблагоприятных факторов: вмешательства Швеции, моровой эпидемии в Московии, серии измен казацкой верхушки. Истощив силы тяжелой войной, Россия и Польша в 1667 году заключили перемирие. К России отошли Смоленск, Киев и вся Левобережная Украина, получившая в составе единого государства автономию в виде гетманства, а также налоговые льготы.

Потенциал России делал ее притягательным центром для многих народов. Под покровительство России настойчиво просились правители православных Грузии и Молдавии, стремясь избавиться от турецких разорений. Оказывая моральную и дипломатическую поддержку грузинам и молдаванам, Москва тогда еще не была готова к использованию прямой, военной помощи.

В XVII веке царское правительство разрешило заселить низовья Волги калмыкам, перекочевавшим из Центральной Азии и попросившим российского подданства.

На протяжении всего XVII века острой была проблема Юга. Последним осколком Золотой Орды оставалось Крымское ханство. Оно не прекращало опустошительных набегов на русские земли. В течение первой половины XVII века было захвачено и уведено для продажи в рабство не менее 150—200 тысяч русских

пленников. Особенно безнаказаны и пагубны эти вторжения были в период Смуты.

Покончив с польско-шведской интервенцией, Россия серьезно занялась укреплением южной границы. Увеличив гарнизоны на Тульской засечной черте, с 1635 года начали строить новую — Белгородскую черту. Появились города-укрепления: Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломов, был восстановлен Орел, заново построен Ефремов. Основная тяжесть пограничной службы ложилась на казачество.

Военное столкновение России с Крымским ханством назревало. Москва удержалась от войны после взятия казаками Азова. Но столкновение произошло: крымские татары в союзе с турками вторглись на Украину. В 1677—1681 годах шли боевые действия, где русские войска имели перевес, но решающего поражения турецко-татарской армии тогда нанести еще были не в силах.

2.4. Освоение русскими Сибири

Казаки Ермака проложили дорогу на сибирские просторы энергичным и предприимчивым русским людям. В XVII веке русское продвижение в Сибирь было необычайным по темпам и размаху. Это являлось результатом соединенных усилий казаков и государственных служб. Первыми шли маневренные отряды казаков. Царские воеводы с ратными людьми и строительными артелями представляли вторую волну колонизации.

Сибирь влекла к себе прежде всего неисчислимыми в то время пушными богатствами, в которых были заинтересованы и «торговые люди», и крепнущее государство. Государственные расходы увеличивались вместе с возрастанием государственной мощи. Нужны были новые пополнения казны. Правительство поощряло заселение Сибири ссудами и податными льготами. В Москве освоение сибирских земель рассматривалось как задача первостепенной государственной важности.

Состав первых переселенцев был довольно разнообразным. Кроме казачества, служилых людей и промысловиков, в Сибирь «по государеву указу» шли ремесленники и пашенные крестьяне. Заметную часть переселенцев составили ссыльные из числа уголовных преступников и «иноземцы» из числа военнопленных. Переселенческая волна увлекла за собой зырян (коми), казанских татар, марийцев, мордву, чувашей. Сибирь становилась притягательной для крепостных крестьян, надеявшихся избавиться от всякого угнетения на новых землях. Правительство нередко вынуждено было «сквозь пальцы» смотреть на уход в Сибирь бывших крепостных. Вклад в колонизацию вносили монастыри.

При всем разнообразии движущих сил колонизации большинство переселенцев составляли жители северорусских (так называемых черносошных) уездов, где не было боярского и помещичьего землевладения. Северорусские промышленники задолго до Ермака были знакомы с Зауральем, сильное развитие на севере получил пушной промысел. В XVII веке усиливается налоговое давление. Растет население северорусских земель. Природно-климатическая и географическая близость Севера и Сибири облегчала крестьянское продвижение. Оно было поэтапным, позволило земледельцам не отрываться надолго от полевых работ. Именно поэтому жители центральных районов страны обычно переселялись на юг — в «Дикое поле», а северорусские крестьяне продвигались на восток. В северных городах — Вологде, Великом Устюге, Холмогорах, Каргополе и других — набирали ратных людей из числа добровольцев для службы в Сибири. Поток вольных переселенцев нарастал и постепенно превысил число тех, кто отправлялся в Сибирь не по своей воле. Именно вольно-народная колонизация, в конечном счете, привела к прочному вхождению Сибири в состав Российского-государства.

Вольная колонизация тесно переплеталась с правительственной. Добровольные переселенцы собирались под защиту стен строившихся воеводами городов и крепостей, которые ставились как опорные базы для дальнейшего продвижения. Первые укрепления возникли еще в смутное время и до него: Тюмень, Тобольск, Пелым, Сургут, Обдорск, Томск, Туруханск, Мангазея. В 1618 году построен Кузнецкий острог, в 1619 году — Енисейский острог. В 1628 году был основан Красноярск, оставшийся главным оплотом России на верхнем Енисее и в последующее время. В городах и острогах располагались гарнизоны и резиденции местной администрации, они служили центрами обороны и ясачного сбора. Ясак выплачивался местными сибирскими племенами (в основном, пушниной) и весь шел в российскую казну, хотя бывали случаи, когда русские воинские отряды пытались собирать ясак в свою пользу.

Если в Западной Сибири правительство действовало по определенному плану, то в Восточной Сибири, в силу ее удаленности от центра, продвижение становилось более стихийным, а нередко просто хаотичным. Отряды служилых и промышленных людей, опережая друг друга, за короткий срок преодолевали огромные расстояния, находя новые неясачные и богатые соболем земли. Дух предпринимательства разгорался с новой силой, когда по следам первопроходцев двигались следующие экспедиции, рассчитывающие на большее по сравнению с их предшественниками. Царская администрация во время походов не сковывала волю служилых. Казаки и стрельцы сами решали многие важные вопросы, касавшиеся целей и маршрутов похода. Воеводы снабжали служилых

оружием, боеприпасами, продовольствием, а после завершения походов строили и заселяли новые остроги, организовывали местное управление, ясачный и таможенный сбор, казенную пашню, связь и т. п.

От Енисея к Лене и Тихому океану отряды землепроходцев двигались, преодолевая противодействие многих местных племен. В этом продвижении выделялись отряды под руководством промышленников Пенды, Добрынского, Васильева, Ерофея Хабарова, казачьих десятников Василия Бугра и Владимира Атласова, атаманов Перфильева, Василия Галкина, Дмитрия Копылова, воеводского помощника Пояркова. Широкий размах приняло полярное мореходство, позволившее резко расширить масштабы освоения новых земель, проникая туда с севера и востока. Наиболее крупные морские походы возглавляли казаки Михаил Стадухин и Семен Дежнев.

В 1632 году стрелецкий сотник Бекетов основал Якутск. В 1639 году отряд Ивана Москвитина вышел на побережье Тихого океана. Спустя год-два русские попадают на Сахалин и Курилы, установив дружественные контакты с местными айнами. Мирно складывались отношения русских с остяками, вогулами, ненцами, эвенками, коряками, бурятами, якутами. Трения возникли при соприкосновении с чукчами и енисейскими киргизами. В Приамурье казакам Хабарова пришлось воевать с маньчжурами.

Процесс вхождения сибирских народов в состав Российского государства завершился в течение XVII века. Многие племена приняли российское подданство добровольно. Большую часть тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления. Местные народы рассчитывали на выгодную торговлю с русскими и на защиту от разорительных вражеских набегов. Еще Семен Дежнев «мирил» тунгусские племена на реке Оленек, предотвратив войну между ними. Русское продвижение в Сибирь сравнивали с открытием «Нового света», однако, при освоении Сибири русскими не было того, чем отличалось заселение Америки испанцами и англичанами: не было массового уничтожения аборигенов.

С. М. Степняк-Кравчинский считал, что «нет ни одного народа на земном шаре, который столь добросердечно относился бы к чужеземцу, как русские мужики. Они мирно живут бок о бок с сотнями народностей, различных по расе и религии». В дореволюционной литературе отмечалось, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения. Оседая на сибирских землях, русские крестьяне располагали свои деревни

рядом с селениями аборигенов. Возникали даже смешанные (русско-вогульские, русско-тунгусские, русско-бурятские и др.) поселения, где шло слияние пришельцев и аборигенов. На Индигирке, Колыме, в Иркутском крае, Забайкалье и некоторых других местах вследствие смешения с сибирскими народами сильно менялся и внешний облик, и язык, и быт осевших там русских. Многое перенимали и аборигены от русских: рубленные избы, орудия труда, одежду, кулинарию, верования, обычаи, лексику. Уже к концу XVII века отдельные местные племена мало чем отличались от обитавших по соседству русских и жили тем опрятнее и зажиточнее, чем ближе к ним находились. Многие сибирские народы со временем частично обрусели (шорцы, алтайцы, манси, буряты, камчадалы), а некоторые полностью ассимилировались в составе русского этноса: енисейцы в районе Туруханска, теленгеты на Алтае, чуванцы и ламуты на Камчатке, карагасы в районе Томска, гольды на Амуре и другие.

2.5. Проникновение западного влияния

XVII век — время миграции в Россию из Европы. Основной поток переселенцев шел из Голландии и германских княжеств, где крестьянство страдало от малоземелья. Не только громадный земельный фонд привлекал эмигрантов в Россию. Стабилизация общественных отношений делала жизнь российского населения размеренной и упорядоченной, а богатства лесов, лугов, озер делали ее еще и сытой. Тогдашняя Москва —золотоглавая, с византийской пышностью, с бойкой торговлей и веселыми праздниками — поражала воображение европейцев. Многие переселенцы добровольно переходили в православие, брали русские имена.

Часть эмигрантов несла с собой западное мировоззрение, европейские привычки и обычаи. Приглашаемые московским правительством иностранные офицеры, купцы, техники, ремесленники, доктора создавали отдельные кварталы в городах и даже отдельные поселения. Немецкая слобода на реке Яузе под Москвой стала «уголком Западной Европы в самом сердце Московии». Многие иноземные новинки — театр, балы, наряды, кулинария — вызывали интерес у русской знати. В окружении царя Алексея некоторые влиятельные вельможи становятся сторонниками западного влияния. Подражание внешнему антуражу сопровождалось проникновением космополитических веяний. В духовно-идеологической сфере начинают сталкиваться позиции российских западников и проводников национально-культурной самобытности России.

Обращение к техническим достижениям Европы было объективно необходимо в условиях хозяйственной стабилизации в

стране. В XVII веке развивались товарно-денежные отношения. Активизации хозяйственных связей на всей территории способствовала Сибирь с ее мощными ресурсами. Росла ярмарочная торговля, крепло купечество, ремесла превращались в товарное производство. Началось интенсивное складывание всероссийского рынка. Сильными были позиции государственной собственности. Производство развивалось, но это развитие сдерживалось технической отсталостью, которая проявлялась относительно Запада и была следствием сложной политической истории Руси.

Правительства первых Романовых легко шли на заимствование европейского технологического и экономического опыта, оберегая при этом русскую духовную культуру от западнохристианских воздействий. Система образования в России курировалась православной церковью. Созданная при царе Федоре Алексеевиче Славяно-греко-латинская академия действовала как центр русского православного просвещения, где особое внимание уделялось вопросам духовности и нравственности.

Вторая половина XVII века стала временем определенных сдвигов в общественном сознании. В стабилизировавшей свою государственность России обнаружился мощный геополитический потенциал. Активная часть русского общества, ощутив новизну ситуации, задалась вопросом о месте России в мире и стала осознавать определенное отставание от Запада. С. М. Соловьев так обрисовал эту ситуацию: «...чувство собственных недостатков, сознание, что отстали, что у других народов лучше и надобно перенимать это лучшее, учиться, не покидали лучших русских людей, отсюда стремление прислушиваться к чужим речам, обращать внимание на указания с разных сторон... Такое время бывает богато обличениями...».

О необходимости совершенствования российской государственно-общественной жизни говорили царские вельможи Ордин-Нащокин и Матвеев, публицист Крыжанич. Много внимания этим вопросам уделялось и православной церковью. Не отрицая задач восполнения недостатка светской культуры, развития науки и техники, наиболее дальновидные представители православного духовенства призывали к усилению нравственного начала в русском обществе и русском человеке, к ликвидации пьянства и других пороков. Русская православная церковь в лице передовых священнослужителей ратовала за такой вариант эволюции России, который вел бы ее к политической и экономической мощи при сохранении своеобразия духовной культуры.

Общественные настроения постепенно формировали атмосферу, благоприятную для преобразований — она сложилась к концу XVII века, когда на престоле оказался Петр I.

3. Церковный раскол

Эпоха Смуты наложила своеобразный отпечаток и на православную церковь. В настроения духовенства и монахов были привнесены элементы ратоборства, воинственности. Многим монастырям во время иноземной интервенции пришлось выступать в качестве крепостей и держать оборону против захватчиков. Многочисленные осады выдержали Троице-Сергиев монастырь — против поляков и Печерский монастырь — против шведов. Монахи, привыкнув воевать, сохранили дух воинственности и после Смуты. Он проявлялся в непримиримости к влиянию неправославных вероучений.

В представлениях православного духовенства Смута связывалась с идеологической экспансией Ватикана, с интригами иезуитов. Настороженное отношение к западнохристинским течениям усиливалось тем, что большой приток образованного духовенства шел в Россию с Украины, где сильны были антикатолические настроения. На Украине была развита широкая сеть православных школ, в которых обучались дети духовенства, горожан, казачества. Еще до воссоединения Украина являлась поставщиком кадров образованного духовенства для России. Многие выходцы с Украины заняли высокое положение в церковной иерархии, стали в Московии митрополитами или богословскими писателями. Они приносили с собой ревностное отношение к чистоте православия, культивируемое в условиях господства над Украиной католической Речи Посполитой.

Эти настроения поддерживались и царской администрацией, на которую церковь оказывала заметное воздействие. Достаточно сказать, что с 1619 по 1633 годы патриархом русской православной церкви был Филарет — отец царя Михаила, ставший фактическим правителем страны, активно влиявший на мысли и поступки сына. Церковь формировала державную идеологию, поставив свою проповедь на службу государственному и национальному единству, развивая идеи школы Сергия Радонежского, несущие сильный заряд патриотизма. Церковью поддерживалась геополитическая концепция «Москва — третий Рим», согласно которой Москва объявлялась центром православного мира и защитницей всех православных. Русская православная церковь в первой половине XVII века владела монополией в духовно-идеологической сфере, держа в своих руках образование, написание книг и пропаганду. Русское духовенство боролось за нравственную чистоту общества, преодолевая в этом немалые трудности, одной из которых было распространившееся после введения кабацкой системы пьянство. Царская власть находилась под постоянным религиозно-этическим контролем церкви.

Стремление сохранить сильные позиции в отношениях с царской администрацией просматривалось в поведении преемников Филарета. Особенно это было характерно для Никона, ставшего патриархом в 1652 году. Никон получил титул «Великого государя» и потребовал, чтобы его голос имел решающее значение в любом государственном деле.

В 1653 году Никон стал инициатором церковно-обрядовой реформы, которая была проведена без должной подготовки массового сознания. Была введена греческая обрядность вместо старорусской: двоеперстие было заменено троеперстием, символом культа был объявлен четырехконечный крест вместо восьмиконечного и т. п. Никон объявил об исправлении старославянских церковных текстов по греческим образцам.

Исправлением церковных книг занялись выходцы с Украины. Еще до реформы они исподволь проводили мнение, что дело образования на Украине было поставлено лучше, чем в Московии, и поэтому украинская церковная культура должна быть принята в качестве образца. Переписка текстов означала вытеснение московской редакции древнерусского языка киевской редакцией. Украинское влияние нарастало также в иконописи и литургии.

Никоновская реформа имела политический подтекст. Именно в это время решался вопрос о присоединении Малороссии. Период относительной стабилизации усилил Русское государство, поэтому правительство вплотную начало заниматься проблемой воссоединения древнерусских земель. Украина продолжала оставаться в сфере Константинопольской патриархии, в то время как Русская православная церковь давно уже получила автокефалию. На Украине к тому времени были проведены изменения в обрядах по греческому образцу. Стремление Никона также ввести греческую обрядность и объяснялось желанием сделать в глазах малороссов воссоединение с Россией максимально привлекательным, продемонстрировать отсутствие каких-либо различий между православием в Московии и на Украине. При этом он опирался как на влиятельную прослойку выходцев с Украины, так и на поддержку царя. Украинские священники в течение длительного времени до этого призывали к ликвидации обрядовых различий.

Как дипломат и политик, Никон действовал осмысленно, как глава русской православной церкви — допустил поспешность. Реформа вызвала первый серьезный раскол русской церкви. Никону противостояла группировка церковных деятелей во главе с протопопом Аввакумом, выступившая под флагом «хранителей древнего благочестия» с резким протестом против нововведений. Сказалась приобретенная в Смутное время тенденция воинствующей непримиримости к любому покушению на старорусскую православную традицию. Сторонников Аввакума больше всего раздра-

жало то, что исправление церковных текстов вольно или невольно ставило под сомнение канон русских православных святых. Реформа Никона зачеркивала решения Стоглавого собора 1551 года, канонизировавшего «старину», бросала тень на традицию школы Сергия Радонежского, делавшую акцент на особый характер русского православия, его отличие от византийского. С точки зрения исторических фактов были правы Аввакум и его союзники: не русские, а греки отступили от традиций первых христиан, перейдя в XII веке от двоеперстия к троеперстию, пересмотрев и другие обрядовые нормы.

И хотя раскол произошел не столько по мировоззренческим мотивам, сколько из-за внешней атрибутики, он принял формы крайнего противостояния. В общем-то, сторонники Никона были не меньшими патриотами, чем старообрядцы. Реформы не были направлены против духа православия, однако, внесли расстройство в массовое сознание. Пострадало единство церкви. Боровшаяся в годы ордынского ига, в Смутное время за государственную и народную консолидацию, она на этот раз сама оказалась инициатором раскола, что неизбежно роняло ее авторитет в народе.

В лоне старообрядческой церкви осталась треть верующих. Раскольники проявили фанатичную духовную стойкость. В борьбе против них официальная церковь обращается за содействием к государству, волей-неволей сделав шаг в сторону подчинения светской власти. Алексей Михайлович этим воспользовался, а его сын Петр окончательно расправился с самостоятельностью православной церкви. Петровский абсолютизм на том и строился, что он освободил государственную власть от всех религиозно-нравственных норм.

Государство преследовало старообрядцев. Ответом стали акции массового самосожжения, когда люди горели целыми родами и общинами. Оставшиеся старообрядцы внесли своеобразную струю в русскую духовно-культурную мысль, много сделали для сохранения старины. Они были более грамотными, чем никониане. Старообрядчество продолжило древнерусскую духовную традицию, предписывающую постоянный поиск истины и напряженный нравственный тонус. Раскол ударил по этой традиции, когда после падения престижа официальной церкви советская власть установила контроль над системой образования. Наметилась подмена главных целей образования: вместо человека — носителя высшего духовного начала стали готовить человека, выполняющего узкий круг определенных функций.

ЛИТЕРАТУРА

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX в. М., 1991.

История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Под редакцией **Б. А. Рыбакова**. М., 1975.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9-ти т. Т. 3. М., 1987.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Кристинсен С. О. История России XVII в. М., 1989.

Нестеров Ф. Ф. Связь времен. М., 1987.

Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. М., 1910.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.

Сухарев А. М. Очерки истории СССР. XVII век. М., 1958.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск, 1990.

Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова. М.-Л., 1950.

Фирсов Н. Н. Крестьянская революция на Руси в XVII в. М.-Л., 1927.

Лекция 9. ЭПОХА ПЕТРОВСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИИ

ПЛАН

1. Россия на пороге преобразований.
2. Внешняя политика Петра I. Рождение Российской империи.
3. Экономическая и социальная политика в первой четверти XVIII в.
4. Реформы органов власти, управления и армии.
5. Новые явления в сфере культуры и быта.

I. РОССИЯ НА ПОРОГЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В отечественной исторической науке издавна сложились диаметрально противоположные точки зрения на характер, сущность и результаты государственной деятельности Петра I. Еще при жизни Петра одни его безудержно восхваляли (вице-президент Синода Феофан Прокопович), другие считали царем антихристом (старообрядцы). В середине XVIII в. князь М. М. Щербатов в своем памфлете «О повреждении нравов в России» положил начало негативной оценке Петра в публицистике. М. М. Щербатов идеализировал патриархальные порядки XVII в., которые были нарушены Петром I. Н. М. Карамзин также порицал Петра за осмеивание русских обычаев и насаждение «иноземных» порядков, насилие, перенесение столицы из Москвы в Петербург.

В 40-е гг. XIX в. представители одного из течений раннего русского либерализма, славянофилы, стали утверждать, что Петр «свернул» Россию с естественного пути развития, чем нанес русскому народу непоправимый ущерб, лишив его национального своеобразия и задушив последние ростки свободы.

Историки «государственной школы» (особенно С. М Соловьев) писали о личности и реформах Петра в восторженных тонах, приписывая ему все успехи, достигнутые как внутри страны, так и во внешней политике России.

Дискуссии о Петре I не утихают и в современной исторической литературе. Наиболее крупные специалисты по данной проблеме — Н. И. Павленко и Е. В. Анисимов — придерживаются разных концепций. Если первый видит в преобразованиях Петра крупный шаг по пути прогресса (хотя и в рамках феодализма), то

второй считает, что, несмотря на введение целого ряда новшеств во всех сферах жизни общества и государства, реформы первой четверти XVII в. объективно вели к консервации самодержавно-крепостнической системы в России.

Но прежде чем оценивать личность и государственную деятельность Петра I, напомним некоторые исторические факты.

У царя Алексея Михайловича Романова (1645—1676) от первой супруги — Марии Ильиничны Милославской — было 13 детей. Но если дочери росли крепкими и здоровыми, то сыновья — хилыми и болезненными. При жизни царя три его сына скончались в раннем возрасте, старший сын Федор не мог передвигать опухшие ноги, а другой сын Иван имел признаки дебилизма и был подслеповат.

Овдовевший 42-летний царь Алексей Михайлович женился вторично, взяв в супруги молодую, здоровую Наталью Нарышкину, которая 30 мая 1672 г. родила ему сына Петра. Петру было три с половиной года, когда в царской семье стряслась беда: неожиданно занемог и скончался царь Алексей Михайлович. Престол занял Федор Алексеевич (1676—1682). Процарствовав 6 лет, болезненный Федор умер, не оставив ни потомства, ни памяти о себе у современников и последующих поколений. Преемником должен был стать Иван, как старший брат Петра, но против него, как слабоумного, выступили Освященный собор, Боярская дума, а затем и толпы народа.

Положение осложнялось тем, что еще после смерти Алексея Михайловича его родственники по линии первой жены — Милославские — стали хозяевами положения, отстранив от двора близких к Наталье Нарышкиной лиц, а Наталья не только утратила влияние, но оказалась, по существу, в изоляции. Перспектива воцарения Петра явно не устраивала Милославских, которые воспользовались восстанием стрельцов, предъявивших свои требования правительству во время вступления на престол нового царя. Милославские и сестра Петра царевна Софья сумели направить недовольство стрельцов в выгодное для себя русло — против Нарышкиных. Часть Нарышкиных была перебита, другие сосланы.

В результате стрелецкого восстания первым царем был объявлен Иван, вторым — Петр, а их старшая сестра Софья стала регентшей при них.

Семилетнее правление Софьи (1682—1689), не считая стрелецких бунтов, тоже мало чем примечательно. Во внешней политике главным успехом стал «вечный мир» с Речью Посполитой (Киев в 1681 г. отошел к России). Во внутренний жизни страны произошло лишь одно заметное событие — ученые греки, братья Лихуды, в 1687 г. основали в Москве Славяно-греко-латинскую академию.

Петру не исполнилось 17 лет, когда мать решила его женить, чтобы поднять его возрастной статус и освободить от опеки Софьи. Женой Петра стала Евдокия Лопухина. Но нормальная супружеская жизнь у них так и не наладилась. После женитьбы враждебность между Софьей и Петром усилилась. Софья, стремясь из правительниц в самодержицы, вновь попыталась использовать в своих целях стрельцов, однако, в августе 1689 г. их восстание было подавлено. Софья под именем сестры Сусанны была сослана в Новодевичий монастырь, где прожила 14 лет вплоть до своей смерти.

Формально Петр стал править совместно с Иваном (до кончины последнего в 1696 г.), хотя Иван никакого участия, кроме торжественных церемоний, в государственных делах не принимал. Да и сам Петр в течение еще пяти лет не изменял свой образ жизни, не заглядывая ни в Боярскую думу, ни в приказы. Текущие государственные дела в первой половине 90-х гг. решали князья Борис Алексеевич Голицын, Федор Юрьевич Ромодановский и др. Скорее всего, Петр, хотя и чувствовал в себе неукротимую энергию, не представлял тогда себе ту роль, которую ему предстояло сыграть в истории России.

Прежде чем рассматривать реформаторскую деятельность Петра, вспомним, что представляла собой Россия в конце XVII в.

Огромная территория и «непохожесть» России на западные страны сразу бросались в глаза иностранцам, побывавшим в России. Многим из них, в том числе иностранцам — сподвижникам Петра Патрику Гордону, Францу Лефорту—Московское государство представлялось отсталым и даже «полудиким». Это отставание было обусловлено рядом причин. Долгие годы ушли на преодоление разрухи, вызванной «смутой» и интервенцией начала XVII в., когда были разорены наиболее развитые в хозяйственном отношении районы страны. Но разорительные войны, разумеется, не единственная и не главная причина этого отставания. Решающее влияние на развитие страны, по мнению ряда историков (В. О. Ключевский, Н. И. Павленко и др.), оказывали ее природно-географические и социальные условия. При незначительной численности населения и огромной территории в хозяйственный оборот постоянно вовлекались новые целинные земли, что не создавало заинтересованности в повышении производительности труда и способствовало экстенсивному пути развития сельского хозяйства.

Огромные ресурсы государство направляло на нужды обороны (сооружение искусственных укреплений, засечных черт, содержание воинских контингентов), в результате чего сильное государство складывалось без соответствующей экономической базы. Отсюда — тенденция к превращению всех сословий в слуг государства, к формированию и усилению крепостничества, которое

становилось, в свою очередь, тормозом материального и духовного прогресса общества.

Кроме внутренних, имелись и внешние факторы, на которые историки традиционно обращали особое внимание: отсутствие у Русского государства выхода к морям и возможности использования дешевых путей сообщения. Два моря — Балтийское и Черное — были закрыты для внешних связей Османской империей и Швецией. Моря, омывающие страну с севера и востока, практически не могли быть использованы для хозяйственных нужд, ибо ресурсы Сибири и Дальнего Востока находились лишь в начальной стадии освоения. Единственными морскими воротами России оставался Архангельск — порт на Белом море, но он был большую часть года скован льдами, да и путь сюда из Западной Европы был в два раза длиннее, чем на Балтику. На юге Астрахань обеспечивала России экономические связи лишь с Ираном и Средней Азией, а эти регионы тоже отставали в своем развитии.

Для проведения преобразований необходим был импульс, толчок. Опыт отечественной истории свидетельствует, что почти все эпохальные перестройки в России начинались сверху. А для этого нужна была личность. Такой личностью и стал Петр I. На характер его государственной деятельности оказал большое влияние такой субъективный фактор, как его личные качества. Так происходит всегда, когда в руках одного человека сосредоточена необъятная власть.

Петр являлся фигурой огромного исторического масштаба, фигурой сложной и весьма противоречивой. Разумеется, в характере Петра Алексеевича были и положительные черты. Он был умен, любознателен, трудолюбив, энергичен. Не получив систематического образования, он тем не менее обладал обширными познаниями в самых разнообразных сферах науки, техники, ремесла, военного искусства. Нет сомнений, что все, что он делал, было направлено, по мнению самого Петра, на благо России, а не его, царя, лично. Но многие личные качества Петра были обусловлены характером той суровой эпохи, в которой он жил, и в значительной мере определили его жестокость, подозрительность, властолюбие и т. п. Весьма показательно, что Петру нравилось, когда его сравнивали с Иваном Грозным. В достижении поставленных целей он не гнушался никакими средствами, был не просто жесток к людям (лично, например, рубил головы стрельцам в 1689 г.), но вообще смотрел на человека как орудие, материал для создания того, что было им задумано для блага империи. Петр не останавливался перед применением самых изощренных методов средневековья: пыток, слежки, поощрения доносов. Он был убежден, что во имя государственной «пользы» можно пренебречь моральными нормами.

Итак, на рубеже XVII—XVIII вв. Россия стояла на пороге преобразований. Эти преобразования могли происходить в разных формах и привести к различным результатам. Здесь (в выборе форм развития) огромную роль сыграла личность реформатора.

2. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I. РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Петр Великий вошел в историю не только как реформатор России, но и как выдающийся полководец и дипломат. С его именем связано превращение России в империю, евроазиатскую военную державу.

Петр еще в 90-е гг. XVII в. пришел к выводу, что для устранения относительной международной изоляции необходим выход к морям — Черному и Балтийскому или хотя бы к одному из них. Первоначально российская экспансия устремилась на юг — в 1695 и 1696 гг. состоялись азовские походы. В результате второго похода Азов был взят, выход в Азовское море обеспечен. Однако больших успехов в южном направлении против сильной Османской империи тогда добиться не удалось.

После «великого посольства» в Европу (1697—1698 гг.)[1] Петру стало ясно, что центр тяжести во внешней политике России должен переместиться на Запад. Главная цель — выход к Балтийскому морю, где полностью доминировала Швеция. Истоки территориальных претензий России к Швеции ведут к Столбовому миру 1617 г., по которому Швеция получила территорию от Ладожского озера до Ивангорода (Ям, Копорье, Орешек и Корелы). Основной ущерб для России заключался в том, что для нее оказался закрыт выход к Балтийскому морю. Но в одиночку со Швецией справиться было невозможно. Нужны были союзники. Их удалось найти в лице Дании и Саксонии, которые были недовольны господством Швеции на Балтике. В 1699 г. Россия установила с Данией и Саксонией союзнические отношения. Характерно, что Петру удалось скрыть истинные намерения России. Шведский король Карл XII, заинтересованный в войне России с Турцией, даже подарил Петру 300 пушек.

Северная война (1700—1721 гг.) подразделялась на два этапа: первый — с 1700 по 1709 г. (до Полтавского сражения); второй — с 1709 по 1721 г. (с Полтавской победы до заключения Ништадтского мира). Война началась для России и ее союзников неудачно. Дания была сразу выведена из войны. А в ноябре 1700 г. 8 тыс. шведов разгромили 60-тысячную русскую армию под Нарвой. Это был серьезный урок, который Петр сумел извлечь для

[1] «Великое посольство» в составе 250 человек, среди которых был и царь (под именем Петра Михайлова), посетило Пруссию, Польшу, Голландию, Англию, Австрию.

себя и для русской армии. И уже в 1702—1703 гг. русские войска одержали первые победы. Были взяты крепости Нотебург (переименован в Шлиссельбург — Ключ-город), Ниеншанц. Все устье Невы оказалось в руках русских.[1]

Тем не менее на первом этапе войны стратегическая инициатива оставалась в руках Швеции, войска которой заняли Польшу, Саксонию и вторглись в Россию. Поэтому на данном этапе Петр уделял главное внимание проблеме сохранения и преобразования армии, укреплению военного потенциала страны. Ценою огромных усилий и жертв эти задачи были успешно решены.

Рубежом в войне стала Полтавская битва (27 июня 1709 г.). Русские уже воевали не числом, а умением. Стратегическая инициатива перешла в руки России. Но характер войны со стороны России изменился. Петр отказался от прежних обещаний союзникам ограничиться возвращением старых русских территорий. В 1710 г. от шведов были освобождены Карелия, Лифляндия, Эстляндия, взяты крепости Выборг, Ревель, Рига. Если бы не война с Турцией 1710—1713 гг., Северную войну удалось бы закончить быстрее. Союзники вытеснили Швецию из всех ее заморских территорий. Шведская империя рухнула.

Окончательная судьба Северной войны решалась на море в сражениях при Гангуте (1714), островах Эзель (1719) и Гренгам (1720). Более того, русский десант неоднократно высаживался на шведское побережье. Карл XII никак не мог смириться с поражениями и продолжал воевать вплоть до своей гибели в Норвегии в 1718 г. Новому королю Швеции Фридриху I пришлось сесть за стол переговоров. 30 августа 1721 г. был подписан Ништадтский мирный договор, по которому к России переходили Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, города Выборг и Кексгольм. Швеция сохранила за собой Финляндию и выторговала право беспошлинно закупать хлеб в Риге и Ревеле и компенсацию за Лифляндию — 2 млн. ефимков.

Петр считал одержанную победу самой большой радостью в своей жизни. В октябре 1721 г. продолжавшиеся месяц празднества в столице завершились торжественной церемонией под-

[1] Осенью 1702 г. при взятии Марленбурга произошло историческое событие: в плен была взята фельдмаршалом Шереметевым Марта Скавронская, ставшая впоследствии супругой царя, а затем императрицей Екатериной I. О ее происхождении ходили разные слухи, будто бы ее мать была крестьянкой и рано умерла. Марту взял на воспитание пастор Глюк. Накануне прихода русских под Марленбург она была обвенчана с драгуном, которого во время брачного пира срочно вызвали в Ригу. По другой версии, пленница была дочерью лифляндского дворянина и его служанки. С семьей пастора Глюка она попала в плен, ее взял к себе Шереметев, у того Марту выпросил Меншиков, у последнего отобрал Петр. С 1703 г. она стала его фавориткой, а в 1712 г. — вступила с ним в церковный брак.

несения царю титула Петра Великого, отца отечества и императора всероссийского. При жизни Петра его новый статус императора признали Швеция, Дания, Пруссия, Голландия, Венеция.

Россия решила главную внешнеполитическую задачу, которую русские цари пытались осуществить в течение двух веков — выход к морю. Россия прочно вошла в круг европейских держав. Были установлены постоянные дипломатические отношения с крупными европейскими странами.

После окончания Северной войны активизировалось восточное направление русской политики. Цель заключалась в захвате транзитных путей торговли Индии и Китая. В 1722—1723 гг. к России перешло Западное и Южное Прикаспие, принадлежавшее ранее Персии. Внешние планы Петра заходили очень далеко — вплоть до захвата Индии и Мадагаскара. Однако предпринять попытки их осуществления Петр I не успел.

Таким образом, внешняя политика России эволюционизировала в сторону имперской политики. Именно при Петре I была создана Российская империя, сформировалось имперское мышление, которые сохранялись почти в течение трех веков.

3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

На экономическую политику начала XVIII в. оказали решающее влияние два основных фактора: концепция меркантилизма и неудачное начало Северной войны. Согласно идеям меркантилизма, первой буржуазной школы политэкономии, основой богатства государства является накопление денег за счет активного баланса торговли, вывоза товара на чужие рынки и препятствия ввоза иностранных товаров на свой рынок. Это предполагало вмешательство государства в сферу экономики: поощрение одних видов производства и ограничение других. В условиях России петровского времени роль государства в регулировании экономики становилась гипертрофированной.

Другим важным стимулятором активного государственного вмешательства в экономику стали поражения русских войск на начальном этапе войны со Швецией. Россия лишилась основного источника поставок скандинавского высококачественного железа. Владея большими по тому времени финансовыми и материальными ресурсами, землей, недрами и даже людьми, государство взяло на себя регулирование промышленного строительства. При его непосредственном участии и на его деньги стали создаваться казенные мануфактуры, прежде всего по производству военной продукции.

Государство захватило и торговлю — путем введения моно-

полии на заготовку и сбыт определенных товаров. В 1705 г. была введена монополия на соль и табак. Прибыль на первую возросла вдвое, на табак — в 8 раз. Вводилась монополия на продажу товаров за границу: на хлеб, сало, лен, пеньку, смолу, икру, мачтовое дерево, воск, железо и др. Установление монополии сопровождалось волюнтаристским повышением цен на эти товары, регламентацией торговой деятельности русских купцов. Следствием этого стала дезорганизация свободного, основанного на рыночной коньюнктуре, предпринимательства. Государство добилось своей цели — поступления в казну резко возросли, но насилие над предпринимательством систематически разоряло наиболее зажиточную часть купечества.

К концу Северной войны, когда победа была очевидна, в торговопромышленной политике правительства произошли определенные изменения. Были приняты меры по поощрению частного предпринимательства. «Бергпривилегия» (1719 г.) разрешила искать полезные ископаемые и строить заводы всем без исключения жителям страны и иностранцам. Получила распространение практика передачи государственных предприятий (в первую очередь убыточных) частным владельцам или компаниям. Новые владельцы получали от казны различные льготы: беспроцентные ссуды, право беспошлинной продажи товаров и т. п. Государство отказалось от своей монополии на продажу ряда товаров на внешнем рынке.

Однако реальной экономической свободы предприниматели не получили. В 1715 г. был принят указ о создании промышленных и торговых компаний, члены которых, отдав свои капиталы в общий котел, были связаны круговой порукой и несли общую ответственность перед государством. Компания фактически не обладала правом частной собственности. Это была своего рода аренда, условия которой определились государством, имевшим право в случае их нарушения конфисковать предприятие. Выполнение казенных заказов стало главной обязанностью владельца завода. И только излишки он мог реализовать на рынке. Это снижало значение конкуренции как главного стимула развития бизнеса. Отсутствие конкуренции, кроме того, тормозило совершенствование производства.

Контроль за отечественной промышленностью осуществляла Берг-Мануфактур — коллегия, обладавшая исключительными правами: она давала разрешение на открытие заводов, устанавливала цены на продукцию, имела монопольное право на покупку товаров у мануфактур, осуществляла административную и судебную власть над владельцами и работниками.

Активное вмешательство государства в сферу экономики деформировало социальные отношения. Прежде всего это прояви-

лось в характере использования рабочей силы. Во время Северной войны государство и владельцы мануфактур использовали как вольнонаемную рабочую силу, «беглых и гулящих», так и приписных крестьян, отрабатывающих на заводах государственные налоги. Однако в начале 20-х гг. XVIII в. проблема рабочей силы обострилась: усилилась борьба с побегами крестьян, началось массовое возвращение беглых прежним владельцам, была проведена ревизия населения с последующей фиксацией социального статуса каждого человека путем закрепления навечно к месту записи в налоговый кадастр. Вне закона были поставлены «вольные и гулящие», которых приравняли к беглым преступникам.

В 1718—1724 гг. была проведена подушная перепись. Единицей налогообложения вместо крестьянского двора стала «душа мужского пола», которой мог быть и грудной младенец, и дряхлый старик. Умершие числились в списках («сказках») вплоть до проведения очередной ревизии. Подушную подать платили крепостные и казенные крестьяне, посадские люди. От уплаты подушной подати освобождались дворяне и духовенство. Введение подушной подати затрудняло социальную мобильность населения. В 1724 г. была учреждена паспортная система. Без паспорта крестьянам запрещалось удаляться от места жительства далее 30 верст. В 1721 г. Петр подписал указ, разрешавший покупать к заводам крепостных. Такие крестьяне стали называться посессионными (владельческими).

Особенностью развития русской промышленности в первой половине XVIII в. стало широкое применение подневольного труда. Это означало превращение промышленных предприятий, на которых мог зародиться капиталистический уклад, в предприятия крепостнической экономики. Преобладание на мануфактурах труда посессионных и приписных крестьян в конечном итоге предопределило отставание России от Европы. Но эта тенденция отставания проявилась несколько позже. А в первой четверти XVIII в. была создана сравнительно мощная экономическая база — около 100 мануфактурных предприятий. Однако создание экономического потенциала сопровождалось деформацией тенденций развития страны. Государственное вмешательство в экономику, отсутствие рынка рабочей силы тормозили вступление России на путь, по которому уже шли многие европейские страны.

4. РЕФОРМЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, УПРАВЛЕНИЯ И АРМИИ

Придя к власти в 1689 г., Петр унаследовал традиционную систему управления XVII в. с Боярской думой и приказами как центральными учреждениями. По мере усиления самодержавия

Боярская дума, как узкий сословный орган, утрачивала свое значение и в начале XVIII в. исчезла. Сведения о заседаниях Боярской думы обрываются в 1704 г. Ее функции стала выполнять «консилия министров» — совет начальников важнейших правительственных ведомств. В деятельности данного органа уже видны элементы бюрократизации управления — режим работы, строгое распределение обязанностей, введение регламентированного делопроизводства.

Образование Сената в 1711 г. стало следующим шагом в организации нового аппарата управления. Сенат создавался как высший орган управления, сосредоточивший в своих руках административно-управленческие, судебные и законосовещательные функции. В Сенате вводился принцип коллегиальности: без общего согласия решение в силу не вступало. Впервые в государственном учреждении, как и в армии, вводилась личная присяга.

Реформа административной системы была продолжена на рубеже 10—20-х гг. XVIII в. В ее основе лежали принципы камерализма — учения о бюрократическом управлении, который предполагал: функциональный принцип управления, коллегиальность, четкую регламентацию обязанностей чиновников, специализацию канцелярского труда, единообразные штаты и жалованье.

В 1718 г. был принят «Реестр коллегиям». Вместо 44 приказов учреждались коллегии. Их число составляло 10—11. В 1720 г. был утвержден Генеральный регламент коллегий, согласно которому каждая коллегия состояла из президента, вице-президента, 4—5 советников и 4 асессоров. Помимо четырех коллегий, ведавших иностранными, военными и судебными делами (Иностранная, Военная, Адмиралтейская, Юстиц-коллегия), группа коллегий занималась финансами (доходами — Камер-коллегия, расходами — Штатс-контор-коллегия, контроль за сбором и расходованием средств — Ревизион-коллегия), торговлей (Коммерц-коллегия), металлургией и легкой промышленностью (Берг-мануфактур-коллегия, позже разделенная на две). В 1722 г. был создан важнейший контрольный орган — прокуратура. Неофициальным главой Сената стал генерал-прокурор П. И. Ягужинский. Явный государственный надзор был дополнен тайным надзором путем введения системы фискалов, которые осуществляли негласное наблюдение за деятельностью администрации на всех уровнях. Петр освободил фискалов от ответственности за ложный донос. Феномен доносительства прочно утвердился в государственной системе и в обществе.

Особой коллегией стал Святейший Синод, созданный в 1721 г. Должность патриарха была упразднена. Во главе Синода был поставлен государственный чиновник — обер-прокурор. Церковь

фактически превратилась в составную часть государственного аппарата.

Генеральный регламент, другие указы Петра I закрепляли идею о службе русского дворянства как важнейшую форму исполнения обязанностей перед государем и государством. В 1714 г. был принят указ о единонаследии, по которому дворянское поместье уравнивалось в правах с вотчиной. Он способствовал завершению процесса консолидации сословий феодалов в единый класс-сословие, обладавшее определенными привилегиями. Но дворянское звание могло быть привилегированным только тогда, когда его обладатель служил. Табель о рангах (1722 г.) вводил новую иерархию чинов. Все военные и гражданские должности подразделялись на 14 рангов. Для получения следующего ранга нужно было пройти все предыдущие. Военный или гражданский чиновник, достигший восьмого ранга, соответствовавшего коллежскому асессору или майору, получал потомственное дворянство. Принцип родовитости при назначении на государственную службу был окончательно заменен принципом выслуги. За отказ служить владения дворян конфисковывались. Если на Западе служба была привилегией, то в России — обязанностью. В связи с этим в литературе высказывается мнение, что едва ли можно полностью зависимое от государства дворянство считать господствующим классом. Скорее, это был привилегированный класс-сословие военных и гражданских слуг самодержавия, преимущества которых существовали до тех пор, пока они несли службу. «Эмансипация» дворянства произошла позже — в 30—60-е гг. XVIII в.

Одно из центральных мест в реформах Петра занимало создание мощных вооруженных сил. В конце XVIII в. русское войско состояло из полков солдатского строя (в 1689 г. — 70% общей численности), стрелецких полков и дворянского ополчения. Солдатские полки были лишь зачатком регулярной армии, так как казна не могла их взять полностью на свое содержание, и в свободное от службы время солдаты занимались ремеслом и торговлей. Стрельцы все больше превращались в полицейскую силу и орудие дворцовых интриг (Петр говорил о них: «Во истину пакасники, а не воины были»). Дворянская конница уже к середине XVII в. в значительной степени утратила свою боеспособность. Наиболее боеспособной частью войска были так называемые «потешные» полки — Преображенский и Семеновский — основа будущей гвардии. Не имея выходов к незамерзающим морям, Россия не имела и флота. Центральным вопросом создания регулярной армии был вопрос о новой системе ее комплектования. В 1705 г. была введена рекрутская повинность: с определенного числа дворов податных сословий в армию должен был поставляться рекрут. Рекруты пожизненно зачислялись в сословие сол-

дат. Дворяне начинали служить с чина рядового в гвардейских полках. Так была создана регулярная армия, обладавшая высокими боевыми качествами. Армия была перевооружена, с учетом зарубежного и отечественного опыта были модернизированы стратегия и тактика, введены Воинский и Морской уставы. К концу правления Петра Россия обладала сильнейшей в Европе армией численностью до 250 тыс. человек и вторым в мире военным флотом (более 1000 кораблей).

Однако оборотной стороной военных реформ стала набиравшая темпы милитаризация имперской государственной машины. Заняв в государстве весьма почетное место, армия стала выполнять не только военные, но и полицейские функции. Полковник следил за сбором подушных денег и средств на нужды своего полка, а также должен был искоренять «разбой», в том числе пресекать крестьянские волнения. Распространилась практика участия профессиональных военных в государственном управлении. Военные, особенно гвардейцы, часто использовались в качестве эмиссаров царя, причем наделялись чрезвычайными полномочиями.

Из вышесказанного видно, что в России в первой четверти XVIII в. сформировалась мощная военно-бюрократическая система. Наверху громоздкой пирамиды власти находился царь. Монарх был единственным источником права, имел необъятную власть. Апофеозом самодержавия стало присвоение Петру I титула императора.

В современной исторической литературе существуют две основные точки зрения по проблеме абсолютизма в России. Первая сводится к следующему: в России, как минимум со времен Петра, утвердился абсолютистский режим, который ничем существенно не отличался от абсолютистских режимов Запада (неограниченная власть монарха, постоянная армия, развитый бюрократический аппарат, централизованная система налогов); на Западе классические формы этого феодального по своей природе режима возникли в ситуации относительного «равновесия» сил буржуазии и дворянства, следовательно, «равновесие» и «противовес» (в лице абсолютизма) существовали и в России.

Вторая точка зрения: поскольку классический абсолютистский, феодальный по своей сущности, режим впервые сложился на Западе в период «равновесия» и «противовеса», а в России этого не было, так как капитализм и буржуазия еще не сформировались, то: а) или в период Петра мы имеем не абсолютизм, а азиатский деспотизм, лишь внешне похожий на западные абсолютистские монархии; б) или в петровский период в России возник абсолютистский режим, типологически отличный от западного.

Очевидно, что вторая позиция ближе к научной истине. Особенность «российского абсолютизма», его отличие от западного

заключались в большой самостоятельности по отношению к гражданскому обществу. Режим как бы стоял над обществом и заставлял служить себе все сословия.

5. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

Серьезные преобразования в области культуры начались еще в XVII в. в связи с наступлением Нового времени. Эти преобразования значительно ускорились в эпоху Петра Великого.

Главное, с чем столкнулся Петр в начале своих преобразований — это отсутствие подготовленных кадров, способных проводить реформы во всех сферах: военном деле, государственном аппарате, науке, строительстве, архитектуре и т. д. Нельзя было находиться в постоянной зависимости от иностранцев. К приходу Петра к власти страна располагала единственным учебным заведением — Славяно-греко-латинской академией. Но после отстранения в 1694 г. основателей братьев Лихуд она вместе со 150 учениками стала хиреть.

Имелось два пути приобщения к западной науке: приглашение иностранных ученых (а это обходилось очень дорого) и отправка русской молодежи для учебы за границу (более дешевый путь). До Петра общение с иностранцами не поощрялось и разрешение на выезд получали лишь две категории людей: члены посольств и гости (то есть верхушка купечества). Теперь выезд за границу не только не запрещался, но даже стал поощряться, а к некоторым применялся в принудительном порядке. В 1696 г. был принят специальный указ о направлении в разные государства на учебу 61 человека, из них 23 принадлежали к княжеским фамилиям.

Сближение с Западом проявлялось в заботах правительства о том, чтобы русский человек и внешним видом напоминал европейца. На следующий день после приезда из-за границы (26 августа 1698 г.) Петр выступил в роли цирюльника — велел принести ножницы и самочинно обрезал бороды у шокированных этой выходкой бояр. Подобную операцию Петр повторял несколько раз. Был введен металлический бородовой знак — своего рода квитанция об уплате денег за ношение бороды. Указ 1705 г. обязывал все мужское население страны, за исключением священников, монахов и крестьян, брить бороды и усы. Нежелавшие бриться платили дифференцированный налог: от 30 до 100 руб. в год (в зависимости от сословной принадлежности и имущественного положения) — огромные по тому времени деньги.

Борьба шла и с широкорукавным платьем. Вскоре после возвращения «великого посольства» состоялось шуточное освящение Лефортова дворца. Многие гости прибыли на пир в традиционной

русской одежде: в сорочках с вышитым воротником, шелковых зипунах яркого цвета, поверх которых были надеты кафтаны с длинными рукавами, стянутыми у запястья нарукавниками. Поверх кафтана было длинное платье из бархата, сверху донизу застегнутое на множество пуговиц. Шуба и меховая шапка с высокой тульей и бархатным верхом завершали наряд знати (такой наряд был совершенно неудобен для работы). В тот день царь вновь шокировал многих знатных людей, собственноручно взяв ножницы и начав укорачивать рукава.

В 1700 г. был принят специальный указ об обязательном ношении венгерского платья (кафтанов), а в следующем году было запрещено носить русское платье, его изготовление и продажа карались законом, предписывалось носить немецкую обувь — сапоги и башмаки. Это было сознательное противопоставление нового, современного, удобного — старому, архаичному. Очевидно, долгие годы только насилием можно было поддерживать новые моды и нравы. Не раз публиковались указы, угрожавшие нарушителям различными карами, вплоть до каторги.

Подлинным пособием для дворянина стало так называемое «Юности честное зерцало» (1717 г.). Это сочинение неизвестного автора формирует новый стереотип поведения светского человека, избегающего дурных компаний, мотовства, пьянства, грубости, придерживающегося европейских светских манер. Основная мораль данного произведения: молодость — подготовка к службе, а счастье — следствие прилежной службы. Дворянскую честь следует беречь, но защищать ее не шпагой, а жалобой в судебные инстанции, ибо дворянин должен проливать кровь, только защищая Отечество.

Перемены в быте и нравах высших кругов проявлялись в возникновении новых форм развлечений. Специальным указом 1718 г. были введены ассамблеи, которые становились обязательными для дворян в городах и сочетали в себе отдых и деловое общение.

Указами от 19 и 20 декабря 1699 г. вводилось новое летоисчисление: не от сотворения мира, а от Рождества Христова; новолетие начиналось не с 1 сентября, а с 1 января, как во многих европейских странах. Празднование нового года должно было происходить с 1 по 7 января. Ворота дворов надлежало украшать сосновыми, еловыми или можжевельными деревьями, а ворота бедных владельцев — ветвями. Каждый вечер по большим улицам предписывалось жечь костры, а при встрече поздравлять друг друга. В столице в эти дни устраивались фейерверки.

Для новой культуры были характерны светскость и «государственный» характер. Последняя черта культуры являлась особенностью России. Государство финансировало и поощряло развитие

тех сфер культуры, которые считались наиболее нужными. Культуру в целом, науку и даже искусство Петр I оценивал с позиций пользы. Огромная роль государства, его вмешательство в сферу культуры привели к ее бюрократизации: труд писателя, художника, актера, архитектора превратился в разновидность государственной службы, обеспеченной жалованьем. Культура стала государственной, выполняя определенные служебные функции. Она начала оказывать мощное воздействие на людей, чей стиль жизни и мышления нивелировался и унифицировался в соответствии с интересами самодержавия.

Петровские реформы грандиозны по своим масштабам и последствиям. Эти преобразования способствовали решению остро стоявших перед государством задач, прежде всего — в сфере внешней политики. Однако они не могли обеспечить долговременный прогресс страны, так как проводились в рамках существующего строя и, более того, консервировали российскую феодально-крепостническую систему.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989.

Буганов В. И. Петр Великий и его время. М., 1989.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 414—589.

Лекция 10. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ

1. Перемены на русском престоле. Система государственного управления.
2. Положение сословий.
3. Внешняя политика.
4. Культурная жизнь.

1. ПЕРЕМЕНЫ НА РУССКОМ ПРЕСТОЛЕ. СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

История России второй четверти XVIII в. характеризовалась острой борьбой дворянских группировок за власть, приводившей к частым сменам царствующих особ на престоле, перестановкам в ближайшем их окружении. С легкой руки В. О. Ключевского за этим периодом закрепился термин «эпоха дворцовых переворотов». Вслед за Ключевским многие историки оценивали 1720—1750-е гг. как время ослабления русского абсолютизма. Н. Я. Эйдельман вообще рассматривал дворцовые перевороты как своеобразную реакцию дворянства на резкое усиление самостоятельности государства при Петре I, как «гвардейскую поправку» к самовластью. «Исторический опыт показал, — пишет он, имея в виду «необузданность» петровского абсолютизма, — что такое громадное сосредоточение власти опасно и для ее носителя, и для самого правящего класса». Сам В. О. Ключевский также связывал наступление политической нестабильности после смерти Петра I с «самовластьем» последнего, решившегося, в частности, поломать традиционный порядок престолонаследия (когда престол переходил по прямой мужской нисходящей линии) — уставом от 5 февраля 1722 г. самодержцу было предоставлено право самому назначать себе преемника по собственному желанию. «Редко самовластие наказывало себя так жестоко, как в лице Петра этим законом 5 февраля», — заключал Ключевский. Петр I не успел назначить себе наследника: престол, по словам Ключевского, оказался отданным «на волю случая и стал его игрушкой»: не закон определял, кому сидеть на престоле, а гвардия, являвшаяся в тот период «господствующей силой».

В литературе преобладают рассуждения о «ничтожности» преемников Петра I. «Преемниками Петра I, царствовавшими до 1762 г. — пишет, например, Н. П. Ерошкин, автор учебника по истории государственных учреждений дореволюционной России,— оказались слабовольные и малообразованные люди, проявлявшие подчас больше заботы о личных удовольствиях, чем о делах государства». В последнее время, однако, наблюдается определенный пересмотр оценок, позволивший прийти к выводу о том, что во второй четверти XVIII в. наблюдается не ослабление, а, напротив, усиление абсолютизма. Так, историк Д. Н. Шанский утверждает: «абсолютизм как система в эти годы неуклонно укреплялся и приобретал большую зрелость по сравнению с предшествующим периодом». Сам термин «эпоха» дворцовых переворотов», по мнению Шанского, должен быть отвергнут, поскольку он не отражает основной сущности рассматриваемого периода, главных тенденций развития государства.

При всем том борьба за престол и вокруг престола, безусловно, сильнейшим образом влияла на ситуацию в стране. Петр I умер 28 января 1725 г. Еще в мае 1724 г. в главном храме России — Успенском соборе Московского кремля — состоялась церемония коронования супруги первого русского императора Екатерины Алексеевны. «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга», — сообщал в Париж французский посол Ж. -Ж. Кампредон. По утверждению близкого ко двору генерала А. Н. Вильбуа, Петр успел составить в пользу Екатерины и письменное завещание. Однако незадолго до смерти царь уничтожил его. Причиной послужила ставшая известной Петру связь Екатерины с 28-летним блестящим камергером В. Монсом. Монсу отрубили голову на Троицкой площади столицы, а перед разгневанным венценосцем вновь встал вопрос о возможном преемнике. Он тянул с решением, колебался, тем временем заболел и уже накануне смерти, если верить Г. Ф. Бассевичу, очевидцу событий, успел только написать: «Отдайте все...». Чье имя всплыло в затухающем сознании императора, современникам и потомкам осталось неизвестным.

Претендентов было трое: Екатерина Алексеевна, ее младшая дочь Елизавета Петровна (старшая Анна в 1724 г. при обручении с герцогом голштинским под присягой отказалась вместе с женихом от русского престола за себя и за свое потомство) и внук Петра I, сын царевича Алексея, 10-летний Петр Алексеевич. Решить вопрос предстояло ближайшему окружению императора, высшему чиновничеству и генералитету. Мнения разделились. Представители родовой аристократии (в первую очередь князья

Голицыны, Долгоруковы) отстаивали права Петра Алексеевича. Однако «новая» знать, «птенцы гнезда Петрова» во главе с А. Д. Меншиковым, за которым стояла гвардия, желала воцарения Екатерины. Меншикова и Екатерину связывала давняя дружба; по мнению историка Е. В. Анисимова, «оба они, выходцы из низов, тайно презираемые многими из правящей родовитой верхушки, нуждались в помощи друг друга, чтобы противостоять своим врагам». Известно, что вторая жена Петра I была дочерью простого лифляндца Самуила Скавронского и до принятия православия носила имя Марты. А. Н. Вильбуа даже утверждал, что родители Марты-Екатерины являлись крепостными, бежавшими в Лифляндию из Польши.

Поддержка гвардии решила дело: Сенат провозгласил Екатерину императрицей. Царствовала она недолго — до своей смерти 5 мая 1727 г. В. О. Ключевский писал о ней как о слабой правительнице, которая жила «благополучно и даже весело, мало занималась делами ...распустила управление». Этот образ закрепился в исторической литературе. Свидетельством «беспомощности» Екатерины I принято считать учреждение ею 8 февраля 1726 г. Верховного тайного совета, получившего большие полномочия: назначать высших чиновников, ведать финансами, руководить деятельностью Сената, Синода и коллегий. В состав Верховного тайного совета вошли А. Д. Меншиков, П. А. Толстой, Г. И. Головкин, Ф. М. Апраксин, А. И. Остерман и наиболее видный представитель старой знати Д. М. Голицын. Признавая за советом роль реального правительства страны, следует подчеркнуть, что он состоял при особе императрицы. Сами «верховники» признавали, что совет является императорским, поскольку Екатерина в нем «президентство управляет», а их долг — «токмо Ея величества ко облегчению» служить. Д. Н. Шанский доказывает, что Верховный тайный совет был «чисто абсолютистским органом» и вел свою родословную от негласных советов Петра I — именно у Петра родилась мысль о создании небольшого по составу, более гибкого, чем Сенат, постоянного органа. Его создание отвечало задаче сосредоточения власти в руках абсолютного монарха. Ту же цель преследовала при Екатерине перестройка работы коллегий (сокращение штатов, тенденция к единоначалию), местного государственного аппарата. Указом от 15 марта 1727 г. предписывалось «как надворные суды, так и всех лишних управителей и канцелярии и их конторы, камериров и земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить, а положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод».

Перед смертью императрица назначила своим преемником Петра Алексеевича. Этого назначения требовали члены Верховного тайного совета, Сената, Синода, президенты коллегий, гвар-

дейцы. В частности, А. Д. Меншиков еще в 1726 г. тайно перешел на сторону сына царевича Алексея, задумав женить его на своей дочери. Сама императрица хотела бы передать престол дочери Елизавете, но, будучи уже смертельно больной, уступила нажиму.

С воцарением Петра Алексеевича Меншиков сумел стать единственным опекуном мальчика-императора и, по существу, регентом государства. В мае 1727 г. состоялось торжественное обручение Петра II с 16-летней Марией Александровной Меншиковой (которую, между прочим, жених не любил и называл «статуей»). Казалось, пройдет совсем немного времени — и Меншиков будет тестем царя. Однако случилось непредвиденное — светлейший князь тяжело заболел, чем не замедлили воспользоваться его недавние соратники, а теперь враги, недовольные чрезвычайным усилением власти Меншикова, — в первую очередь Остерман и Долгоруковы. За пять недель болезни князя они сумели склонить Петра на свою сторону. 8 сентября Меншикову объявляют предписание Верховного тайного совета о домашнем аресте, а затем и указ императора о лишении его чинов и наград и ссылке.

Место при Петре II заняли новые временщики — князь А. Г. Долгоруков и его сын Иван. У этого знатного семейства в свою очередь возник план породниться с царем, выдав за него замуж 18-летнюю сестру Ивана Екатерину. Благодаря интригам Долгоруковым удалось склонить Петра на брак с княжной. Обручение произошло 30 ноября 1729 г., а на 19 января следующего года была назначена свадьба. В ночь на день свадьбы 15-летний император, простуженный на Крещенском параде, скончался.

Завещание Екатерины I предусматривало, что, если Петр Алексеевич умрет, не оставив потомства, русский престол должен перейти к ее дочерям. Но члены Верховного тайного совета решили короновать Анну Иоанновну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, дочь брата Петра I Ивана Алексеевича, проживавшую в Митаве. При обсуждении вопроса о кандидатуре Анны князь Д. М. Голицын говорил, что «надобно нам себе полегчить», «чтоб воли себе прибавить» — речь шла о необходимости ограничения самодержавия. Д. М. Голицын был выразителем конституционных устремлений незначительной части родовой знати, попытавшейся использовать ситуацию для утверждения в России аристократического (наподобие шведского) режима. Все члены Верховного тайного совета проголосовали за избрание Анны Иоанновны императрицей и за то, чтобы представить ей «пункты», или «кондиции», весьма существенно ограничивавшие ее власть. Согласно «кондициям», будущая императрица обязывалась без согласования с Верховным тайным советом не назначать

высших должностных лиц, не решать вопросов о войне и мире, не распоряжаться государственными финансами и пр.

«Кондиции» доставили в Митаву, и Анна согласилась их подписать. Между тем в Москве (куда при Петре II переехал двор), где стало известно о «затейке» «верховников», в среде дворянства и духовенства развернулось широкое оппозиционное движение. Настроения рядового шляхетства хорошо передавались в одной из записок, ходившей по рукам: «Боже, сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий!». На большом приеме у императрицы 25 февраля 1730 г. оппозиционеры прямо обратились к ней с просьбой «принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели, а присланные... от Верховного совета... пункты уничтожить». Анна тут же, на глазах собравшихся, разорвала «кондиции». Манифестом от 28 февраля объявлялось о «восприятии» ею «самодержавства».

Царствование Анны Иоанновны (1730—1740 гг.) обычно оценивается как некое безвременье; сама императрица характеризуется как ограниченная, необразованная, мало интересующаяся государственными делами женщина, которая не доверяла русским, а потому понавезла из Митавы и из разных «немецких углов» «кучу иноземцев». «Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении», — писал Ключевский. Фактическим правителем государства авторами называется фаворит императрицы Э. Бирон. Стойкой историографической традицией стала версия об активизации при Анне Иоанновне «национального» протеста русского дворянства против «иноземного засилья».

Между тем, на деле говорить о заметном увеличении числа иностранцев на русской службе в 1730-х гг. нет оснований. Т. В. Черниковой удалось доказать, что русских дворян беспокоило не «засилье иноземцев», а усиление при Анне Иоанновне бесконтрольной власти и иноземных, и русских «сильных персон», олигархические притязания части знати. В центре борьбы, которая шла внутри дворянского сословия, стоял, следовательно, не национальный, а политический вопрос. Версия об «иноземном засилье», как заключает Черникова, родилась в 40—90-х гг. XVIII в. «в связи с конъюнктурными соображениями правивших тогда монархов, вынужденных как-то оправдать свой захват трона».

Сама Анна Иоанновна активно участвовала в управлении государством. Историк XVIII в. князь М. М. Щербатов отмечал присущие ей «ясность взгляда и верность суждения, постоянное искание правды», «методический склад ума, любовь к порядку». В царствование Анны наблюдается дальнейшее усиление относительной самостоятельности абсолютистской власти. Этому способ-

ствовали преобразования системы государственного управления. Начались они под знаком возврата к заветам Петра I: 4 марта 1730 г. последовал манифест об упразднении Верховного тайного совета и восстановлении Правительствующего Сената «на таком основании и в такой силе, как при Петре Великом был». Однако вскоре все бразды правления было решено вновь сосредоточить в небольшом по составу совете при императрице, получившем в указе от 18 октября 1731 г. название Кабинета министров (в него вошли Остерман, граф Г. И. Головкин и князь А. М. Черкасский; после смерти Головкина его последовательно заменяли П. И. Ягужинский, А. П. Волынский и А. П. Бестужев-Рюмин). По сути дела, Кабинет явился прямым преемником Верховного тайного совета. Была продолжена линия на подчинение церкви государству и превращение священнослужителей в послушный самодержавию специфический род чиновничества. Так, 15 апреля 1738 г. из ведомства Синода была изъята Коллегия экономии, которая передавалась Сенату. Вместе с ней туда же передавались существовавшие при Синоде приказы Дворцовый и Казенный. «С этой передачей, — констатирует историк церкви А. В. Карташев, — Синод лишался всяких своих сумм, стал голым, бюрократическим учреждением, которое могло содержаться только жалованьем из общей государственной казны».

Незадолго до своей смерти Анна назначила преемником двухмесячного принца Иоанна Антоновича; он приходился правнуком отцу императрицы Ивану Алексеевичу. Родная сестра Анны Екатерина в свое время была выдана замуж за мекленбургского герцога. От этого брака родилась дочь Анна Леопольдовна, которая в детском возрасте попала в Петербург. Позднее Анна Иоанновна выдала ее замуж за приглашенного в Россию брауншвейгского принца Антона Ульриха. В 1740 г. у Анны Леопольдовны появился сын — будущий император Иоанн VI. Регентом государства при царе-малютке умирающая императрица назначила Бирона. Однако Бирон недолго оставался у власти. Стало известно, что он заигрывает с претенденткой на трон — «дочерью Петровой» Елизаветой, ведет с ней какие-то переговоры и якобы желает женить на цесаревне своего старшего сына. Поползли слухи и о том, что регент намеревается удалить от дел кабинет-министра Остермана, фельдмаршала Б. К. Миниха и других влиятельных сановников. Опасаясь этого, вчерашние союзники регента наносят превентивный удар: в ночь с 7 на 8 ноября 1740 г. Бирон был арестован. Регентшей объявляется Анна Леопольдовна. Однако «Брауншвейгской фамилии» оставаться у власти суждено было не более года. Недовольство ею вызывало сильное брожение в дворянстве и гвардейских полках. Взоры гвардейцев обращались на дочь Петра I, цесаревну Елизавету.

Осенью 1741 г. в пользу Елизаветы составился заговор. В ночь на 25 ноября цесаревна явилась в казармы Преображенского полка, была восторженно встречена там и затем во главе преображенцев двинулась ко дворцу. Елизавета арестовала Иоанна VI и его родителей (их вскоре сослали в Холмогоры) и была провозглашена императрицей.

Традиционно в исторической литературе утверждается, что переворот 1741 г. носил «патриотический», «антинемецкий» характер и был кульминацией борьбы русского дворянства против «иноземного засилья» в стране. На деле участвовавших в заговоре гвардейцев вдохновляла идея восстановления в России сильной самодержавной власти, пошатнувшейся при императоре-младенце. Стоит указать на активную роль в подготовке переворота «иноземцев» Иоганна Лестока и французского посла Ж. Шетарди. Важно и то, что при Елизавете в составе правящей верхушки государственного аппарата не произошло кардинальных перемен — были удалены лишь наиболее одиозные фигуры. Так, канцлером Елизавета назначила А. П. Бестужева-Рюмина, бывшего в свое время правой рукой и креатурой Бирона. В число высших елизаветинских сановников входили также брат А. П. Бестужева-Рюмина и Н. Ю. Трубецкой, являвшийся к 1740 г. генерал-прокурором Сената. Наблюдавшаяся определенная преемственность высшего круга лиц, фактически осуществлявших контроль за узловыми вопросами внешней и внутренней политики, свидетельствовала о преемственности самой этой политики.

Внешне казалось, что наступили «новые» времена. Указом от 12 декабря 1741 г. упразднялся Кабинет министров и учреждалась личная канцелярия императрицы («Кабинет ее величества»), сходная по характеру функций с Кабинетом Петра I. Были восстановлены отмененные в предшествующий период институт прокуроров, Главный магистрат, Берг — и Мануфактур-коллегии и пр. Было заявлено о возвращении к петровским порядкам в церковном управлении.

Вместе с тем Елизавета не собиралась отказываться от практики императорских советов, и в первый же день после переворота был создан временный орган — «собрание гг. министров и генералитета» из 11 человек, называемый «советом 11-ти». В дальнейшем роль императорского совета играют специально созываемые Елизаветой «совещания», а в 1756 г. учреждается Конференция при высочайшем дворе — прямой наследник Верховного тайного совета и Кабинета министров. Можно, таким образом, говорить о стабильности высших советов при особе монарха как института русского абсолютизма, его необходимого элемента. На всем протяжении правления Елизаветы Петровны сохранялся такой важный орган абсолютистского государства, как Тайная

розыскных дел канцелярия, возникшая при Анне Иоанновне, — преемник мрачной памяти Преображенского приказа. В условиях продолжавшейся централизации управления шла деградация коллежской системы — более действенным оказывалось единоначалие. Президенты коллегий, как правило, сами принимали решения, а члены коллегий лишь подписывали их потом. Возглавлявший коллегию Иностранных дел канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, например, вообще перестал приезжать в коллегию, заявив: «Я гораздо больше у себя дома, нежели сидя в коллегии, нужнейших дел исправлять могу».

Хотя в 1744 г. церковь добилась возврата Коллегии экономии из ведомства Сената в ведение Синода (под названием «Синодальная канцелярия экономического правления»), Елизавета понимала, что сохранение церковных вотчин противоречит политике на полное подчинение церкви власти монарха. Не случайно поэтому в 50-х гг. встал вопрос о секуляризации архиерейских и монастырских имений. По инициативе императрицы он активно обсуждался на правительственном уровне, но под давлением «синодалов» решение его было отложено.

2. ПОЛОЖЕНИЕ СОСЛОВИЙ

Наследникам Петра I досталась страна, переживавшая тяжелый послевоенный кризис. К тому же последние годы правления Петра были отмечены сильными недородами. Катастрофически росло число недоимщиков; наблюдалось массовое бегство крестьян на Дон, в Польшу, на Урал и в Сибирь. Проявлением недовольства народа непосильными тяготами служили широко распространившиеся слухи о Петре-«антихристе» и о «подменном» царе. «Мужики от податей разорились, оскудели. Какой у нас царь? Царишка! Измотался весь. Оставил Москву, живет в Питере... Пропал весь народ от податей!» — говорил один из крестьян. «Какой он царь! — подхватывал другой. — Он враг, оморок мирской...».

Разорением крестьян были недовольны и помещики. Они требовали снижения государственных поборов с крепостных, принятия эффективных мер по борьбе с бегством, предоставления им длительных отпусков для наведения порядка в имениях. Правительство Екатерины I не могло не реагировать на сложившуюся ситуацию. Уже 2 февраля 1725 г. генерал-прокурор Ягужинский предложил сенаторам обсудить вопрос о снижении подушной подати. Предложение это получило одобрение Сената и императрицы — 74-копеечная подушная подать была сокращена до 70 копеек. В октябре того же года Ягужинский представил Сенату доклад «О содержании в нынешнее мирное время армии и каким

образом крестьян в лучшее состояние привесть». В докладе говорилось о тяжелом положении крестьян, страдающих от податей, недородов, злоупотреблений властей. Вопросы, поднятые Ягужинским, обсуждались не только в Сенате, но и в Верховном тайном совете. Было решено отстранить от сбора податей военные команды (Ключевский писал, что эти команды, «руководившие сбором подати, были разорительнее самой подати») и передать его воеводам и губернаторам. Екатерина I распорядилась также вывести армейские полки «с вечных квартир» (солдаты и офицеры при Петре были размещены по обывательским домам в городах и деревнях) и расселить их подгородними слободами. Мера эта, несомненно, облегчала положение крестьян, поскольку содержание полков ложилось, по словам Ключевского, «тяжелым и обидным бременем» на деревню; постоянно «у солдат с мужиками» случались «несогласия».

В 1727 г. было установлено отпускать две трети офицеров и рядовых из дворян в отпуска, чтобы они могли привести в порядок свои имения. Вообще дворянство чрезвычайно тяготилось теми ограничениями, которые ввел для них Петр I, в частности обязанностью бессрочной службы. В проектах, поданных в 1730 г. Анне Иоанновне, дворяне предлагали ограничить обязательную службу определенным сроком и освободить их от наиболее тяжелых ее видов (например, на кораблях в матросах). Но только через 6 лет появился закон, который ограничивал срок этой службы 25-ю годами. Часть дворян освобождалась от службы вообще: из нескольких сыновей отец-дворянин мог одного оставлять дома «для содержания экономии». Когда после окончания русско-турецкой войны в 1739 г. этот закон вступил в действие, дворяне, выслужившие 25-летний срок, массами стали подавать прошения об отставке.

В правление Анны Иоанновны дворянство добилось удовлетворения и некоторых других своих требований. Так, в 1731 г. ему было возвращено право распоряжения вотчинами, ограниченное законом Петра I о единонаследии: дворянам снова разрешалось делить свои имения между всеми детьми. Предписывалось «впредь с сего указа как поместья, так и вотчины, именовать равно одно недвижимое имение — вотчина». Таким образом, юридически упразднялись поместья как особая категория условных земельных владений (собственником которых считалось государство) — все имения отныне признавались полной собственностью своих владельцев. В результате, по заключению В. О. Ключевского, «огромный запас населенных государственных земель, какими были поместья, окончательно и безвозмездно отчуждался в частное владение». Анна Иоанновна производила и новые пожалования земель дворянам из государственного фонда. Правда, еще

больше дворянских имений конфисковывалось, «отписывалось». в казну.

Предпринимались меры по закреплению права владения землей и крепостными в качестве исключительной привилегии дворянства (указы 1730, 1739, 1740 гг.). Эта политика была продолжена в царствование Елизаветы Петровны. В итоге, как пишет Ключевский, потомственное дворянство «монополизировало в своей среде крепостное душевое и земельное владение». С целью оказания экономической помощи помещикам в 1754 г. учреждается государственный Дворянский банк, который выдавал ссуды под залог имений.

Расширялась судебно-полицейская власть помещиков над крепостными. В частности, указом от 6 мая 1736 г. помещику предоставлялось право самому определять меру наказания крестьянина за побег. Сбор подушной подати с крепостных был передан их владельцам. В указе от 2 мая 1758 г. говорилось об обязанности помещика наблюдать за поведением своих крепостных. Наконец, указ от 13 декабря 1760 г. предоставлял помещикам право ссылать крепостных за проступки в Сибирь на поселение с зачетом их за рекрутов.

Права крепостных крестьян последовательно сокращались: в 1727 г. им запрещается поступать на военную службу без согласия помещика; в 1730 г. запрещается приобретать недвижимые имения, в 1731 г. — вступать в откупа и подряды, «кроме найму подвод и судов и каких-либо работ», в 1734 г. — заводить фабрики. В 1741 г. крепостные крестьяне были исключены из числа лиц, обязанных приносить присягу монарху; отныне, следовательно, они уже не признавались подданными государства, а рассматривались как подданные их господ. Указ 1761 г. лишал крепостных права давать векселя и принимать на себя поручительства без дозволения помещика.

Вместе с тем правительство не желало разорения крепостной массы. В апреле 1734 г., например, был издан указ, обязывающий помещиков кормить своих крестьян в неурожайные годы, ссужать их семенами. В том же году вышло еще одно распоряжение Анны Иоанновны, которое грозило дворянам за неисполнение апрельского указа жестоким наказанием. И при Екатерине I и при Анне Иоанновне в правящих верхах обсуждался вопрос о законодательном ограничении крестьянских повинностей, которые они выполняли в пользу своих господ. В 1734 г. обер-прокурор Сената А. Маслов, пользовавшийся поддержкой императрицы, представил ей проект указа, в котором ответственность за рост крестьянских недоимок возлагалась на «бессовестных» помещиков, отягощавших своих крепостных излишними работами и оброчными платежами; указ предписывал Сенату установить «ме-

ру» крестьянских оброков и барщины. Анна Иоанновна, однако, решила с этим указом «обождать» — ей была известна резко негативная реакция на проект Маслова членов Сената.

Таким образом, можно заключить, что в целом абсолютистское государство проводило продворянскую политику — дворянство являлось его главной социальной опорой. Но имели место и расхождения между запросами дворянства и правительственным курсом. Это было связано с пониманием властями того обстоятельства, что экономическое могущество государства держится на «податных классах». В одобренном императрицей и Сенатом проекте отмены внутренних таможен, составленном в 1753 г. графом П. И. Шуваловым, прямо заявлялось, что «главная государственная сила состоит в народе, положенном в подушный оклад». Кстати, отмена в 1753—1754 гг. внутренних таможен и всех таможенных «мелочных сборов» содействовала развитию крестьянской торговли. Больше, конечно, от этой меры выиграли государственные крестьяне, не находившиеся в зависимости от помещиков, поскольку в государственной деревне товарно-денежные отношения оказывались развитыми сильнее, чем в помещичьей.

Вообще положение государственных крестьян было несравненно лучше, чем частновладельческих. Число их на протяжении второй четверти XVIII в. растет; увеличивается их удельный вес в общей массе крестьянства. В конце первой четверти столетия, середине 1740-х и начале 1760-х гг. непосредственно государству принадлежало соответственно 19, 39 и 40% крестьян от общей массы крестьянского населения России. В абсолютных цифрах это составляло 1049 тыс. душ мужского пола, 2552 тыс. и 2914 тыс. душ. Количество государственных крестьян росло и за счет присоединения новых территорий к России, и за счет естественного прироста, и вследствие конфискации помещичьих имений.

Сильно ухудшила положение части государственных крестьян приписка их к казенным и частным мануфактурам, на которых они должны были выполнять отработки в счет подушной подати. Особый размах приписка крестьян к заводам получает с 30-х гг. столетия. Так, к середине XVIII в. к казенным железоделательным и медеплавильным заводам Урала было приписано около 25 тыс. душ мужского пола. На мануфактурах Алтая к 1760 г. трудилось более 17,5 тыс. душ приписных крестьян. Количество приписанных к частным металлургическим заводам в середине XVIII в. превышало 100 тыс. душ. Это свидетельствовало о расширении применения на мануфактурах принудительного труда. Огромное значение в данном случае имел и указ от 7 января 1736 г., согласно которому за частными мануфактурами были «навечно» закреплены примерно 12500 квалифицированных работников. Указ закреплял за предприятиями не только самих ра-

ботников, но и их детей. Поводом для его издания послужило ходатайство крупнейших текстильных мануфактуристов.

Правительство шло навстречу владельцам мануфактур, заботясь о развитии отечественной промышленности. Как известно, еще в 1721 г. им разрешали покупать деревни вместе с крепостными крестьянами. Анна Иоанновна в 1736 г. под давлением дворянства лишает мануфактуристов этого права, но в 1744 г. оно было им возвращено. К 60-м гг. общее количество купленных крестьян только в текстильной промышленности составляло 18 тыс. человек. Указ от 20 марта 1762 г. совершенно запрещал промышленникам покупать крестьян как с землей, так и без земли. Екатерина II впоследствии подтвердила этот запрет.

Значительное усиление применения принудительного труда в мануфактурной промышленности повлекло за собой временное уменьшение роли найма в обеспечении ее рабочими руками. Так, в казенной промышленности Урала в 1740-х гг. наемные составляли около 2% от общего числа работных людей. Вовсе отсутствовал в эти годы наем в суконном производстве. Однако примерно в 50-х гг. намечается возрастание отношений найма на указанных мануфактурах. Например, на мануфактурах Москвы с 1753 по 1762 г. было зафиксировано увеличение наемных работников (по сравнению с периодом 1745—1752 гг.) более, чем в 2 раза.

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Во второй четверти XVIII в. Россия вела довольно активную внешнюю политику. Главными внешнеполитическими проблемами были балтийская, польская и черноморская. В территориальном плане балтийская проблема для русского правительства после Ништадтского мира 1721 г. оказалась, в основном, решенной. Однако стояла задача удержания за Россией Восточной Прибалтики и господствующего положения на Балтийском море, а также укрепления влияния в западной части Балтики. Екатерина I сделала ошибку, пойдя в 1725—1726 гг. на поддержку голштинского герцога Карла Фридриха, своего зятя, в его притязаниях на шведский престол и на Шлезвиг, захваченный Данией. Это обострило отношения России с рядом европейских держав, в том числе с Англией, Швецией и Данией. После отказа русского правительства от поддержки Карла Фридриха ситуация постепенно меняется к лучшему. С 1729 г. начали восстанавливаться связи между Россией и Англией; на базе обоюдных экономических интересов наметилось их политическое сближение, завершившееся в 1732 г. восстановлением дипломатических отношений. Это стимулировало Швецию и Данию, в свою очередь, на поиски мира с Россией. 15 мая 1732 г. в Копенгагене был подписан трактат о

дружбе между Данией, Россией и Австрией — стороны договорились о взаимопомощи в случае неприятельского нападения, о взаимной гарантии европейских владений — Дания, таким образом, гарантировала русские завоевания в Прибалтике. После подписания Копенгагенского договора датская дипломатия начала добиваться присоединения к нему Швеции. Однако шведы под влиянием, главным образом, интриг Франции не торопились связывать себя письменными обязательствами.

Следует отметить, что сближение России с Англией и Данией, способствовавшее упрочению международного положения России, вызвало отрицательную реакцию со стороны французского правительства. Франко-русские противоречия с особой яркостью проявились в Польше по вопросу о преемнике короля Августа II. Россия не могла относиться безразлично к польским делам. Перед русской внешней политикой стояла задача воссоединения с Россией украинских и белорусских земель, которые оставались еще под властью Польши. Но в рассматриваемый период правительство России не ставило перед собой цели возвращения этих земель, оно, в частности, отклонило проекты «раздела» Польши, предлагавшиеся Австрией, Швецией и Пруссией. Вместе с тем, оно стремилось упрочить свои политические позиции в Речи Посполитой, сохранить там свое влияние. В случае смерти Августа II Россия хотела видеть на польском престоле дружественного себе короля. В переговорах с Австрией русское правительство предложило кандидатуру саксонского курфюрста Августа, сына Августа II. Франция упорно поддерживала своего ставленника на польский престол — Станислава Лещинского, тестя Людовика XV.

В сентябре 1733 г. сейм, собравшийся в Варшаве после смерти Августа II, в результате обильных подкупов избрал большинством голосов Лещинского. Противники последнего, принадлежавшие к крупному польскому магнатству и шляхетству, обратились к России с так называемой «Декларацией доброжелательных», «Доброжелательные» просили защитить польскую форму правления. Обращение это послужило России основанием для ввода в Польшу войск. Русские войска осадили и взяли Данциг, где укрывался Станислав; Станислав бежал, а Август III стал польским королем. Под влиянием успеха России в Польше Швеция в 1735 г. вынуждена была пойти на возобновление с ней оборонительного союза сроком на 12 лет.

Раздраженная поражением в Польше и возобновлением русско-шведских союзнических отношений Франция стала настойчиво провоцировать на войну с Россией Турцию. Со своей стороны и Россия, укрепив свои северо-западные и западные тылы, готова была сконцентрировать усилия на решении черноморской (турец-

кой) проблемы. Эта проблема порождалась потребностями экономического и политического развития страны: Россия боролась за выход в Черное море, за утверждение прочного положения на Черном, Азовском и Каспийском морях. Черное и Каспийское моря, куда впадали главные русские реки, являлись естественным продолжением кратчайших торговых путей в Азию, в Южную и Западную Европу. Одновременно Россия стремилась обезопасить свои южные границы от агрессивной султанской Турции и ее вассала — Крымского ханства. Турецкий султан в 1735 г. спровоцировал нападение татар на Кабарду и Дагестан и поход крымского хана через принадлежавшие России области в Закавказье. Этот поход нарушал русско-турецкий договор 1724 г. и фактически явился началом русско-турецкой войны. Весной 1736 г. Россия формально объявляет Турции войну. Генерал Миних взял Перекоп, вторгся в Крым, захватил ханскую столицу Бахчисарай, но потом отошел к Днепру. На турецком фронте Миних взял Очаков, разбил турок у Ставучан (близ Хотина) и занял Яссы, столицу Молдавии. Союзником России в этой войне была Австрия. Победы русских войск, казалось, должны были привести к чрезвычайно выгодному для России миру с Турцией. Однако договор, подписанный в 1739 г. в Белграде, принес ей довольно скромные приобретения: Россия получала полосу южной степи (от устья Дона до Южного Буга), но без доступа к Черному морю, без права укреплять Азов и держать флот на Черном и Азовском морях. Турция воспользовалась тем, что Россия спешила заключить мир ввиду приближающейся новой войны со Швецией. Сыграло роль и предательство Австрии, поторопившейся до завершения войны подписать с турками сепаратный договор.

Положительным итогом русско-турецкой войны 1735—1739 гг. явилось уменьшение напряженности в русско-турецких отношениях; прекратились разрушительные набеги татарских орд на русские пограничные земли.

Шведские политики и военные после Ништадта не переставали мечтать о реванше. В 1741 г. Швеция объявила России войну, но реванша ей взять не удалось. По условиям «вечного мира», заключенного в 1743 г. в Або, Швеция должна была уступить России юго-восточную часть Финляндии — к востоку от реки Кюмени.

Безусловным внешнеполитическим успехом явилось принятие подданства России казахским ханом Абулхаиром. На границе казахской степи был выстроен город-крепость Орск, а в 1742 г. — Оренбург. По обе стороны от Оренбурга началось сооружение новой линии русских крепостей. Во времена Анны Иоанновны организуется Вторая Камчатская экспедиция с целью изучения севера Сибири и берегов Америки; экспедиция положила начало ос-

воению Северного морского пути и сыграла большую роль в русском продвижении на Аляску. Внешняя политика отвечала в целом интересам государства, выполняла задачи, направленные на охрану безопасности границ, территориальные приобретения, увеличение международного влияния России.

К числу просчетов правительства Елизаветы Петровны надо отнести участие в Семилетней войне, начавшейся в 1756 г., в которой Россия воевала на стороне Австрии. В 1757 г. русским войскам было приказано вступить в Пруссию с целью оказания помощи австрийской армии, теснимой Фридрихом Прусским. К 1761 г. русская армия находилась в Берлине; положение Фридриха II оказалось критическим. Спасла его смерть Елизаветы Петровны (в конце 1761 г.). Новый император Петр III немедленно прекратил войну, возвратил прусскому королю все завоеванные русскими области и вскоре заключил с ним союз. Следует отметить, что по-настоящему в этой войне была заинтересована лишь австрийская императрица Мария Терезия, стремившаяся с помощью русского пушечного мяса вернуть Силезию, захваченную в начале 1740-х гг. Фридрихом II.

4. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Во второй четверти XVIII в. получило дальнейшее развитие в России народное образование. В 1731 г. был организован Сухопутный шляхетский корпус. Морская академия преобразуется в 1752 г. в Морской шляхетский кадетский корпус. Артиллерийская и инженерная школы были объединены в Артиллерийский и Инженерный шляхетный корпус. Из начальных школ особо выделялись учебные заведения, открытые при казенных горных заводах Урала и Сибири усилиями В. Н. Татищева. Татищев разработал инструкцию «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах» — инструкция ориентировала на то, чтобы ремесленное обучение сочеталось с обучением счету, письму, чтению. В 30-х гг. в Екатеринбурге к уже существовавшим словесной и арифметической школам добавились немецкая, латинская, черчения и рисования. Здесь обучались в 1738 г. 249 учеников. Открылись школы при Каменском, Алапаевском, Сысертском, Уктусском, Лялинском и др. заводах. В библиотеке, подаренной В. Н. Татищевым школам Екатеринбурга, было свыше 600 томов, собранных им во время поездок за границу и купленных в России. В дальнейшем часть горнозаводских школ закрывается. К 1750 г. на Урале действовало семь школ, учились 426 учащихся.

В декабре 1725 г. начала работать Петербургская Академия наук. При Академии были открыты академическая гимназия и академический университет. Учебная жизнь в академических уч-

реждениях заметно оживилась в 40-х гг. благодаря усилиям Ломоносова, Тредиаковского и др. ученых. Став во главе академической гимназии и академического университета, М. В. Ломоносов составляет проекты преобразования Академии и ее учебных заведений, разрабатывает учебные планы факультетов, определяет сроки обучения. К чтению лекций были привлечены наиболее подготовленные ученые как иностранные, так и из числа русских людей, воспитанников академии. В 1760—1763 гг. лекции читали С. К. Котельников (высшая математика), А. П. Протасов (анатомия), Н. Н. Попов (астрономия).

Опыт работы академических учебных заведений Ломоносов использовал при разработке проекта об открытии Московского университета и гимназий при нем. Основание в 1755 г. Московского университета стало событием огромной важности. Московский университет с двумя (дворянской и разночинской) гимназиями при нем был торжественно открыт 26 апреля — праздновали в духе тех уличных торжеств, которые стали традиционными с петровских времен. Рано утром к зданию в начале Красной площади, отремонтированному для университета московским архитектором Д. В. Ухтомским, стали стекаться ученики и учителя. Прибыли также знатные «персоны», иностранцы, представители купечества. Состоялся молебен, а затем преподаватели читали речи. «По окончании речей, — сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемая Академией наук, — знатнейшие персоны... трактованы разными ликерами и вином, кофием, чаем, шоколадом и конфетами». Вечером состоялось народное гулянье. Университетское здание осветилось тысячами ламп. Иллюминация изображала Парнас, на котором богиня мудрости Минерва водружала обелиск во славу императрицы Елизаветы. Гремели литавры, звучала весь день инструментальная музыка; «народу было несчетное число ...даже до четвертого часа по полуночи». Скоро московским жителям стали привычными встречи на улицах со студентами, одетыми в мундиры зеленого цвета с красным воротом и обшлагами, при шпаге. С июля 1756 г. москвичи могли посещать университетскую библиотеку. В университетской книжной лавке можно было купить разнообразные книги, русские и иностранные. Устраивались в университете и публичные лекции с демонстрациями опытов, «любители наук» приглашались на экзамены и диспуты студентов. Жизнь университета широко освещалась газетой «Московские ведомости» — Академия наук передала университету необходимое типографское оборудование.

В иерархии культурных ценностей наука, научные знания приобретали все более заметное место. Петербургская Академия, а затем Московский университет становятся не только научными центрами России, но и входят в систему общеевропейской науки.

Начали выходить «Месячные исторические, генеалогические и географические Примечания в Ведомостях» — первый научно-популярный журнал в России. С 1728 г. стали издаваться «Ученые записки Петербургской Академии наук», которые приобрели широкую известность среди зарубежных ученых.

В области литературы важнейшие достижения были связаны с именами В. К. Тредиаковского (основоположника тонического построения русского стихосложения), М. В. Ломоносова (поэзия которого открыла в русской литературе эпоху господства классицизма), поэта-сатирика А. К. Кантемира, автора трагедий (в духе классицизма) А. П. Сумарокова. Классицизм был детищем «века просвещения» — для него характерно преклонение перед Разумом, стремление к упорядоченности литературных форм, строгая классификация и разграничение жанров, стилей, гражданско-патриотический пафос. Появляются первые частные журналы: «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова (1759 г.), «Полезное увеселение» М. М. Хераскова (1760 г.).

На основе классической драматургии развивался в середине XVIII в. и театр. В 1750 г. в Ярославле начались спектакли общедоступного театра, основанного сыном купца Ф. Г. Волковым. В 1756 г. труппа Волкова начала представления в столице. Так был образован в Петербурге публичный «Российский для представления комедий и трагедий театр». Несколько лет (1757—1761 гг.) успешно действовал театр Московского университета — студенты ставили пьесы Мольера, Руссо, Сумарокова, Хераскова.

В конце 20-х—в 30-х гг. постепенно складывается новый архитектурный стиль — русское барокко, в котором развиваются светские, жизнерадостные настроения, усиливаются черты нарядности, красочности, творчески перерабатываются традиции отечественной и мировой архитектуры. Крупнейшими мастерами русского барокко были В. В. Растрелли — сын, С. И. Чевакинский, Д. В. Ухтомский. Особо выдающимися творениями Растрелли явились Большой Царскосельский дворец, Петергофский Большой дворец, дом Строганова на Невском проспекте, изумительная по легкости архитектуры церковь Андрея Первозванного в Киеве. В 50-х гг. развернулась в Петербурге постройка Зимнего дворца и ансамбля Смольного монастыря. С. И. Чевакинский в 1753—1762 гг. создал лучшее свое произведение — великолепный собор Николы Морского в Петербурге. Д. В. Ухтомский начал самостоятельную деятельность в 1742 г. постройкой тверских триумфальных ворот в честь коронации Елизаветы Петровны. Позднее он построил в камне триумфальные Красные ворота. Со второй половины 50-х гг. Ухтомский, главным образом, был занят постройкой колокольни в Троице-Сергиевой лавре.

Стиль барокко проникает и в изобразительное искусство. Резцу К. В. Растрелли принадлежат парадная, полная величественного пафоса группа — Анна Иоанновна с арапчонком и конная статуя Петра I, установленная в конце XVIII в. перед зданием Михайловского замка в Петербурге. Среди художников, создавших парадные портреты, прославились И. П. Аргунов, крепостной графа Шереметева, и И. Я. Вишняков. Барочный эстетический идеал и соответствующий ему стиль отвечали своему времени — времени становления и расцвета дворянской абсолютистской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. в 9-ти тт. М., 1989. Т. IV—V.

Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2; 1988. Ч. 3.

Черникова Т. В. «Государево слово и дело» во времена Анны Иоанновны // История СССР. 1989. № 5.

Шанский Д. Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. // Государственные учреждения России XVI—XVIII вв. М., 1991.

Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Вопросы истории. 1987. № 3.

Лекция 11. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. Петр III. Переворот 28 июня 1762 г.
2. «Просвещенный абсолютизм» Екатерины II.
3. Политический режим конца XVIII в.
4. Революция цен и развитие экономики.
5. Новые черты в культуре.

1. ПЕТР III. ПЕРЕВОРОТ 28 ИЮНЯ 1762 г.

Взойдя на русский престол путем переворота, Елизавета Петровна не чувствовала себя на нем достаточно прочно. Секретарь французского посла в Петербурге К.-К. Рюльер свидетельствовал, что «она никогда не полагалась на безопасность носимой ею короны». Императрица не забывала о законном российском государе Иоанне VI («настоящий законный государь есть Иван Антонович, происходящий от старшего колена царя Ивана Алексеевича, тогда как Елизавета Петровна — от младшего, да притом же прижита от Екатерины I до венца», — говорил преображенец П. Ивашкин, один из организаторов заговора, раскрытого властями летом 1742 г.) — главной причине своих страхов, хотя и не собиралась нарушать обета сохранить ему жизнь. Чтобы упрочить собственные позиции и положить конец притязаниям сторонников брауншвейгского семейства, Елизавета Петровна поспешила вызвать из Киля, столицы Голштинии (немецкого герцогства Гольштейн), племянника Карла-Петера—сына своей старшей сестры Анны Петровны и герцога Карла Фридриха. Когда 5 февраля 1742 г. 14-летний кильский принц прибыл в Петербург, он был крещен по православному обряду и официально объявлен наследником русского престола, великим князем Петром Федоровичем. Следует отметить, что отец Карла-Петера, к тому времени уже умерший, приходился племянником Карлу XII и готовил своего сына к возможному вступлению на шведский престол. Но когда в ноябре 1742 г. в Петербурге появилась делегация из Стокгольма, чтобы уведомить об избрании Карла-Петера наследником шведской короны, ее ждало разочарование — человека с таким именем более не существовало.

К Петру Федоровичу были срочно приставлены учителя, обязанности воспитателя наследника Елизавета возложила на акаде-

мика Якоба Штелина. Отмечая способности и превосходную память Петра, Штелин позднее вспоминал, что гуманитарные науки его особенно не привлекали и «часто просил он вместо них дать урок из математики». Любимейшими предметами великого князя стали фортификация и артиллерийское дело. Вместе с тем уже к концу 1743 г. он, по словам Штелина, «знал твердо главные основания русской истории, мог пересчитать по пальцам всех государей от Рюрика до Петра I». 7 мая 1745 г., когда Петру исполнилось 17 лет, викарий Германской империи объявил его правящим голштинским герцогом; 25 августа того же года наследник русского престола вступает в брак с 16-летней анхальт-цербтской принцессой Софьей Фредерикой Августой, нареченной в православии Екатериной Алексеевной. Главную роль при заключении этого брака играл политический расчет: с одной стороны, Елизавета полагала, что захудалая немецкая принцесса не доставит ей в будущем особых неприятностей (а потому отвергла других претенденток, в частности дочерей польского и французского королей), с другой, за Софью Фредерику Августу усиленно хлопотал прусский король Фридрих II, считая, что она «более всех годилась для России и соответствовала прусским интересам».

Сама Екатерина Алексеевна прекрасно осознавала, что ей нужен не Петр, а императорская корона. Позднее она так писала о своем состоянии перед свадьбой: «Сердце не предвещало мне счастья; одно честолюбие меня поддерживало». Это честолюбие вскоре помогло ей сделаться самодержавной правительницей России и оно же заставило Екатерину в своих манифестах конца июня—начала июля 1762 г., а затем в «Записках» нарисовать уродливо-гротескный образ обманутого супруга. Чтобы застолбить этот образ в общественном сознании современников и потомков, немало поработали и приближенные Екатерины, и сочувствовавшие ей иностранцы. Тенденциозная информация перекочевала в труды историков. С. М. Соловьев называл Петра Федоровича «чужим государем», «заклятым врагом России», существом слабым физически и духовно. Для В. О. Ключевского Петр III был «самым неприятным» из «всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета», ограниченным, ничтожным, лживым, спившимся человеком, ненавистником всего русского. Все эти оценки с завидным послушанием повторяются в новейшей историографии, в том числе марксистской. Правда, нельзя игнорировать и положительных суждений о Петре, встречающихся в исторических трудах. В частности, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, а в новейшее время С. М. Каштанов, С. О. Шмидт, американские исследователи М. Раеф и К. Леонард продемонстрировали более здравый подход к проблеме. Особо следует отметить попытку дать непредвзятую характеристику Петра III — человека и

государственного деятеля, предпринятую в 1991 г. А. С. Мыльниковым, опубликовавшим статью «Петр III» в журнале «Вопросы истории» и монографию «Искушение чудом»: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы».

Не идеализируя Петра Федоровича, Мыльников, однако, отмечает, что он отнюдь не был грубым солдафоном: любил итальянскую музыку и неплохо играл на скрипке, имел коллекцию скрипок; любил живопись, книги; содержал богатую личную библиотеку и заботился о ее постоянном пополнении. Сохранился каталог его нумизматического кабинета. Петр — великий князь проявлял устойчивый интерес к нуждам Кильского университета (в его родной Голштинии) и петербургского Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, «главнокомандующим» которого был назначен в феврале 1759 г. Он демонстрировал простоту поведения, охотно общался с рядовыми людьми, солдатами. Став императором, Петр ездил и ходил по Петербургу один, без охраны, навещал на дому своих бывших слуг. Ему оказывались свойственны открытость, доброта, наблюдательность, азарт и остроумие в спорах, но и вспыльчивость, гневливость, поспешность в действиях; ощущение двойственности своего происхождения (немец по отцу и русский по матери) порождало у Петра Федоровича неустойчивый комплекс двойного самосознания. «Все же, если он и ощущал себя в значительной мере немцем, — пишет А. С. Мыльников, — то — немцем на русской службе».

Петр имел свой взгляд на ключевые вопросы внешней и внутренней политики России; расхождения по ним с Елизаветой Петровной привели к тому, что их личные взаимоотношения в последние годы жизни императрицы стали натянутыми и даже отчужденными. В узком кружке придворных обсуждалась даже возможность высылки великого князя в Голштинию с объявлением императором его малолетнего сына Павла.

На Рождество 25 декабря 1761 г. Елизавета Петровна скончалась. На престол вступил внук Петра I Петр III. В своем первом манифесте он обещал «во всем следовать стопам премудрого государя, деда нашего императора Петра Великого». С первых же недель царствования Петр III обратил особое внимание на укрепление порядка и дисциплины в высших присутственных местах, сам подавая тому пример. Вставал император обычно в 7 час. утра, выслушивал с 8 до 10 доклады сановников; в 11 час. проводил лично вахтпарад, до или после которого иногда совершал выезды в правительственные учреждения или осматривал промышленные заведения. Хотя первоначально он решил было ликвидировать Конференцию при высочайшем дворе, но затем приказал ее «на прежнем основании оставить». Преемственность в деятельности Петра III от его предшественницы проявилась и в подборе

руководящих кадров. Ближайшими его сподвижниками остались Н. Ю. Трубецкой, активный участник переворота 1741 г. М. И. Воронцов, один из фаворитов Елизаветы, меценат и покровитель Ломоносова И. И. Шувалов. Большую роль играли пользующиеся доверием императора его секретарь Д. В. Волков, генерал-прокурор Сената А. И. Глебов, директор Кадетского корпуса А. П. Мельгунов.

Общий курс правительства страны был продворянским. 18 февраля 1762 г. вышел манифест о даровании вольности и свободы российскому дворянству — дворяне освобождались от обязательной государственной службы. Развитию чувства достоинства у дворян должно было способствовать и упразднение 21 февраля Тайной канцелярии: внесудебный произвол заменялся отныне нормальным судебным разбирательством по делам политического обвинения. Манифестом от 19 июня заявлялось: «Намерены мы помещиков при их имениях и владениях ненарушимо сохранять, а крестьян в должном их повиновении содержать». Вместе с тем помещица Е. Н. Гольштейн-Бек по приказу Петра III была лишена прав на имения, поскольку «управление деревень по ее диспозиции не к пользе, но к разорению крестьянства последовать может». В указе от 25 февраля убийство помещиками своих крепостных квалифицировалось как «тиранское мучение», наказывавшееся пожизненной ссылкой. Облегчением участи церковно-монастырских крестьян явился указ от 21 марта 1762 г. о полной секуляризации недвижимых церковных имуществ; церковно-монастырские крестьяне освобождались от прежних крепостей, наделялись землей и переводились в ведение государства с выплатой ежегодной подушной подати, которая на 1762 г. была установлена в размере одного рубля с души мужского пола. Эта мера отвечала традиционной линии на подчинение церкви абсолютистскому государству.

Ряд исследователей (С. М. Каштанов, Н. Л. Рубинштейн, С. О. Шмидт, А. С. Мыльников) отмечают в законодательстве Петра III элементы новых тенденций. Появилась, в частности, серия актов, направленных на поощрение торгово-промышленной деятельности и купечества. Указ о коммерции от 28 марта предусматривал расширение экспорта хлеба и другой сельскохозяйственной продукции, одновременно запрещалось ввозить из-за рубежа сахар, сырье для ситценабивных мануфактур и другие товары, производство которых могло быть налажено в России. Сенатским указом от 31 января разрешалось заводить фабрики по изготовлению парусной ткани в Сибири. Ряд указов был направлен на расширение применения вольнонаемного труда на мануфактурах, на льготы купечеству.

29 января император положил конец преследованиям старообрядцев за веру. Манифестом от 28 февраля бежавшим за рубеж «разного звания людям, также раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам» разрешалось возвращаться в Россию до 1 января 1763 г. «без всякой боязни или страха». А. С. Мыльников находит в этих актах созвучие с рекомендациями М. В. Ломоносова в трактате «О сохранении и размножении российского народа».

Правительство Петра III задумывалось над мерами по поднятию боеспособности армии и флота. Император предпринимает шаги по укреплению воинской дисциплины в гвардейских частях. Его отношение к гвардейцам было негативным: он называл их «янычарами», неспособными «ни к какому труду, ни к военным экзерциям», считал опасными для правительства. Петр не скрывал своего намерения со временем упразднить гвардейские полки, а для начала послать их воевать с Данией, чтобы отнять у нее Шлезвиг. Армия спешно перестраивалась на прусский лад, вводилась новая форма, традиционные названия полков менялись по именам их новых шефов. Старшим командирам, вплоть до отвыкшего от этого генералитета, предписывалось лично проводить строевые учения. Все это не могло не породить оппозиции Петру III в офицерской среде, прежде всего — среди гвардейцев. Недовольно было и духовенство, и часть знати, шокированной некоторыми выходками императора, пренебрежением правилами придворного этикета.

Этим недовольством воспользовалась Екатерина Алексеевна, давно рвавшаяся к власти. В заговоре, вдохновительницей которого она являлась, активную роль играли гвардейцы братья Орловы, П. Б. Пассек, С. А. Бредихин, братья Рославлевы, малороссийский гетман и президент Академии наук, командир Измайловского полка граф К. Г. Разумовский, Е. Р. Дашкова. Часть дворянства во главе с графом Н. И. Паниным примкнула к заговору в надежде возвести на престол наследника Павла Петровича, а Екатерину сделать регентшей и при ее содействии преобразовать Россию в конституционную монархию. Чтобы увеличить число противников Петра III, распускались слухи о намерении его убить Екатерину, вступить в брак со своей фавориткой Елизаветой Воронцовой, переженить «40—50 дам света с гольштейнцами и пруссаками», переодеть православных священников в пасторские одежды и сбрить им бороды.

На 29 июня 1762 г., когда по церковному календарю отмечался день Петра и Павла, Петр назначил торжественную церемонию. Утром накануне император с приближенными направился в Петергоф, где его должна была ожидать Екатерина. Но выяснилось, что за несколько часов до появления кавалькады, она спеш-

но уехала в Петербург. Опираясь на гвардейцев, Екатерина Алексеевна провозгласила себя самодержицей, а своего супруга низложенным. Петра III эти события застали врасплох. Он упустил время и не мог воспользоваться имевшимися возможностями спастись — закрепиться в Кронштадте, а оттуда уйти либо к П. А. Румянцеву, командующему экспедиционным корпусом в Восточной Пруссии, либо в Киль. Поверженный император вынужден был 29 июня отречься от престола. Его доставили в Ропшу под тщательное наблюдение Ф. С. Барятинского, А. Г. Орлова, П. Б. Пассека и еще нескольких доверенных лиц Екатерины II. Здесь 6 июля 1762 г. родной внук Петра I был задушен Орловым по приказу новой императрицы.

2. «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» ЕКАТЕРИНЫ II

Екатерина Алексеевна оказалась на русском престоле, не имея на то прав. Она, по словам Ключевского, «совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца». Свержение Петра III являлось полнейшей неожиданностью для подданных, далеких от придворных интриг. Когда в Москве был получен манифест о восшествии Екатерины II на трон и губернатор, огласив его перед военным гарнизоном и жителями города, выкликнул здравицу в честь новой самодержицы, она повисла в тишине: солдаты и народ молчали. Пошли слухи о Екатерине как о царице «ложной», фактически — самозванной. В столице наблюдался рост настроений в пользу томившегося в Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича, вплоть до возможного бракосочетания с ним новой императрицы. Будучи от природы женщиной одаренной, обладавшей упорной волей и редким умением понимать людей и влиять на них, Екатерина II сравнительно скоро вполне овладела положением. В манифестах от 28 июня и 6 июля она постаралась обосновать свои действия, оправдывая их «опасностью всему Российскому государству», проистекавшей из изменнической политики Петра III, волей «всех наших верноподданных» и самого Бога. Екатерина всячески подчеркивала свою приверженность новой родине, ее языку, обычаям и вере. Она ходила из Москвы пешком на богомолье к Троице-Сергию, целовала руки духовенству, ездила в Киев и поклонялась печерским угодникам.

Новая императрица решила также для начала дезавуировать ряд действий своего предшественника: приостановила секуляризацию церковных имуществ, отменила мирный договор с Пруссией; согласно указу от 11 февраля 1763 г. служба дворян вновь объявлялась обязательной. Однако ближайшие события показали, что ни о каком разрыве с прежней политикой речи идти не мо-

жет. В 1764 г. был заключен новый договор с Фридрихом II, и в том же году Екатерина II провела секуляризацию имений духовного ведомства, распространив ее в 1768 г. на территорию Украины; в 1785 г. подтверждено освобождение дворян от обязательной службы. Историк С. С. Татищев в 1776 г. не без удивления отмечал: «Как ни велико, на первый взгляд, различие в политических системах Петра III и его преемницы, нужно, однако, сознаться, что в нескольких случаях она служила лишь продолжательницей его начинания». Отмеченная Татищевым преемственность была характерна для политики всех монархов XVIII в. Прежними оставались главные задачи: усиление могущества империи, укрепление абсолютистского строя и позиций его социальной основы — дворянского сословия.

Вместе с тем в политике Екатерины II имелись и качественные новшества, которые позволяют характеризовать ее время как период «просвещенного абсолютизма». «Просвещенный абсолютизм» не был изолированным фактом русской политической жизни. В роли «просвещенных» монархов выступали и прусский король Фридрих II, и шведский — Густав III, и австрийский император Иосиф II. Историки по-разному оценивают цели и суть политики «просвещенного абсолютизма». Так, Н. П. Ерошкин отождествляет ее с «пропагандой показного либерализма». «Образ «просвещенной» государыни на троне России, — пишет он о Екатерине II, — должен был внести успокоение в общественное мнение Западной Европы и России перед фактом узурпации престола, укрепить царистские настроения в среде крестьянства, внушить народным массам мысль, что взгляды и действия императрицы милосердны, справедливы и гуманны». Н. М. Дружинин связывал политику «просвещенного абсолютизма» с развитием нового, капиталистического уклада и обострением классового антагонизма между крестьянскими массами и властвующим дворянством. В этих условиях, по его мнению, более проницательные и активные правители «сознательно искали совета и даже гласной поддержки крупных мыслителей эпохи для гибкого и постепенного приспособления существующего порядка к новым социально-экономическим отношениям».

Есть основания считать, что Екатерина II, в молодые годы с жадностью штудировавшая труды французских просветителей — Вольтера, Руссо, Монтескье, Дидро, Даламбера, искренне увлекалась некоторыми их идеями. «Я хочу, чтобы страна и подданные были богаты, — вот принцип, от которого я отправляюсь, — писала она еще до воцарения. — ... Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов...». В течение двух лет Екатерина трудилась над программой своего царствования и предложила ее в 1767 г. в форме «Наказа» созванной Комиссии о сочинении нового Уложе-

ния. В качестве исходных положений в «Наказе» торжественно декларировались идеи естественного права и общего блага; объявлялось, что задача государства и власти — не та, «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действие их направить к получению самого большего ото всех добра». Вместе с тем обосновывалась необходимость для России самодержавно с тем обосновывалась неограниченная власть, аргументы заимствовались у писателей просветительного направления — это огромность государственного «пространства»: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовати сходно со пространством столь великого государства». Чтобы предотвратить вырождение монархии в деспотию, императрица предлагала утвердить в стране принцип строгой законности, установить равенство всех граждан перед законом. «Наказ» намечал также направления экономической политики — Екатерина II выступала против сохранения монополий, за свободу торговли и промышленности. Руководствуясь принципами французского Просвещения, автор «Наказа» принципиально высказывается против крепостного права, поскольку оно противоречит «закону естественному», но требования освобождения «рабов» не выдвигала. Программа Екатерины II оказывалась, таким образом, внутренне противоречивой: с одной стороны, она провозглашала передовые истины просветительской философии, а с другой — сохраняла самодержавие, господство дворянства, крепостное право.

Сам созыв Уложенной комиссии 1767 г. явился ярким проявлением политики «просвещенного абсолютизма». Комиссия была задумана как сословно-представительное совещание, в работе которого должны были принять участие все сословия государства, кроме помещичьих крестьян. Правда, открытая с большой торжественностью и широко разрекламированная Комиссия не решила своей главной задачи — не создала нового кодекса законов, основывающегося на «Наказе» императрицы. Но принципы «просвещенного абсолютизма», провозглашенные в «Наказе», нашли свое воплощение в законодательной деятельности Екатерины II. Уже в 1762—1763 гг. были изданы указы, которые нанесли удар системе монополий в сфере торговли и промышленности. Особое значение имел указ от 23 октября 1763 г., которым повелевалось, «чтоб отныне впредь всем, кто пожелает разного звания, фабрики и заводы... строить и размножать». 17 апреля 1767 г. было предписано «никакое ремесло и рукоделие, каким городские жители безгрешное пропитание себе промышлять могут, не запрещать» — объявлялась, таким образом, свобода городских промыслов. Принцип свободной промышленности торжественно возвещался в манифесте от 17 марта 1775 г.: отменялись казенные сборы с про-

мышленных предприятий, каждый получал право «заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделия без других на то дозволений или приказаний».

Однако не могло быть подлинной свободы хозяйственной жизни, пока сохранялось крепостное право. Внутренние противоречия «Наказа» нашли себе полное соответствие в политике Екатерины II по крестьянскому вопросу. С одной стороны, в 1766 г. она анонимно поставила перед Вольным экономическим обществом конкурсную задачу о целесообразности обеспечить помещичьих крестьян правом на движимую и земельную собственность. Императрица, несмотря на настойчивые требования аристократии, не пошла на то, чтобы разделить все населенные казенные земли между помещиками, сохранила сословие государственных крестьян, ограничившись спорадическими, хотя и крупными, пожалованиями «свободных сельских обывателей» частным владельцам (преимущественно в бывших польских имениях). Лифляндскому дворянству Екатерина II «советовала» воздерживаться от чрезвычайных поборов с крестьян.

Но с другой стороны, при Екатерине II дворянство добивается почти безграничных полномочий в отношении своих крепостных. В 1763 г. было установлено, что крепостные крестьяне, которые решились «на многие своевольства и продерзости», должны «сверх подлежащего за их вины наказания» оплачивать все расходы, связанные с высылкой воинских команд на их усмирение. В 1765 г. императрица разрешила помещикам ссылать по своей воле крепостных в Сибирь на каторгу. Наконец, в августе 1767 г. был издан указ, который объявлял государственным преступлением любую жалобу крестьян на своих помещиков и предписывал подвергать жестокому наказанию тех, кто составлял и подавал жалобы. Таким образом, дворянин становился полновластным судьей, и его действия в отношении крестьян не подлежали контролю со стороны органов государственной власти, суда и управления.

В целях усиления абсолютизма были перестроены органы центральной власти. Екатерина II считала, что Сенат присвоил себе слишком большую власть, и в 1764 г. реформировала его, разделив на 6 департаментов (4 в Петербурге и 2 в Москве). Каждый департамент при этом выступал как самостоятельное подразделение со своим кругом дел и своей канцелярией, что разрушало единство Сената, ослабляло его. Необычайно возросла роль личной канцелярии императрицы. Подготовка законодательных актов с 1768 г. сосредоточилась в Совете при высочайшем дворе; создание его еще раз ярко продемонстрировало стабильность высших советов при особе монарха как института русского абсолютизма.

Реформирование местного управления в первую очередь решало задачу усиления власти монарха. Екатерина II собственноручно начертала проект «Учреждения об управлении губерниями», получивший в 1775 г. силу действующего закона. Закон этот централизовал местное управление, увеличив количество губерний и уездов и наделив наместников (под властью каждого наместника, как правило, объединялось 2—3 губернии), непосредственно подчиненных императору, широкой единоличной властью. Вместе с тем, в основу «Учреждения» 1775 г. были положены идеи Просвещения XVIII в.: выборность суда и отделение его от администрации, придание ему характера сословного «суда равных». Наряду с трехъярусной системой выборных судебно-сословных учреждений (уездный суд в уезде и верхний земский суд в губернии — для дворян, городовой суд и губернский магистрат — для горожан, нижняя и верхняя расправы — для государственных крестьян) в губерниях создавался совестный суд из представителей трех сословий, который выполнял функции примирительной или третейской инстанции. Именно этому суду каждый, содержавшийся в тюрьме более трех дней, не извещенный о причине ареста и не подвергнутый допросу, мог подавать жалобу, и если он не был заподозрен в тяжелом преступлении, то освобождался на поруки (попытка заимствовать английскую гарантию неприкосновенности прав личности). Влияние идей Просвещения еще более чувствуется в создании губернского Приказа общественного призрения, тоже состоявшего из выборных представителей от дворян, горожан и государственных крестьян и обязанного помогать населению в строительстве и содержании школ, больниц, богаделен, сиротских и работных домов.

Стремясь создать более реальные гарантии «просвещенной монархии», Екатерина II начала работать над жалованными грамотами дворянству, городам и государственным крестьянам. Грамоты дворянству и городам получили силу закона в 1785 г. Жалованная грамота дворянству закрепляла за каждым потомственным дворянином свободу от обязательной службы, от государственных податей, от телесного наказания, право собственности на движимое и недвижимое имущество, право судиться только «равными» (т. е. дворянами), вести торговлю, заводить «фабрики, рукоделия и всякие заводы». Дворянское общество каждого уезда и каждой губернии закрепляло за собой право периодически собираться, избирать сословных предводителей, иметь собственную казну. Правда, императрица не забыла поставить дворянские собрания под контроль генерал-губернаторов (наместников).

Согласно грамоте городам представители «среднего рода людей» (мещане), подобно дворянам, получили личные и корпоративные права — наследственную неотъемлемость сословного зва-

ния, неприкосновенность и свободное распоряжение собственностью, свободу промышленной деятельности. Из состава жителей городов выделялись торговцы, записанные в гильдии и получившие особые привилегии — откупаться деньгами от рекрутской повинности и быть свободными от казенных нарядов. Кроме того, купцы 1-й и 2-й гильдий, как и именитые граждане (ученые, художники, банкиры, оптовые торговцы и т. д.), освобождались от телесных наказаний. Городское общество рассматривалось как юридическое лицо; оно имело право обсуждать и удовлетворять свои нужды, избирать городского главу. Объединяющим центром городского самоуправления становилась городская «общая дума» из депутатов от всех категорий городского общества. Руководствуясь общими принципами свободы экономической жизни, законодательница разрешала жителям деревень «свободно, безопасно свои произрастания, рукоделия и товары в город возить и потребное для них из города вывозить».

Проект «Сельского положения» не был доведен до конца. Французская революция изменила отношение Екатерины II к идеям Просвещения. В 1794 г. в одном из писем она заявляет, что деятельность философов ведет лишь «к разрушению»: «что бы они ни говорили и ни делали, — продолжала она, — мир никогда не перестанет нуждаться в повелителе... лучше предпочесть безрассудство одного, чем безумие многих, заражающее бешенством двадцать миллионов людей во имя слова «свобода».

Реакционный поворот наблюдался и во внешней политике Екатерины II. Вообще внешнеполитическая деятельность «просвещенной» императрицы сопровождалась большими успехами. В результате двух войн с Турцией (1768—1774 и 1787—1791 гг.) весь северный берег Черного моря, Крым и новороссийские степи отошли к России. Была решена и польская проблема — по первым двум разделам Польши (1773 и 1793 гг.) с Россией воссоединились Правобережная Украина и Восточная Белоруссия. Однако на почве ненависти к французской революции и развернувшейся под ее влиянием освободительной борьбы поляков Екатерина II в 1793 г. согласилась на отторжение от Речи Посполитой и польских земель — к Пруссии по второму разделу отошли Гданьск, Торунь и значительная часть Великой Польши. В 1794 г. в Польше вспыхнуло восстание — борьбу за освобождение родины возглавил генерал Тадеуш Костюшко. Но Екатерина II поспешила сурово расправиться с повстанцами. В Польшу были введены русские войска, которыми командовал А. В. Суворов. Раненный в одном из боев Костюшко был захвачен казаками. Видя бегство сподвижников и свой неминуемый плен, Костюшко бросил саблю и, падая с коня, с отчаянием произнес: «Конец Польше».

Разгром мятежных поляков завершился в 1795 г. третьим разделом страны. Речь Посполитая как государство перестала существовать. К России на этот раз отошли Курляндия, Литва, Западная Белоруссия и западная часть Волыни. Исконно польские земли были поделены между Австрией и Пруссией.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ КОНЦА XVIII в.

В последние годы царствования Екатерина II думала передать престол не сыну Павлу Петровичу, а любимому внуку Александру. В Петербурге прошел даже слух, что готовится соответствующий манифест. 5 ноября 1796 г. императрицу постиг апоплексический удар и вскоре она умерла, не приходя в сознание. Историки сходятся во мнении, что завещание Екатерины II в пользу Александра Павловича существовало, но во время агонии императрицы оно было уничтожено Павлом. В 12 часов ночи на 6 ноября 1796 г. высшее духовенство и двор принесли присягу на верность новому самодержцу.

И в среде современников, и в работах историков личность и деятельность императора Павла I оценивались преимущественно негативно. В. О. Ключевский, например, писал о нем как о посредственности от природы («Науки плохо давались ему, и книги дивили его своей безустанной размножаемостью»), к тому же доведенном обстоятельствами жизни до душевной болезни. Психически больным человеком считали Павла историки С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, К. В. Сивков, С. Г. Пушкарев и др. Б. И. Сыромятников заключал: «Катастрофическое правление Павла I было... каким-то сплошным кошмаром». Режим, установившийся в России при Павле, исследователи обычно трактуют как «военно-полицейскую диктатуру» (Н. П. Ерошкин, Н. Б. Голикова и Л. Г. Кислягина, М. М. Сафонов). А. В. Предтеченский и Н. Я. Эйдельман характеризуют его как «непросвещенный абсолютизм». Кстати, Эйдельман указывает на тяготение Павла к идее средневекового рыцарства, неверно им понимаемой (автор употребляет термин «деспотическое рыцарство»); эта «рыцарственность» «романтического императора» существенно, по мнению историка, влияла на его политику. С решительным возражением выступил в 1989 г. Ю. А. Сорокин, опубликовавший в журнале «Вопросы истории» статью «Павел I». «Приверженность романтике рыцарства вовсе не определяла его натуры, — пишет Сорокин. — Он был скорее джентльмен, чем средневековый рыцарь». Вообще Сорокин попытался нарисовать привлекательный образ Павла-человека: у него он обладает недюжинным умом и способностями, развитым воображением, прилежанием; в своих действиях стремится «опереться на законность»; почтителен и любе-

зен с дамами; его «причуды ни в коей мере не выходят за рамки порядков и обычаев, господствующих в его время и в его социальной среде». С точки зрения интересов абсолютизма, по мнению Сорокина, Павел I «проводил единственно возможную политику соответствующими методами».

Действительно, стратегия «романтического императора» полностью укладывалась в то русло, которое сформировалось при его предшественниках. Главной целью его было укрепление абсолютизма; дворянство он рассматривал как «подпору государства и государя». Однако методы, используемые Павлом I, оказывались специфическими, понимание им сущности абсолютизма также было своеобразным. И в теории, и на практике новый монарх отождествлял самодержавие с деспотизмом. С самого начала он держал курс на максимальную централизацию государственного аппарата, предельное усиление личной власти монарха. Павел не уставал повторять: «Каждый человек имеет значение, поскольку я с ним говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю».

Новый император окружил себя теми людьми, на кого считал возможным положиться. В числе приближенных оказались И. П. Кутайсов, Н. Х. Обольянинов, братья Куракины, Аракчеев, Н. А. Архаров, Н. В. Лопухин, Ф. В. Ростопчин. Этих людей отличали исполнительность, «знание службы», преданность, отсутствие собственного мнения. «Павлу нужны были лишь добросовестные исполнители, бюрократы всех рангов в собственном смысле этого слова, признающие лишь волю вышестоящего да инструкции», — признает Ю. А. Сорокин. Впрочем, «романтический» царь никому особенно не доверял — ни отдельным лицам, ни целым учреждениям. Так, за 4 с половиной года его правления сменилось четыре генерал-прокурора. С сенаторами Павел держался столь же бесцеремонно, как и с низшими служителями. Граф П. В. Завадовский называл павловский Сенат «порабощенным», в котором «молчать было тяжело, говорить было бедственно».

Управление государством почти полностью сосредоточилось в Собственной его императорского величества канцелярии. Многое из введенного «Учреждением» 1775 г. было отменено: ликвидированы наместничества и наместники, приказы общественного призрения, надворные суды, нижние расправы, все губернские сословные суды. Городское сословное управление было слито с органами полиции. С 1799 г. во всех губернских и уездных городах стали открываться военно-полицейские органы — ордонансгаузы. Подверглось бюрократизации крестьянское управление (в селениях некрепостных крестьян появились волостные правления, волостные головы, которым прежде всего предписывалось проводить в жизнь решения властей).

5 апреля 1797 г. Павел I утвердил «Акт о порядке престолонаследия» — отныне вводился принцип (сохраненный до 1917 г.) наследования престола по праву первородства в мужском колене (женщины наследовали престол только по пресечении всех мужских представителей династии). Принятое одновременно «Учреждение о императорской фамилии» укрепляло власть и авторитет монарха среди членов императорской фамилии, которые без его воли не могли вступать в брак; император определял имущественное положение и доходы членов царской фамилии.

Павел I провел также военные реформы. 29 ноября 1796 г. появились уставы о конной и пехотной службе, а 25 февраля 1797 г. — морской устав. Гвардия и армейские полки получили новый мундир по прусскому образцу, парик с буклями и косой и проч. Подтягивалась дисциплина, вводились регулярные учения даже в гвардии. «При императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера сидели на полковом дворе и учили нас всех, как рекрутов», — писал один из гвардейских офицеров.

Павел I пошел на нарушение жалованной грамоты дворянству, запретив губернские собрания дворян, фактически отменив право не служить и введя для них телесные наказания. Число дворян, подвергнутых в павловское царствование разного рода наказаниям, превышало 1,5 тысячи. Как посягательство на свои преимущества могли расценить помещики и манифест царя от 5 апреля 1797 г., который запрещал принуждать крестьян к работе в воскресные дни и рекомендовал использовать их на барщине не более трех дней в неделю. 16 октября 1798 г. дворянам было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли. Крепостным крестьянам предписывалось присягать на верность новому императору вместе с вольными, их сочли за подданных. По утверждению историка В. И. Семевского, народ решил, что воля близка. Зато «благородное» сословие оценивало эти меры Павла I совсем иначе.

Особенно тягостна для дворянства была мелочная регламентация «романтическим императором» банальных житейских ситуаций. Запрещалось носить фраки, круглые шляпы, а предписывалось одевать немецкие камзолы, треуголки и башмаки с пряжками. В столице всем в одно время полагалось отходить ко сну, обедать и т. п. Чтобы вывести в России все проявления либерализма и вольнодумства, вводились новые запреты. В частности, запрещался ввоз книг из-за границы, прекращались поездки для учебы за границу, вводилась строгая цензура. Подобным путем — путем, главным образом, «закручивания гаек», подавления личной свободы — Павел I намеревался добиться быстрого поступательного развития абсолютистского государства, отождествляемого им

с усилением императорской власти. Венцом же должно было, по его мысли, стать «блаженство всех и каждого».

4. РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

В XVIII в., как отмечают исследователи, в России произошел феноменальный рост цен, по сути — настоящая революция цен. Общий индекс реальных цен возрос за столетие примерно в пять раз, причем главной причиной послужило нивелирование почти 10-кратного разрыва в ценах, который существовал на рубеже XVII—XVIII вв. в России и западноевропейских странах. Эта революция цен оказала огромное влияние на экономику страны, в наибольшей степени последствия влияния проявились во второй половине XVIII в. Происходил известный экономический рецидив, который может быть назван аграризацией экономики. Сельскохозяйственная ориентация народного хозяйства стала углубляться, развиваясь в направлении производства зерна, пеньки и льна. По данным Б. Н. Миронова, в составе российского экспорта доля сельскохозяйственных продуктов в 1710 г. составляла 92%, к 1725 г. понизилась до 52%, а затем снова стала расти и к началу XIX в. достигла 72%. Особенно прогрессировал вывоз зерна. Важнейшим фактором специализации российской экономики на производстве сельскохозяйственной продукции, помимо включения России в международное разделение труда, явилось неравномерное повышение цен на различные группы товаров в ходе революции цен: цены на сельскохозяйственные товары повысились больше (особенно на зерно), чем на ремесленно-промышленные. Площадь пашни в Европейской России только за 1780—1804 гг. увеличилась примерно на 60%. Это сказывалось отрицательно на темпах роста промышленности (наблюдалось сокращение среднегодового темпа роста числа рабочих в обрабатывающей промышленности, металлургии) и миграции крестьян в города. Так, в 1740—1783 гг. число горожан в среднем в год за счет миграции возросло на 0,18%, а в 1783—1801 гг. — на 0,16%. Отсюда происходило замедление роста городов. Надо учитывать и то, что более быстрый рост цен на сельскохозяйственные товары заставлял многих горожан до последнего держаться за огород, пашню. Во второй половине XVIII в. земледелие и скотоводство давали средства к жизни примерно половине городского населения.

Революция цен выступила одним из важных условий экономического преуспевания дворян-землевладельцев. В 1790-е гг. помещики с каждого барщинного крестьянина стали получать почти в 30 раз больше дохода, чем в начале XVIII в. Неуклонно росли доходы и с оброчных крестьян. Почти 2/3 прироста доходов помещики получили за счет роста цен на сельскохозяйственные

товары. Они чрезвычайно выигрывали от ножниц цен на сельскохозяйственные и ремесленно-промышленные, в том числе импортные, товары. Громадный рост цен на сельскохозяйственные продукты стимулировал товарное сельскохозяйственное производство на крепостной основе. С одной стороны, это привело к усилению крепостного права, а с другой — способствовало развитию товарно-денежных отношений. Хозяйственные успехи дворянства, те миллионы рублей, которые оно заработало на революции цен, по мнению Б. Н. Миронова, содействовали усилению его социальных и политических позиций при Екатерине II, «ибо бедность и политическое господство — вещи несовместные».

5. НОВЫЕ ЧЕРТЫ В КУЛЬТУРЕ

Вторая половина XVIII в. является важным периодом в развитии русской культуры, и абсолютистскому государству принадлежала в этом процессе значительная, а порой и инициативная роль. Так, Екатерина II утверждала, что только «заведением народных школ разнообразные обычаи в России приведутся в согласие, исправятся нравы». В 60—70-х гг. ею была сделана попытка создать в стране систему воспитательно-образовательных учреждений. По поручению императрицы И. И. Бецкой — один из представителей педагогической мысли в России, взгляды которого формировались под влиянием идей Я. А. Каменского, Дж. Локка, Ж. Ж. Руссо — разработал «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества». В соответствии с этим учреждением были открыты училище при Академии художеств (1764 г.), воспитательные дома для разночинцев в Москве (1764 г.) и в Петербурге (1770 г.), Общество двухсот благородных девиц в столице (1764 г.) с отделением для мещанских девиц, коммерческое училище (1772 г.), Среди созданных Бецким учебно-воспитательных заведений одно имело особое значение в истории русской школы и просвещения — это Общество благородных девиц (Смольный монастырь, или Смольный институт). Оно положило начало женскому среднему образованию в России. Воспитанницы делились на 4 возраста: 6—9, 9—12, 12—15 и 15—18 лет. Каждый возраст носил платья своего цвета: коричневого, голубого, серобатого и белого. Прием в первый возраст проводился раз в 3 года. Учебная программа включала русский и иностранные языки, арифметику, географию, историю, стихотворство, геральдику, архитектуру, рисование, музыку, танцы. Давали девушкам и некоторые знания в области домашней экономии.

Однако созданные по проекту Бецкого воспитательно-учебные заведения охватывали слишком малое количество детей. В 1782 г. для проведения более масштабной школьной реформы бы-

ла образована Комиссия об учреждении училищ. Основные документы и план реформы были разработаны австрийским педагогом сербом Ф. И. Янковичем, который хорошо знал русский язык. По этому плану в городах создавались «народные училища» двух типов: главные — в губернских городах и малые — в уездных. Эти училища являлись всесословными и содержались за счет государства. В малых училищах изучались чтение, письмо, чистописание, арифметика, катехизис, а в главных дополнительно — закон божий, русский язык, география, история, естественная история, геометрия, архитектура, механика и физика, иностранный язык. Значение этой реформы трудно переоценить — речь шла о создании общероссийской системы общеобразовательной школы.

Учрежденная в 1763 г. Медицинская коллегия должна была готовить медицинских работников. В 1774 г. при Берг-коллегии открылось Горное училищe, впоследствии реорганизованное в Горный институт. Появились и другие специальные учебные заведения, частные школы.

Большой шаг вперед делает русская наука. В 1783 г. была основана особая Российская академия для изучения языка и литературы. За 1768—1774 гг. Академия наук провела пять экспедиций, которые внесли ценный вклад, прежде всего, в изучение географии страны. В 1765 г. возникает Вольное экономическое общество, в «Трудах» которого печатались многочисленные статьи по организации и ведению сельского хозяйства. В Академии наук значительно возросло число русских ученых, среди них — выдающиеся натуралисты И. И. Лепехин и Н. Я. Озерецковский, астроном С. Я. Румовский, минеролог В. М. Севергин и др. К рассматриваемому времени относилась деятельность видных историков М. М. Щербатова и И. Н. Болтина; активно публиковались источники по русской истории (Н. И. Новиковым, Академией наук). Издательская продукция чрезвычайно увеличивается. За весь XVIII в. в России было издано около 9500 книг, из них около 85% приходилось на царствование Екатерины II. 15 января 1783 г. императрица подписала указ о позволении заводить «вольные» типографии. Книга, журнал, газета становятся элементом повседневного быта все большего числа людей. В Петербурге была открыта первая в России публичная библиотека. Книготорговцы начинают открывать при книжных лавках платные библиотеки. К началу 80-х гг. существовало 15 государственных библиотек. Растет число частных книжных собраний. «Книги сделались предметом моей страсти», — пишет Е. Р. Дашкова, собравшая библиотеку в 900 томов. Такие страстные книголюбы были и среди дворян, и среди купцов, и среди крестьян.

Крепнет национальное своеобразие отечественной литературы. Новаторские достижения в русской литературе прежде всего име-

ли место в произведениях Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина. Художественная литература оказывалась тесно связанной с общественными идеями века Просвещения. Эти идеи естественных прав человека, свободы и равенства развивала и зарождавшаяся «разночинная» интеллигенция. Все более заметные очертания приобретал процесс формирования русской национальной культуры, вбирающей в себя достижения и традиционной культуры, созданной многовековой деятельностью народа, всех его слоев, но в первую очередь — крестьянства, и новой культуры, творившейся, главным образом, образованными слоями общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Краснобаев Б. И.** Очерки истории русской культуры XVIII века. М., 1987.

2. **Мыльников А. С.** Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.

3. **Окунь С. Б.** История СССР. Конец XVIII — начало XIX г. Л., 1974.

4. **Сорокин Ю. А.** Павел I // Вопросы истории. 1989. № 11.

5. **Федосов И. А.** Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1970. № 9.

6. **Эйдельман Н. Я.** Грань веков. М., 1988.

Лекция 12. ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

ПЛАН

1. Изменения в государственном строе.
2. Крестьянский вопрос и развитие экономики.
3. Внешняя политика.
4. Культурная и общественная жизнь.

1. ИЗМЕНЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ

К началу XIX в. Россия была мировой державой, игравшей заметную роль на европейской арене. Она занимала территорию в 17,4 млн. кв. км; на этой территории, по данным переписи 1795 г., проживало 37,4 млн. человек. Около 90% всего населения составляли крестьяне; примерно 2% — дворяне. Имело тенденцию к росту ведущее в экономике страны аграрное производство, происходили сдвиги в промышленности. Однако, говоря словами современного исследователя Б. Г. Литвака, Русь-тройка «не мчалась, а еле-еле тащилась по ухабистой дороге истории». Первая половина XIX в. принесла немалые перемены. Не без основания историки подчеркивают, что с началом этого столетия Россия вступила в новый этап своего развития. Многих специалистов интересовал, в частности, вопрос о причинах и сущности преобразовательной деятельности Александра I, занимавшего российский престол с марта 1801 г. по ноябрь 1825-го, причем решают они его по-разному. Так, авторы многотомных трудов об Александре I и его времени генералы М. И. Богданович и Н. К. Шильдер развивали идею о стремлении царя к законности как главном мотиве его преобразований. Ненавидя деспотизм, Александр I, как утверждал Богданович, стремился «навсегда охранить от произвола права всех и каждого».

В. О. Ключевский указывал на два «основных стремления, которые составляли содержание внутренней политики Александра I: «...это уравнение сословий перед законом и введение их в совместную дружную государственную деятельность». По мнению же марксиста М. Н. Покровского, эта политика была обусловлена экономическими процессами, развивавшимися в России. Продуктом социально-экономического развития страны считал реформы начала XIX в. и А. Е. Пресняков, издавший в 1924 г. книгу «Александр I». Развившие построения М. Н. Покровского и

А. Е. Преснякова, С. Б. Окунь и А. В. Предтеченский главную цель внутренней политики Александра I видели в спасении феодально-крепостнической системы от гибели. Но если у Окуня царь — консерватор использовал либеральные идеи, чтобы оставить все по-старому, то под пером А. В. Предтеченского Александр предстает как реформатор, убежденный в необходимости уступок. С. В. Мироненко, М. М. Сафронов и Н. И. Казаков пишут о серьезности либеральных увлечений и планов Александра I. Последнее мнение представляется достаточно обоснованным.

Старший сын Павла I родился 12 декабря 1777 г. и был наречен бабкой Екатериной II в честь Александра Невского — покровителя Петербурга. Александр был любимым внуком императрицы, и она подобрала ему блестящих учителей. Русскую словесность и историю ему преподавал образованнейший М. Н. Муравьев (писатель, отец будущих декабристов); естественные науки — известный ученый и путешественник, академик П. С. Паллас; законоучителем, духовником и преподавателем английского языка был протоиерей А. А. Самюорский, долгое время живший в Англии, страстный англоман. Состоять «кавалером» при Александре и обучать его французскому языку Екатерина II пригласила швейцарца Ф. П. Лагарпа, приверженца идей Просвещения, республиканца по взглядам. Общение с такими людьми, и особенно с Лагарпом, не могло остаться бесследным. Князь А. А. Чарторыйский, с которым Александр близко сошелся в 1796 г., вспоминал о первой беседе с ним: «Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях, что он любит свободу, на которую имеют одинаковое право все люди». Сам Чарторыйский и другие друзья юности Александра — граф П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, граф В. П. Кочубей — во многом разделяли увлечения великого князя. Собираясь тайно, они вели откровенные разговоры о необходимости отменить крепостничество, о конституции, о предпочтительности республиканского образа правления. Именно на этих людей, составивших «Негласный комитет», опирался Александр I после своего вступления на престол.

Воцарению Александра предшествовал дворцовый переворот, осуществленный заговорщиками, во главе которых стояли П. А. Пален, военный губернатор столицы, и последний фаворит Екатерины II Платон Зубов. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Великий князь был поставлен в известность о планах заговорщиков и дал им согласие на устранение Павла I при условии сохранения последнему жизни. Такое обещание он получил, но заговорщики не собирались его выполнять. В первом часу ночи Пален принес

Александру весть о «скоропостижной кончине» императора. Александр никогда не забывал событий марта 1801 г. Всех заговорщиков он вскоре демонстративно удалил из Петербурга.

Воцарение сына Павла I было встречено населением столицы с ликованием. В манифесте, спешно отпечатанном уже утром 12 марта, Александр I объявил, что будет управлять «богом врученным» ему народом «по законам и по сердцу августейшей бабки нашей», тем самым подчеркнув свою приверженность политическому курсу Екатерины II. Он и начал с того, что восстановил отмененные Павлом «Жалованные грамоты» дворянству и городам, дворянские выборные корпоративные органы, освободил дворян от телесных наказаний, объявил амнистию всем, бежавшим от павловских репрессий за границу, и ссыльным. Были отменены и другие павловские указы, вроде запрета носить круглые французские шляпы, выписывать иностранные газеты и журналы, выезжать за границу. Была объявлена свобода торговли, разрешены частные типографии, упразднена вселявшая страх Тайная экспедиция, занимавшаяся сыском и расправой. Опустела петербургская Бастилия — Петропавловская крепость.

Эти первые распоряжения порождали надежды на дальнейшие перемены. И они последовали. Необходимо было реформировать систему государственного управления — прежняя организация власти уже не отвечала требованиям времени. Собиравшийся при Екатерине II время от времени Государственный совет стал постоянным («Непременным»); он рассматривался как орган с законосовещательными функциями при императоре. В совет входили представители высшей титулованной знати (12 чел.). С первых же дней своего существования «Непременный» совет приобрел такое значение, что его позиция в значительной степени предопределяла окончательное решение императора по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики.

Дальнейшие преобразования были связаны с деятельностью М. М. Сперанского, сына сельского священника, благодаря исключительным способностям сделавшего головокружительную карьеру. При Павле он служил в канцелярии генерал-прокурора, а затем оказался на должности статс-секретаря в «Непременном» совете. Именно этому человеку, одаренному талантом бюрократа и блестящим умом, «твердым, как лед, но и холодным, как лед же» (В. О. Ключевский), Александр I поручает разработать реформу, которая должна была в значительной степени изменить государственный строй в стране. К октябрю 1809 г. Сперанский уже представил проект царю. В нем, по существу, речь шла об ограничении самодержавия, о введении в стране конституционной монархии. В основу реформы автор проекта предлагал положить принцип разделения властей: законодательную власть он считал

необходимым сконцентрировать в новом органе — Государственной Думе, судебную — в Сенате, а исполнительную — в министерствах, возникших в России еще в 1802 г. Ни один закон не мог быть издан без предварительного одобрения его выборным органом — Государственной Думой. Министров назначал царь, но они оказывались ответственны перед Думой. Предусматривалась стройная система выборных дум: Государственная, губернские, окружные, волостные. Членов Сената полагалось выбирать губернским думам. Политическими правами наделялись все, кроме «народа рабочего» («поместных крестьян, мастеровых, их работников и домашних слуг»). Связывающим звеном между императором и тремя ветвями власти должен был стать Государственный совет — вершина новой государственной системы.

Александр I признал проект «удовлетворительным и полезным», но реализован он не был. Дело свелось к учреждению в 1810 г. Государственного совета — законосовещательного органа при императоре, занявшего место «Непременного» совета.

В 1811 г. получило силу закона подготовленное Сперанским «Общее учреждение министерств», завершившее реформу, начатую в 1802 г., когда коллегии были заменены новой, европейской формой высшей исполнительной власти — министерствами. Дела по каждому министерству решались единолично министром, назначаемым императором и ответственным только перед ним. Если в 1802 г. структура и функции министерств не были четко определены, то «Общее учреждение» устанавливало единообразие организации и делопроизводства министерств, регламентировало взаимоотношение министерств с другими органами власти. Министры объединялись в Комитет министров. Его организационные основы окончательно были определены в 1812 г. В состав комитета вошли также председатели департаментов Государственного совета, а председатель Государственного совета стал одновременно председателем Комитета министров. Согласно закону 1812 г., Комитету министров полагалось рассматривать дела, по которым «необходимо общее соображение и содействие» и в разрешении которых министр «встретил сомнение», включая дела, превышающие пределы его власти. Однако на практике комитет выполнял и судебные функции, и обсуждал законопроекты, которые император утверждал, не передавая их на дополнительное рассмотрение в Государственный совет. Комитет министров мог отменять решения Сената, который также в нач. XIX в. претерпел реорганизацию. Он был разделен на девять департаментов (к середине XIX в. их число выросло до 12), полусамостоятельных, скрепленных главенством генерал-прокурора (с 1802 г. должность эту стал занимать министр юстиции).

Решения Сената по судебным делам нередко оказывались неокончательными: если при обсуждении дел в департаментах и общих собраниях сенаторов возникали разногласия (а такие ситуации случались часто), окончательный приговор выносил император, а впоследствии — Государственный совет. М. М. Сперанский в 1811 г. предлагал принять закон о признании решений Совета окончательными; к этому времени он подготовил проект нового преобразования Сената. Речь шла о разделении Сената на два — правительствующий и судебный. Состав последнего должен был, по замыслу реформатора, частью назначаться императором, частью избираться дворянством. Однако это предложение не обрело силу закона. Вскоре последовала отставка Сперанского и ссылка его в Нижний Новгород. Причины «падения» реформатора трактовались и трактуются по-разному. Говорят об интригах сановников, которые видели в Сперанском выскочку (В. О. Ключевский); указывают на чрезмерную активность самого Сперанского (в записках к императору и личных беседах он обнаруживал такую обширную осведомленность о разных обстоятельствах внутренней и внешней политической жизни России, что у Александра зародилось сомнение в том, кто же действительно правит империей (В. А. Томсинов) и на отказ царя от профранцузской политики, сторонником которой являлся Сперанский, и причастность его к масонству (М. Н. Покровский).

Но удаление Сперанского не означало отказа Александра I от либерального курса своей политики. В 1815 г. он даровал конституцию «царству Польскому». Это рассматривалось как первый шаг к дарованию конституционного устройства самой России. Проект российской конституции было поручено составить императорскому комиссару при польском правительстве Николаю Новосильцеву. Составленный им проект («Уставная грамота») предусматривал создание парламента, без одобрения которого монарх не мог издавать законы, предоставление свободы всем российским подданным, кроме крепостных, и федеративное устройство государства.

Но этот проект, созданный в тайне, так и не был обнародован. Более того, к началу 20-х гг. XIX в. Александр I отказывается от коренных преобразований в политической сфере и становится на путь возврата к бесперспективной практике частных изменений и подновлений существующей системы. Причиной такой перемены Ключевский считает то, что Александра напугали военные революции в Италии и Испании, призрак которых он увидел в выступлении лейб-гвардии Семеновского полка в 1820 г. Покровский указывает, что как только исчезла необходимость игры в либерализм, император тут же свернул все либеральные начинания, обнаружив тем самым свои истинные настроения. Близкую

точку зрения занимает С. Б. Окунь. Ряд историков (Н. Я. Эйдельман, С. В. Мироненко) высказали мнение, что отказ от преобразований произошел в силу мнимой или истинной узости социальной опоры для них и боязни Александра I войти в конфликт с основной массой дворянства.

Курс правительства становится по одним определениям — «консервативным», по другим — «реакционным». Как пишет Ключевский, «правительство и общество разошлись, как никогда не расходились прежде». То, что оппозиция правительственному курсу существовала во всех слоях общества единодушно отмечается историками. Самое яркое проявление этой оппозиции — восстание 14 декабря 1825 г. Это событие дореволюционными историками расценивалось как напрасная трагедия, усугубившая отчуждение верховной власти и передовых слоев общества. Историки-марксисты оценивают это выступление как важный этап борьбы против самодержавия. Но на содержании конкретной политики правительства восстание отразилось слабо. По оценке большинства исследователей, направление деятельности Николая I, сменившего своего брата на престоле и подавившего декабрьское восстание, прямо продолжало консервативный курс конца александровского царствования.

Надо отметить, что Николай Павлович и по характеру, и по воспитанию, и по образу мыслей заметно отличался от брата. Любимыми предметами его в детстве были математика, «потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика». Будучи уже императором, он любил говорить про себя: «Мы, инженеры». Его отличали приверженность к точности, симметрии, порядку, иерархической стройности. С возрастом он все более увлекался военной дисциплиной, парадами и маневрами. К демократии Николай всегда относился отрицательно, был ревнителем монархической идеи, убежденным сторонником абсолютизма. «Время Николая I, — отмечал А. Е. Пресняков, — эпоха крайнего самоутверждения русской самодержавной власти в ту самую пору, как во всех государствах Западной Европы монархический абсолютизм, разбитый рядом революционных потрясений, переживал свои последние кризисы... Во главе русского государства стоит цельная фигура Николая I, цельная в своем мировоззрении, в своем выдержанном, последовательном поведении. Нет сложности в этом мировоззрении, нет колебаний в этой прямолинейности». Своей главной задачей Николай поставил сохранение самодержавного строя. Но он был трезвым реалистом и понимал, что последнее невозможно без проведения некоторых преобразований, не меняющих, однако, существа политической системы. При этом никакого участия общества в реформаторской деятельности не допускалось, ставка делалась только на бюрократию. Алек-

сандр I много сделал по усилению централизации и бюрократизации государственного аппарата. Николай I продолжил эту линию. Ключевым органом в государственной структуре становится Собственная его императорского величества канцелярия. Значительно увеличивается численность чиновников канцелярии, учреждается несколько ее отделений (к середине XIX в. их было 6). По структуре и функциям эти отделения фактически были министерствами, но пользовались гораздо большим влиянием и контролировали деятельность соответствующих министерств, оставаясь при этом органами личной власти императора.

Одним из важнейших являлось III отделение канцелярии — орган политического сыска и следствия, созданный по записке генерала А. Х. Бенкендорфа, бывшего члена масонской ложи, приятеля декабристов, подавшего на них донос Александру I; в 1826 г. начальник отделения стал одновременно шефом специально сформированного корпуса жандармов. На этот пост правительство назначило наиболее преданных ему людей. Первым его занимал Бенкендорф; в 1844 г. его сменил граф А. Ф. Орлов; последнего в 1856 г. сменил князь В. А. Долгоруков. Страна была разделена на несколько жандармских округов, во главе которых находились генералы, имеющие в распоряжении обширный штат подчиненных. Задачи III отделения и корпуса жандармов были многообразны: они осуществляли сыск и следствие по политическим делам, наблюдали за литературой, ведали расколом и сектантством; следили за иностранцами, приехавшими в Россию, занимались крупнейшими должностными и уголовными преступлениями, изучали положение крестьян и причины крестьянских волнений, ведали цензурой и пр. Фактически III отделение охватывало все стороны жизни.

Предпринимались попытки поставить под жесткий контроль верховной власти местную администрацию в лице губернаторов.

Центральная бюрократия неимоверно разрослась. Если в 1796 г. в России насчитывалось приблизительно 15—16 тыс. чиновников, то в 1847 г. их было уже 61548. Невиданный размах приобрели коррупция и казнокрадство. И Александр I, и Николай I пытались бороться с ними путем проведения государственных ревизий (для этого было даже создано специальное главное управление) и путем упорядочения законодательства. Вообще, по мысли Николая Павловича, необходимо было внушить стране уверенность, что Россия управляется на незыблемых основаниях закона. К работе по кодификации законодательства император решил привлечь Сперанского, который еще в 1821 г. возвратился в столицу. Работа эта была сосредоточена во II отделении императорской канцелярии, начальником которого Николай назначил профессора Петербургского университета М. А. Балугьянского.

Фактически отделением руководил Сперанский. К 1830 г. им и его помощниками была выполнена большая работа по сбору в архивах и государственных учреждениях законодательных актов, вошедших затем в «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод законов Российской империи». «Сводом законов» стали руководствоваться в качестве официального кодекса в судебных и других учреждениях.

Николай I включил Сперанского в состав Секретного комитета, образованного 6 декабря 1826 г. для подготовки реформ в государственном управлении. Комитет разработал ряд проектов, но в большинстве своем они остались на бумаге. Некоторые частные изменения были внесены в систему местного управления.

Реорганизованное в 1-й половине XIX в. центральное управление просуществовало, с небольшими изменениями, вплоть до 1917 года. Реформы 1801—1813 гг. способствовали приспособлению политического строя России к новым социально-экономическим отношениям, укрепили высший и центральный государственный аппарат. Централизация и бюрократизация государственного аппарата отвечали задаче поддержания самодержавной власти.

2. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

Как уже отмечалось, основой экономики России в первой половине XIX в. оставалось сельское хозяйство. Россия в это время стала «житницей Европы». По подсчетам Покровского, вывоз пшеницы с 1801 по 1860 г. вырос в 4 раза. Отсюда вытекала заинтересованность помещиков в обеспечении стабильной торговли и их раздражение против факторов, срывающих эту торговлю (например, против «континентальной блокады»). К 1860 г. ежегодный вывоз хлеба из России достиг почти 95 млн. пудов, что, на первый взгляд, свидетельствует о живых еще потенциях развития отечественного сельского хозяйства. Но если сравнить данные, характеризующие вывоз северо-американского и русского хлеба на западно-европейский рынок, то можно увидеть, что если в 30-е гг. XIX в. объем вывоза русского хлеба в Европу был на 186% больше объема североамериканского, то в 40-е — только на 48%. В конкуренции с хлебом свободного американского фермера, как отмечает Б. Г. Литвак, русский хлеб стремительно сдавал позиции. Для того, чтобы их не сдавать, Россия должна была форсировать производство хлеба, улучшать структуру хлебного баланса, расширяя посевы пшеницы за счет ржи, пользовавшейся меньшим спросом. Однако данные середины XIX в., относящиеся к помещичьим хозяйствам черноземного центра России, показы-

вают, что для большинства помещичьих хозяйств экстенсивные пути расширения производства зерна были закрыты, а на пути интенсификации сельскохозяйственного производства, повышения производительности труда стояла система принудительного труда крепостного. Личный интерес барщинного крестьянина, обрабатывающего господское поле своим инвентарем и на своей лошади, состоял в том, чтобы как можно меньше «выкладываться», сохранять силы и орудия труда для работы на своем поле. Помещик был заинтересован в обратном, но ему приходилось иметь в виду, что изнурение кретьянина и рабочего скота могло лишить его работника — источника собственного благополучия. «Именно этот конфликт, — заключает Литвак, — лежит в основе кризиса крепостной системы, а вовсе не вдруг ставший невыгодным барщинный труд. Бесплатный принудительный труд, расточительный для общества в целом, всегда выгоден тому, кто пожинает его плоды». Барщинная форма эксплуатации предусматривала обеспечение каждого крестьянина наделом земли, минимально необходимым скотом. В случае расширения помещиком своей запашки за счет крестьянских наделов хозяйство крепостного крестьянина разорялось, и помещик опять-таки лишался работника. Это и была главная причина невозможности развития господского хозяйства по экстенсивному пути. Часть помещиков обращалась к интенсивным методам, заводила рациональные хозяйства, покупала технику, но крепостные работники не владели новыми агротехническими приемами, не хотели и не могли пользоваться машинами, ломали их. Нанимать же вольных работников было невыгодно, да и, как правило, не на что. Несмотря на кредитную поддержку государства, помещики разорялись. К 1855 г. было заложено 65% крепостных крестьян страны. Долг помещиков государству равнялся нескольким годовым бюджетам России. В сельском хозяйстве отчетливо проявилась тормозящая роль крепостного права. И Александр I, и Николай I видели необходимость отмены крепостного права, но они боялись ущемить интересы дворян, которые в массе своей не признавали очевидного и были против освобождения крестьян. С самого начала своего царствования Александр прекратил раздачу крестьян в частные руки. Указами 1808—1809 гг. помещикам запрещалось продавать крестьян на ярмарках «в розницу», ссылать их в Сибирь за маловажные проступки; помещики обязывались кормить своих крепостных в голодные годы. 20 февраля 1803 г. вышел указ о «вольных хлебопашцах», предусматривающий выкуп крестьян на волю по обоюдному согласию их с помещиками. Но к 1825 г. этим указом воспользовались менее 0,5% крепостных крестьян — помещики обставляли выкуп такими кабальными условиями, что сделка оказывалась невозможной. Указом 12 декабря 1801 г. недворянам —

купцам, мещанам, казенным крестьянам — было разрешено покупать землю; правительство, таким образом, пошло на нарушение дворянской монополии на землю. В 1804—1805 гг. был проведен первый этап крестьянской реформы в Латвии и Эстонии. Реформа распространялась только на «крестьян-дворохозяев». Они получали личную свободу без земли, которую должны были арендовать у своих помещиков за феодальные повинности — барщину и оброк. В 1816—1819 гг., воспользовавшись инициативой помещиков трех прибалтийских губерний, Александр I завершил крестьянскую реформу в Прибалтике. Вся земля оставалась в собственности помещиков. Крестьяне, сделавшись лично свободными, но не получив никаких земельных наделов, попали в полную экономическую зависимость от помещиков и должны были превратиться или в арендаторов помещичьей земли, или в батраков в помещичьих хозяйствах.

В 1818 г. 12 сановников получили секретные поручения царя подготовить проекты отмены крепостного права и для русских губерний. Один из этих проектов подготовил Аракчеев, намечавший постепенный выкуп помещичьих крестьян в казну. В 1818—1819 г., как установил Мироненко, работал даже под руководством министра финансов Д. А. Гурьева специальный секретный комитет, подготовивший свой проект освобождения помещичьих крестьян. Однако, не чувствуя в вопросе освобождения крепостных поддержки в дворянских кругах, Александр I не решается реализовать ни один из проектов. Поручение Гурьеву оказалось последней, в сущности, инициативой императора в решении крестьянского вопроса. Вывести проблему за пределы узкого круга сановников, разделявших взгляды царя или считавших себя обязанными им следовать, Александр I так и не решился.

Продолжателем линии брата в крестьянском вопросе выступил Николай I. Бенкендорф в своем «всеподданнейшем отчете» императору называл крепостное право «пороховым погребом под государством». «Первопричина смертельной болезни была осознана, — пишет по этому поводу Б. Г. Литвак, — вся общественная жизнь первой половины века фокусировалась на альтернативах ее лечения». В царствование Николая I секретные комитеты по крестьянскому делу возникали и исчезали один за другим. Одни из них были заняты рассмотрением проблемы в целом, другие — лишь частных ее аспектов.

Важную роль сыграл Секретный комитет, созданный в 1835 г., в котором ведущую роль играл П. Д. Киселев, в течение всего николаевского царствования бывший главным советником императора в крестьянских делах. Замысел Киселева состоял в проведении двуединой реформы — сперва в отношении крестьян государственных, а затем и помещичьих. Для выработки основ ре-

формы государственной деревни было создано V отделение собственной его и. в. канцелярии, а затем на его основе министерство государственных имуществ. В 1837—1841 гг. реформа, в основном, была осуществлена. Изменилось управление казенными деревнями, население которых составляло более 40% всех крестьян России. Значительно увеличились наделы государственных крестьян.

Разработкой основ второй части двуединой реформы занялся Секретный комитет 1839—1842 гг.; принципы реформы помещичьей деревни сформулировал тот же П. Д. Киселев. Результатом явился указ 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах. Указ предусматривал выкуп на свободу через договоры помещиков и крестьян без предоставления последним земельных участков. Комитет 1846 г. обсуждал записку министра внутренних дел Л. А. Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России». Автор предлагал фиксировать повинности крестьян инвентарями, признать за ними права на движимую и недвижимую собственность. Более продуктивным оказался Секретный комитет 1847 г. Он поддержал предложение о разрешении крестьянам выкупаться с публичных торгов; 8 ноября 1847 г. вышел соответствующий указ. Однако комитет 1849 г. сформулировал новое предложение по этому вопросу, оформленное указом 19 июля этого года: указ подтверждал возможность выкупа с публичных торгов, но лишь при условии согласия на это помещика.

Многолетнее «секретное» обсуждение вопроса об освобождении крепостных Б. Г. Литваку очень напоминает «танец кота вокруг котла с горячей кашей». Все хлопоты практически оказывались «пустыми». Боязнь недовольства резкими действиями правительства со стороны дворянской массы, надежда, что русские помещики сами «созреют» и предложат провести реформу, были главной тому причиной.

Первая половина XIX в., по оценке многих историков, оказалась благоприятным периодом для развития российской промышленности. По подсчетам М. Ф. Злотникова, в 1804 г. в стране насчитывалось около 1200 мануфактур, фабрик и горных заводов, в 1825—1828 гг. — 1800, в 1855—1860 гг. число их возросло до 2818; количество занятых на них рабочих за первую половину столетия выросло примерно в 6 раз.

Предприниматели быстро поняли выгодность вольнонаемного труда. Поэтому началось освобождение посессионных («навечно» прикрепленных к предприятиям) рабочих. В 1804 г. в подразделениях обрабатывающей промышленности, например, 31,7% от всех работников были посессионными, а в 1825 г. их удельный вес упал до 14%. В 1825—1839 г. прекратили действие 17 посессионных мануфактур. Немногочисленные сохранившиеся до

1840-х гг. посессионные предприятия приспосабливались к новым условиям, расширяли свободный найм, вводили коммерческие начала производства. Правительственный указ 1824 г. стал серьезным шагом на пути к ликвидации посессий, предоставив предпринимателям право с согласия Комитета министров увольнять посессионных работников. Указ 1835 г. разрешил владельцам отпускать работников по паспортам. Наконец, закон 18 июня 1840 г. объявлял о ликвидации посессионной мануфактуры. По данным В. К. Яцунского, в 1860 г. в обрабатывающей промышленности вотчинных рабочих насчитывалось не менее 102 тыс., тогда как посессионных—около 12 тыс. чел. Появлялись новые промышленные предприятия и целые отрасли, где производство нередко сразу же приобретало черты фабричной организации с соответственно высоким уровнем концентрации капитала и рабочей силы. Наблюдения М. Ф. Злотникова показали, что с 1826 по 1860 г. использование в российской промышленности иностранных машин и прочих технических установок возросло в масштабах страны в 86 раз.

Быстрый рост промышленности стал обгонять рост внутреннего рынка. Городское население составляло в России лишь 6% от всего количества и росло очень медленно, а втягивание в рыночные отношения населения деревни тормозилось крепостным правом. Государство начало пролагать для российских товаров новые пути на внешние рынки. Товарооборот внутренней торговли к концу первой четверти XIX в. достиг 900 млн. руб. За 1801—1860 гг. соответственно вырос и внешнеторговый государственный оборот, превысивший к исходу 1850-х гг. сумму в 430 млн. руб.

Правительство поддерживало торговлю и промышленность и таким способом, как организация подготовки кадров; оно организовало Технологический институт, реальные училища, коммерческие училища. Для буржуазии было учреждено сословие почетных граждан, создан Мануфактурный совет из представителей предпринимательского корпуса для участия в решении касающихся его дел, проводились промышленные выставки, началось строительство железных дорог. Только одно требование буржуазии правительство не смогло выполнить: не ликвидировало крепостное право. Сохранение его до крайности обостряло проблему рынка свободных рабочих рук.

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Рост торговли, сельского хозяйства, промышленности вел к расширению связей России с разными странами мира. Главным направлением внешней политики России в первые 15 лет XIX в.

было решение западноевропейских проблем, в основе которых лежала борьба с наполеоновской агрессией. В начале XIX в. русское правительство стремилось к решению международных конфликтов дипломатическими средствами, выступало за «умиротворение Европы», смягчение франко-английского антагонизма. Растущая агрессия Наполеона в Европе и на Востоке, его отказ от любых компромиссов побудили Александра I к военным действиям в составе антинаполеоновских коалиций. Внутренние противоречия между Австрией и Пруссией, Пруссией, Англией и Россией ослабляли усилия держав, боровшихся с наполеоновской Францией. Наполеон сумел разгромить противостоящие ему коалиции и заставить Россию в 1807 г. заключить Тильзитское соглашение, крайне невыгодное для последней. По словам Покровского, в Тильзите Россия «шла на уступки», какие требовал ее победитель». Стране нужна была передышка для подготовки к новым решающим столкновениям с Наполеоном. Передышка была успешно использована, в частности, для уточнения северо-западных рубежей страны. Результатом явилось ослабление Швеции (в итоге русско-шведской войны 1808—1809 гг.), потеря ею Финляндии, которая оказалась присоединенной к России. В 1812 г., когда Россия вступила в смертельную схватку с наполеоновской империей, Швеция, учтя недавний опыт, не решилась поддержать Наполеона, предпочтя заключить союз с Александром I.

Овладев Финляндией, Александр I созвал в г. Борго сейм из депутатов финляндских сословий, на котором заявил о своем намерении соблюдать местные законы, все права и привилегии финляндского населения. Финские провинции образовали великое княжество Финляндское с широкой политической автономией. Во всех внутренних делах власть принадлежала финским сенату и сейму, личный состав администрации пополнялся из местных жителей. Император России принял титул великого князя Финляндского и назначил генерал-губернатора в качестве представителя имперской власти. Вообще Финляндия представляла собой скорее особое государство, соединенной с Россией личной унией, чем российскую провинцию.

Отечественная война 1812 г. оказала заметное влияние на историю России и всей Европы, на общий ход мирового исторического процесса. Наблюдается рост международного влияния России. Ее народ не только отстоял свою независимость, но и помог другим странам Европы сбросить иго наполеоновской Франции. Однако победа над Наполеоном сопровождалась усилиями и консолидацией европейской реакции, одним из оплотов которой стала победившая Россия. Европейские правители без учета воли народов произвели передел территории. К России, в частности,

отошло основанное Наполеоном государство Варшавское, названное «царством Польским». Сделавшись «царем польским», Александр I в декабре 1815 г. дал Польше конституцию, предоставлявшую законодательную власть польскому сейму. Наместником в царстве Польском был назначен старый польский генерал Зайончек (бывший начальником одной из дивизий в армии Наполеона). Польша имела свое правительство (из 5 министров) и свою особую армию (около 40 тыс.); командующим польской армией был назначен брат царя, великий князь Константин, женатый на польской аристократке.

Во внешней политике России в первой половине XIX в. важное место занимал и так называемый восточный вопрос — речь шла о преобладающем влиянии на Ближнем Востоке, а также о судьбах балканских народов, входивших в состав Османской империи. В результате войн России с Турцией и Ираном она получила существенные территориальные приобретения и добилась ряда серьезных уступок в пользу христианских народов Балканского полуострова. Так, по Бухарестскому договору 1812 г. Турция должна была уступить России Бессарабию и согласиться на создание автономного Сербского княжества. После разгрома турецкой армии в ходе войны 1818—1829 гг. Россия получила на Кавказе восточное побережье Черного моря с турецкими крепостями Анапа и Поти. Адрианопольский мир 1829 г. гарантировал широкую автономию княжествам Молдавии, Валахии и Греции. В 1830 г. Греция была признана независимым королевством.

В 1801 г., спасаясь от натиска Ирана, просила русского императора о принятии в подданство Грузия; Александр I согласился удовлетворить эту просьбу, результатом чего явилась русско-иранская война 1804—1813 гг. Иран сам претендовал на земли Кавказа и Закавказья. Но и эта война, и последующая (1826—1828 гг.) не принесла ему желаемых результатов. К России была присоединена не только Грузия, но и часть территории Азербайджана и Армении.

На всем протяжении рассматриваемого периода для России важную роль играл вопрос о международно-правовом режиме черноморских проливов. До 40-х гг. XIX в. этот режим определялся, в основном, двусторонним соглашением России и Турции. Наибольшего влияния на Россию Турция достигла в 30-е гг. XIX в. во время действия Ункаро-Искелесского договора, обеспечивавшего закрытие Портой входа в Черное море для военных флотов западных держав. Лондонскими конвенциями 1840—1841 гг. влияние России в Турции было серьезно ослаблено. Впервые был заключен многосторонний договор великих держав и Турции о режиме проливов. В 40—50-е гг., теряя свои политические позиции на Ближнем Востоке, Россия все более склонялась к

политическому курсу на раздел Османской империи или установление собственного преобладающего влияния в Константинополе, но наталкивалась на сопротивление западных держав, преследовавших в отношении Турции свои захватнические цели. Этот курс Российского правительства привел к поражению в Крымской войне 1853—1856 гг., значительно подорвавшему позиции России на Черном море и на всем Ближнем Востоке.

Наряду с магистральными направлениями внешней политики России в Западной Европе и на Ближнем Востоке немалое значение имели отношения с соседними странами на всей огромной территории азиатской границы империи, а также с США. Активизировалась политика России в Средней Азии, усиливался ее интерес к Дальнему Востоку (были установлены русско-японские дипломатические отношения в 1855 г., а в 1858—1860 гг. заключены договоры с Китаем, утвердившие на огромном протяжении государственную границу между двумя странами). Для достижения своих целей на Дальнем Востоке российское правительство стремилось использовать первую в России акционерную Российско-Американскую компанию, проводившую активную деятельность по освоению Северо-Западной Америки. В первой половине XIX в. были установлены и получили дальнейшее развитие дипломатические отношения между Россией и США. Установление в 1815 г. дипломатических отношений между Россией и США способствовало экономическому и культурному сближению двух стран.

4. КУЛЬТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Сразу после воцарения Александр I начал осуществлять широкую программу развития просвещения в России. Реформа народного образования была проведена в 1803—1804 гг. Вводилась преемственность учебных программ. Низшей ступенью являлось одноклассное приходское училище, второй — уездное трехклассное училище, третьей — шестиклассная гимназия в губернском городе, высшей — университет, который был поставлен во главе учебного округа и должен был обеспечивать его учебными программами и кадрами учителей. Помимо существовавшего с 1755 г. Московского университета, в 1802—1804 гг. были открыты еще Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский, а также на правах университета — Петербургский педагогический институт (преобразован в университет в 1819 г.). Университеты призваны были готовить кроме учителей для гимназий кадры чиновников для гражданской государственной службы и специалистов-медиков. Университетам предоставлялась довольно широкая автономия. Университетские советы выбирали ректора, деканов факультетов и профессоров на вакантные кафедры.

Несомненно, что развитие просвещения в России, в определенной степени было связано с потребностью в подготовленных чиновниках. В августе 1809 г. по инициативе Сперанского появился «Указ о новых правилах производства в чины по гражданской службе». Согласно указу чин коллежского асессора могли получить только те чиновники, которые имели на руках свидетельство об успешном окончании курса обучения в одном из российских университетов или выдержали экзамены по специальной программе, включавшей проверку знаний русского языка и одного из иностранных, усвоения естественного права, римского, гражданского и уголовного права, всеобщей и русской истории, государственной экономии, арифметики, геометрии, физики, географии и статистики России.

Открываются также специальные средние и высшие учебные заведения: Демидовский (в Ярославле) и Царскосельский лицей, Институт путей сообщения и пр. В первом десятилетии в учебных заведениях довольно прочные позиции заняли просветители или близкие к ним ученые. Так, в Петербургском педагогическом институте с 1806 г. преподавал К. Ф. Герман, рекомендовавший своим слушателям сочинения Монтескье, Адама Смита, Филанджери. А. Ф. Мерзляков, работавший в Московском университете, в своем курсе российской риторики приводил в качестве примеров отрывки из произведений Вольтера, Руссо, Жермены де Сталь. Преподавателем политической экономии в Дерптском университете был профессор Ф. Рамбах, немецкий ученый-просветитель, переехавший в 1803 г. в Россию. Александр I в начале царствования не видел опасности для самодержавия в распространении просветительской философии. По его инициативе за счет казны были переведены на русский язык и изданы произведения известных западноевропейских просветителей — философов, экономистов, социологов, юристов (Дж. Бентама, Ш. Монтескье, Ш. Делольма и др.).

Быстро росло в стране число любителей чтения. Карамзин в статье, опубликованной в 1802 г. в «Вестнике Европы», отмечал: число любителей чтения «едва ли в какой земле... так скоро возрастает, как в России. Правда, еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет, но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель». Его поддерживал И. И. Дмитриев: «В зрелых летах Хераскова читали только просвещеннейшие из нашего дворянства, а ныне всех состояний: купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами».

Развитие просвещения, его демократизация дали и нежелательные для правительства результаты, привели к быстрому рос-

ту оппозиционных настроений. Это имело большое влияние на политику Александра I. Усилена была цензура, начались гонения на просвещение и печать. В 1819 г. в Казанский университет для «ревизии» был послан М. Л. Магницкий. Он обнаружил там «дух вольнодумства и безбожия» и потребовал «публичного разрушения» университета. Александр не согласился на это, но поставил Магницкого попечителем Казанского учебного округа. Из университета было уволено более половины профессоров, из его библиотеки изъяты все книги, отличавшиеся, по мнению Магницкого, «вредным направлением». Попечитель самовольно отдавал студентов в солдаты и ввел в университете казарменный режим. В 1821 г. назначенный попечителем Петербугрского учебного округа Д. П. Рунич подверг разгрому столичный университет. В 1817 г. появляется преобразованное министерство народного просвещения и духовных дел, главой которого становится обер-прокурор Синода. Были пересмотрены и урезаны учебные программы, университеты потеряли автономию.

Опиравшийся на «казарму и канцелярию» Николай I с недоверием относился к науке и просвещению. Университеты и учащиеся казались ему подозрительными. В мае 1826 г. в Московский университет был послан флигель-адъютант С. Г. Строганов. Он обнаружил там много «недостатков». Были найдены запрещенные книги, выявлены «вредные» мысли в лекциях преподавателей. Последовало запрещение чтения курса философии. Изгоняя вольнодумство, царь перестраивал школу. Усилилась сословность образования. Гимназия предназначалась преимущественно для дворян, приходские училища — для некрепостных крестьян, реальные училища — для городских сословий. Выпускники реальных училищ имели мало шансов на поступление в университет. Учебные округа были изъяты из ведения университетов и переданы в исключительное ведение попечителей. Университеты перестали быть методическими и научными центрами. Прием в них сильно ограничили, значительно повысилась плата за обучение.

Результатом явилось еще большее отдаление общества от государства. Царь и его приближенные изгоняли из страны вольнодумство, а общество между тем жило богатой, духовно насыщенной жизнью. Формы проявления общественного движения были многообразны. Одна из них — образование тайных обществ. Возникшие первоначально с целью «содействовать благим начинаниям правительства» они превращаются в организации, ставящие целью захват политической власти в стране. Все историки отмечают, что это движение было довольно узким и замкнутым, не имело связи с широкими слоями общества, идеалом которого было превращение России в политически европейскую страну с конституцией и отмена крепостного права. Но главное место в обще-

ственном сознании, по мнению Покровского, занимала не декабристская идея, а идея национальная. Немалую роль в данном случае сыграли войны с Наполеоном, героическая защита Родины в 1812 г. Одним из проявлений «эпохи возбужденности умственных интересов» было появление негосударственной периодической печати, как придерживающейся официальной идеологии («православие, самодержавие, народность»), так и оппозиционной.

Можно назвать среди форм общественного движения и политизацию литературы. На смену «аристократическому» классицизму приходят «демократические направления» — сентиментализм и романтизм. Они воспринимались как проявления различных линий общественного движения. Сентиментализм, родоначальником которого считают Карамзина, воспевал «естественную простоту» и неиспорченность веяниями западной цивилизации. Романтизм же, возникший под влиянием этой цивилизации, выражал недовольство окружающей действительностью, расхождением между нею и идеалом. Российская литература достигает вершин в творчестве великих реалистов (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь и др.), отразивших едва ли не все социальные проблемы страны. А литературно-критическая полемика рассматриваемого периода была прямой политической борьбой.

Вообще первая половина XIX в. — время небывалого взлета всех отраслей художественной культуры России: литературы, музыки, изобразительного искусства, театра, скульптуры и архитектуры. То же самое можно увидеть и в научных отраслях. Наиболее яркое объяснение этому дает подход Л. Н. Гумилева. В фазе пассионарного надлома при невысокой пассионарности и достаточных способностях люди самопроявляются в искусстве, науке, преподавании и технических изобретениях. Не случайно соответствующей фазой в развитии Европы была эпоха Возрождения. Проявлением этого же процесса была реформаторская деятельность и общественные движения различных направлений — либерального (славянофильство и западничество) и радикального (кружки братьев Критских, Белинского, Герцена и Огарева, Петрашевского и др.).

В целом правительство и общество в первой половине XIX в. так и не нашли общего языка. Причину этого Карамзин видит в дурных советниках верховной власти, Ключевский — в бюрократическом произволе и непоследовательности правительства, а Покровский — в том, что промышленный капитал боролся за власть, но был еще слаб в этой борьбе. История показывает, что даже самые благие начинания и замыслы власти не могут реали-

зоваться без опоры на общество, в условиях бюрократической тайны, разрыва с обществом· Ситуация, сложившаяся в стране к середине XIX в., гарантировала неизбежность близких перемен.

ЛИТЕРАТУРА

Ключевский В. О. Соч. в 9-ти томах. М., 1989. Т. V.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Спб., 1907.

Окунь С. Б. История СССР. Лекции. Ч. I. Конец XVIII — начало XIX века. Л., 1974.

Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX в. Л., 1954.

Предтеченский А. В. Очерки общественно политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957.

Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. (Первая половина XIX века). М., 1981.

Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в., М., 1989.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990.

Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. — М., 1975.

Сафонов М. М., Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. Л., 1988.

Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. М., 1991.

Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991.

Лекция 13. РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (1855—1881 гг.)

ПЛАН

1. Историографические направления, подходы к теме.
2. Отмена крепостного права. Реформы 60—70-х гг.
3. Экономические и политические изменения.
4. Наука и культура.
5. Внешняя политика.

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПОДХОДЫ К ТЕМЕ

В обширной и разнообразной историографии периода выделяются два основных направления, отличных по поднимаемым проблемам, подходам к их исследованию, конечным выводам. Возникновение первого связано с именем выдающегося русского ученого В. О. Ключевского. Его последователями стали авторы сборников «Вехи», «Из глубины» и других. Многие из них продолжили работу в эмиграции — Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, П. Б. Струве, Г. П. Федотов и др.

Их научное кредо заключается в том, что история как наука должна служить не какой-либо группе, а всему обществу. В этом случае она становится естественным стержнем срединной культуры, которая укрепляет государственность, чем создаются предпосылки реализации общественных отношений. Эта позиция обуславливалась исторически сложившейся особенностью российской государственности. Кроме репрессий, она держалась на религиозном самосоединении крестьянина с царем, на иррациональном основании. Периодически оно разрушалось, и являлся «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

По мнению этих ученых, весь уклад русской жизни во всех его проявлениях не мог быть изменен насильственным путем. Единственный выход заключался в постепенной модернизации существующего строя и подъеме народного просвещения. Особая роль в этом процессе должна принадлежать государству и интеллигенции.

В наши дни традиции этих мыслителей наиболее полное воплощение нашли в трудах А. С. Ахиезера. В этом же русле нахо-

дятся последние работы В. Ф. Антонова, Н. М. Пирумовой, Н. Я. Эйдельмана.

Складывание второго направления шло более сложными путями. Его истоки находились, с одной стороны, в марксизме, с другой — в народничестве. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что особенности России не выходят за рамки европейской общности, что Россия через революцию и социальные потрясения также должна прийти к «классическому» капитализму. Народники полагали, что страна через крестьянскую революцию перейдет к социализму.

При серьезных различиях марксизм и народничество сходились в главном: они стали знаменем борьбы наиболее обездоленных групп населения — крестьян, мелкой буржуазии, пролетариата. Во второй половине XIX в. их настроения становились все более антигосударственными, что сделало возможным своеобразное соединение марксизма и народничества в большевизме. На этой основе образовалось направление исторической науки, отстаивавшее прогресс через борьбу и революции. Оно стало официальным.

В рамках этого подхода проблемы рассматриваемого периода поставлены и исследованы глубоко и всесторонне, в научный оборот вовлечено огромное количество исторического материала. В обобщенном виде это направление представлено в коллективных трудах по истории СССР, марксизма-ленинизма, культуры, государства и права, а также в книгах М. Н. Покровского, Б. Г. Литвака, В. А. Малинина, Р. П. Конюшей, Н. А. Троицкого, В. Т. Чунтулова.

В данной лекции, в основном, поддерживается концепция истории России, разработанная учеными первого направления. Это не мешало широко использовать конкретный материал, накопленный трудами их оппонентов.

2. ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА. РЕФОРМЫ 60—70-х гг.

Поражение в Крымской войне выявило угрожающие размеры технического отставания России и подорвало международный престиж самодержавия и страны в целом. Одновременно оно послужило мощным стимулом роста гражданственности. Совершенствование общественной системы и ликвидация крепостничества все более осознавались как безотлагательная потребность. Возможности ее реализации открылись только со смертью Николая I, последовавшей в ночь с 17 на 18 февраля 1855 г.

18 февраля 1855 г. на российский престол вступил Александр II. Ему было уже 37 лет. Он души не чаял в своем отце и

созданной им системе правления, был далек от мысли о ее реформировании. В придворных кругах его считали слабохарактерным, «с винегретом в мыслях и чувствах». По мнению Ф. И. Тютчева, ему не хватало «широты и кругозора». Интересную характеристику Александра II и его ближайшего окружения оставил В. О. Ключевский. Многие исследователи находили, что его отец, Николай I, был более компетентным в вопросах государственной политики.

Но именно Александр II выступил инициатором преобразований. Может быть, свою роль сыграло как раз то обстоятельство, что Александр II к моменту прихода к власти не выработал четкой программы действий, поэтому обладал способностью непредвзято оценивать положение дел. По складу характера он не принадлежал к людям авторитарного типа. Следует учесть и то, что воспитателями и учителями его были выдающиеся деятели либерального толка, склонные к анализу и компромиссам — В. А. Жуковский и М. М. Сперанский. И самое главное — Александр II пришел к власти в совершенно иных условиях, чем его отец.

В речи перед московскими дворянами 30 марта 1856 г. он произнес ключевые слова: «Гораздо лучше, чтобы освобождение крестьян произошло свыше, нежели снизу». Практически одновременно началась разработка проектов реформ в различных сферах общественной жизни. Наступившее время Ф. И. Тютчев назвал «оттепелью», А. И. Герцен надеялся, что страна уже не возвратится к «застою», В. А. Слепцов вспоминал о желании «коренной перестройки», Н. А. Мельгунов писал: «Гласность! Великое слово!». В такой обстановке начиналось обновление страны. Немногие понимали, каким трудным оно будет, потому что противоречивость ситуации и глубина общественного раскола в полной мере не были известны.

По содержанию предстоявшие реформы должны были быть буржуазными, но социальной опорой государственности являлись дворяне. Без их участия становилась невозможной всякая политика, особенно в периоды преобразований. Однако большинство дворян выступали против малейших изменений и занимали к тому же ключевые государственные посты всех уровней. Крепостники представляли наиболее мощную и организованную силу в стране. Интересы меньшинства дворян, отстаивавших реформы, выражались либеральной интеллигенцией и частью высшей бюрократии. Среди них надо отметить К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, А. М. Горчакова, братьев Н. А. и Д. А. Милютиных.
Краткий период подготовки реформ был, возможно, звездным часом российского либерализма, действовавшего инициативно, в наибольшей степени выражая общественные потребности. Либералы выступали за полное освобождение крестьян, демократизацию

государства при сохранении монархии. Б. Н. Чичерин называл эту политику — «либеральные меры и сильная власть». К сожалению, слабость социальной базы либерализма не позволила ему закрепить свои позиции в обществе и усилить влияние на правительство.

Важнейшей силой на политической арене России выступало крестьянство. В период подготовки реформ крестьянские волнения росли, но не настолько, чтобы поколебать позиции правительства. Гораздо опасней представлялась мощь иррациональной крестьянской стихии — массовый исход в Крым за обещенной якобы царем волей или трезвенническое движение в надежде заслужить эту волю у царя. «Воля» для крестьян — это «вся земля да царь-заступник и никакого начальства». Их устремления заключались в распространении общинной уравнительности на все общество, но это патриархальный, догосударственный идеал. Он не был достижим, так как успех крестьян в борьбе за землю означал крах государственности, а новой, «своей» они создать не могли. Поэтому деятельность организаций и партий, называвших себя крестьянскими и ставивших в своей программе вопрос о земле как главный, изначально обрекалась на неудачу. Аграрный вопрос в России имел другое содержание: как помочь крестьянам войти в современную цивилизацию. В качестве первоочередных мер здесь надо сказать об уменьшении всяческих сборов с них, подъеме их культуры, производительности труда.

Интересы крестьян выражали, как им казалось, крестьянские демократы, прежде всего А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский. В их планах решительное уничтожение крепостного права сочеталось с признанием интересов помещиков и государства. Важнейшей задачей они считали совершенствование законов и подъем просвещения. В период подготовки реформ среди идеологов крестьянства, как показали В. Ф. Антонов и Н. М. Пирумова, преобладали типичные демократы-просветители. Герцен не звал Русь к топору и полагал, что в будущей России должны быть отражены «все элементы современной деятельности». Чернышевский не мог быть автором прокламации «Барским крестьянам...», приоритетным он считал не насилие, а «содействие исполнению всеобщего желания» — и это в 1888 году! Предостерегая от бунта, они выступали за организацию всенародного натиска на самодержавие с целью принудить его к преобразованиям. Эта решительность основывалась на предполагаемой их близости к крестьянству и его способности к активной политической деятельности. Свободная крестьянская община может открыть стране путь к социализму. Герцен до конца своих дней связывал будущее страны с крестьянским социализмом. Чернышевский по возвращении из ссылки оценил буржуазию как силу исторического процесса, в этом

смысле действовавшую и в интересах народа. С идеей некапиталистического развития России для него было покончено, но при этом он не признал и марксизма.[1]

Интересам самодержавия не соответствовала ни одна из охарактеризованных позиций. Смысл реформ оно видело в укреплении императорской власти, а также в развитии промышленности и перевооружении армии.

19 февраля 1861 г. Александр II утвердил законодательные акты об отмене крепостного права и обратился к народу с «Манифестом» (они были опубликованы 5 марта). Крестьянству даровалась юридическая свобода, но земля объявлялась помещичьей собственностью. За отводимые наделы (урезанные в среднем на 20%) крестьяне на положении «временнообязанных» несли в пользу помещиков повинности, которые по сути не отличались от прежних, крепостных. С заключением выкупных сделок временнообязанное состояние прекращалось. Казна расплачивалась за землю с помещиками, крестьяне — с казной в течение 49 лет из расчета 6% годовых (выкупные платежи). Величина их определялась не на основе стоимости земли, а из так называемого капитализированного оброка — путем приравнивания к капиталу, который в виде 6% годовых приносил доход, равный прежнему оброку. Крестьяне платили и за землю, и за свободу, поэтому сумма внесенных выкупных платежей превысила стоимость земли более, чем в 3 раза.

Пользование землей, взаимоотношения с властями строились через общину. Она сохранялась как гарант крестьянских платежей, к ней переходила часть вотчинной власти. Крестьяне прикреплялись к обществу и без согласия мира не могли из него выйти. Став лично свободным, крестьянин исполнял казенные и земские повинности. Он подпадал под податной пресс государства без посредничества помещика. Свобода раскрывалась во всей своей противоречивости.

В 1863 г. основные положения крестьянской реформы были распространены на удельных крестьян, а в 1866 г. — на государственных. В общей сложности на них приходилось около половины всего крестьянского населения. Земельное обеспечние их было значительно лучше, чем помещичьих крестьян: средний размер надела у последних составлял 3,3 дес., удельных — 4,8 дес., у государственных — около 6 дес.

Отмена крепостного права дополнялась реформами в политической и идеологической сферах.

[1] Взгляды Н. Г. Чернышевского в полной мере не были известны авторам сборников «Вехи» и «Из глубины».

По положению, утвержденному царем 1 января 1864 г., создавалась новая система органов местного управления. Ими стали уездные и губернские земские собрания, избиравшиеся на всесословной основе. Высокий имущественный ценз обеспечил преобладание в них дворян, что стало своеобразной компенсацией за упразднение вотчинной власти. Задачей земств являлось содействие буржуазному предпринимательству на местах и привлечение общественности к подъему хозяйственной жизни, просвещения и здравоохранения. Кроме того, местные заботы, по мнению автора реформы П. А. Валуева, должны были отвлечь «умы» от «политических мечтаний в общей, так сказать, сфере».

В 1870 г. произошли аналогичные преобразования в городском самоуправлении. В 509 городах вводились новые всесословные органы — городские думы. Они решали те же проблемы, что и земства.

Самостоятельность органов местного самоуправления была номинальной, они стали особым органом централизованной власти; но они же и компенсировали ее неизбежные слабости, взяв на себя определенные функции. Земствам «глубинка» России обязана улучшением дорог, совершенствованием просвещения, борьбой с эпидемиями и эпизоотиями; всемирное признание получила земская статистическая служба, методы которой легли в основу современной социологии.

Земства создали особый слой русской интеллигенции. Благодаря ей они становились учреждениями либерального движения, своеобразной формой его организации. Поэтому уже через 2 года правительство начало против них наступление.

Приобщение к гражданской жизни миллионов крестьян потребовало проведения судебной реформы. «Судебные уставы» 20 ноября 1864 г. разработали прогрессивные юристы в соответствии с достижениями мировой науки и судебной практики, в их числе — С. И. Зарудный, Д. А. Ровинский, Н. А. Буцков. В России вводился новый суд: бессословный, гласный, состязательный, в значительной степени независимый. Высшим достижением явился суд присяжных. Он был введен несмотря на сопротивление консерваторов и даже самого царя. В многочисленных оправдательных приговорах, выносимых присяжными заседателями, они усматривали «потрясение основ». Уже в начале 70-х гг. дела о государственных преступлениях были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в «особые присутствия» Сената, а в исключительных случаях — в военные суды.

В целом судебная реформа стала серьезной попыткой воплотить в жизнь принцип разделения властей. Эффект ее ослаблялся более чем 20-летним периодом введения судебных уставов. Это облегчало правительству переход от реформ к контрреформам.

Уже говорилось, в Крымской войне миф о непобедимой армии России рухнул. Военные реформы диктовались внешними и внутренними факторами. Они осуществлялись благодаря деятельности нового военного министра Д. А. Милютина и шли по нескольким направлениям: введение новых уставов, сокращение личного состава, подготовка обученных резервов и офицерских кадров, перевооружение армии, реорганизация интендантской службы. Однако все нововведения не устраняли главную причину слабости русской армии — ее феодально-сословную структуру, основанную на системе рекрутских наборов среди крестьян, и монополию дворян на занятие офицерских должностей. После долгих обсуждений 1 января 1874 г. царь утвердил Устав о всеобщей всесословной воинской повинности. Рекрутские наборы отменялись, призыву на службу подлежало все мужское население, достигшее 21 года. Срок службы сокращался в армии до 6 лет, на флоте до 7. От службы освобождались единственный сын, единственный кормилец в семье, представители некоторых национальностей. В мирное время потребность в солдатах была значительно меньше числа призывников, поэтому все годные к службе, за исключением получивших льготы, тянули жребий. Для окончивших школу служба сокращалась до 3-х лет, гимназию — до 1,5 года, вуз — до нескольких месяцев.

В это же время происходило перевооружение армии. Несмотря на незавершенность реформы армия все же победила в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Значительные изменения происходили в сфере народного образования. «Положение о начальных народных училищах» 1864 года разрешало их открывать организациям и отдельным лицам. Этим ликвидировалась государственно-церковная монополия на просвещение. Устав средних школ, принятый также в 1864 г., предусматривал доступ в мужские гимназии детей всех сословий, но за плату. В 1863 г. правительство издало новый университетский устав, который восстанавливал автономию университетов. Их жизнью руководил Совет профессоров. Студенты рассматривались, как «отдельные посетители», не имевшие права на корпоративное устройство, они подчинялись дисциплинарному суду профессоров.

В сфере духовной становилась неизбежной и цензурная реформа. В мае 1862 г. вводились «временные правила», которые в 1865 г. заменил новый цензурный устав, имевший также временный характер, но просуществовавший до 1905 г. По нему предварительная цензура отменялась для книг в 10 и более листов, редакторы и издатели могли быть привлечены к ответственности только по суду. Периодическая печать освобождалась от цензуры по особым разрешениям и при внесении залога в несколько тысяч

рублей. В административном порядке издания могли быть приостановлены и даже закрыты. Конечно, лозунг Герцена «Освобождение слова от цензуры» не был реализован. Но серьезный шаг вперед был сделан и в этой области.

Подготовка и реализация крестьянской и последующих реформ явились грандиозным переворотом в социально-экономическом строе страны. Глубокую и неоднозначную характеристику его дал В. О. Ключевский. Он писал, что реформы, хотя и замедленные, были достаточно подготовлены к исполнению. Еще менее были подготовлены умы к их восприятию, но более всего положение осложнялось необходимостью одновременного исполнения реформ. Быстро менявшееся общество не поддавалось сознательному руководству. Личность теряла устойчивость, способность предусматривать последствия своих поступков. Сложилось положение, с которым не в силах были справиться. «Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы — великая историческая заслуга императора; в запоздалости реформы — великое историческое затруднение русского народа».

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Пореформенное развитие страны было противоречивым. В сельском хозяйстве рост посевных площадей и производства продукции свидетельствовал об общем подъеме. Но интенсивность его оставалась низкой, поэтому урожаи и потребление продуктов (кроме хлеба) были в 2—4 раза ниже, чем на Западе. В 80-е гг. по сравнению с 50-ми среднегодовой сбор зерна вырос на 38%, а экспорт его увеличился в 4,6 раза. Россия вышла на первое место в этом деле, внешнеторговый баланс с 1877 г. стал активным. Но достигнуто это было принудительными мерами. Различные платежи крестьян составляли 55—56% государственного бюджета. Развернувшаяся в стране индустриализация во многом осуществлялась за их счет.

Значительная часть разорившихся крестьян втягивалась в промышленность. Все это входило в планы реформаторов. Но совершенно неожиданно для них усилилось традиционно враждебное отношение к торговле, ко всем новым формам деятельности: к кулаку, купцу, скупщику — к удачливому предпринимателю.

Великая русская литература XIX в., несшая в себе гигантский нравственный заряд, подхватила представления массового сознания о богаче как воплощении зла. Н. Чернышевский, М. Салтыков-Щедрин, Г. Успенский разоблачали «дерунова», «наглого», «чумазого», «праздношатающуюся тлю» (К. Маркс русского кулака характеризовал не иначе как «прохвост-плебей»). Духовная элита

России оказалась не в состоянии освоить новые явления и боролась не столько с уродливыми формами предпринимательства, сколько с ним самим.

В крестьянстве росли настроения сохранить древние формы жизни — участились общинные уравнительные переделы земли и распределение разверстки. В конце 70-х гг. распространился слух о «черном переделе». Однако при низкой культуре земледелия никакая экспроприация помещичьих земель проблемы не решала. К тому же значительная часть дворян не смогла перестроиться на буржуазный лад и продавала свои земли. В 1877 г. их площади уменьшились на 30%, в 1910 — на 55%. В хозяйствах обуржуазившихся помещиков эффективность была значительно выше, чем в крестьянских. Для крестьян же рост производительности не был самоценным. Если у них появлялись дополнительные средства, они расходовались на покупку земель. В собственности общин или зажиточной части деревни в 1877 г. находилось 6,3% всей частной земли, в 1910 — 25%. К этому времени вместе с надельной крестьяне пользовались и владели 70% всей обрабатываемой земли. Но при этом их враждебность к помещикам не ослабевала. Крестьянин неуклонно шел к торжеству догосударственного идеала, которое, казалось, наступило в 1917 г.

Реформа 1861 года создала специфический источник накопления капиталов. Начало реализации выкупных операций совпадает с созданием различных кредитных учреждений. В 1866—1875 гг. создано 359 акционерных коммерческих банков, обществ взаимного кредита.

Еще в 1860 г. был организован Государственный банк. Сложилась система органов коммерческого кредита. С 1866 г. в его пополнении начали участвовать крупнейшие европейские банки. Благодаря им сложный механизм обмена был «запущен» сразу. Выработка его на Западе потребовала веков.

Иностранные займы и прямые инвестиции прежде всего шли на железнодорожное строительство, которое приняло характер подлинного бума. За 20 пореформенных лет длина железных дорог возросла в 10 раз, их грузооборот — более, чем в 6 раз. Благодаря этому обеспечивался экспорт хлеба, решались задачи военно-стратегического порядка, создавалась производственная инфраструктура и, самое главное, инициировалось развитие промышленности.

Промышленный переворот, начавшийся в первой половине XIX в., в рассматриваемый период коренным образом изменил производство в хлопчатобумажной, сахарной отраслях. В других он был далек от завершения. В крупной промышленности на одного рабочего приходилось только 0,09 лс мощностей паровых машин. Потребности в оборудовании удовлетворялись, главным

образом, за счет импорта. В мелком производстве с его ручным трудом было занято более половины всех, работавших в промышленности.

Особой заботой правительства пользовались предприятия, выпускавшие боевую технику. Военный бюджет России в абсолютном исчислении уступал английскому, французскому, германскому. Но его удельный вес в совокупном общественном продукте страны был значительно выше. Начал формироваться военно-промышленный комплекс как основа великодержавной внешней и внутренней политики.

Крупная промышленность страны создавалась и развивалась как государственная. Рост частного предпринимательства шел под контролем государства на основе выдачи специальных заказов. Поэтому и крупная буржуазия вырастала как государственная. В целом российская буржуазия уступала западной по экономической самостоятельности и политической зрелости.

Ускоренными темпами шел процесс формирования рабочего класса. В рассматриваемый период его численность в крупной промышленности возросла в 1,5 раза, на железнодорожном транспорте — в 6 раз. Возник слой потомственных пролетариев. Многие рабочие сохранили экономические и психологические связи с прежними формами жизни, из которых насильно были вытеснены. Они несли в себе серьезный антигосударственный заряд, который усиливался нелегким их положением. Так, продолжительность рабочей недели в промышленности России была больше, чем в США, на 23%, а номинальная зарплата ниже в 3,8 раза. За общими цифрами кроются значительные региональные различия: металлург Донбасса «стоил» в несколько раз дороже, чем на Урале. Белковых продуктов российский рабочий потреблял в 3—7 раз меньше американского и намного больше картофеля и хлеба. Неустроенным оставался быт.

Политическая ситуация в стране неоднократно менялась в зависимости от самых разных обстоятельств. В 1855 по 1861 гг. правительство при всех колебаниях сохранило за собой инициативу действий, привлекло к себе всех сторонников преобразований — от высшей бюрократии до крестьянских демократов. Казалось, в обществе утвердилась консолидирующая «атмосфера надежд», в которой были подготовлены реформы и началась их реализация.

Вместе с ней, как это ни парадоксально, изменилась обстановка в стране и общий курс правительства. В 1861—1866 гг. правительство отстаивало свое видение реформы, причем борьба с противниками «слева» носила жестокий характер: подавление крестьянских выступлений, аресты тверских либералов, затем Н. Г. Чернышевского, разгром польского восстания. Прави-

тельство утрачивало инициативу, самодержавная его сущность все больше выходила на первый план. Выстрел Д. Каракозова 4 апреля 1866 г. логически вытекал из подобной ситуации: насилие сверху рождает насилие снизу. Об этом порочном круге с горечью писал Н. А. Бердяев.

В правительственных кругах усилилась роль III отделения, во всех областях общественной жизни произошли контрреформы. Либеральное движение практически сошло на нет, как и крестьянское. А вот движение идеологов крестьянства расширялось. В нем утвердилось новое поколение — народники. Наследие А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского ими воспринималось все более односторонне. Уровень теоретической работы снижался. Оформившиеся доктрины народничества при всех различиях сходны в главном — они являются отражением, слепком докапиталистических, догосударственных ценностей крестьянства: идеализация общины, неприятие капитализма, аполитизм, абсолютизация сильной личности. Взгляды народников — специфическая разновидность основного заблуждения интеллигенции — вера в крестьянскую революцию, во внезапно раскрывающиеся созидательные возможности народа, как только он станет свободным.

В середине 70-х гг. правительство столкнулось с клубком проблем; одни из них оно должно было решить раньше — например, формирование армии, другие вообще предотвратить — оскудение деревни, резкое усиление деятельности народников — «хождение в народ», создание ими централизованной организации «Земля и воля», третьи оно должно было встретить с достаточной долей цивилизованности — образование первых рабочих союзов. Сложность и новизна этих проблем превышали возможности правительства. Не спасло положения усиление в нем роли реформаторов и даже победа России в войне с Турцией. Развитие событий приобрело собственную динамику, не поддающуюся контролю. Переломным в этом отношении стал 1878 год: возросли хозяйственные трудности; на Берлинском конгрессе обнаружилась международная изоляция России (он стал дипломатическим поражением державы — победительницы); в деревне распространился слух о «черном переделе»; образовался «Северный союз русских рабочих», организация политического характера; выступления пролетариата возросли против 1877 г. в 2,5 раза; начались студенческие волнения; вновь возникла либеральная оппозиция в лице земского движения. И наконец, с 1878 г. народники перешли к террору как средству политической борьбы.

Часть общества оказывала моральную поддержку и сочувствие террористам — важнейший показатель падения престижа власти. Ситуация требовала кардинальных и немедленных перемен, «революции сверху» в духе либерализма. Но правительство

царя-реформатора прибегло к испытанным методам — ужесточение судопроизводства, введение чрезвычайного положения в ряде губерний.

21 января 1880 г. состоялось Особое совещание при царе для обсуждения давних проектов 1863 и 1866 гг. о народном представительстве. Характерна краткая записка царя о его итогах: «Совещание с Костей (брат царя) и другими, решили ничего не делать». Такова стратегическая установка на «революцию сверху». Могла ли она измениться в недалеком будущем?

12 февраля 1880 г. была учреждена Верховная распорядительная комиссия во главе с М. Лорис-Меликовым. Получив диктаторские права, он путем репрессий и уступок добился приостановки террористической деятельности и некоторой стабилизации общества. В августе 1880 г. комиссия была ликвидирована, а Лорис-Меликов стал министром внутренних дел с расширенными полномочиями. 28 января 1881 г. в специальном докладе царю он предложил завершить «великое дело государственных реформ». Речь шла всего лишь о совершенствовании губернского управления, земского и «городового» положений, о решении финансовых дел. Разработку проектов он предложил временным подготовительным комиссиям с привлечением представителей земств и городов. Далее законопроекты должны были поступить в Общую комиссию, в состав которой привлекались выборные от местных органов. При обсуждении проектов в Государственном совете следовало пригласить 10—15 выборных, работавших в Общей комиссии. Таково на деле содержание проекта, который в литературе получил название «конституции Лорис-Меликова».

5 февраля Александр II план в целом одобрил. 9 и 14 февраля Особое совещание приняло проект Лорис-Меликова, исключив из него пугавший царя пункт о представителях земств в Государственном совете. Утром 1 марта 1881 г. царь назначил на 4 марта заседание Совета Министров для его утверждения, а через несколько часов он был убит.

Возможность некоторой стабилизации общества была окончательно утрачена. Страна, за миг истории прошедшая огромный путь, вернулась к исходному положению. Но единения общества и власти, которое осуществилось в конце 50-х гг., более не возникло.

На престол взошел новый царь Александр III. Он был вторым сыном Александра II, поэтому его готовили только к военной карьере. Наследником он стал в 1865 г. после смерти старшего брата. По характеру Александр III был полной противоположностью отцу и напоминал своего деда Николая I. Надо отметить и то, что в свое время либеральный ученый и общественный деятель К. Д. Кавелин был отстранен от должности воспитателя

Александра III. На его место заступил ярый монархист К. П. Победоносцев. Учтем также психологическое состояние и обстановку, в которой Александр III пришел к власти. Все толкало его на путь авторитарных, но не либеральных, изменений. В стране за короткое время произошло отступление от дел Александра II во всех сферах общественной жизни.

Здесь следует сказать несколько слов о роли церкви. В период подготовки крестьянской реформы церковь оказалась на крайне правом фланге. По свидетельству В. С. Ключевского, она не одобрила трезвеннического движения крестьян. Под предлогом невмешательства в дела светской власти церковь фактически поддержала сторонников крепостного права. После каракозовского выстрела эта позиция обеспечивала практику контрреформ. В целом церковь перешла допустимые пределы охранительной политики. Она не стала голосом религиозной совести общества, не смогла служить делу формирования и упрочения срединной культуры.

4. НАУКА И КУЛЬТУРА

На развитие науки и культуры значительное влияние оказывали возросшие потребности более быстрого экономического развития, усложнение общественно-политической жизни, приход в сферу культуры новых, разночинских сил. Сказывалось усиление контактов с коллегами западных стран.

Акцентируем внимание на глубочайшем расколе российского общества в области культуры. Выдающиеся достижения науки, литературы, искусства являлись духовными ценностями ограниченного круга людей. Они мало влияли на повседневную жизнь городского люда или крестьянства. Человек другой культуры последними воспринимался как барин, «чужак». В этих условиях проблемы народного образования приобретали особое значение. Их суть заключалась в расширении образования, укреплении его материальной базы, создании новых программ, учебных пособий, обеспечении независимости от властей и т. д. Решить их удалось далеко не в полной мере.

За период 1860—1890 гг. число учащихся во всех школах возросло в 2,6 раза и достигло 2,5 млн. человек. Число студентов за этот период возросло в 1,5 раза, но было меньше, чем в США в 5 раз, Германии — в 2 раза. Доля грамотных в 1889 г. составляла среди мужчин 31%, женщин 13%. Это уровень Англии начала XVII в. В 1913 г. Россия достигла уровня Англии начала XVIII в.

Уровень образования обуславливал и массовое сознание народа, которое в какой-то мере отражалось в читательских вкусах. В 1860-х гг. на долю фольклора, сказок о рыцарях и дидактичес-

ких произведений приходилось 60% литературы для народа (лубочной), в 90-е гг. только 40%. За это же время популярность рассказов о разбойниках, любви, науке выросла с 16% до 40%. В 60—70-е гг. народная литература боролась с предрассудками и суевериями, в 90-е гг. в ней появляется рациональный герой, полагающийся на личную инициативу. Подобное изменение тематики свидетельствует о зарождении либеральных ценностей в массовом сознании.

Правительство в целом было против влияния рынка на изменение ценностных ориентаций народа. Интеллигенция также негативно относились к лубку. Одни видели в нем угрозу культурному единству нации, другие боялись деградации, третьим не нравилась пропаганда буржуазных взглядов.

Анализ фольклорного материала свидетельствует, что в нем угасал эпос, падала роль обрядовой поэзии и росло значение обличительно-сатирического жанра, направленного своим острием против купца, чиновника, кулака. В частушках семейные отношения продолжают преобладать, но в них вторгаются общественно-политические темы. Обновлялся рабочий фольклор, в нем стало сильней проявляться влияние литературы и рост личностного начала.

Русский народ выработал высокую культуру общения, быта, этических норм поведения. Они способствовали его выживанию, а также служили фундаментом общественного порядка в самом добром смысле этого слова. И тем не менее: в народном сознании наряду с рационалистической уверенностью в своих силах уживалась мистическая вера в покровительство или враждебность сверхестественных сил, с трудолюбием уживалась безалаберность, с добротой — жестокость, с достоинством — покорность. Этот народ всегда был тайной не только для властей, но и для интеллигенции.

В рассматриваемый период точные и естественные науки все более становились науками современными, определенней дифференцировались на фундаментальные и прикладные. Последние выходили на уровень, позволявший решать крупные народнохозяйственные проблемы, создавали базу техники и технологий XX века. В механике и технике большинство открытий принадлежало военным, профессорам Инженерной и Артиллерийской академий. И. А. Вышнеградский создал основы автоматического регулирования, Д. К. Чернов разработал современные методы обработки стали, Д. И. Журавский — теорию расчетов в мостостроении. А. Ф. Можайский первым в мире получил привилегию на сконструированный им и построенный самолет. В области физики работы А. Г. Столетова подготовили условия для создания современного электронного оборудования. П. Н. Яблочков, А. Н. Лодыгин,

Н. Н. Бенардос ввели в практику использование электричества. А. М. Бутлеров заложил основы современной органической химии. Всемирное признание получили исследования Д. И. Менделеева, открывшего периодический закон химических элементов. Выдающийся вклад в развитие биологии, физиологии, медицины внесли Н. И. Пирогов, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, братья В. О. и А. О. Ковалевские, К. А. Тимирязев, С. П. Боткин. Экспедиции П. П. Семенова, Н. А. Северцова, Н. М. Пржевальского по-настоящему открыли для Европы огромные территории Азии. Высокое общественное звучание приобрели работы Н. Н. Миклухо-Маклая по изучению народов Океании.

На развитии науки отрицательно сказывалось недостаточное финансовое и материальное обеспечение. Соединение науки и производства всегда было слабым звеном российской экономики. Ее массовая производственная база находилась на более низком уровне, чем научные и технические достижения отечественных ученых.

В 60-е гг. XIX в. началось оживление общественно-научной мысли, расширение преподавания некоторых общественных дисциплин, развитие различных научных направлений, школ, течений. В философии последователями Гегеля были П. Г. Редкин, С. С. Гогоцкий, Б. Н. Чичерин. Позитивизм, оформившийся в самостоятельное направление, представляли П. Л. Лавров, К. Д. Кавелин. Оригинальным философским течением являлась русская религиозная философия. Ее развивали Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, а также Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский. Материалистические позиции занимали Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев. Среди экономистов, особенно профессоров университетов, большинство составляли ученые либеральных взглядов такие, как И. К. Бабст, И. В. Вернадский, А. И. Чупров. В исторической науке наиболее влиятельным течением в рамках либеральной историографии была государственная (или историко-юридическая) школа. Виднейшими ее представителями являлись Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, к ней примыкал и крупнейший русский историк С. М. Соловьев. В большую науку в 70-е гг. вошел ученик Соловьева В. О. Ключевский.

На протяжении 40—70-х гг. происходило знакомство с работами К. Маркса и Ф. Энгельса, однако, марксистское направление сложилось позднее, в первой половине 80-х гг.

Общественные науки испытывали все противоречия переживаемого страной периода. Многие направления их развивались в условиях противоборства с властями, немало было взаимной борьбы. Но остается факт: разнонаправленность, «плюрализм» научной мысли сохранялись. По мнению историка П. Г. Федогова, это в значительной мере объяснялось бытовой свободой, которой поль-

зовались образованные люди уже со времен Петра I и которая долгое время компенсировала недостаток свободы политической. Это было самым значительным культурным завоеванием империи.

И все же надо говорить о том, что интеллектуальная элита страны оказалась не на высоте положения при разработке стратегического курса правительства и, особенно, при его осуществлении. Об этом писали В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк. Известный философ Н. Н. Страхов так характеризовал это положение: «Общественное сознание почувствовало, что в путях прежних прекрасных реформ был какой-то существенный недостаток, что их следовало бы чем-то восполнить. И движение остановилось, потому что прежние пути оказались опасными, а нового пути никакого не видно... Растерянность общественной мысли очевидна: эта мысль нисколько не созрела, потому что вовсе и не работала над вопросами об основах нашей государственной жизни».

Вторая половина XIX в. явилась эпохой расцвета русской литературы. Проникновенное отражение действительности, страстная дума о судьбах родины, внимание к человеку — характерные ее черты. Вместе с критикой русская литература утверждала высокие нравственные идеалы, поэтому стала достоянием человечества. С именами И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого связаны высшие ее достижения. Вместе и наравне с ними стоят великие и разные поэты Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов, А. А. Фет.

Литература и театр неотделимы. Драматургии посвятил свое творчество А. Н. Островский. Его пьесы создали новую эпоху театра своей оригинальностью, яркостью, глубиной. Они постепенно завоевали сцены ведущих театров страны — Малого и Александринского, состоявших в Министерстве императорского двора. Ведущими актерами Малого театра были П. М. Садовский, И. В. Самарин, Г. Н. Федотова. Здесь играла величайшая трагическая актриса России М. Н. Ермолова. В Александринке работали А. Е. Мартынов, один из основоположников сценического реализма, В. Д. Самойлов, М. Г. Савина, П. А. Стрепетова, К. А. Варламов, В. М. Давыдов.

В истории музыки вторая половина XIX в. занимает особое место. На этот период пришелся расцвет творчества целой плеяды русских композиторов. Теоретическая мысль о музыкальном искусстве выросла в значительную культурную силу, усовершенствовалась организация музыкального образования, развилась концертная деятельность. В первой половине 60-х гг. сложился состав «новой музыкальной школы», в которую входили М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Ц. А. Кюи, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин. Вдохновителем их выступал критик и искусствовед

В. В. Стасов, назвавший своих друзей «могучей кучкой». Это же время стало первым этапом творчества П. И. Чайковского. В 60-е гг. усилиями выдающихся музыкантов братьев А. Г. и Н. Г. Рубинштейнов были открыты Петербургская и Московская консерватории, внесшие огромный вклад в развитие русской музыкальной культуры.

В ноябре 1863 г. 14 выпускников Академии художеств, протестуя против ее консервативных традиций, отказались от участия в конкурсе на золотую медаль и покинули Академию. Они создали «Артель художников», а затем Товарищество передвижных художественных выставок. В него вошли Г. Г. Мясоедов, И. Н. Крамской, В. Г. Петров, Н. Н. Ге. Наиболее яркими фигурами среди них были И. Е. Репин и В. И. Суриков. Для творчества передвижников характерны разнообразие жанров и демократизм. Главными темами их произведений стали жизнь народа и русский пейзаж. Передвижники устроили около 50 выставок в Петербурге, Москве, Киеве, других городах, оказали большое влияние на развитие искусства других народов.

В творчестве скульптуры наиболее ярко заявили о себе А. М. Опекушин, М. О. Микешин, М. М. Антокольский.

5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

После поражения России в Крымской войне сложилось новое соотношение сил, гегемония в Европе перешла к Франции. Россия как великая держава на время утратила влияние на международные дела и оказалась в изоляции. Интересы экономического развития, а также соображения стратегической безопасности, требовали в первую очередь ликвидировать ограничения на Черном море, предусмотренные Парижским мирным договором 1856 г. Дипломатические усилия России были направлены на разъединение участников Парижского мира — Франции, Англии, Австрии.

В конце 50-х—начале 60-х гг. произошло сближение с Францией, которая намеревалась захватить территории на Апеннинском полуострове, используя итальянское освободительное движение против Австрии. Но отношения с Францией обострились вследствие жестокого подавления Россией польского восстания. В 60-е гг. окрепли отношения России и США; преследуя свои интересы, самодержавие поддерживало республиканское правительство А. Линкольна в гражданской войне 1861—1865 гг. В это же время был достигнут компромисс с Пруссией о поддержке ею требований России об отмене Парижского договора, взамен царское правительство согласилось не мешать созданию Северогерманского союза во главе с Пруссией.

В 1870 г. Франция потерпела сокрушительное поражение во Франко-прусской войне. В октябре 1870 г. Россия заявила о сво-

ем отказе выполнять унизительные статьи Парижского договора. В 1871 г. русская декларация была принята и узаконена на Лондонской конференции. Стратегическая задача внешней политики была решена дипломатическими средствами.

Россия получила возможность более активно влиять на международные дела и прежде всего — на Балканах. В 1875—1876 гг. восстания охватили весь полуостров, славяне ждали помощь России. Общественное мнение страны было настроено на поддержку братских народов. Правительство медлило, так как вмешательство в балканские события не было подготовлено дипломатически, не завершена и реформа армии. Турция тем временем с крайней жестокостью подавляла восстания.

24 апреля 1877 г. царь подписал Манифест об объявлении Турции войны. Был разработан план скоротечной кампании. 7 июля войска форсировали Дунай, вышли к Балканам, захватили Шипкинский перевал, но застряли под Плевной. Война стала затяжной, для страны это превратилось в катастрофу. Плевна пала только 28 ноября 1877 г. В условиях зимы русская армия перешла через Балканы, 4 января 1878 г. была взята София, 8 января — Адрианополь. Порта запросила мира, который был заключен 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано. Главным его содержанием являлось обеспечение независимости балканских народов.

Западные державы отказались его признать. В июне 1878 г. открылся Берлинский конгресс, принявший решения значительно менее выгодные для России и народов Балканского полуострова. В России это было встречено как оскорбление национального достоинства, поднялась буря негодования, в том числе и в отношении правительства. Общественное мнение все еще находилось в плену экстремистской формулы «все и сразу». Война, завершившаяся победой и одна из немногих поддержанная народом, обернулась дипломатическим поражением, хозяйственным расстройством, обострением внутриполитической ситуации. Добро превращалось в свою противоположность.

В первые годы после войны происходила «перебалансировка» интересов великих держав. Германия склонялась к союзу с Австро-Венгрией, который был заключен в 1879 г., а в 1882 г. дополнен «тройственным союзом» с Италией. В этих условиях происходило естественное сближение России и Франции, завершившееся в 1892 г. заключением тайного союза, дополненного военной конвенцией. Впервые в мировой истории началось экономическое и военно-политическое противостояние устойчивых группировок великих держав. Неизбежным итогом его должна была стать мировая война.

В «ближнем зарубежье» продолжалось присоединение и завоевание территорий. Теперь, в XIX веке, стремление к расшире-

нию ареала определялось в первую очередь мотивами социально-политического характера. Россия была обречена участвовать в большой политике, поэтому стремилась нейтрализовать влияние Англии в Средней Азии, Турции — на Кавказе. В 60-е гг. в США происходила гражданская война, импорт американского хлопка был затруднен. Естественный его заменитель находился «под боком». И наконец, к захвату территорий толкали сформировавшиеся имперские традиции.

В 1858 и 1860 гг. Китай был вынужден уступить земли по левому берегу Амура и Уссурийский край. В 1859 г. после полувековой войны горцы Кавказа, наконец-то, были «замирены», их военный и духовный предводитель имам Шамиль взят в плен в высокогорном ауле Гуниб. В 1864 г. завершилось покорение Западного Кавказа. В результате войны 1868—1876 гг. народы и пространства Средней Азии были присоединены или признали протекторат России. В обмен на Курильские острова у Японии была приобретена южная часть о. Сахалин. В 1867 г. Соединенным Штатам за 7 млн. долларов была продана Аляска. По свидетельству С. Г. Пушкарева, многие американцы полагали, что она и того не стоит.

Политическое объединение необъятной Евразийской равнины под эгидой России было завершено. Империя Российская, «единая и неделимая», «от финских хладных скал до пламенной Колхиды», от Вислы до Тихого океана заняла шестую часть земли.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов В. Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопросы истории. 1991. № 1.

Антонов В. Ф., Н. Г. Чернышевский о пореформенной России // История СССР. 1989. № 2.

Антонов В. Д., Н. Г. Чернышевский о русской истории. М., 1984.

Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1—3. М., 1991.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990.

Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990.

История государства и права СССР. Ч. I. М., 1967.

История марксизма-ленинизма. Марксизм в период формирования массовых социалистических партий II Интернационала (70—90 гг. XIX в.). Т. 2. Ч. II. М., 1990.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. V. М., 1968.

Карпачев М. Д. Истоки российской революции. Легенды и реальность. М., 1991.

Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти т. Т. V—VI. М., 1989.

Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. Издание 2-е, доп. М., 1985.

Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г. Л., 1967.

Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991.

Лосский Н. О. История Русской философии. М., 1991.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991.

Малинин В. А. История русского утопического социализма. Вторая половина XIX — начало XX вв. М., 1991.

Миронов Б. Н. История в цифрах. М., 1991.

Пирумова Н. П. Александр Герцен. Революционер, мыслитель, человек. М., 1989.

Покровский М. Н. Избранные произведения в 4 кн. кн. 2. М., 1965, кн. 3 М., 1967.

Пушкарев С. П. Обзор русской истории. М., 1991.

Троицкий Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866—1895. М., 1979.

Федотов Г. П. Россия и свобода. Знамя. 1989. № 12.

Федотов Г. П. Судьба империй. Свободная мысль. 1992. № 5.

Чунтулов В. Т. Экономическая история СССР. М., 1969.

Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

Лекция 14. РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

ПЛАН

1. Россия в исторической литературе.
2. Внутренняя политика и государственное устройство.
3. Внешняя политика.
4. Экономика России. Реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.
5. Революционные традиции страны.
6. Культура.

1. РОССИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Развитие России на рубеже веков, его характер и уровень вызывают серьезные споры, различные оценки и выводы. Уже в первое десятилетие XX в. были предприняты различные подходы к освещению многих вопросов истории.

Наряду с представителями традиционной государственной исторической школы (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), которые исследовали проблемы экономической и социальной истории России, возникло направление, выражающее идеи монархических кругов (С. Ф. Платонов, М. К. Любавский и др.). С. Ф. Платонов, будучи сторонником монархического строя, видел в императоре Александре III носителя национальной идеи русского народа.

Своеобразная трактовка периода конца XIX — начала XX вв. принадлежит М. Н. Покровскому, основоположнику русской марксистской исторической школы. Выступая в предреволюционные годы с антимонархических позиций, начало империализма он видел уже в эпохе Николая I, сводя это понятие к протекционизму, таможенной политике, стремлению к захватам и расширению территорий.

Советская историческая наука традиционно многие десятилетия следовала формационной теории К. Маркса. В последние годы наши ученые (П. В. Волобуев, В. И. Бовыкин, И. В. Поткина, Н. Б. Селунская) делают попытки преодолеть ограниченность теории абсолютной экономической отсталости России. Эти идеи пронизывают работы зарубежных исследователей истории России (П. Гэтрелл, П. Грегори, Ю. Палло, У. Блэеквелл, Дж. Брэдли, Р. Гостанд), основанные на сравнительно-историчес-

ком анализе, признании единства социально-экономических процессов в России и на Западе.

Новейшая марксистская концепция истории на основе анализа закономерностей возникновения и развития капиталистического способа производства выделяет три мировые волны капитализма. Основным критерием этого условного деления является определение типичных черт, характерных для каждой волны развития капитализма.

К «первой волне» относятся страны Западной Европы и Северной Америки, где зарождение капитализма происходило с середины XIV в. до середины XIX в.

«Вторую волну» составляют такие страны, как Россия, Япония, Турция, Пруссия, Китай. Здесь формирование капиталистических отношений занимает период с середины XIX в. до первой четверти XX в.

«Третья волна» — это страны Латинской Америки, Азии, Африки, где переход к капитализму начался с середины XX в.

2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Гибель Александра II 1 марта 1881 г. в результате террористической акции «Народной воли» завершила серию перспективных, преобразующих, как оценивали их многие современники реформ. Идея всероссийского Земского собрания (по сути своей парламента) и проект мероприятий министра внутренних дел М. Т. Лорис-Меликова по улучшению политической обстановки были похоронены вместе с императором. Новый царь Александр III изменил заветам отца, хотя ранее и заявлял Лорис-Меликову: «Не изменяйте ничего в повелениях отца. Они будут его завещанием». В развернувшейся борьбе столкнулись группа сторонников либеральных уступок, во главе которой стояли Лорис — Меликов, министр финансов А. А. Абаза, военный министр Д. А. Милютин, и сторонники прежнего курса К. П. Победоносцев (обер-прокурор Синода), С. Г. Строганов, Д. А. Толстой. Еще 8 марта при обсуждении дальнейших направлений внутренней политики правительства на заседании Совета Министров председательствующий Александр III открыто не встал ни на ту, ни на другую сторону, хотя внутренне уже тяготел к Победоносцеву. В свою очередь, тот тайно от либералов готовил манифест «Об укреплении самодержавия». Опубликованный 29 апреля 1881 г. манифест провозгласил «незыблемость» самодержавной власти. Укреплять и охранять ее намеревался и Александр III. Либеральный лагерь потерпел поражение, реформаторы вышли в отставку, а Победоносцев приблизился к царю и стал решающей фигурой в

правительстве. Первыми шагами этого правительства была жестокая расправа с народовольцами и другими революционерами на основании Положения от 14 августа 1882 г. «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Оно, кстати, действовало до 1917 г. Нарастание революционной борьбы заставило нового министра внутренних дел Н. П. Игнатьева пойти на принятие закона, который с 1883 г. отменял временнообязанные отношения. Шел процесс снижения выкупных платежей в ряде районов, отмены подушной подати, соляного налога, а потери казны от этих актов на 50% компенсировались выкупными платежами 10 миллионов государственных крестьян. Довольно либеральные проекты Игнатьева вызвали недовольство Победоносцева, что привело к появлению на посту министра внутренних дел А. А. Толстого (30 мая 1882 г.).

В мае 1883 г. Александр III провозгласил свой курс, названный в публицистике и исторической литературе «контрреформами». Вот их краткий обзор.

Особо надо назвать мероприятия в области печати (т. н. карательная цензура) и школы 1882—1884 гг. Были закрыты многие издания, уничтожена автономия университетов. Все начальные школы передавались церковному ведомству — Синоду, значительно повышалась плата за обучение, ограничивался прием учеников из малообеспеченных семей. В 1889 г. для усиления надзора за крестьянами и ущемления их правового статуса были введены должности земских начальников с широкими правами. Они выдвигались из местных дворян-землевладельцев. Был уничтожен мировой суд. Другой крупной контрреформой было новое положение о земствах 1890 г. Его основная идея — усиление сословного дворянского представительства и лишение представительства крестьян. В 1892 г. было принято тесно связанное с вышеназванными Городовое положение, которое усиливало власть городского головы. Избирательного права лишались приказчики и мелкие торговцы, другие малоимущие слои города. Изменению подверглась судебная реформа, были приняты законодательные акты ограничивающего характера (1887 г.).

В этих мероприятиях проявился подновленный вариант идеи «официальной народности» — лозунг «Православие, самодержавие и дух смирения». Ее идеологи М. Н. Катков (редактор «Московских ведомостей»), князь Мещерский (издатель газеты «Гражданин»), Толстой, Победоносцев опустили в формуле Николая I «Православие, самодержавие и народность» слово «народ» (как опасное) и проповедовали смирение его духа перед самодержавием и церковью, отрицали реформы и либеральные уступки. На практике это направление политики правительства вылилось в стремление укрепить самодержавие, поддержав дворянство стра-

ны в качестве его опоры. Административные меры подкреплялись экономической поддержкой помещичьих хозяйств с учетом ситуации в деревне. После реформы одна часть помещиков не могла приспособиться к новой ситуации, распродавала свои земли, разорялась. Другая часть дворян вела хозяйство по старинке, сохраняя кабальные для крестьян условия аренды земли. Третьи же постепенно переходили к новым формам ведения хозяйства. Правительство стремилось поднять цены на помещичью землю: Крестьянский банк (1882 г.) скупал ее по высокой цене и перепродавал в рассрочку сельским общинам и крестьянам-кулакам по ссуде. В свою очередь Дворянский банк (1885 г.) начал субсидировать помещиков на льготных условиях (4,5% годовых — по сравнению с 6,5% годовых Крестьянского банка). Им также были предоставлены льготы при взимании налогов. А крестьянам ставились помехи в уходе из деревни в город, принимались законы, усложняющие выход из общины, строго наказывались уходящие раньше окончания срока найма. Все это поддерживало помещичье землевладение.

20 октября 1894 г. в Крыму от острого воспаления почек внезапно скончался 49-летний Александр III (символично, что он похоронен в Петропавловской крепости — темнице своих врагов-революционеров). На императорский престол вступил Николай II. Либерально настроенные деятели земских учреждений и часть интеллигенции возлагали надежды на нового царя, однако, его прошлое лишало их уверенности.

В январе 1895 г. на первой встрече представителей дворян, верхушки земств, городов и казачьих войск с новым царем Николай II заявил о готовности «охранять начала самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял» его отец. В эти годы в управление государством нередко вмешивались представители царской фамилии, которая к началу XX в. насчитывала до 60 членов. Большинство великих князей занимали важные административные и военные посты. Особенно большое влияние на политику оказывали дяди царя, братья Александра III — великие князья Сергей, Владимир, Алексей и Николай Николаевич и Алексей Михайлович (двоюродные дяди).

Управление государственной жизнью России осуществлялось через три группы учреждений. Наименьшую из них, но самую важную, составляли высшие правительственные органы, подчиненные самому царю: Государственный Совет, Совет Министров (с 1905 г.), Государственная Дума (I — 1906 г., 27.IV—8.VII; II — 1907 г., 20.II—3.VI; III — 1907 г., 1.XI—1912 г., 9.VI; IV— 1912 г., 15.XI—1917 г., 25.II), Кабинет Министров (1802—1906 гг.), Правительствующий сенат, Святейший Синод и личная канцеля-

рия царя. Вторую группу составляли центральные учреждения: министерства и главные управления на правах министерств, которые подчинялись царю и высшим органам государства. Далее следовала самая большая и очень разветвленная система местных учреждений. Территория России подразделялась на губернии — уезды — станы и волости. Царь и его министры, заседавшие в Комитете или Совете Министров, составляли царское правительство, являли вершину царской бюрократии. Наряду с официальным правительством существовало неофициальное, закулисное правительство — «придворная камарилья» (при Николае II — Д. Трепов, А. Танеев, В. Орлов, А. Вырубова, Г. Распутин).

3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

В центре внимания правительств Александра III и Николая II находились два направления: европейское и дальневосточное. Создание военных и политических союзов крупных государств отражало их стремление к переделу мира, возрастала борьба за колонии. Усиление позиций Германии в Европе, напряженность отношений с Англией (Средняя Азия, Балканы, Турция) заставляют российскую дипломатию идти на союз с Германией и Австро-Венгрией. В 1881 г. был возобновлен «Союз императоров», однако, значимость его по сравнению с Тройственным союзом (1882 г. — Германия, Австро-Венгрия, Италия) была невелика, и в 1881 г. он был заменен «Договором перестраховки». Но и этот альянс не давал гарантий успеха из-за несогласованной политики стран-участниц на Балканах и сближения России с Францией.

С 1887 г. Германия организует таможенную войну с Россией (повышение пошлин на хлеб, отказ в займе, экспорт американского зерна), а та, в свою очередь, повышает пошлины на железо, сталь, уголь, аммиак и другие товары. Франция, предчувствуя опасность со стороны Германии, видя ее активность в развертывании борьбы за захват колоний, идет навстречу России. В 1887 г. она предоставляет России заем, в 1893 г. подписывает конвенцию о Союзе. К этому блоку проявляет тяготение Англия. В это же время серьезно обостряются противоречия на Дальнем Востоке. Симоносекский мирный договор, заключенный между Японией и Китаем, вызвал протест России, Германии и Франции и был пересмотрен. По соглашению с царским правительством Япония получила право держать свои войска в Корее.

Николай II, в основном, продолжил линию внешней политики Александра III. 9 августа 1899 г. он подтвердил соглашения 1891—1893 гг. о союзе России с Францией в противовес Тройственному Союзу. Углубление этих противоречий вело к гонке вооружений. Назревающие конфликты не смогла разрешить даже

Гаагская мирная конференция, проведенная в мае—июле 1899 г. по инициативе царского правительства. Ситуация на Тихом океане, юридическое оформление господства российского царизма на Ляодунском полуострове и в Маньчжурии привели в 1896 г. к открытому разделу китайской территории главнейшими странами мира. Недовольство восставшего Китая было подавлено, он был порабощен. Однако отношения России и Японии продолжали обостряться и привели к русско-японской войне.

Основной причиной русско-японской войны было столкновение интересов в Корее и Маньчжурии. В российском правительстве по вопросам Маньчжурии существовали разногласия. Группа, представленная графом С. Ю. Витте, министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, военным министром А. Н. Куропаткиным, считала, что вопросы на Дальнем Востоке необходимо решать путем соглашений. Другие (во главе со статс-секретарем Комитета по дальневосточным делам А. М. Безобразовым, наместником царя на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым, министром внутренних дел В. К. Плеве) стояли за войну с Японией. Сторонники военных действий полагали, что японцев легко победить. Но перевооружение армии шло медленно, не проявил себя в должной мере Генеральный штаб. Да и в ходе войны высшее командование, не в пример рядовым руководителям операций и простым солдатам и матросам, было нерешительным. Война Россией была проиграна, 23 августа 1905 г. по Портсмутскому миру Япония получила Южную часть Сахалина до 50-й параллели, к ней отошли на правах аренды Ляодунский полуостров, Южно-Маньчжурская железная дорога. После заключения в 1907 г. торгового договора, рыболовной конвенции и соглашения с Японией о разделе сфер влияния в Маньчжурии противоречия стали ослабевать. А в 1910 г. Россия и Япония заключили соглашение в противовес США, Англии, Германии и Франции. Отношения между Англией и Россией на Дальнем Востоке разрешились путем компромисса: в 1912 г. Россия, признав Тибет сферой влияния Англии, добилась взамен признания за собой сферы влияния во внешней Монголии.

И вновь на первый план выдвигаются противоречия между ведущими странами в Европе, на этой основе формируются две противостоящие группировки. Это Тройственный Союз (1882 г.) и Антанта («Сердечное согласие»), которая окончательно оформилась в 1907 г. (Франция, Англия, Россия). Были урегулированы отношения по вопросам Ирана, Афганистана, Тибета. Германия пыталась бороться за Россию, но от Антанты отделить ее так и не смогла. Прочный раздел на 2 лагеря сопровождался подготовкой обоих лагерей к войне за сферы влияния.

4. ЭКОНОМИКА РОССИИ. РЕФОРМЫ С. Ю. ВИТТЕ и П. А. СТОЛЫПИНА

Сложная и противоречивая внутренняя и внешняя политика была вызвана серьезными изменениями в экономике России: 1. В сжатые исторические сроки возникли новые отрасли промышленности: нефтяная, угольная, машиностроительная. 2. Число фабрик и заводов возросло с 2,5 тыс. в 1866 г. до 9 тыс. в 1903 г. 3. Возникли новые промышленные центры и целые экономические районы: машиностроительные — Петербург, Коломна, Сормово, нефтяной — Бакинский, угольный — Донбасс, рудный — Криворожье. 4. За 40 пореформенных лет протяженность железных дорог возросла более, чем в 5 раз. 5. А общий объем промышленного производства за это время вырос почти в 8 раз.

По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим капиталистическим странам. Ее доля в мировом промышленном производстве с 4% в 1870 г. поднялась до 6% в 1900 г. Это позволило занять 5-е место в мире, уступая по общему объему производства США, Англии, Германии, она почти сравнялась с Францией. Немалую роль в повышении темпов экономического роста сыграла так называемая «индустриализация» или промышленная революция в России, которая в 80—90-е гг. XIX в. прошла завершающий этап. Заинтересованность правительства в повышении экономического, военного, государственного авторитета привела к серьезному вниманию в развитии тяжелой промышленности и транспорта. Именно в эти сферы широко привлекался иностранный капитал (к 1900 г. сумма его составила 4,7 млрд. руб.), использовались технический опыт и специалисты из-за рубежа. Причем новые отрасли и предприятия возникали как крупное машинное производство с предоставлением необходимых субсидий, гарантированных заказов и высоких прибылей. Изменения в сельском хозяйстве были связаны с ростом производительности труда, расширением посевных площадей, трехкратным увеличением сбора хлеба. И хотя в России в конце XIX —начале XX вв. не была решена продовольственная проблема, она давала около 1/3 мирового хлебного экспорта. Особенно быстро развитие аграрного сектора экономики шло на окраинах, где менее сказывалось влияние пережиточных явлений — в Новороссии, Степном Предкавказье, Заволжье, Сибири. Но в целом эти процессы шли значительно медленнее, чем в промышленности.

В 80-е гг. XIX в. в России начинают складываться первые монополистические объединения, а к началу XX в. в 45 отраслях их было уже 140. Монополизацию капитала, проявление других признаков и особенностей развития экономики России того периода

сторонники формационного подхода классифицируют как вступление капитализма в его высшую стадию — империализм. Накануне I Мировой войны значительно выросла сила монополий, о чем свидетельствуют факты: по числу монополий Россия отставала от Германии и США, а по степени монополизации некоторых отраслей не уступала им, превосходя французские и английские. Подавляющее большинство монополий объединяло от 60 до 100% производства и сбыта соответствующих видов продукции («Продамет» 80—95%, «Гвоздь» 90%, «Медь» 75%, «Продвагон» 97—99%). Они объединялись как по горизонтали, так и по вертикали: создаются комбинированные объединения (от синдикатов и картелей до трестов и концернов), причем не единичные, а тесно связанные с политическим и государственным аппаратом. К 1913 г. 7 крупнейших банков сосредоточили 55% капиталов акционерных и коммерческих банков и 60% их общих оборотов. Складывается финансовая олигархия. Типичные представители: Путилов, Вышнеградский, Нобель, Лианозов, Тимирязев, Давыдов. Осложняли экономическую ситуацию внешние займы, которые, начиная с русско-японской войны, непрерывно росли (к началу XX в. внешний долг составлял 4 млрд. руб., к 1913 г.—5,4—5,6, а в 1917 г.— 13 млрд. руб.). Однако приток иностранных капиталов, используемых, главным образом, для нужд индустриализации, не привел к утрате Россией экономической самостоятельности. Прибыли шли в оборот, а слабость местных предпринимателей компенсировалась опорой на иностранных.

Одним из руководителей экономической политики 90-х гг. XIX в. и начала XX в. был Сергей Юльевич Витте. Начав свою деятельность главой железнодорожного ведомства, он стал министром финансов, а затем и главой правительства. Основная идея экономической платформы Витте: в течение примерно 10 лет догнать в промышленном отношении более развитые страны Европы и занять прочные позиции на рынках Среднего и Дальнего Востока. Простое перечисление мероприятий, проведенных при его участии, говорит о его прагматизме и прогрессивности. Именно Витте в 1894—1895 гг. добился стабилизации рубля, а в 1897 г. сделал то, что не удавалось его предшественникам — ввел золотое денежное обращение, обеспечив стране твердую валюту вплоть до первой мировой войны и приток иностранных капиталов.

В программе ускоренного промышленного развития С. Ю. Витте отводил особую роль иностранному капиталу, главным образом, в наиболее перспективных отраслях. Так, в конце 90-х гг. XIX в. он выступил за неограниченное привлечение иностранных вложений в железнодорожное дело, назвав эти средства «лекарством против бедности», сославшись на примеры из истории США и Германии. Его современники шугили, что русская железнодо-

рожная сеть строилась на деньги берлинских кухарок. А в целом в условиях промышленного подъема эти меры способствовали сооружению рекордного количества новых линий. С 1895 г. по 1899 г. в среднем строилось свыше 3 тыс. км путей в год.

Одним из самых эффективных средств выкачивания денег из народного кармана наряду с увеличением налогообложения (особенно косвенного) стала введенная Витте винная монополия, т. е. монополия государства на продажу спирта, вина и водочных изделий. Особенностью проводимого С. Ю. Витте курса было то, что он широко использовал экономическую силу власти, Государственный банк и учреждения министерства финансов. Успехи вышеназванных мероприятий привели Витте к идее распространения опыта реформ на систему местного самоуправления и преобразования в аграрной сфере. Еще в 1899 г. при его участии были разработаны и приняты законы об отмене круговой поруки. А став председателем Совета Министров в 1906 г., Витте предложил меры по переустройству крестьянского землевладения. Эти предложения нашли отражение в царском Манифесте от 3 ноября: были отменены выкупные платежи, а вопрос об индивидуальной крестьянской собственности был включен в программу Государственной Думы.

На посту руководителя правительства России Витте сменил Петр Аркадьевич Столыпин. Его идея предотвращения социальных потрясений была основана на следующих постулатах: проведение земельной реформы, единство действий власти и общественности, решение национального вопроса. Промышленный рывок в России давал возможность использовать его результаты для развития отсталой деревни по новому пути: частная собственность на землю, по мнению Столыпина, должна была укрепить государство, а опорой в деревне должен стать «средний» — крепкий фермер. На эту идею нападали и «справа», и «слева».

Столыпин твердо стоял на своем, утверждая, что «нам нужна Великая Россия» (1907 г.). Но самым сложным и трагическим для судьбы Столыпина было отсутствие поддержки со стороны монарха. Николай II не хотел иметь сильную Думу, где, как мыслил премьер-министр, должны были соединиться прогрессивная бюрократия и прогрессивная общественность. Идеи Столыпина не давали покоя царскому окружению, которое открыто презирало его. Не раз на жизнь Столыпина и его семьи организовывались покушения. А 1 сентября 1911 г. пули Дмитрия Богрова смертельно ранили «великого реформатора» XX века.

К 1913 г. Россия по общему объему производства отставала лишь от США и Германии, была примерно равной Великобритании и превосходила Австро-Венгрию и Францию. В текстильной промышленности она занимала положение, примерно равное Германии — крупнейшему производителю в Европе. Внушительные результаты были достигнуты Россией и в сфере железнодорожного строительства.

Несмотря на 4-е место в мире по объему валовой продукции, Россия значительно отставала от запада по показателям на душу населения: в 1913 г. объем валовой продукции в стране на душу населения составлял 40% от уровня Франции, 20% — Великобритании, 10% — США. Именно эти и подобные им факты на многие годы включили Россию в категорию отсталых в экономическом развитии стран, находящихся в полуколониальной зависимости. Такая трактовка была характерна для советской исторической школы. Однако исследования последних лет показывают, что темпы роста валовой продукции (по подсчетам П. Грегори) на душу населения и на одного работника были средними в сравнении с передовыми промышленными державами.

5. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРАДИЦИИ СТРАНЫ

Изменения в социальной структуре, сложность политической и социально-экономической ситуации в России на рубеже веков находят отражение в революционной активности российского народа, в общественно-политической мысли. В ответ на правительственные репрессии и ограничения разрастается стачечная экономическая борьба. Стачки поначалу возникали стихийно, но постепенно выдвигались вожаки, движение приобретало организованный характер. Правительство искало способ остановить борьбу рабочих, издав, с одной стороны, жесткий фабричный закон (1866 г.), а с другой — пойдя на ряд уступок, ограничивающих произвол предпринимателей.

С середины XIX в. в общественно-политической жизни России традиционно вычленяют три основных направления: 1) консервативное (дворянское — К. Леонтьев) с присущими ему идеями сохранения самодержавия; 2) либеральное (главным образом, буржуазное при поддержке «нового» дворянства — К. Кавелин,

Б. Чичерин), ратовавшее за отмену крепостного права и установление конституционной монархии с ограниченным избирательным правом; 3) революционно-демократическое (разночинные слои), выступавшее за решительное изменение существующего строя путем революции. На переднем плане его развивалось народничество, причем с 80-х гг. оно вступило в полосу длительного кризиса: происходил быстрый отход народников от революционной борьбы в сторону либерального народничества. В. П. Воронцев, Н. Ф. Даниельсон видели мирные пути преобразований в России в рамках буржуазных отношений, которые насаждались русским правительством и призывали к расширению «народного производства» — кустарничеству, артелям. Их идеи активизировали появление в конце XIX—начале XX вв. организаций социал-демократии и социал-революционеров. Еще в 1883 г. за границей возникает первая марксистская группа «Освобождение труда» (Г. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, Л. Дейч, В. Игнатов), которая ставит задачу пропаганды и распространения марксизма в России, а в России формируются марксистские группы Д. Благоева, П. Точисского, социал-демократическая группа М. Бруснева и др. На подъеме революционного движения развертывается активная деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. В. Старков, Ю. О. Мартов), массовая агитация среди рабочих. А в 1898 г. все социал-демократические кружки и группы были объединены в Российскую социал-демократическую рабочую партию. В 1903 г. на II съезде РСДРП произошел раскол на 2 течения. К формированию самостоятельных политических течений — большевизма и меньшевизма — привели теоретические расхождения. Особенно ярко они проявились в 1907—1914 гг., причем не было единства в видении перспектив развития России и революционности и среди меньшевиков. Здесь ярко проявили себя крыло «ликвидаторов» (А. Н. Потресов, К. О. Левицкий), выдвинувшее идеи открытого существования «классовой» партии пролетариата, и небольшая часть партийцев во главе с Плехановым, вступившая в союз с большевиками в годы реакции.

Партия эсеров образовалась в конце 1901 г. — начале 1902 г. Она ставила перед собой задачу перехода к социализму через крестьянскую общину, создав нетоварную по своему характеру экономику, уничтожив всякую собственность на землю. В их идеях переплелись взгляды народников, марксистов, анархистов. В социальном плане эта партия была представлена слоями населения, тесно связанными с мелкотоварным крестьянским хозяйством, крестьянами, рабочими и значительным слоем интеллигенции. Это предопределило неустойчивость взглядов эсеров, появ-

ление в их рядах двух различных течений: эсеров — социалистов и народных социалистов. Нередко с эсерами по многим вопросам смыкались меньшевики.

Организационное формирование партий других направлений также падает на конец XIX—начало XX вв. и, в основном, завершается в период 1905—1907 гг.

К 1917 г. в России было создано около 100 политических партий четырех типов (по числу существовавших в то время классов): помещичье-монархические, буржуазные, мелко-буржуазные, революционно-социалистические. Правительственный лагерь опирался на поместное дворянство, которое на рубеже веков формирует сословные организации казенно-патриотического толка. В мае 1906 г. была создана общероссийская дворянская организация «Объединенное дворянство», ставившая основной задачей не допустить никаких реформ политической власти, сохранить незыблемость самодержавия. В 1905—1907 гг. создается целый ряд правых монархических организаций, которые содержались на средства царского двора, но скрывались под «народной маской» («Союз русских людей», «Союз русского народа» Н. Е. Маркова, А. И. Дубровина, «Союз им. Михаила Архангела» В. М. Пуришкевича). В их основе лежала идея «Православие, самодержавие, народность» (девиз Николая II). Реакционность обозначенного лагеря проявилась в думской тактике, где царизм остался хозяином положения.

В этот же период формируются политические организации либерального лагеря: кадетов и октябристов. Основная идея либеральных партий — мирное перерастание абсолютной монархии в конституционную. Невозможность отказа от идеи монархизма сближала их с лагерем самодержавия и отделяла от демократического. Главным вопросом политического размежевания в 1907—1914 гг. был вопрос об отношении к революции, в том числе к буржуазно-демократической. Кадеты, прогрессисты были против революционного взрыва, называли революцию злом, желали думского парламентаризма. Однако по мере нарастания конфликтной ситуации, убедившись в бесплодности думских реформ, либеральный лагерь «левел», что особенно проявилось в годы войны.

Многообразие политических течений, борьба политических партий ярко отражали противоречия российского общества.

6. КУЛЬТУРА

Подъем общественного движения дал стимул для развития культуры. В рамках традиционной российской культуры зарождались новые течения.

Разделение начального образования на рубеже веков на светское и церковное подчиняло его, с одной стороны, министерству народного образования и земствам, а с другой — консерватизму церкви. Классические гимназии, коммерческие и реальные училища давали среднее образование, но были сословными и привилегированными. Продолжалось развитие высшего образования: росло количество студентов и учебных заведений, повышалась роль естественных и технических наук. Открывались сельскохозяйственные, медицинские, учительские институты. Накануне первой мировой войны в России было 120 высших учебных заведений и 130 тыс. студентов. Однако для получения высшего образования надо было пройти ступени начального и среднего обучения, а оно было платным. Таким образом, из системы образования было выброшено более 10 млн. детей. Россия оставалась малограмотной. Передовая интеллигенция стремилась решить этот вопрос: создавались рабочие курсы. В 1908 г. при спонсорстве золотопромышленника либерала А. Л. Шанявского был открыт Московский народный университет. Расширялось издательское дело. Эпоха промышленного переворота не могла не сказаться на развитии науки и техники, на тесной связи науки с практикой. В конце XIX — начале XX вв. был сделан целый ряд научных открытий: это и рентгеновские лучи, и явление радиоактивности, электроны и многое другое. Крупные успехи были достигнуты в области математики, физики, механики. Вокруг крупнейшего русского ученого П. Л. Чебышева сложилась петербургская школа математиков. В Москве начал свою деятельность Н. Е. Жуковский — «отец русской авиации», открывший к концу века метод вычисления подъемной силы крыла самолета. В 1902 г. по его инициативе в механическом кабинете Московского университета была установлена одна из первых аэродинамических труб. Его учеником и соратником был С. А. Чаплыгин — выдающийся механик и математик. Прославил Россию крупнейшими исследованиями по космонавтике учитель из Калуги К. Э. Циолковский. Главой русских химиков был Д. И. Менделеев, профессор Петербургского университета. Крупные открытия в области химии сделали И. А. Каблуков и Н. Д. Зелинский. Петербургский ученый А. С. Попов изобрел радиоприемник, П. Н. Яблочков и А. Н. Лодыгин —электрическую лампочку.

В области биологии крупных успехов добились И. М. Сеченов, И. И. Мечников, А. О. Ковалевский, К. А. Тимирязев. Работы Сеченова положили начало исследованию высшей нервной деятельности человека. Мечников сделал ряд открытий в бактериологии. Блестящих результатов в изучении явлений растительного мира достиг Тимирязев. И. П. Павлов создал учение о высшей

нервной деятельности животных и человека. В 1904 г. Павлову, в 1908 г. Мечникову были присуждены Нобелевские премии.

Развивалась русская историография. Большую известность получило имя профессора Московского университета В. О. Ключевского. Участие ученых-экономистов в государственных делах воздействовало на успехи в экономической политике. Из университетских профессоров вышли влиятельные министры финансов 80—90-х гг. Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградский, заложившие основы преобразований Витте и Столыпина. Многие представители этих кругов воплощали собой цвет интеллигенции, выступавшей с позиций либеральной идеологии разных оттенков — Б. Н. Чичерин, А. И. и А. А. Чупровы, а затем и «легального марксизма» — М. И. Туган-Барановский.

В литературе и искусстве наряду с традициями реализма на рубеже веков появляются «декаданс» (с его тенденциями индивидуализма, «самообожествления», эстетизма, с отстранением от социальных мотивов) и «модернизм». Искания русской интеллигенции сложной эпохи выразились в творчестве В. Вересаева, поэтов-символистов Д. Мережковского, З. Гиппиус, К. Бальмонта, А. Белого. Новая волна творческого поиска нахлынула после революции 1905—1907 гг. — В. Брюсов, А. Блок. С новых позиций призыва возлюбить реальный мир — акмеизма и футуризма — выступают многие поэты, в том числе ранний В. Маяковский. Заслугой символизма является обогащение культуры новыми поэтическими формами, высокая языковая культура, выработка новых художественных средств.

Аналогичные тенденции наблюдались и в изобразительном искусстве: реалистические мотивы в русской живописи продолжали передвижники И. Репин, В. Серов, В. Суриков, В. Васнецов, В. Поленов. Декадентство было представлено художниками-индивидуалистами, объединившимися в 1898 г. в «Мир искусства» (Е. Лансере, К. Сомов, Л. Бакст). Новаторами, сочетающими лучшие традиции русского изобразительного искусства, считают М. Врубеля, Б. Кустодиева, И. Билибина. В русской скульптуре проявились психологизм и драматизм, тяга к классическим мотивам (А. Голубкина, С. Коненков). Новые тенденции наблюдаются и в архитектуре: это модерн — подчинение внешнего вида здания его внутреннему содержанию, связь стиля с эстетикой символизма (Ф. Шехтель); неорусский стиль — сочетание стилей прошлого и настоящего (А. Щусев). Одновременно используется стиль неоклассицизма (Р. Клейн) и зарождается современный функционализм.

Театральное искусство переживает новый подъем. Широкую известность приобретают имена К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, В. Комиссаржевской. В Московском художественном театре (1893 г.) — школе новаторства — играли В. Качалов, И. Москвин, О. Книппер-Чехова, в Малом — М. Ермолова. В оперном искусстве отличились А. Нежданова, Л. Собинов, Ф. Шаляпин, а в балете — А. Павлова, Т. Карсавина, В. Нижинский. Развивалась музыкальная культура (С. Рахманинов, А. Скрябин, С. Прокофьев, И. Стравинский, А. Глазунов).

В 1895 г. в России появляется кинематограф, первая демонстрация кинофильма состоялась в 1896 г. Открылись «электротеатры», «иллюзионы», создавались документальные и игровые ленты.

С серьезными проблемами столкнулась религиозная идеология: традиционное русское православие не соответствовало новым историческим условиям, возникала необходимость в его обновлении. Об этом открыто заявляли представители внецерковной ветви русского религиозного либерализма, славянофилы Ф. Достоевский, В. Соловьев, деятели неохристианства Н. Бердяев, С. Булгаков. В среде же православного духовенства ощутимая тревога возникла лишь накануне революции 1905 года. И это закономерно: правительство регулярно выделяло средства на развитие церкви, и в период с 1881 по 1894 г. количество церквей выросло с 41500 до 56900, а число священников и причетников — с 94800 до 109900 человек. «Каста» духовенства пополнялась за счет выпускников семинарий и духовных академий. Однако факты стяжательства, другие пороки духовенства вызывали недовольство народа и возмущение прогрессивной русской общественности. Надо учесть еще и тот факт, что грозные силы реакции, как правило, связывали с именем обер-прокурора Синода К. Победоносцева, который занимал этот пост 25 лет и допускал вмешательство духовного ведомства во все стороны государственной и общественно-политической мысли.

Ситуация в стране привела церковь к неоднозначным проектам и программам: 1) ортодоксально-консервативной переориентации церкви; 2) либерально-обновленческому движению по перестройке всех сторон церковной жизни в соответствии с новым этапом развития России.

ЛИТЕРАТУРА

Аврех А. Я. П. Столыпин и судьба реформ в России. М., 1991.

Аникин А. В. Путь исканий. М., 1990.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. Он же. Россия накануне великих свершений. М., 1988.

Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития. М., 1987.

Волобуев О. В. и др. История политических партий России 1907—1914 годов в советской историографии // Вопросы истории. 1889, № 4.

Гордиенко Н. С. Крещение Руси. Л., 1984.

Донгаров А. Г. Иностранный капитал в России. М., 1990.

Дьяконова И. Исследования по истории российского империализма // История СССР. 1991, № 4.

Историография истории СССР. М., 1975.

Киселев И. Н. и др. Политические партии России в 1905—1907 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990, № 4.

Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985, Т. 5.

Поткина И. В., Селунская Н. В. Россия и модернизация // История СССР. 1990. № 4.

Сироткин В. Г. Великие реформаторы России. М., 1991.

Степанов Л. В. Николай Христианович Бунге // История СССР. 1991, № 1.

Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX веке. Л., 1991.

Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М., 1974.

Лекция 15. РОССИЯ В 1914—1920 гг.

ПЛАН

1. Россия в мировой войне, падение монархии (1914—1917 гг.).
2. Год 1917 — смена политических режимов.
3. Республика Советов.
4. Гражданская война.

1. РОССИЯ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ, ПАДЕНИЕ МОНАРХИИ (1914—1917 гг.)

Предлагаемая тема, хронологические рамки которой охватывают сложнейший период отечественной истории, рассматривается с различных позиций. С марксистских — развитие объективных закономерностей. В процессе их реализации наиболее полно проявилось сознательное историческое творчество народных масс, конечной целью которого являлось формирование «прозрачных» общественных отношений.

Христианская позиция, выраженная прежде всего видными деятелями «белого движения» (А. И. Деникиным и др.), склонна рассматривать интересующие нас события как «смутное время».

Различные подходы не могут, на наш взгляд, препятствовать осмыслению прошлого. Порождая множественность толкования, тесно переплетающегося с настоящим, они тем самым создают питательную основу формирования ценностных ориентиров будущего.

К началу мировой войны в стране наблюдался значительный экономический подъем, охвативший все отрасли народного хозяйства. Его следствием стало определенное повышение уровня жизни населения. За 20 лет, с 1894 по 1913 годы, вклады населения в государственных сберегательных кассах увеличились с 300 до 2000 млн. руб. Достигнуты успехи в культурной жизни. В стране насчитывалось 124 тыс. студентов. Высшая школа была автономна и по уровню своего развития не уступала передовым странам Европы. Созданы предпосылки для качественного улучшения народного образования. Расходы на него возросли с 43 в 1904 году до 143 млн. руб. в 1913 году, а число учащихся увеличилось в два раза. В Думе специально рассматривался вопрос о введении всеобщего начального образования. Реализация проекта была отложена в связи с началом мировой войны.

Гордостью нации являлись и отечественная наука и техника. Они представлены именами И. П. Павлова, К. А. Тимирязева и др. И. П. Павлов — первый из русских ученых удостоен Нобелевской премии.

Изменения в экономике обусловили изменения и в социальной сфере. Отражением данного процесса стало увеличение численности рабочего класса. Однако в стране по-прежнему 75% населения составляли крестьяне. В политической области Россия оставалась думской монархией.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, вскоре превратившуюся в мировую. В противоборстве государств Россия объединилась с Англией и Францией (Антанта). Им противостояли Германия, Австро-Венгрия, Италия (Тройственный союз). Тогда никто не мог знать ее продолжительности, масштабов и последствий, которые были поистине грандиозны.

Выступление России на стороне Антанты многие десятилетия рассматривалось в рамках концепции «зависимости России от иностранного капитала», нашедшей определенное выражение в работах советского историка М. Н. Покровского. Отсюда делается вывод о том, что Октябрьская революция «спасла» Россию от утери ею своей государственности. Не оспаривая данный подход, обратим внимание на другую точку зрения, авторы которой указывают на «идейную» близость русской буржуазной оппозиции передовым (по сравнению с Россией) демократиям Запада. Общий смысл данного подхода сводится к тому, что участие в войне на стороне западных демократий могло привести к серьезным изменениям в политическом строе России.

Тот факт, что Германия первой объявила войну, в значительной степени обусловил рост патриотических настроений в России и сознание необходимости дать отпор противнику. Рабочие забастовки практически прекратились. Успешно прошла мобилизация в армию. На заседании Государственной Думы 9 августа 1914 г. обнаружилось почти полное единение правительства и Думы. Она, за исключением представителей социал-демократии, голосовала за военные кредиты. Местные органы самоуправления взяли на себя обязательство помогать армии в санитарном обеспечении.

4 августа 1914 г., в связи с успешным наступлением немецких армий в Северной Франции, правительство последней обратилось к России с просьбой об ускорении сроков наступления русских армий. Русское командование, спасая союзников, бросило в наступление в Восточной Пруссии два русских корпуса под командованием генералов А. В. Самсонова и П. К. Ренненкампфа.

Первоначально наступление русских войск развивалось успешно. Для его отражения Германия вынуждена была снять часть корпусов с Западного фронта. Сосредоточив значительные силы, противник смог разбить корпус Самсонова в районе Грюнвальда, но это поражение позволило французской армии выиграть битву на реке Марна. Более успешно боевые действия проходили на русско-австрийском фронте. Здесь к концу 1914 г. русские армии взяли Львов, крепость Перемышль, вышли к предгорьям Карпат. Противник потерял почти половину своих войск. Австро-Венгрия в последующем не смогла оправиться от поражения и удерживала фронт благодаря прямой поддержке Германии.

Итоги 1914 г. показали, что Антанте удалось сорвать германские планы ведения войны, заставить воевать ее на два фронта. Но большего она достичь не смогла. В России уже первые месяцы войны выявили недостаточную подготовку страны к крупномасштабной войне. В армии остро ощущалась нехватка боеприпасов, снаряжения и особенно тяжелой артиллерии.

Сложившаяся ситуация требовала осмысления и поиска более оптимального способа ведения войны. Германия нашла выход — в течение 1915 г. нанести русской армии решающее поражение и вывести Россию из войны. Во второй половине апреля началось наступление австро-германских войск, тщательно подготовленное и спланированное. Несмотря на героизм русских воинов и неоднократные попытки перехода в наступление, начался тяжелый отход русских армий на Восток. К осени 1915 г. потеряны Польша, Литва, почти вся Галиция, часть Волыни. Потери убитыми, ранеными, пленными составили более 2 млн. человек.

Как бы ни велики были военные успехи Германии, добиться главного — капитуляции русской армии — она не смогла. Однако военные неудачи имели свои последствия для внутреннего развития России. Миллионы беженцев, хлынувшие на Восток, увеличили продовольственные и транспортные затруднения. Создали социальную напряженность в обществе. Возросло недовольство руководством страны, усилилась тревога за ее будущее. Отражением этих настроений стало принятие Николаем II в августе 1915 г. функций Верховного Главнокомандующего русскими армиями и назначение начальником штаба генерала М. В. Алексеева. Был проведен ряд других перемещений. Этими акциями правительство указывало на «истинных» виновников неудач и поражений.

В мае 1916 г. русские армии Юго-Западного фронта под руководством А. А. Брусилова перешли в наступление и нанесли австрийской армии тяжелейшее поражение. Успех оказался полнейшей неожиданностью для союзников, а также для противников. Австро-Венгрия оказалась на грани поражения и в последую-

щем уже не предпринимала самостоятельных военных операций. Германия вынуждена была приостановить операции у Вердена, чтобы спасти положение на Востоке. Румыния из нейтральной страны превратилась в воюющую на стороне Антанты, расширив тем самым Восточный фронт от Балтики до Балкан.

Достигнутые успехи не смогли изменить принципиально общей ситуации. Война принимала затяжной, позиционный характер, все более превращалась в мясорубку человеческих судеб. К началу 1917 г. Россия потеряла убитыми 2 млн. человек, ранеными — около 5 млн. человек, пленными — около 2 млн. человек. В стране начинают быстро нарастать антивоенные настроения.

Война предъявила свои требования и к промышленности. В целях ее мобилизации для нужд фронта правительство пошло на создание совещаний, комитетов. В марте 1915 г. создан комитет по распределению топлива, в мае того же года — главный продовольственный комитет. Почти одновременно с указанными действиями правительства стали формироваться и военно-промышленные комитеты. В них ведущая роль принадлежала русской буржуазии, и ею было создано 226 комитетов. Русская буржуазия смогла привлечь к производству вооружений 1200 частных предприятий. Принятые меры позволили в значительной степени улучшить снабжение армии. Воздавая им должное, подчеркнем, что произведенных запасов хватило и на гражданскую войну.

Вместе с тем, развитие промышленности носило односторонний характер. Предприятия, не связанные с военным производством, закрывались, ускоряя тем самым процесс монополизации. Война нарушила традиционные рыночные связи. Часть заводов закрылась, потому что нельзя было получить оборудование из-за границы. Число таких предприятий в 1915 г. составило 575. Война привела к усилению государственного регулирования экономики и свертыванию свободных рыночных отношений, конкуренции. Для экономики страны свертывание рыночных отношений и усиление государственного регулирования обернулось падением промышленного производства. Оно к 1917 г. составило 77% довоенного уровня. Мелкий и средний капитал менее всего был заинтересован в развитии отмеченной выше тенденции и проявлял крайнюю заинтересованность в прекращении войны.

В тяжелом положении оказался и транспорт. К 1917 г. паровозный парк сократился на 22%. Транспорт не обеспечивал ни военных, ни гражданских грузоперевозок. В частности, в 1916 г. он выполнил только 50% продовольственных перевозок для армии.

В трудном положении находилось и сельское хозяйство. За годы войны из села в армию было мобилизовано 48% мужского

населения. Нехватка рабочих рук привела к сокращению посевных площадей, росту цен на обработку сельскохозяйственной продукции, а в конечном итоге — и к росту розничных цен. Огромный ущерб нанесен животноводству. Резко сократилось общее поголовье скота и, особенно, главной тягловой силы — лошадей.

Все это имело свои последствия. В стране до крайности обострилась продовольственная проблема, связанная с транспортом, другими неурядицами. Она все больше охватывала и армию, и гражданское население. Положение в значительной мере усугублялось расстройством финансов. Товарная ценность рубля к 1917 г. составляла 50% довоенного, а выпуск бумажных денег увеличился в 6 раз.

Неудачи на фронте, ухудшение внутреннего положения обусловили рост социальной напряженности в обществе. Она проявилась во всех сферах. На смену единению на основе патриотических настроений пришло разочарование и недовольство политикой правительства и монархии, а как следствие — резкий рост политической активности различных социальных групп. В августе 1915 г. образовался «Прогрессивный блок». В него вошли представители буржуазных и частично монархических партий — всего около 300 депутатов Думы. Представители блока выступили со своей программой. Основными ее положениями были: создание министерства общественного доверия, широкая политическая амнистия, включавшая в себя разрешение деятельности профсоюзов, легализацию рабочей партии, ослабление политического режима в Польше, Финляндии и других национальных окраинах.

Царь и окружавшая его элита не шла на уступки. Мало того, опираясь на черносотенные элементы они перешли в наступление. В августе 1915 г. отстранен с поста главнокомандующего великий князь Николай Николаевич, заподозренный в сочувствии к программе прогрессивного блока, а 3 сентября указом монарха распущена Государственная Дума. Эти действия подкреплялись сменой министров. За годы войны Николай II сменил на посту председателя совета министров 4-х человек (И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюрмер, А. Ф. Трепов, Н. Д. Голицын), министров внутренних дел — 6, военных министров — 4, министров иностранных дел — 4 и т. д. Все это говорило о нарастании кризиса верхних эшелонов власти, их неспособности найти действенные меры, адекватные сложившейся ситуации.

К началу 1916 г. недовольство внутренней политикой монархии проявилось и со стороны послов союзных государств.

Активизировалось рабочее движение. В 1916 г. в стране бастовало свыше 1 млн. человек. В деревне вновь заполыхали помещичьи усадьбы. Как в деревне, так и в городе выступления все более приобретали антивоенный характер. Оппозиционные настро-

ения охватили интеллигенцию, армию, национальные окраины. На фоне общего недовольства войной, монархией идеи и действия леворадикальных сил находили благодатную почву и поддержку народа.

Развитие внутренних процессов с катастрофической быстротой суживало возможность политического маневра. Начиная с января 1917 г., в столице нарастает стачечная борьба рабочих. Во второй половине февраля здесь возникли серьезные затруднения с подвозом хлеба, продуктов питания. Данное обстоятельство вызвало новую волну забастовок, начавшихся 23 февраля. Власти не придали им значения. В последующие дни 24 и 25 февраля начались уличные демонстрации и столкновения с полицией. Демонстрации, начавшиеся под лозунгом «Хлеба!», стали принимать явно революционный характер: «Долой войну!», «Долой самодержавие».

26 и 27 февраля волнения рабочих продолжались, но теперь на сторону восставших стали переходить части столичного гарнизона. Восстание переросло в революцию. 27 февраля восставшим народом был создан Совет рабочих депутатов. Его первым председателем избран меньшевик У. В. Чхеидзе. В этот же день члены Государственной Думы на своем частном заседании образовали Временный комитет. К 28 февраля столица находилась в руках восставших. В этот же день Временным комитетом было сформировано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. 1 марта Совет издал Приказ № 1, согласно которому войска Петроградского гарнизона переподчинялись Совету и не могли быть выведены из столицы без его согласия. Попытки подавить восстание в столице силами воинских частей, снятых с фронта, успеха не имели. 2 марта 1917 г. в Пскове Николай II подписал акт отречения от престола в пользу своего брата Михаила Александровича. Последний не принял престола, предоставив решение вопроса о государственном устройстве России будущему Учредительному собранию, созыв которого должно было обеспечить Временное правительство.

2. ГОД 1917 — СМЕНА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Февральская революция была стихийным взрывом широкого недовольства масс. Большинство народа верило в скорое избавление от тягот войны, в торжество демократии и социальной справедливости. Это была иллюзия: страну ожидали тяжелейшие испытания, которые еще предстояло пройти.

В современной исторической литературе существуют различные подходы к анализу и оценке событий от Февраля к Октябрю 1917 года. При всем многообразии, разбросе мнений и суждений их можно свести к двум принципиально противоположным пози-

циям. По выражению В. И. Ленина, революция является «локомотивом истории», живым творчеством масс. Другой наш соотечественник Н. А. Бердяев увидел в ней полный иррационализм, регресс в поступательном развитии общества.

Причины всякой революции зарождаются в толще экономической, политической и социальной жизни общества. Их острота проявляется и осознается тогда, когда противоречия выходят наружу. К этому времени традиционных подходов разрешения возникших противоречий становится недостаточно.

Февральская революция расширила и углубила кризис в стране. Конфликт стал более многомерным. К существовавшим ранее проблемам — войны и мира, аграрных и национальных отношений — добавились проблемы власти и будущего государственного устройства, идеологии и культуры, усиливающиеся тенденции распада государства. Сложившаяся в стране обстановка требовала принципиально новых подходов к поиску путей выхода из кризиса.

Как уже отмечалось, революция привела к образованию двоевластия в лице Советов и Временного правительства. Петроградский Совет, возникнув в ходе революции, имел возможность сосредоточить в своих руках всю полноту государственной власти при поддержке быстро формирующихся местных Советов, но этого не произошло. Как и тогдашние социалисты, лидеры Советов считали, что в России произошла рядовая буржуазная революция. В данной посылке трудно было найти основание отвергать Временное правительство или требовать всей полноты власти Советам. Однако ситуация осложнялась тем, что Советы, как органы власти, опирались на фабзавкомы, солдатские и крестьянские комитеты. Через них народ оказывал существенное влияние на Советы. В совокупности это свидетельствовало о том, что происходил процесс формирования принципиально новой формы государственной власти через широкое представительство в ней народных масс. Понимание данного обстоятельства позволило В. И. Ленину и большевикам выдвинуть лозунги «Вся власть Советам!», «Никакой поддержки Временному правительству», которые стали важнейшими элементами курса на захват политической власти.

Столкновение между Советами и Временным правительством было вопросом времени. Полем противоборства между двумя формами власти и стоявшими за ними политическими силами становились острейшие проблемы, вызвавшие революцию, и прежде всего — вопросы о войне и аграрный. Их разрешение, в конечном итоге, и определяло возможность преодоления кризиса в стране.

Возникнув, Временное правительство заявило о своей приверженности принципам демократии, отменило систему сословий, национальных ограничений, осуществило ряд других мероприятий,

чем, безусловно, снискало уважение и признательность своих сограждан. Однако окончательное решение этих и других вопросов было отложено до созыва Учредительного собрания. Народу предлагалось довести войну до победного конца. Первый кризис правительства возник в апреле в связи с нотой министра иностранных дел П. Н. Милюкова. В ней он писал, что «продолжая питать полную уверенность в победоносном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, Временное правительство совершенно уверено в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира». Кризис был преодолен путем формирования в мае 1917 г. нового правительства. В его состав вошли 6 министров — социалистов (А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев, И. Г. Церетели, А. В. Пешехонов, В. И. Чернов, П. Н. Переверзев) в качестве представителей Советов. Предполагалось, что данный тактический ход усилит позицию правительства, повысит авторитет Советов путем усиления контроля за деятельностью правительства. Идея нашла свое дальнейшее развитие в решениях I Съезда Советов (июнь 1917). Съезд сформировал ВЦИК, санкционировал давно готовящееся наступление на фронте. В вопросе о власти подтверждалась необходимость коалиции. Преодоление кризиса в экономике делегатам съезда виделось на пути усиления централизации управления народным хозяйством, в «умеренном» обложении налогами предпринимателей.

Политика правительства кадетов и умеренных социалистов, при всем уважении к ним, на деле усугубляла поляризацию общества. Зажатое в тисках необходимости демократизации общества — с одной стороны, давлением союзников по Антанте и буржуазии — с другой, правительство оказалось еще менее способным взяться за решение национальных проблем, чем его предшественник. Бессильное стабилизировать внутреннюю обстановку, во внешней политике правительство готовилось к летнему наступлению и одновременно поддерживало идею переговоров, направленных на достижение компромиссного мира.

Провал летнего наступления на фронте стал причиной нового политического кризиса. В значительной степени он был усилен леворадикальными силами, прежде всего большевиками. В столице прошли демонстрации с требованиями передачи всей полноты власти в руки Советов, отставки правительства. Демонстрации явно указывали на разрыв настроений народа и политики Временного правительства. Выступления вызвали замешательство в рядах умеренных социалистов. В организациях меньшевиков и эсеров стали формироваться леворадикальные фракции. Ситуация осложнилась ухудшающимся экономическим положением. 2 июля министр продовольствия П. Пешехонов информировал о

продовольственном кризисе, охватившем столицу и ее окрестности. Топливный комитет сообщил о надвигающейся остановке фабрик и заводов из-за отсутствия топлива. Подобное наблюдалось и в других промышленных центрах.

Выход из кризиса виделся на пути более жесткого курса в отношении революционного движения. 3 июля партия кадетов объявила об отзыве своих министров из состава правительства. Искусственно созданный правительственный кризис преследовал цель подтолкнуть умеренных социалистов к более решительным действиям. Идея нашла поддержку и понимание. В тот же день Оргкомитет партии меньшевиков постановил сформировать новое правительство «по возможности с преобладанием в нем представителей буржуазии». Предложение поддержали ЦК партии эсеров, ЦИК Советов. Принятые вслед за этим меры по стабилизации обстановки — подавление демонстраций силой оружия, закрытие левой прессы, введение смертной казни на фронте, отсрочка выборов в Учредительное собрание — характеризуют выбранный курс, но его реализация имела и негативные последствия. Из сферы политического диалога между различными политическими силами борьба все более переходила в сферу насилия и ожесточения, поляризуя российское общество. Партия большевиков на своем VI съезде приняла решение о вооруженном восстании, конечной целью которого являлось свержение правительства и завоевание политической власти. В свою очередь правые силы активизируют усилия по установлению в стране военной диктатуры. Так, 15 июля газета «Утро России» писала: «Не надо бояться слова диктатура. Она необходима!».

К концу лета все явственнее стала проявляться несостоятельность экономической политики Временного правительства. Вмешательство государства в экономику, централизованное снабжение предприятий топливом и сырьем не дали ожидаемых результатов, а напротив — вызвали широкое недовольство мелких и средних предпринимателей.

В городе росла безработица, не хватало предметов первой необходимости, росли цены. Правительство принимало постановление за постановлением: о распределении сахара, введении с 26 июня общегосударственной карточной системы на продукты питания. Однако ситуация в стране не улучшалась.

Ответом на ухудшение экономического положения стало усиление самоорганизации народа. Фабзавкомы все более и более стали контролировать вопросы найма и увольнения, производства и распределения. Ими в явочном порядке был введен 8-часовой рабочий день, достигнуты договоренности о заключении трудового соглашения с предпринимателями.

В деревне начинает достигать своего апогея борьба крестьян против помещиков. Она вылилась в самовольный захват земли. Временное правительство препятствовало данным акциям. Большевики поощряли их. Аграрная реформа запаздывала и откладывалась до созыва Учредительного собрания. В правительстве не было единства мнений по данному вопросу. Кадеты допускали национализацию недр и лесов, в остальном отстаивали частную собственность. Наделение крестьян землей предполагалось, но не в результате общего передела. Эсеры отстаивали «уравнительное» пользование, без всякого выкупа, с переходом всей земли в общее достояние народа.

Затягивание земельного вопроса находило отзвук в армии, ввергало деревню в еще большую анархию. Социальные противоречия города и деревни преломлялись через призму межнациональных отношений, многократно углубляли кризис в стране.

В конце августа 1917 г. правыми силами была предпринята попытка переворота с целью установления военной диктатуры в стране. В качестве диктатора был избран Л. Г. Корнилов. Им были сформированы и направлены на усмирение столицы 33 ударных батальона. Заговор потерпел поражение, но он имел далеко идущие последствия для страны. На какое-то время правое движение оказалось разбитым. Сам Корнилов находился под арестом. Поведение кадетов накануне и в ходе кризиса привело к резкому падению авторитета партии среди народа. Ее деятельность практически сходит на нет. Из-за внутренних разногласий о форме и структуре нового правительства, путях выхода страны из кризиса углубляется раскол в партии эсеров и меньшевиков. Так, лидер правых эсеров Н. Д. Авксентьев продолжал настаивать на создании коалиционного правительства с участием кадетов. Его коллега по партии Чернов не желал иметь с кадетами ничего общего, вместе с тем был против идеи однородного социалистического правительства, разделял мнение меньшевиков о вхождении в состав правительства представителей буржуазии (но не от кадетов), способных к осуществлению коренных реформ в стране.

Мятеж практически свел на нет тот незначительный прогресс в стабилизации обстановки в стране и армии, достигнутый Временным правительством летом 1917 г. Советы вышли из кризиса более революционными и с возросшей популярностью среди народа. Если 2 марта за резолюцию большевиков против передачи власти в руки Временного правительства было подано 19 голосов против 400 в Петроградском Совете, то 31 августа абсолютное большинство данного Совета уже поддерживало большевиков и одобрило идею Л. Б. Каменева о создании однородного социалистического правительства. 1 сентября А. Ф. Керенский ин-

формировал ЦИК о создании Директории из 5 человек как временного органа для оперативного руководства страной. В тот же день Россия была провозглашена Республикой. 2 сентября ЦИК Советов отвергает идею создания однородного социалистического правительства и вместо этого принимает резолюцию, в которой одобрена идея скорейшего созыва Демократического совещания, которому и предстояло окончательно решить вопрос о власти, а пока ЦИК призывал к поддержке сформированного Керенским правительства.

Вновь созданное руководство предпринимало отчаянные усилия по стабилизации обстановки. 4 сентября опубликовано постановление о роспуске всех созданных в ходе борьбы с корниловщиной неофициальных революционных комитетов, в том числе и Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Этот шаг, безусловно крайне необходимый, привел к обострению отношений с Советом.

В то время, как правительство тщетно пытается стабилизировать политическую ситуацию, резко усиливается распад экономики страны. В столице резко возросло число безработных, до крайности обострились проблемы продовольствия и топлива, инфляции. Развитие событий ускорило падение авторитета правительства Керенского, и нет ничего удивительного в том, что от мятежа более всего выиграли большевики. Поражение Корнилова показало мощь левых сил — с одной стороны, продемонстрировало популярность лозунгов большевиков — с другой. Вместе с тем не следует утверждать, что поражение правых сил сделало победу большевиков неизбежной. В стране и обществе преобладающей была идея создания правительства, объединяющего все социалистические партии и группы. В глазах общественного мнения большевики стояли за власть Советов и за советскую демократию.

14 сентября 1917 г. начало работу Демократическое совещание. Основным вопросом его заседаний стал характер будущей власти и правительства. Дискуссии выявили широкий спектр противоречий. Даже среди большевиков не было единства. Так, Л. Б. Каменев ратовал за создание демократического коалиционного правительства на широкой многопартийной основе. Его коллега по партии Л. Д. Троцкий требовал передачи всей полноты власти Советам. В конечном итоге Демократическое совещание одобрило возможность коалиции с буржуазией, окончательное решение вопроса о правительстве возлагалось на Предпарламент, создаваемый из делегатов совещания. В резолюции, принятой по данному вопросу, подчеркивалось, что правительство будет стремиться к заключению мира между воюющими государствами и выражать волю всего народа. Затянувшийся правительственный

кризис завершился созданием 25 сентября третьего коалиционного правительства. В его состав вошли 4 кадета, Керенский остался главой и Верховным главнокомандующим. Здесь же было принято решение о созыве 20 октября Всероссийского съезда Советов. После завершения работы Демократического совещания большевики выступили за скорейший созыв съезда Советов и провозгласили лозунг «Вся власть Советам». Понимание лозунга в партии не было однозначным: крайне левые считали, что съезд Советов должен передать власть правительству из крайне левых, которое немедленно заключает мир, осуществляет программу широких радикальных преобраований; правые большевики видели в съезде возможность сформировать правительство на однородной социалистической основе.

После Демократического совещания «левые большевики» (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий) начали активную подготовку вооруженного восстания. Эта активность в значительной степени определялась тем, что в руках большевиков оказалось значительное число вооруженных сил и формирований отрядов Красной гвардии. 10 октября ЦК большевиков принял решение о подготовке вооруженного восстания. В советской историографии прочно утвердилось мнение, что, следуя ленинскому плану, началась планомерная подготовка вооруженного восстания. С принятием решений имевшие место противоречия по вопросам тактики не исчезли, они скоро окажут самое непосредственное влияние на характер развития событий в стране.

В последующие дни после принятия решения о восстании большевики стремятся, надо отметить — не без успеха, расширить поддержку своей программы на предстоящем съезде Советов. В свою очередь правительство в лице А. Ф. Керенского предпринимает некоторые усилия по подавлению возможного выступления левых сил. В столицу стягиваются верные правительству войска, но их немного. 24 октября А. Ф. Керенский выступил в Предпарламенте с анализом ситуации в стране. Итогом обсуждения стало принятие резолюции, предложенной левыми фракциями меньшевиков и эсеров. Она предлагала поддержку правительства при условии немедленного осуществления радикальной программы «земли и мира», создание комитета общественного спасения с участием представителей Советов. Предложение было отклонено А. Ф. Керенским, ибо в нем в завуалированной форме выражалось недоверие правительству.

Вечером 24 октября большевики начали вооруженное восстание. В течение ночи и последующего дня генштаб, телеграф, вокзалы и другие объекты находились в руках восставших. Утром 25 октября Военно-революционный комитет объявил Временное правительство низложенным. Позднее, вечером того же дня

начал работу II Всероссийский съезд Советов. Из 670 делегатов 507 поддержали переход власти в руки Советов.

Съезд принял два основных документа. «Декрет о мире» содержал предложение всем воюющим народам и правительствам немедленно начать переговоры о справедливом и демократическом мире. Этим актом страна, находящаяся на грани национальной катастрофы, получала шанс выхода из мировой бойни. «Декрет о земле» включал в себя обобщенный наказ 242 крестьянских предложений, согласно которым вся земля передавалась в общенародное достояние, частная собственность на землю отменялась, каждый мог обрабатывать землю только своим трудом на основе уравнительного замлепользования. Съезд подтвердил гарантии созыва Учредительного собрания, обеспечение права наций на самоопределение. Власть на местах передавалась в руки местных Советов, которые должны были обеспечивать революционный порядок. На съезде был сформирован новый состав ВЦИК — 101 человек. В него вошли 62 большевика, 29 левых эсеров. Сформировано правительство на однопартийной основе — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Первыми советскими наркомами стали Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, В. П. Милютин, И. В. Сталин (всего 13 человек).

КУЛЬТУРА

В сложных условиях войны и революционных потрясений продолжала развиваться культура и наука. Медленно, но неуклонно росло количество учащихся в общеобразовательных школах и студентов в вузах, расширивших с 1905 г. свою автономию.

Плодотворно работали в эти годы русские ученые. В их числе кораблестроитель, механик и математик А. Н. Крылов, химики Н. С. Курнаков, А. Е. Фаворский, Н. Д. Зелинский, И. А. Каблуков, математик В. А. Стеклов. Старейшиной физиологов мира называли академика, лауреата Нобелевской премии И. П. Павлова. Продолжали свои исследования ботаник К. А. Тимирязев, биолог А. Н. Северцев и геолог В. А. Обручев. В области географии, этнографии и антропологии выдвинулись Д. Н. Анучин и П. К. Козлов.

В политической экономии П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. И. Бухарин изучали закономерности развития капиталистического общества. В частности, Н. И. Бухарин вслед за К. Каутским пришел к выводу о возможности его перерастания в «сверхимпериализм», где будут сглаживаться социальные противоречия.

В гуманитарных науках успешно работали философ Г. В. Плеханов, филолог А. А. Шахматов, историки Н. П. Павлов-

Сильванский, М. Н. Покровский, Д. М. Петрушевский, А. Е. Пресняков, П. К. Коковцев, С. Ф. Ольденбург.

Лучшие черты русской демократической интеллигенции отразили в написанных в этот период произведениях знаменитые писатели В. Г. Короленко, А. И. Куприн, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев. Видными представителями модернистской литературы и эстетики этого времени были русские поэты-беллетристы Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, В. Брюсов, а также присоединившиеся к ним «молодые символисты» — А. Блок, А. Белый.

В театре важнейшее значение приобрела деятельность Московского Художественного театра, возглавлявшегося крупнейшими режиссерами и теоретиками театрального искусства К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко. Вокруг них собралась талантливая труппа в составе В. И. Качалова, И. М. Москвина, О. Л. Книппер и др. Художественный театр вывел русский драматический театр на мировую арену.

Много ценного внесла в мировую и русскую культуру в рассматриваемый период русская музыка. В числе выдвинувшихся певцов следует назвать Ф. Шаляпина, Л. Собинова, А. Нежданову. Вершины своего искусства достигли виднейший симфонист А. К. Глазунов, композитор и пианист С. В. Рахманинов, плодотворно работали Р. М. Глиэр и И. Ф. Стравинский.

Всемирную известность получил русский балет и его крупнейшие мастера О. Преображенская, М. Кшесинская, Е. Гельцер, Т. Карсавина, В. Нижинский. Первенству русского балетного искусства во многом способствовали реформаторы хореографии М. Фокин и А. Горский, а также художественный деятель С. П. Дягилев.

В изобразительном искусстве значительных успехов достигли члены художественного объединения «Мир искусства» А. Н. Бенуа, Б. М. Кустодиев, К. А. Сомов, Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере. Во многих областях искусства работал знаменитый русский художник М. Врубель. Представителями зарождающегося абстракционизма были В. Кандинский и К. Малевич. Выдвинулись яркие дарования живописцев-реалистов К. Юона и К. С. Петрова-Водкина, скульптора С. Т. Коненкова.

В тесном взаимодействии с русской культурой находилась культура других народов России. Среди виднейших ее представителей можно назвать украинского писателя Ивана Франко, белорусских поэтов-демократов Я. Купалу и Я. Коласа, латышского поэта и драматурга Я. Райниса, осетинского поэта К. Хетагурова. Крупнейшими татарскими и башкирскими литераторами были Г. Тукай и М. Гафури.

3. РЕСПУБЛИКА СОВЕТОВ

Период с Октября 1917 г. по март 1918 г. характеризуется установлением Советской власти практически по всей стране. В 79 городах из 97 она была установлена мирным путем. Успешное развитие событий ставило на очередь вопрос об организации системы управления страной. Этот процесс начался уже в ходе вооруженного восстания, затем создание на съезде Советов ВЦИК и Совнаркома. Ими к лету 1918 г. было принято около 700 декретов, ставших основой будущего законодательства. Учреждались суды, избираемые Советами, которые в своей деятельности руководствовались революционной совестью. По мере ожесточения классового противостояния их вердикты становились все более жесткими. В декабре 1917 г. создана ВЧК во главе с Ф. Э. Дзержинским. В своей деятельности она нередко допускала превышение полномочий: арест, следствие, суд, приговор и его исполнение. Восстановление в начале 1918 г. смертной казни стало еще одним шагом на пути эскалации насилия.

С первых дней своего существования Советское правительство провело ряд мер в интересах трудящихся. Был установлен 8-часовой рабочий день, введена система охраны труда женщин и подростков, страхование на случай болезни, введены бесплатные обучение и медицинское обслуживание. В декабре 1917 г. утвержден кодекс о труде, а в январе следующего года — декрет о свободе совести.

В области национальных отношений провозглашалось равенство и суверенитет народов, право на самоопределение вплоть до государственного отделения. Отменены национально-религиозные привилегии, провозглашалось свободное развитие всех народов, населяющих Россию.

Прочность Советской республики в значительной мере обуславливалась взаимоотношением большевиков с другими политическими силами, прежде всего — партиями социалистической ориентации. Как известно, меньшевики и правые эсеры выступили с резким осуждением действий большевиков в октябрьские дни, а позднее выдвинули требование создания однородного социалистического правительства. В ноябре 1917 г. левые эсеры получили предложение войти в состав правительства, но отказались, мотивируя свой отказ поддержкой требования о создании «однородного социалистического правительства». В последующие недели наметилось сближение позиций, и в декабре левые эсеры А. Л. Колегаев, В. А. Карелин, П. П. Прошьян, В. Е. Трутовский вошли в состав Совнаркома. Левые эсеры получили ряд постов в армии — А. И. Егоров, М. А. Муравьев, а также и в ВЧК.

Вхождение левых эсеров в структуры органов Советской власти окончательно разделило российских социалистов на сторонников Советов и сторонников Учредительного собрания. Сторонники Учредительного собрания видели в нем единственную возможность отстранения большевиков от власти. Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г. На нем было представлено 715 делегатов, в том числе 412 эсеров и 183 большевика. От имени СНК Я. М. Свердлов предложил принять «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», в которой были отражены принятые декреты, и предложил Учредительному собранию признать Советскую власть. Этого не произошло. В знак протеста большевики и левые эсеры покинули зал заседаний. Лишившись кворума, делегаты решили продолжить работу; ими Россия была провозглашена демократической республикой с признанием суверенитета народов России, принят кодекс о земле. Учредительное собрание категорически отвергло притязание большевиков на власть. Отрицательное отношение к «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» было, скорее всего, обусловлено тем, что в ней Россия объявлялась Республикой Советов с сосредоточением всей полноты власти в центре и на местах в руках Советов. По мнению многих депутатов, это перечеркивало значимость Учредительного собрания.

6 января ВЦИК специальным декретом распустил Учредительное собрание. Его роспуск не вызвал политического кризиса в стране. Данное явление можно объяснить тем, что для большинства населения, в том числе и руководства страны, не существовало правовой культуры. Разгон Учредительного собрания усилил раскол в обществе, стал еще одним шагом на пути упрочения диктатуры большевиков.

Провозгласив «Декрет о мире», Советская республика продемонстрировала свой вариант выхода из войны, достижения сепаратного мира. Суть подхода сводилась к непосердственному обращению к народам — взять дело мира в свои руки. Советские предложения имели мало шансов на успех и были отвергнуты Антантой. Однако Германия согласилась на переговоры. Они начались в Брест-Литовске 14 ноября 1917 г. и завершились подписанием мирного договора 3 марта 1918 г. Согласно достигнутым договоренностям от Советской России отторгались Украина, Финляндия, Грузия, Польша, Прибалтика. На данной территории находилось 75% металлургического производства, 27% пашни. На Россию накладывалась контрибуция.

Унизительный мирный договор еще более усилил раскол российского общества, но теперь не только и не столько по классовому признаку. Он больно ударил по национальному самосознанию,

ускорил переход к открытому вооруженному столкновению противоборствующих сторон.

Приход к власти большевиков не стал стабилизирующим фактором и в экономике. Резко усилился саботаж чиновников и предпринимателей. Ответом стало принятие 4 ноября декрета о рабочем контроле. В декабре создан Высший Совет Народного хозяйства (ВСНХ), аналогичные органы были созданы и на местах. Опираясь на новые структуры, советское руководство начало осуществлять частичную национализацию — как меру борьбы с саботажем. Однако она скоро переросла в массовую, были национализированы не только отдельные предприятия, но и целые отрасли. Данное мероприятие советских органов привело к дезорганизации производства, ухудшению положения рабочих.

Резко обострились отношения и с крестьянством. Причиной обострений стала угроза голода в городах. Всякий «хозяйчик», укрывавший хлеб, воспринимался новой властью как социально чуждый элемент. Стремление накормить город привело к установлению продовольственной диктатуры. В городах создавались продовольственные отряды из рабочих, которые направлялись в деревню для изъятия «излишков» хлеба. В деревне параллельно с Советами стали создаваться комитеты бедноты. Последние, при поддержке продотрядов, превратились в органы власти в деревне. И те, и другие допускали серьезные злоупотребления властью, силой и оружием. Действия продотрядов и комбедов стали прологом крестьянских мятежей, охвативших Советскую Республику весной и летом 1918 г.

Переход производства и распределения под контроль государства ускорил формирование отрицательных тенденций. Они проявились прежде всего в росте аппарата управления. К 1920 г. он составил 4 млн. человек. Развитие этой тенденции стало одной из основ формирования административно-бюрократической системы управления государством.

Жесткие, не всегда оправданные действия большевиков вызывали противодействие не только противников, но и союзников— левых эсеров. Основным полем разногласий стали аграрный вопрос, Брестский мирный договор. На V съезде Советов левые эсеры пытались склонить делегатов отторгнуть мирный договор, отменить декрет о комбедах и предоставить всю полноту власти Советам. Когда достигнуть этого не удалось, они 6 июля организовали мятеж. Действия в столице были подкреплены мятежом М. А. Муравьева, командующего Восточным фронтом.

Мятеж был подавлен, но он имел глубокие последствия. Окончательно утвердилась однопартийная система. Отсутствие легальной оппозиции позволило в дальнейшем избежать разногласий и кризисов власти. Однако низкий культурный, интеллек-

туальный и профессиональный уровень руководства обусловил сползание к крайностям. Переход левых эсеров на сторону противников большевиков завершил поляризацию политических сил в стране, придал начавшейся гражданской войне более затяжной и жесткий характер.

4. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Гражданская война — величайшая национальная трагедия. Она приняла самые крайние формы, породила жестокость, террор, вылилась в трагедию миллионов людей, отстаивавших только свои конкретные идеалы и ценности. Ее начало можно отнести к Октябрьскому вооруженному восстанию и первым попыткам военным путем свергнуть власть Советов. Уже 24 октября был сформирован Всероссийский комитет спасения родины и революции. 26 октября А. Ф. Керенский отдал приказ генералу П. Н. Краснову о походе фронтовых частей на революционную столицу, в которой почти одновременно началось восстание юнкеров. Эти первые вооруженные выступления были разгромлены, но они стоили жертв обеим сторонам.

После поражения восстания юнкеров «Комитет спасения родины и революции» прибегнул к иной тактике — парламентской ликвидации Совета Народных Комиссаров. Инициатором такой тактики стал Всесоюзный исполнительный комитет профсоюзов железнодорожников — Викжель. Угрожая забастовкой, Викжель потребовал создать «однородное социалистическое правительство» из представителей всех социалистических партий. Идею поддержали некоторые большевики — Л. Б. Каменев, В. П. Ногин и другие, при этом согласились на формирование правительства без участия в нем В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого.

Борьба В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого хотя и завершилась победой над оппозицией, однако, 15 членов ЦК партии большевиков и народных комиссаров заявили о сложении с себя полномочий. Председателем ВЦИК вместо Л. Б. Каменева был избран Я. М. Свердлов.

Против узурпации власти большевиками выступило и духовенство во главе с патриархом Тихоном. Отход церкви от политики лояльности к государству усилил до крайности нигилизм большевиков. И то, и другое имело тяжелейшие последствия для судеб российского народа.

Разгон Учредительного собрания, мирный договор с Германией стали вехами эскалации гражданской войны. С лета 1918 г. она стала основным содержанием экономической, политической, социальной жизни страны. Большевики отстаивали в ней казавшиеся им верными ценности и идеалы Октября. Их противники

преследовали разные цели (от единой и неделимой России до России без коммунистов). Участие войск Антанты еще более расширило масштабы трагедии, разыгравшейся на бескрайних просторах России.

В мае 1918 г. началось выступление Чехословацкого корпуса. На пути его следования от Пензы до Владивостока Советская власть была устранена. В 23 городах вспыхнули восстания, подготовленные эсерами. На Дону формировалась армия П. Н. Краснова, на Кубани — А. И. Деникина. Почти одновременно происходит высадка войск Антанты в портах Мурманска, Архангельска. При всей масштабности перечисленных акций следует обратить внимание на то, что среди белого движения не было признанного лидера. Однако при всей разноликости движения общим объединяющим началом являлась ненависть к большевизму.

К началу крупномасштабной гражданской войны в армии Советской республики находилось 322 тыс. бойцов. Из них обучены военному делу 31 тыс. человек. В связи с этим была создана система — всеобщее военное обучение населения. В мае 1918 г. ВЦИК принял декрет «О переходе к всеобщей мобилизации рабочих и крестьян». Началось строительство Красной Армии. К концу войны она насчитывала в своих рядах 5,5 млн. человек, 35% командного состава являлись специалистами старой армии.

Для общего руководства вооруженной борьбой создан Реввоенсовет Республики. В его состав вошли Л. Д. Троцкий —председатель, Ф. Ф. Раскольников, И. И. Вацетис. Введена должность главнокомандующего Вооруженными силами. В июне 1918 г. был образован Восточный фронт.

В сентябре 1918 г. ВЦИК принял декрет, объявивший РСФСР единым боевым лагерем, а для координации работы фронта и тыла создан Совет Рабоче-Крестьянской обороны, которому подчинялись все наркоматы, в том числе и Реввоенсовет.

Как видим, война обусловила еще большую централизацию руководства страной, а в нем — диктатуру партии. Ни один вопрос не решался без участия ЦК РКП(б). Меньшевики и правые эсеры пытались бороться с диктатурой большевиков. В Поволжье, на Урале возник ряд меньшевистско-эсеровских «республик», но они быстро оказались в зависимости от белого движения или разгонялись им. В конце 1918 г. о своей готовности защищать Советскую Республику заявили меньшевики и объявили о мобилизации своих членов в Красную Армию. Лидеры партии Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов вошли в состав ВЦИК. Однако последовавшие вскоре разногласия привели к окончательному разрыву с большевиками, а затем и к эмиграции.

Гражданская война обусловила своеобразную экономическую политику, получившую название «военного коммунизма». В лите-

ратуре ей нет однозначной оценки. Одни видят обусловленность данной политики конкретной ситуацией. Другие считают ее первым коммунистическим экспериментом. Сущность политики можно свести к ряду положений: введение продразверстки в деревне, всеобщая трудовая повинность в городе, национализация практически всей промышленности, отмена денег, введение прямого продуктообмена, бесплатный проезд на транспорте и пользование коммунальными услугами, полная ликвидация частной торговли.

Политика «военного коммунизма» позволила сконцентрировать все усилия для борьбы с внутренним и внешним врагом и в этом смысле была вынужденной. Однако, попав на неподготовленную материальную и культурную почву, социалистическая идея была извращена. Вместо обобществления произошло огосударствление, вместо свободы и демократии пришли трудовая повинность и диктатура. Самым опасным последствием такой политики стал рост недовольства крестьян Советской властью. Оно нашло проявление в действиях Н. И. Махно, а позднее А. А. Антонова.

В ноябре 1920 г. Красная армия нанесла решающий удар последнему оплоту сил внутренних соперников — войскам генерала П. Н. Врангеля. 19 ноября Южный фронт был ликвидирован, а с его ликвидацией закончилась гражданская война.

Лихолетье обусловило своеобразный вектор духовного развития общества. Отречение Николая II от престола стало ударом по религиозным верованиям народа, поставило под вопрос идею божественного происхождения царской власти, вызвало кризис идеологии. Этим обстоятельством было продиктовано решение Синода о выборе Патриарха Русской Церкви. 15 августа состоялось торжественное открытие в Москве Поместного Собора. На нем было представлено 576 делегатов от различных духовных и светских организаций. Патриарха должны были выбирать из трех кандидатур. 5 ноября 1917 г. в храме Христа Спасителя Патриархом выбран Митрополит Тихон. В своих первых выступлениях перед верующими Патриарх обращает внимание на то, что бездумное, поспешное построение нового государства неминуемо принесет вред народу.

В области науки, культуры, с одной стороны, характерно продолжение лучших традиций прошлого и появление нового. Научные открытия начала XX века подрывали традиционные представления о мире. В философии новые идеи нашли отражение в материалистическом учении, их оппонентами стали сторонники идеализма. Первое направление наиболее ярко представлено в работах В. И. Ленина, А. А. Богданова, второе — в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова.

Развитие литературы связано с творчеством И. Бунина, А. Блока, В. Брюсова, Н. Гумилева, С. Есенина, М. Горького, В. Короленко.

В. Г. Короленко до революции сочувствовал идеям народников, выступал против произвола чиновников. После революции боролся с «красным террором». А. Блок, В. Маяковский приняли революцию, Н. Гумилев не обмолвился о революции и Советской власти ни одним словом. Поэт М. Волошин в своей поэзии пытается примирить братоубийство в гражданской войне, Д. Мережковский воспринял октябрьские события как похороны культуры России.

В искусстве, как и в литературе, были различные направления, отражающие характер эпохи. Каждое из направлений имело своих поклонников и противников. Авангардизм — К. Петров-Водкин, импрессионизм — К. Коровин, абстракционизм — В. Кандинский, К. Малевич.

Становление и развитие советского театра связано с творчеством К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Получило развитие и народное образование. В стране после установления Советской власти четверо из пяти человек проживали в деревне, Россия практически была безграмотной. В конце 1919 г. начинается массовое движение против неграмотности. Декретом Совнаркома предусматривалось обучение грамоте граждан в возрасте от 8 до 50 лет. В школах число учащихся увеличилось на 2 млн. человек. Это свидетельствовало о том, что в сложных условиях правительство изыскивало средства для народного образования. Однако, при всех плюсах данной политики, надо отметить, что образование шло вширь, а не вглубь.

Предприняты шаги в развитии высшего образования и подготовки специалистов новой генерации. В целях более широкого доступа в высшую школу детей рабочих и крестьян в 1919 г. были организованы первые рабфаки, ставшие важнейшим элементом политики по преобразованию высшей школы.

Однако массовая культура оставалась крайне низкой. В деревне преобладала общинная психология, основанная на коллективной ответственности. В сознании рабочих и крестьян коммунистический идеал, претерпев изменение, превратился в уравнительный коммунизм.

ЛИТЕРАТУРА

Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л., 1990.

Бурджалов Э. Н. Вторая революция в России. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М., 1987.

Вострышев М. И. Божий избранник: Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. М., 1991.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991.

Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1991.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991.

Карр Э. История Советской России. Кн. I. Большевистская революция. 1917—1923. М., 1990.

Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2.

Мельгунов С. П. Красный террор в России (1918—1923). М., 1990.
Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1990.

Старцев В. И. 27 февраля 1917. М., 1984.

Лекция 16. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В 1921—1945 гг.

ПЛАН

1. Историографическая традиция.
2. Государство и право.
3. Россия и мир.
4. Экономическое положение.
5. Культура.
6. Вторая мировая война.

1. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Из всех периодов советской истории эпоха 20—30-х гг. подвергалась наибольшему приукрашиванию в официальной историографии. Это было время зарождения и оформления сталинизма в государственную систему. В историографии последних лет для ее названия используются самые различные термины: «основы социализма», «социализм, построенный в основном», «ранний социализм», «казарменный социализм», «государственный социализм», «сталинизм», «тоталитарная система», «административно-командная система» и т. п. Традиционная схема официальной историографии сложилась еще при Сталине, была закреплена в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и сводилась к следующему: В. И. Ленин разработал план построения социалистического общества в СССР, Коммунистическая партия поэтапно претворила его в жизнь, несмотря на нападки на ее генеральную линию «слева» и «справа». Эта концепция, в основном, просуществовала до середины 80-х гг. Даже атака, предпринятая на сталинизм XX съездом КПСС, не смогла ничего принципиально изменить в ней, за исключением того, что наряду с выдающейся ролью, которую сыграл в построении социализма И. В. Сталин, признавались и его ошибки. Однако критика Сталина велась формально, все сводилось к его личным заблуждениям.

Во второй половине 80-х гг. традиционная схема совстской историографии начала постепенно пересматриваться. Из старой концепции построения социалистического общества в СССР стали выпадать отдельные «кирпичики», составлявшие ее основу, в результате чего рухнула вся концепция и погребла под своими обломками не только ее создателя, но и основную идею, на которой была простроена.

Все началось с требования вернуться к ленинской теории построения социалистического общества в нашей стране. В работах Е. Г. Плимака, В. Т. Логинова, В. П. Наумова анализировалась суть «ленинского завещания», от которого, по мнению авторов, Коммунистическая партия отказалась в конце 20-х гг. под влиянием Сталина и других левых догматиков. Особое внимание указанные исследователи обращали на выводы В. И. Ленина, сделанные в его последних работах, о «перемене всей точки зрения на социализм» и о необходимости «предпринять ряд перемен в нашем политическом строе». Эти выводы трактовались как поворот В. И. Ленина от бестоварного социализма к рыночному с широкой демократией, плюрализмом мнений. Более того, современным политикам предлагалось учесть эти положения и положить их в основу политических и экономических реформ.

После того, как в выступлении М. С. Горбачева в связи с 70-летием Октября прозвучала положительная оценка деятельности Н. И. Бухарина, в советской историографии стал проявляться интерес к альтернативам общественного развития. Начались споры между теми, кто доказывал, что построению социализма в сталинском понимании не было альтернативы, и теми, кто анализировал иные возможности развития страны в 30-е гг. Сторонники первой точки зрения (И. Клямкин, В. Кожинов, Б. Курашвили, В. Журавлев, Н. Наумов, А. Ципко) писали, что Сталин пришел к власти и стал диктатором не случайно, а закономерно, исследователям нужно только выяснить причины, которые позволили ему это сделать. Последователи второй точки зрения (О. Лацис, Ю. Голанд, Л. Гордон, Э. Клопов, А. Нуйкин) искали в истории 20-х гг. альтернативы сталинскому курсу и находили их либо в продолжении новой экономической политики, либо в материалах XV съезда партии, либо в реализации первоначальных идей первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Попытки рассмотреть прошлое с точки зрения сегодняшнего дня вели исследователей к нарушению принципа историзма, выразившегося, в частности, в идеализации НЭПа, показу его как бесконфликтной, непротиворечивой политики. Всю вину за «свертывание» НЭПа авторы возлагали на Сталина, который, с их точки зрения, совершил в конце 20-х гг. контрреволюционный переворот, своеобразный термидор, вслед за которым последовало уничтожение ленинской гвардии, а затем массовые политические репрессии.

В центре внимания исследователей оказалась личность Сталина, а также режим, созданный им в 30-е гг. Трактовка этих вопросов зависела от того, как исследователи относились к «социалистической идее». Г. Бордюгов и В. Козлов, защищая в принципе эту идею, выступали на первых порах против тех, которые считали события 1929 г. «термидором». По их мнению, данные события

представляли собой особую форму межформационного скачка, имевшего целью превращение «России нэповской в Россию социалистическую». Противники «социалистической идеи» (А. Ципко, Ю. Буртин) писали о «доктринальных корнях» сталинизма, о том, что Сталин явился всего лишь примерным учеником Ленина, Маркса и претворил на практике их идеи. Таким образом, были поставлены под сомнение сама идея и положительный выбор Октября 1917 г.

В результате эволюция современной историографической традиции может быть сформулирована так: пересмотр традиционной схемы построения социалистического общества в СССР был начат с критики ошибок Сталина, затем был перенесен на критику системы, им созданной, а в конечном итоге — была раскритикована идея, положенная в основу строительства нового общественного строя.

2. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Переход от гражданской войны к мирному строительству вызвал видимые изменения в политической системе Советского государства. В начале 20-х гг. укрепилась власть правящей в стране партии большевиков. После инспирированного процесса над партией правых эсеров была ликвидирована политическая оппозиция в стране: партии меньшевиков и эсеров были распущены, а их руководители выдворены за пределы СССР. В самой партии большевиков произошли серьезные изменения. На ее X съезде в марте 1921 г. была принята резолюция «О единстве партии», запрещающая существование фракций в партии. Весной 1922 г. на пост генерального секретаря партии был избран И. В. Сталин, который сделал этот пост главным в партии. При жизни В. И. Ленина в партии соблюдалась формальная внутрипартийная демократия, проводились открытые дискуссии, в ходе которых выдвигались лидеры, но партия не раскалывалась из-за непререкаемого авторитета самого В. И. Ленина.

После смерти В. И. Ленина положение в партии формально не изменилось. Продолжались внутрипартийные дискуссии по различным вопросам политической и хозяйственной жизни страны, шла подспудная борьба за лидерство в партии. Наиболее крупные дискуссии прошли в 1923—1924 гг. о путях выхода из «кризиса сбыта», в 1925 г. о продолжении новой экономической политики и в 1928 г. о путях ликвидации хлебозаготовительного кризиса. В ходе дискуссий Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев И. В. Сталин, Н. И. Бухарин не скрывали своих разногласий, апеллировали к широким партийным массам, но не довели дело до раскола партии. Причины сохранения единства партии были

уже другие, нежели при жизни В. И. Ленина. Во-первых, среди них не было явного лидера, за кем бы пошла основная часть партии. Во-вторых, все из указанных руководителей боялись появления политической оппозиции вне партии большевиков. В-третьих, существующие споры отражали реальные противоречивые процессы НЭПа; не случайно все внутрипартийные дискуссии совпадали с очередным кризисом новой экономической политики. Эта борьба отражала реально существующие в обществе различные социальные интересы и велась, по существу, вокруг методов управления экономикой и страной в целом.

Самым серьезным противоречием, которое переживала страна в 20-е гг., являлось противоречие между экономической политикой, осуществление которой было рассчитано на использование экономических рычагов хозяйствования, и политической системой, рассчитаной на применение административно-командных методов управления. Правящая партия даже в разгар НЭПа не теряла этих рычагов воздействия на экономику, и перспективы НЭПа во многом определялись исходом борьбы между сторонниками и противниками государственного вмешательства в экономику.

В конце 20-х гг. эта борьба пришла к своему логическому завершению. Победа И. В. Сталина над своими политическими противниками ознаменовала победу административно-командной системы. Ее основные черты сложились в 30-е гг. В экономике взят курс на форсирование темпов социально-экономического развития, усиление плановых начал, систематическое использование приказных методов. Это вело к бюрократизации государственного аппарата, перестройке органов управления народным хозяйством. Уже в начале 30-х гг. территориальный принцип управления народным хозяйством был заменен на отраслевой. Вместо органа ВСНХ образуются сначала 4, а к концу 30-х гг. — более 20 министерств. В политике — это установление режима личной власти, политические репрессии, ликвидация даже формальной внутрипартийной демократии. В СССР в 30-е гг. создается тоталитарная система, регламентирующая буквально все стороны жизни. Абсолютная власть Сталина опиралась на всесилие партийного аппарата, который подчинил себе государственный аппарат, на влияние законодательной и исполнительной власти, на формальный характер представительных органов власти. По закону от 1 декабря 1934 г. судебные функции фактически были сосредоточены в репрессивных органах. Замечательно характеризуют систему, сложившуюся в СССР, слова Л. Кагановича, сказанные еще в 1929 г.: «мы отвергаем понятие правового государства.. Если человек, претендующий на звание марксиста, применяет понятие «правового государства» к Советскому государству, то

это значит, что он идет на поводу у буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве».

3. РОССИЯ И МИР

В последнее время в исторической литературе и публицистике появилось много новых моментов, обогащающих наше знание о внешней политике СССР в 20—30-е гг. В работах В. Г. Сироткина, М. И. Семиряги, Г. Л. Розанова, Л. А. Безыменского, О. А. Ржешевского, А. М. Самсонова, А. О. Чубарьяна были пересмотрены концепции внешнеполитической деятельности нашей страны в эти годы в целом, даны новые оценки отдельных этапов этой деятельности и конкретных исторических событий. Особое внимание было привлечено к развитию советско-германских отношений на протяжении всех 20—30-х гг., и заслугой исследователей этой проблемы явилось то, что более объективное освещение этих отношений опиралось не на домыслы, а на совершенно новые документы, многие из которых были опубликованы. В ряде интересных работ были раскрыты новые аспекты советско-финляндской войны 1939—1940 гг., начали проясняться обстоятельства преступления в Катыни и политики СССР в отношении своих соседей во время начавшейся второй мировой войны.

Взаимоотношения Советской России со всем остальным миром, и прежде всего — европейскими государствами, после окончания гражданской войны определялись рядом обстоятельств. Во-первых, крах надежд на скорую мировую революцию заставил руководителей большевиков заняться разработкой основ своей внешнеполитической деятельности, рассчитанной на длительное сосуществование государств с различными социальными системами. Сначала советское руководство вступило в контакт со своими ближайшими соседями, результатом чего было подписание договоров с Эстонией, Литвой, Латвией, Финляндией, Польшей, Ираном, Афганистаном и Турцией. Этот процесс шел для Советской России не безболезненно: чтобы обезопасить свои границы и отодвинуть возможный плацдарм нападения на страну приходилось идти на уступки собственной территории.

Второе обстоятельство касалось отношений России со странами Антанты. Несомненно, советское руководство желало развития отношений прежде всего с Англией и Францией — как политических, так и экономических. Однако в полном объеме урегулировать отношения со странами Антанты Советской России не удалось из-за нежелания признать законными требования о возвращении долгов царского и Временного правительств и возмещения убытков от национализации собственности иностранных компаний,

а также во многом из-за деятельности Коминтерна, существование которого доказывало, что большевики не отказались от идей мировой революции.

В-третьих, советское руководство умело играло на противоречиях, которые существовали в западном мире, особенно между победителями и побежденными в первой мировой войне. Результатом такой политики явилось заключение целого ряда договоров с Германией, советско-германские отношения уже в 20-е гг. стали приоритетными для России и переросли политические и экономические связи, поскольку территория СССР фактически стала использоваться Германией для становления своих вооруженных сил в обход Версальского договора. Можно сказать, что в 20-е гг. СССР не смог выйти из экономической изоляции, не оправдались надежды большевиков на концессии и другие формы привлечения иностранного капитала в экономику страны, единственным средством экономических взаимоотношений являлся товарообмен, осуществляемый на основе строго соблюдаемой монополии внешней торговли. Успехи НЭП в сельском хозяйстве позволили СССР во второй половине 20-х гг. активизировать продажу хлеба за рубеж.

В начале 30-х гг. приоритеты советской внешней политики стали меняться. Осложнение международной ситуации как на Западе, так и на Востоке заставили СССР искать новых союзников, а также заботиться об укреплении безопасности своих границ. В это время СССР заключает ряд двусторонних договоров о ненападении и мирном урегулировании конфликтов со своими ближайшими соседями, а также важные соглашения о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Одновременно происходит разрыв советско-германского сотрудничества, поводом для которого стал приход Гитлера к власти. Западные страны также были заинтересованы в сближении с СССР из-за угрозы возникновения мировой войны и острого экономического кризиса, поразившего весь мир на рубеже 20 и 30-х гг.

Этими обстоятельствами объясняются такие факты мировой политики, как принятие СССР в Лигу Наций, установление нормальных отношений между СССР и США, переговоры по различным вопросам, в том числе и военным, которые СССР вел во второй половине 30-х гг. с развитыми капиталистическими странами. Однако эта политика, которая в традиционной советской историографии получила название «Борьба СССР за укрепление коллективной безопасности», не привела к логическому завершению и не предотвратила вторую мировую войну в силу ряда причин, полное понимание которых пока еще отсутствует как в отечественной, так и в западной историографии. В 1938—1939 гг. в международных отношениях происходит коренной перелом, результатом

чего явились Мюнхенское соглашение и советско-германский пакт о ненападении. Однако возлагать вину за эти акты, которые, несомненно, подтолкнули мир ко второй мировой войне, только на Запад или только на Советский Союз будет неверно. Этот поворот в мировой политике произошел в результате ошибок, допущенных обеими сторонами, были упущены реальные возможности предотвратить войну, и этим воспользовалась Германия.

4. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Переход от войны к миру сопровождался острым социально-политическим кризисом. Основная часть крестьянства и некоторые слои рабочего класса были недовольны политикой «военного коммунизма» и свое недовольство выражали открыто — в виде антисоветских и антибольшевистских выступлений. Это заставило руководство страны перейти к осуществлению новой экономической политики. Ее содержание было сформулировано в выступлениях В. И. Ленина на X съезде РКП(б) весной 1921 г. и в ряде его последующих работ. Суть НЭПа виделась лидеру большевиков в установлении крепких экономических и политических отношений между основными классами российского общества, которые сохранились после революции и гражданской войны — между рабочим классом и крестьянством. Эти отношения должны были строиться на экономической основе с использованием элементов рыночной экономики.

Начало осуществления НЭП было осложнено неурожаем 1921 г. и голодом, который охватил основные районы страны. Всего голодало около 40 млн. человек. Однако уже через два года после принятия НЭП ее результаты стали сказываться. Лучше всего НЭП проявила себя в сельском хозяйстве, которое продолжало оставаться основной отраслью экономики России. Замена продразверстки продналогом, разрешение свободной торговли хлебом, поощрение кооперации и индивидуального крестьянского хозяйства создали стимулы к труду и помогли очень быстро восстановить довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Во второй половине 20-х гг. российский хлеб вновь начал продаваться на мировом рынке и обеспечил получение страной необходимых валютных поступлений. Основным производителем товарного хлеба стало среднее крестьянство, которое было главной силой в деревне, способной накормить всю страну.

Успеху новой экономической политики способствовало также проведение денежной реформы 1922—1924 гг., которая укрепила курс рубля, сделала конвертируемым и позволила использовать его для закупки за рубежом необходимого промышленного оборудования. Советский червонец до конца 20-х гг. сохранял свою конкурентноспособность на мировом рынке.

Стремительно развивалась торговля, где основные позиции занял частный капитал. Появившееся слово «нэпман» относилось, прежде всего, к людям, разбогатевшим в сфере торговли и обслуживания.

Менее успешно новая экономическая политика отразилась на состоянии промышленного производства Советской России. Ее развитию способствовали подъем сельского хозяйства, укрепление кредитно-денежной системы, допущение частного (в том числе и иностранного) капитала, предоставление предприятиям хозяйственной самостоятельности. В 1921—1928 гг. среднегодовые темпы развития промышленного производства составили 23%. Однако даже таких высоких темпов оказалось недостаточно, чтобы промышленность смогла обеспечить страну необходимым количеством продукции.

В годы новой экономической политики в стране сложились серьезные диспропорции между развитием сельского хозяйства и промышленности, что привело к трем экономическим кризисам 1923, 1925 и 1928 гг. Обострилось противоречие между экономикой, которая вставала на рыночные рельсы, и политической структурой, которая, по мере усиления позиций Сталина, все больше использовала командно-административные методы управления страной. Эти диспропорции и противоречия взорвали НЭП изнутри, и экономика была приведена в соответствие с политической структурой.

На рубеже 20—30-х гг. в социально-экономическом положении страны произошли серьезные изменения. Прикрываясь лозунгами о возможности империалистической агрессии и необходимости укрепления обороноспособности страны, ее руководство стало подстегивать социально-экономические процессы. Для этого несколько раз пересматривались задания первого пятилетнего плана в сторону увеличения темпов развития. Сверхвысокие темпы развития промышленности требовалось обеспечить сырьем, рабочей силой и финансовыми вливаниями. Все это было найдено в советской деревне и изъято методами насильственной коллективизации.

Индустриализация и коллективизация привели к тому, что к концу 30-х гг. в стране изменились экономическое положение и социальная структура общества. К этому времени СССР вышел на второе место в мире и на первое — в Европе по объему промышленного производства. Однако это было достигнуто путем перенапряжения сил народа и многочисленных жертв. Коллективизация унесла жизни 8—10 млн. человек. Было ликвидировано 3 млн. крестьянских дворов (10—12% от их общего количества). Голод 1932—1933 гг., порожденный коллективизацией, унес жизни еще

10 млн. человек. В стране снизился жизненный уровень, показателем которого можно считать существование в 1928—1934 гг. карточной системы на основные продукты питания и предметы широкого потребления.

Реальные темпы роста промышленной продукции оказались меньшими, чем в годы НЭПа. По официальным данным в 1926—1940 гг. среднегодовые темпы роста составили 17%, а в пересчете современных иследователей — 9%.

Изменилась и социальная структура общества. Деревня лишилась основного производителя товарного хлеба — зажиточного крестьянина. Миллионы крестьян, спасаясь от коллективизации, хлынули в город и растворили в своем составе кадры потомственных рабочих. Фактически в 30-е гг. в СССР образовались новые классы общества — колхозное крестьянство и советский рабочий класс, которые превратились в маргинальные слои, не осознающие своих классовых интересов, и мнением которых очень легко было манипулировать. Недовольных переменами поглотила система ГУЛАГа, выполнявшая в стране важную хозяйственную функцию.

5. КУЛЬТУРА

Современные исследователи культуры (как отечественные, так и зарубежные) постоянно обращаются к периоду 20-х—30-х годов как к наиболее интересному и в то же время наименее изученному, во многом проливающему свет на последующее развитие общества.

В марксистской историографии культуры долгое время роль ключевых терминов играли понятия «культурное строительство», «культурная революция». С ними связывалось коренное преобразование духовной жизни общества, планомерное и целенаправленное воздействие на нее «сверху». Большинство историков — специалистов в области культуры ныне считает, что культурные преобразования, проводившиеся в 20-е—30-е годы, неправомерно отождествлять с культурной революцией. Дело не только в том, что процесс развивался «вширь», а не «вглубь», что превалировали количественные моменты, а не качественные. Главный смысл культурной революции, как он трактовался в начале 20-х годов, был искажен до неузнаваемости. Культурная революция «состоялась» с точностью до «наоборот» — утвердился тоталитарный тип культуры.

В немарксистской историографии первое десятилетие после Октября 1917 года также традиционно характеризуется как период активных преобразований, причем отмечается, что в культурной политике сочетались как «жесткая» линия (абсолютизация

классового подхода), так и «мягкая» линия (вынужденная тактика новой власти по отношению к старой культуре и ее носителям). Победа первой тенденции (это нашло выражение в сталинской «культурной» революции 30-х годов) была предопределена тем, что партия с ее монопольным положением приобретала все больше прав в идейном контроле за всеми сферами культуры. Так кратко можно охарактеризовать историографическую традицию рассматриваемой темы.

Все исследователи культуры единодушны в том, что с переходом к НЭПу демократическая направленность культурных преобразований могла обрести определенную перспективу (установки на реализацию принципа политехнизации школы, на обеспечение бесплатного образования и развертывание широкой сети учебных заведений, на приобщение трудящихся к культуре и просвещению через различные общества («Долой неграмотность», «Друзья радио», «Друзья советского кино» и др.). Тогда же сложились традиции массовых праздников, имевших идеологическую направленность. Это касается и такой формы народного творчества, как художественная самодеятельность.

Однако демократизм НЭПа оказался условным и ограниченным по времени. Процесс стал развиваться в обратном направлении, т. е. в сторону централизации и бюрократизации всего управления культурой. К примеру, в 1921 году вводится новый Устав, который подрывал основы вузовской автономии, устанавливал привилегии для рабочих, крестьян и их детей в продвижении их в учебные заведения. В этом четко проявилось стремление власти к идеологизации образования, к управлению культурой с помощью административных методов.

В условиях НЭПа расширились возможности для установления деловых отношений власти с интеллигенцией, в том числе и с той, что оказалась за рубежом в первой волне эмиграции. Их идеи представляли своего рода «оппозицию сотрудничества», а их носители («сменовеховцы») преследовали цель «подправления» политики Советской власти.

Однако с середины 20-х годов наметились тенденции к искоренению идей сменовеховства, а значит и предложенного старой интеллигенцией курса на компромисс с Советской властью. Еще ранее проявился конфликт новой власти с той частью интеллигенции, что придерживалась позиции неприятия складывавшегося политического режима, пыталась отстаивать свои культурно-личностные качества. Это привело в 1922 году к высылке за границу большой группы философов, экономистов, математиков, историков, писателей (так называемый «философский пароход»). А далее, как известно, были Соловки и крепнущая система Гулага.

На рубеже 20-х—начале 30-х годов военно-коммунистическая идеология, сохранявшаяся в «низах», сомкнулась с подобным же, все более крепнущим умонастроением «верхов». Это имело драматические последствия для культуры. Возобладало стремление, наряду с великим скачком в экономике, подстегнуть, форсировать процесс культурных преобразований. Это выразилось в широком использовании в 1928—1931 гг. чрезвычайных мер («культштурмы», «культэстафеты», «культпоходы», «культатаки», практика разверсток и мобилизации на учебу). Проводились политические и судебные «спектакли», чтобы полностью искоренить в интеллигенции стремление к независимому существованию. Завершается процесс «огосударствления» культуры, доводится до абсурда принцип идеологического контроля над творчеством в области культуры.

Культура 20-х годов, отличавшаяся некоторым разнообразием идей, форм и творческих приемов, трансформируется в тоталитарную модель. Последняя уже исключала свободное плюралистическое существование культуры. Свидетельством тому — судьбы писателей А. Ахматовой, Н. Заболоцкого, О. Мандельштама, Е. Замятина, М. Булгакова, режиссера В. Мейерхольда, композитора Д. Шостаковича (его произведения объявлялись формалистическими), художников А. Лентулова и Д. Штеренберга (их называли «пачкунами со злостными намерениями») и многих других. Зачеркивались имена и целые историко-культурные пласты.

Известно, что в первые годы существования Советской власти в общественное сознание внедрялось утверждение, что церковь может играть в жизни людей только отрицательную роль, что с уничтожением религиозных убеждений общество выработает вместо старой, «рабской», новую мораль. Объективно это вело к тому, что мало стали цениться простые нормы человеческой морали, самоценность жизни каждого человека, что не отвергалось религией. Уже тогда взаимоотношения церкви и государства были сложными, а при изъятии церковных ценностей в 1922 г. обернулись драмой для многих священнослужителей. Конец 20-х—начало 30-х годов ознаменовались новым витком борьбы против церкви. Это вылилось в движение за закрытие церквей и молитвенных домов. Делалось это, преимущественно, административным путем, без обращения за согласием к населению. Не обошлось и без уничтожения таких бесценных памятников как Храм Христа Спасителя, Чудов монастырь (в Кремле) и др. Власти обсуждали вопрос о снесении храма Василия Блаженого на Красной площади.

Разумеется, 20-е—30-е годы отмечены определенными достижениями в культуре. Страна поднялась от практически всеобщей неграмотности к массовой грамотности. Окрепла материальная база культуры, до 30% местного бюджета направлялось на соци-

ально-культурные нужды. Это дало возможность в годы первой и второй пятилеток развернуть строительство новых школ. За этот период было открыто в Советской России более 28 тыс. школ.

Страна располагала значительным отрядом специалистов-инженеров, агрономов, медиков, педагогов. Были созданы замечательные произведения искусства. В быт населения, в том числе сельского, вошли газеты, книги, радиоприемники. По ряду научных направлений советские ученые заняли первое место в мире.

Такого рода культурный прогресс — результат общецивилизационного процесса, переживавшегося страной. Во многом он был связан с преобразованиями, которые решались в ходе индустриального развития Советской России.

Следует отметить, что культурные процесссы все более активно использовались для решения политических и социально-экономических проблем, а советская культура — для антирелигиозной пропаганды, как орудие борьбы против церкви.

Нельзя не отметить повышение внимания к историческому прошлому страны: с 1934 года в средней школе вводится преподавание отечественной истории, восстанавливаются исторические факультеты в университетах.

Песни талантливейших композиторов И. Дунаевского, М. Блантера и других призваны были воспевать мощь и красоту «великих строек», а советского человека — как хозяина «необъятной Родины своей». Сложность, парадоксальность, драматизм культуры 20-х—30-х годов состоял также в том, что субъектами ее в большинстве своем были люди по-настоящему талантливые, верившие в идеалы социализма. Время наложило печать на творчество таких выдающихся деятелей, как М. Шолохов и А. Фадеев, О. Берггольц и Д. Кабалевский, Г. Александров и С. Эйзенштейн, И. Пырьев и М. Штраух, К. Станиславский и А. Таиров, М. Горький и В. Маяковский. Возможности для духовного развития интеллигенции в советской стране, несмотря на огромный творческий потенциал, были «зашорены» административно-командной системой. Историческая судьба нашей культуры оказалась драматической, что и привело к нынешнему духовному уровню общества. Но впереди еще были Великая Отечественная и новый взлет духовности народа.

6. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В 1939—1945 гг. проходит испытание жизнеспособности советского общества, прочности его основ. Результаты его поучительны, исход обусловил особенности дальнейшего развития страны по меньшей мере до середины 80-х гг.

С начала второй мировой войны до 22 июня 1941 г. внешняя политика СССР характеризуется тесным сотрудничеством с нацистской Германией (экономическим, политическим, военным), активным использованием ситуации для территориального расширения Советского Союза, причем, силовыми методами: соучастие с Германией в захвате и расчленении Польши (17—28 сентября 1939 г.), агрессия СССР против Финляндии (30 ноября 1939 — 13 марта 1940), угроза силой Румынии и присоединение Бессарабии, Северной Буковины (июнь—август 1940), поглощение Прибалтики (сентябрь 1939—август 1940). Следует указать, что такая политика не укрепляла, а подрывала обороноспособность страны, ибо ее последствиями были изоляция от западных демократий, дезорганизация антифашистского сопротивления, приобретение новых врагов (Финляндия, Румыния), колоссальное усиление Германии.

Внутренняя политика сталинизма в это время от предыдущих лет отличалась только резким креном на милитаризацию страны. Велась интенсивная подготовка к расширению участия СССР в мировой войне. При этом — не к обороне от внешней агрессии, а к активным наступательным действиям в момент, который само советское руководство сочтет подходящим. Это подтверждают отсутствие заранее разработанного плана боевых операций на случай агрессии Германии против СССР, другие просчеты и объясняет внезапность нападения 22 июня 1941 г. Ответственность за неготовность страны к отпору почти полностью несут И. В. Сталин и его ближайшее политическое окружение. Что же касается высшего военного руководства, то его состав был ослаблен репрессиями 1928—1941 гг.[1] и многократно перетасован перед войной. Поэтому оно не могло нормально ориентироваться в ситуации.

Нападение Германии потребовало коренного, причем мгновенного, изменения политического курса. При демократических формах правления такая ситуация неизбежно привела бы к падению правительства и приходу к власти оппозиции. Авторитарный режим либо подвергся бы радикальной реорганизации, либо также был бы сменен оппозицией. Тоталитарный сталинский режим устоял. Без существенных изменений даже в персональном составе он продолжал руководить огромной страной. Политический террор 20—30 гг. сделал свое дело. Оппозиция была раздавлена и не могла подняться. В унифицированном советском обществе не было социальной базы для смены режима. Наконец, всякая попытка изменить политическое устройство страны в тех условиях означала пособничество внешнему врагу, несущему стране и ее народу смертельную угрозу.

[1] Только за 1937—1938 гг. было репрессировано свыше 40 тыс. армейских командиров и политработников. Высший командный состав был истреблен на 70—80 проц.

Во внешней политике руководство СССР переориентировалось от «дружбы» с Германией на вооруженную борьбу с ней в союзе с Великобританией, США и движением Сопротивления, то есть с теми силами, которые из Москвы прежде порицались как «действительные виновники» и даже «поджигатели» войны. Не следует рассматривать образование антифашистской коалиции как исключительную заслугу внешней политики СССР. Это был процесс, отражавший обоюдное стремление всех воевавших с державами Оси сил. При анализе противоречий между Объединенными Нациями следует иметь в виду различие представлений о цене, которой достигается победа на войне, и эхо прошлой политики сталинизма.[1]

Внутри страны партийно-государственное руководство СССР сосредоточилось на тотальной мобилизации и использовании всех наличных ресурсов в целях отражения агрессии. По степени мобилизации сил и средств Советский Союз превзошел любую из других стран-участниц второй мировой войны. Причина этого в огосударствлении всех ресурсов еще в предвоенные годы. Следует, однако, обратить внимание на то, что мобилизация и, особенно, использование потенциала страны отличались варварским расточительством. В течение всей войны действовал принцип достижения поставленных целей любой ценой. Особенно легко и в массовых масштабах в жертву приносились человеческие жизни и здоровье. В результате фронтовые потери всегда в несколько раз превышали потери противника.[2] На фронте обычным делом были лобовые атаки на неподавленные огневые точки. Подготовка боевых резервов проводилась по принципу «числом поболее, ценою подешевле», качество ее было низким.

С началом мировой войны происходит ускоренная милитаризация советской экономики. После нападения Германии этот процесс ускоряется еще более и завершается не позднее конца 1941 года. Однако из-за потери не менее 40% экономического потенциала в первые месяцы Отечественной войны хозяйство страны не представляло собой слаженно работавшей системы. Нарушились кооперативные связи, остро не хватало топлива, электроэнергии, многих видов сырья, черных и цветных металлов и т. д. Лихорадочное состояние экономики стало преодолеваться с мая—июня 1942 г. и, в основном, завершилось к весне 1943 г., когда начинается относительно устойчивое наращивание производства. В целом

[1] В 1943 г., например, произошел разрыв отношений между эмигрантским польским правительством и СССР. Главной причиной была огласка факта массовых расстрелов польских военнопленных и интернированных на советской территории весной 1940 г. (Катынь).

[2] Вдвое в 1945 г., в 3—4 раза в 1942—1944, в 1941— еще больше.

хозяйство СССР даже в сокращенном виде оказалось способным обеспечить фронт необходимыми средствами борьбы.[1] Это доказывает способность режима максимально концентрировать ресурсы на выполнение главной для него цели, но не эффективность советской экономики, как многие полагают. Использование ресурсов, по сути, было расточительным. Тоталитарное государство мелочно экономило на обеспечении трудящихся самым необходимым для жизни, на качестве подготовки рабочих кадров. Пропаганда объясняла это военными трудностями, необходимостью отдать все фронту. Но такая «экономия» на деле оборачивалась большими потерями: физическим истощением работающих, массовым использованием тяжелого, малопроизводительного ручного труда, авариями, простоями, высокой текучестью трудовых ресурсов. Предельно возможное переключение промышленности на выпуск собственно оборонной продукции имело следствием катастрофическое состояние оборудования на предприятиях из-за невозможности обновления станочного парка и низкого качества ремонта, использования малопригодных заменителей.

В первый период мировой войны произошли перемены только в духовной жизни советского народа в связи с переориентацией официальной пропаганды. С началом Отечественной войны положение круто изменилось. Народ до дна испил чашу немыслимых невзгод. Ни в одной из воевавших стран люди не жили настолько плохо, как в СССР. Нигде обращение с ними не было столь безжалостным как со стороны внешнего врага, так и со стороны собственных правителей. В то же время внешняя опасность консолидировала советское общество. Массовый героизм в эти годы не подлежит сомнению. Более того, его значение и масштабы едва ли оценены по достоинству. Широко известны сотни фамилий. Подлинных же героев были сотни тысяч. Война, уничтожая и калеча миллионы жизней, поднимая волны горя и всяческой мерзости, одновременно востребовала попранные прежде общечеловеческие ценности, повысила самосознание человека как части народа и как личности, способной на подвиг.

Культура советского общества за время мировой войны также подверглась метаморфозам. В начале — унифицированная, хвастливо воспевающая достижения социализма, мудрого «отца народов», несокрушимую мощь Красной Армии, возвышенно-бодрая, подчеркнуто партийная, она быстро приобрела иные черты во время всенародного сопротивления германской агрессии. Ведущее место занимает патриотическая тематика, отодвинув далеко на

[1] На четыре пятых. До 18—20 проц. материальных ресурсов, употребленных страной во время войны, дала экономическая помощь союзников.

задний план «ценности социализма». Картины народного горя, праведного народного гнева, решимость отстоять Родину, суровая тональность, публицистичность — основные черты культуры периода Отечественной войны. Уменьшилась назойливая политизация в области естественных наук. Компетентность и профессионализм повысились в цене. Ослабела антицерковная политика. Усилилась роль религии. Личность И. В. Сталина продолжала ежедневно восхваляться в периодической печати и радиопередачах, но во многих художественных произведениях появлялась редко или не упоминалась совсем.

Из второй мировой войны советский народ вышел победителем. Заслуги его перед человечеством велики и неоспоримы. Именно в нашей стране была переломлена, а затем сокрушена мощь Третьего Рейха. Около 2/3 потерь в живой силе и технике Германия понесла на восточном фронте.

Цена войны для нашей страны была несопоставимой с жертвами других стран, противостоявших фашизму. Погибло 27 млн. советских граждан. Велики были разрушения и материальные потери. Огромные жертвы объясняются не только силой, упорством, жестокостью внешнего врага. При более компетентном и человечном политическом руководстве страны победа могла быть достигнута ценой, меньшей в несколько раз. Напомним, что Германия потеряла убитыми за всю вторую мировую войну около 6 млн. чел., из них — 4 млн. на фронте, в т. ч. 2,6 млн. в боевых действиях против СССР.

Славу народа-победителя присвоила сталинская административная система. Присвоила так, что народ даже не почувствовал себя обкраденным. Причиной тому — распространенная в сознании советских людей логическая ошибка, которая всячески укреплялась и оберегалась от обнаружения официальной пропагандой. Она — в суждении: «Победа достигнута под руководством И. В. Сталина, Коммунистической партии, Советского правительства, а значит — благодаря этому руководству».

ЛИТЕРАТУРА

Абаринов В. Катынский лабиринт. М,, 1991.

Бордюгов Г., Козлов В. История и конъюнктура. М., 1992.

Бутенко А. П. Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990.

Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1990. Т. I.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. М., 1989.

Голанд Ю. Что предшествовало «великому перелому» 1929 // Политическое самообразование, 1989, № 9.

Гордон Л., Клопов Э. Что это было? М., 1989.

Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории 1990, №. 5.

Журавлев В., Ильин А., Неизроков А. В. И. Ленин: «Вместе и наравне...» // Урок дает история. М., 1989.

Зезина М. Р., Косиман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры. М., 1990.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.

Курашвили Б. Политическая доктрина сталинизма. // История СССР, 1989, № 5.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевистская революция. 1917—1923. М., 1990.

Кожинов В. Правда и истина // Наш современник, 1988, № 4.

Курин Л. НЭП: суть, опыт, уроки // Урок дает история. М., 1989.

Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987, № 8.

Лацис О. Перелом // Знамя, 1986; № 6.

Мы родом из Октября (в беседе принимают участие драматург М. Шатров, историки В. Логинов, С. Кулешов) // Хронограф. Ежегодник. 89, М., 1989.

Наумов В., Курин Л. Ленинское завещание // Урок дает история. М., 1989.

Нуйкин А. Идеалы и интересы // Обратного хода нет. М., 1989.

О трагедии в Катыни // Международная жизнь, 1990, № 5.

Парсаданова В. А. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история, 1989, № 2.

Плимак Е. Г. Политическое завещание В. И. Ленина: Итоги, сущность, выполнение. М., 1988.

Петров В. Была такая война // Страницы истории КПСС. М., 1989.

Полпреды сообщают... Сб. док. об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939—август 1940 г. М., 1990.

Розанов Г. Л. Сталин—Гитлер 1939—1941. М., 1991.

Ржешевский О., Ковалев Ф. Так начиналась война // Урок дает история. М. 1989.

Самсонов А. М. Знать и помнить. М., 1989.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992.

Сироткин В. От «военного коммунизма» к нэпу. Международная обстановка // Архивы раскрывают тайны... М., 1991.

Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990.

Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.

Ципко А. Истоки сталинизма // Октябрь, 1989 № 11, 12.

Чубарьян А. В. В преддверии второй мировой войны. // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1989.

Лекция 17. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

ПЛАН

1. Эволюция исторических взглядов.
2. Внешнеполитические проблемы.
3. Экономическое положение.
4. Культура.
5. Период перестройки.

1. ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Представленный в лекции период отечественной истории получил различное отражение в исторической литературе. Марксистскую историографию, главным образом советскую, условно можно разделить на несколько блоков исследований, в которых, в зависимости от политической и идеологической ситуации в стране, по-разному давалась историческая оценка происходящих событий.

Уже в середине 50-х гг. в отечественной исторической литературе утвердилось мнение, в соответствии с которым происходящая в то время либерализация советской системы рассматривалась как очень важный демократический поворот. Именно тогда с легкой руки писателя И. Эренбурга за этим периодом закрепилось название «оттепели».

Состоявшийся в 1961 г. XXII съезд КПСС принял «Программу строительства коммунизма в СССР» и примерно на 10 лет закрепил в советской литературе основную характеристику последующего периода как «эпохи развернутого строительства Коммунизма».

После прихода к власти брежневского руководства в 1964 г. в историографии заметно утихли страсти по поводу демократизма «славного десятилетия» Н. Хрущева. С конца 60-х гг. (после ввода в идеологический оборот «концепции развитого социализма») в советской историографии начинает утверждаться оценка 60-х—70-х гг. как периода «совершенствования развитого социализма». В соответствии с ней отечественные историки до середины 80-х гг. последовательно проводили тезис о высокой степени зрелости советского общества.

Перестройка внесла существенные коррективы в характеристику послевоенной истории. Это коснулось, в частности, периодиза-

ции. Изменения политической и социально-психологической ситуации в стране ряд ведущих историков стал связывать, в отличие от устоявшейся точки зрения, не с XX съездом КПСС (1956 г.), а с окончанием II мировой войны. Вновь отечественная историография с особой силой заговорила о реформах середины 50-х—середины 60-х гг., называя это время «периодом первой перестройки». Совершенно по-иному, как «время тихой ресталинизации», оценивается середина 60-х—конец 60-х гг. За 70-ми—серединой 80-х гг. очень быстро и прочно закрепляется образный термин «время застоя». В последние годы отечественные историки достаточно плодотворно работают над проблемой торможения социально-экономического и духовного развития страны в 70-е—80-е гг.

Литература, посвященная следующему после 1985 г. периоду, представлена, главным образом, политическими деятелями. Она содержит оригинальные оценки происходящего, но к научной исторической литературе может быть отнесена весьма условно в силу ее тенденциозности.

Немарксистская литература отличается более широким спектром авторских позиций. Критическая оценка исторического развития СССР в 1945—1985 гг. концентрируется преимущественно на проблеме советского тоталитаризма. Отмечая большие достижения советского военно-промышленного комплекса, западные авторы показывают общую картину диспропорций и нарастания кризисных явлений в советской экономике. «Консервативный экономический реформизм» 60-х гг. в их работах однозначно оценивается как не имевший перспектив.

Анализируя политическое развитие страны, историки немарксистской школы много внимания уделяют характеристике властных государственных структур. Историки-диссиденты традиционно в своих работах фиксируют проблему соблюдения прав человека. По их мнению, усиление политической реакции в стране в конце 70-х — середине 80-х гг. было связано с вступлением страны в период структурного кризиса. Все историки единодушно констатируют формирование в СССР особого класса — советской правящей номенклатуры.

При изложении нашего видения основных проблем периода мы попытаемся сбалансировать подходы различных исторических школ.

2. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В годы совместной борьбы с фашизмом начал складываться Союз СССР, США и Великобритании. Решения Тегеранской, Крымской, Потсдамской конференций носили общедемократический характер и заложили основу послевоенного мирного урегулирования. В уставе ООН нашли отражение принципы мирного сосуществования, суверенитета и равенства всех стран мира. Однако уникальный шанс строительства прочного мира для многих поколений остался неиспользованным.

Период сотрудничества стран антифашистской коалиции сменился периодом конфронтации. Уже в марте 1946 г. У. Черчилль призвал западные державы к совместной борьбе против мирового коммунизма. Поводом для охлаждения отношений послужила непримиримая позиция Сталина, отказавшегося включить в будущее правительство Польши представителей эмигрантского правительства в Лондоне. Сталин стремился создать в восточноевропейских странах послушные ему режимы. Вместо единого фронта демократических партий были созданы однопартийные правительства, насаждалась административно-бюрократическая система, заимствованная в СССР, проводились преобразования, аналогичные советским.

В свою очередь США, мощь которых неизмеримо возросла за годы войны, стремились распространить свое влияние на Европу. Был разработан «план Маршалла» — план восстановления разрушенной экономики западноевропейских стран. Давались крупные займы на покупку американских товаров, вырученные деньги не вывозились из страны, а вкладывались в строительство новых и восстановление старых предприятий. Но для осуществления этих инвестиций нужна была политическая стабильность, гарантия от преобразований; аналогичных восточноевропейским. Под давлением США коммунисты были удалены из правительств западноевропейских стран.

Уже в 1947 г. на вооружение была взята «доктрина Трумэна», в которой провозглашалась задача борьбы с коммунизмом во всем мире, «сдерживание коммунистического наступления» и «отбрасывание коммунизма в границы СССР». Все революции и общественные движения в мире рассматривались как результат коммунистической агрессии, через призму противостояния СССР и США. В свою очередь, сталинское руководство рассматривало все события в мире как результат противоборства «мирового империализма». Страны, пытавшиеся проводить сколько-нибудь самостоятельную политику, фактически отлучались от «социалистического лагеря» (Югославия, 1948 г.). США пытались проводить политику атомного шантажа. Начиная с 1945 г., разрабатывались планы

нанесения ядерного удара по СССР. (1946 г. — «Пинчер», 1947 г. — «Брайлер», 1949 г. — «Дропшот»). Советский Союз был окружен сетью американских военных баз. В 1949 г. их насчитывалось более 300.

Были созданы военно-политические блоки, направленные против СССР. 1949 г. — Североатлантический блок (НАТО), включивший 10 западноевропейских государств, США и Канаду; 1954 г. — организация стран Юго-Восточной Азии (СЕАТО); 1959 г. — Багдадский пакт. В 1949 г., в нарушение послевоенных соглашений, произошло объединение английской, американской и французской зон оккупации Германии в единое государство — ФРГ, которое вошло в НАТО. Так был закреплен раскол Германии.

Советский Союз в ответ предпринимал аналогичные меры. В 1949 г. ценой неимоверных усилий была создана советская атомная бомба. В мае 1955 г. в противовес НАТО возник Варшавский военно-политический договор, включивший СССР и восточноевропейские страны.

Таким образом, в послевоенное десятилетие произошел раскол мира на два лагеря. Противостояние этих лагерей определило на долгие годы всю мировую политику. Началась так называемая «холодная война», продолжавшаяся с перерывами вплоть до последнего времени. Суть ее — политическая, экономическая, идеологическая конфронтация между двумя системами, «балансирование на грани войны».

Раскол мира сказался и на экономических связях. После принятия «плана Маршалла» и образования в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи сложились фактически два мировых рынка, изолированных друг от друга, что пагубно сказалось на экономике СССР и Восточной Европы.

К концу 60-х—началу 70-х годов политика противостояния двух лагерей и гонки вооружений все более и более изживает себя. США, после провала крупномасштабной военной интервенции во Вьетнаме, стремились выйти из положения с наименьшими потерями. В свою очередь, СССР также был заинтересован в смягчении международной обстановки, так как из-за критики культа личности Сталина резко обострились отношения СССР с Китайской народной республикой, руководство которой оставалось на сталинских позициях. Изменилась и экономическая ситуация. Из-за разразившегося энергетического кризиса Запад был заинтересован в развитии торговли с СССР, в увеличении закупок советской нефти и газа. В 60-е г. окончательно рухнула колониальная система: освободившиеся страны, начинавшие играть все большую роль в мировой политике, выступили с нейтралистских позиций, настаивали на прекращении противостояния двух блоков.

С 1970 г. начинается период, вошедший в историю как период разрядки международной напряженности. Были подписаны крупномасштабные соглашения между СССР и США по вопросам ограничения вооружений (1972 г. — Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО); Соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1); Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны; 1974 г. — договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия). Эти соглашения не означали прекращения гонки вооружений. Они лишь отсекали ее некоторые, наиболее опасные направления.

Значительный шаг был сделан в области обеспечения европейской безопасности. В течение 25 лет после войны не было мирного договора между СССР и Германией, правительство ФРГ не признавало происшедших в результате войны территориальных изменений, требовало возвращения к границам 1937 г. В 1970 г. были подписаны договоры ФРГ с СССР, Польшей, Чехословакией. В 1971 г. — четырехстороннее соглашение СССР, США, Англии и Франции по западному Берлину. Тем самым был ликвидирован очаг напряженности в центре Европы.

Кульминацией разрядки явилось проведение в августе 1975 г. Совещания глав правительств 33-х европейских государств, США и Канады, в результате которого был подписан Заключительный акт, регламентирующий основные принципы взаимоотношений между государствами (мирное сосуществование, уважение суверенитета всех государств, незыблемость существующих границ, неприкосновенность личности).

Однако и в годы разрядки противостояние двух военно-политических лагерей продолжалось, невиданный масштаб приняла гонка вооружений. В экономике СССР резко усилились позиции военно-промышленного комплекса. Был выдвинут лозунг «создания и поддержания военно-стратегического паритета», равенства с США по всем видам вооружений. 70-е годы были периодом самых интенсивных советских усилий в создании и накоплении всех видов вооружений. Мы фактически превзошли США по численности армии, количеству танков, самолетов, подводных лодок, стратегических ракет. Эта политика подрывала доверие западных партнеров к нам и самым катастрофическим образом отражалась на нашей экономике. США превосходили СССР по валовому национальному продукту в 3—4 раза, а затраты на вооружение были равноценны.

Начало резкому обострению международной обстановки, возвращению к политике «холодной войны» положило решение о вводе советских войск в Афганистан в 1979 г. для оказания помощи афганской революции. Это авантюристическое решение приве-

ло к десятилетней интервенции, стоившей нам десятков тысяч жизней и миллиардных затрат. Это решение однозначно было воспринято на Западе как отказ от разрядки. Угрозу своим интересам в действиях СССР увидели Китай, Иран, Пакистан, Советский Союз оказался в международной изоляции.

В это же время было принято непродуманное решение о модернизации советских ракет среднего радиуса СС-20, направленных против Западной Европы. В ответ западноевропейские страны обратились с просьбой к США разместить в Европе американские ракеты среднего радиуса. Советский Союз, в свою очередь, разместил тактические ракеты с ядерными боеголовками в ГДР и Чехословакии.

На Западе также возобладали милитаристские тенденции. Были прекращены все переговоры о сокращении вооружений. Президент США Рейган выдвинул доктрину «ограниченной ядерной войны против СССР», предусматривающую нанесение первого обезоруживающего удара по пусковым установкам ракет и центрам управления. По его инициативе развернулись работы по созданию системы космической противоракетной обороны (СОИ). Гонка вооружений набирала новый виток и грозила принять непредсказуемые масштабы.

К началу 80-х годов внешняя политика СССР зашла в тупик, развернувшаяся гонка вооружений разоряла страну. Необходимы были решительные перемены.

3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Война отбросила страну на 10—15 лет назад по основным экономическим показателям. Сложность социально-экономической ситуации поставила руководство страны перед дилеммой: либо реформы, либо возвращение к довоенному сверхжесткому курсу. Сталин выбрал последнее.

1945—1953 годы — время укрепления тоталитарно-бюрократической системы. В этих условиях происходило восстановление и развитие экономики страны. Логика выживания и привычные стереотипы руководства страны требовали первоочередного восстановления и развития тяжелой промышленности. Эта задача была решена в кратчайшие сроки. По официальным данным уже к 1948 г. объем промышленного производства достиг довоенного уровня, а в 1950 г. превысил его на 73% (по четвертому пятилетнему плану предполагался рост на 52%). Тяжелая промышленность увеличила производство в два раза (легкая — на 23%). Этому способствовал не только самоотверженный труд людей, но и максимальная концентрация ресурсов, достигнутая за счет «экономии» на сельском хозяйстве, легкой промышленности и соци-

альной сфере. Немалую роль сыграли и репарации с Германии (4.3. млрд. долл.). Они не только обеспечили до половины оборудования, устанавливающегося в промышленности, но и подтолкнули научно-техническое развитие. Значительные производственные мощности высвободила и конверсия.

Конверсия, однако, была далеко не полной. Более того, лучшие умы и ресурсы были брошены на создание новых видов вооружений и прежде всего — атомной бомбы (превратившейся в козырную карту не только в военных, но и в идеологических спорах). В результате небывалой концентрации ресурсов (атомный проект курировал Л. П. Берия), усилий советских конструкторов и разведки, сумевшей выкрасть у американцев важные атомные секреты, ядерное оружие было создано в короткие сроки — в 1949 г. А в 1953 г. СССР впервые в мире создал водородную (термоядерную) бомбу. Одним из ее «отцов» был 32-летний академик А. Д. Сахаров.

Успехи в промышленности, в военном деле базировались на жестком административно-политическом нажиме на деревню, на откровенном ограблении крестьян. Доходы от колхоза составляли в среднем лишь 20,3% денежных доходов семьи крестьянина, а 22,4% колхозов в 1950 г. вообще не выдавали денег на трудодни. Даже учитывая некоторое повышение норм выдачи продуктов на трудодни, можно констатировать, что изнурительная работа в колхозе не столько обеспечивала крестьян, сколько давала им право кормиться за счет собственного приусадебного хозяйства (не имея паспортов, крестьяне не могли покинуть деревню, а за невыполнение определенной нормы трудодней им грозила судебная ответственность). Не случайно в начале 50-х гг. деревня только приблизилась к довоенному уровню (по четвертому пятилетнему плану должна была его превзойти на 27%).

Избранный вариант форсированного восстановления с опорой на внутренние ресурсы (Западная Европа получила по плану Маршалла от США 13 млрд. долл.) и сверхконцентрация средств в тяжелой промышленности замедлили повышение жизненного уровня, что было чревато ростом социальной напряженности. К тому же в 1946 г. в результате сильной засухи и прекращения поставок американского зерна страну постиг голод, нередки были случаи голодных смертей. Отмена карточек в 1947 г. и денежная реформа (носившая конфискационный характер) серьезно ударили по широким массам, сделали недоступным для них многие товары, продававшиеся по коммерческим ценам. В результате в 1947—1950 гг. цены на товары снижались 5 раз. (В дальнейшем этот процесс как бы «оторвался» от его предыстории и отложился в массовом сознании как «сталинский курс на регулярное снижение цен»).

С середины 50-х гг. стали предприниматься первые, правда робкие, попытки либерализации тоталитарно-бюрократической системы. Новый экономический курс, связанный с именем Г. М. Маленкова (Председатель Совета Министров СССР в 1953—1955 гг.), выразился в перенесении приоритетов с тяжелой промышленности на легкую и на сельское хозяйство, жилищное строительство. В сельском хозяйстве намечались мероприятия по повышению урожайности, включению фактора заинтересованности колхозника (в этом ряду — распашка целинных и залежных земель). Но после прихода Н. С. Хрущева к власти акцент сместился на освоение целины в уповании на быструю отдачу «ударных» мероприятий. Не прошел и курс на существенное перераспределение капиталовложений между отраслями в пользу отраслей группы «Б», который на январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС был поставлен в вину Г. М. Маленкову. Однако различия экономической политики не могли быть кардинальными и ограничивались жесткими рамками коммунистической идеологии (государственная собственность, централизованное планирование, недопустимость частного интереса). Многочисленные реформаторские эксперименты сводились в период «оттепели», в основном, к государственным программам и реорганизации управленческих структур.

Расширение масштабов экономики сделало невозможной столь же высокую концентрацию экономической власти, как это было прежде. Директивный, по преимуществу, характер экономических отношений сохранился, но фактическое принятие решений все в большей мере распределялось по разным уровням хозяйственно-политической иерархии. Основы хозяйственной жизни по-прежнему определялись директивой, но теперь директивы больше, чем раньше, приходилось согласовывать в различных инстанциях и на различных ступенях управления. Крайне централизованная, командная, административно-директивная экономика в «чистом виде» сменилась в период «оттепели» иной ее разновидностью — своего рода экономикой согласовывания. Ряд министерств из союзных были реорганизованы в союзно-республиканские. К 1956 г. в ведение республик было передано около 15 тыс. промышленных предприятий. Политику децентрализации венчала реформа 1957 года, в соответствии с которой совершенствовалась организация управления промышленностью и строительством. Были ликвидированы отраслевые министерства и созданы территориальные советы народного хозяйства. Однако реформа носила административный характер, ограничиваясь перемещением функций оперативного руководства на уровень совнархозов. Она не внесла качественных изменений в условия хозяйствования. Опыт замены отраслевого принципа управления на территориальный показал,

что без существенного реформирования хозяйственного механизма обеспечить качественные сдвиги в экономике невозможно.

В середине 50-х—начале 60-х гг. развитие основных отраслей народного хозяйства было весьма динамичным. Несмотря на снижение темпов развития к концу 50-х гг., в 1956—1958 гг. темпы роста промышленности составили 10—15 проц. против планового задания 7,6%. Особенно быстро развивалось машиностроение. В годы семилетки (1959—1965 гг.) удвоились основные промышленные фонды, рывок совершила химическая промышленность. Вместе с тем снизились темпы развития легкой и пищевой промышленности. Это было связано с отставанием сельского хозяйства. Сыграли роль нарушения принципа материальной заинтересованности тружеников села, ограничение подсобного хозяйства, волюнтаризм в управлении (кукурузная кампания).

В социальной сфере обозначились крупные позитивные сдвиги: быстро росли заработная плата и потребление товаров. В 1964 г. впервые были введены пенсии колхозникам. Жилой фонд страны вырос за годы семилетки на 40%.

Либерализация благоприятно повлияла на развитие науки и образования. В 1958 г. было введено обязательное восьмилетнее образование. Существенно увеличился выпуск специалистов в высших учебных заведениях. Росло число научных учреждений. В 1957 г. на Востоке страны начал создаваться крупный научный центр — Сибирское отделение Академии наук СССР. В Дубне был создан крупный международный исследовательский центр — Объединенный институт ядерных исследований. В 1957 г. на космическую орбиту был выведен первый отечественный спутник, построен первый в истории атомный ледокол, а в 1961 г. состоялся первый в истории полет человека в космос. Радиовещание охватило всю страну. В 1958 г. число телевизоров достигло 3 млн. против 200 тыс. в 1953 г. Научно-технические достижения «хрущевской эпохи» заложили основу для достижения в последующем военно-стратегического паритета с США.

Еще в начале 60-х гг. специалисты, а затем и хозяйственные руководители пришли к выводу о необходимости глубоких экономических реформ. В период «оттепели» велась проработка путей их реализации. В середине 60-х гг. новое руководство во главе с Л. И. Брежневым вынуждено было пойти на хозяйственную реформу, суть которой заключалась в усилении экономических рычагов, расширении самостоятельности предприятий. Сокращалось число директивно-планируемых показателей, в распоряжении предприятий оставлялась доля прибыли, провозглашался «хозрасчет». Одновременно был восстановлен отраслевой принцип управления промышленностью. Реформа дала определенный импульс развитию экономики, несколько повысила темпы роста производ-

ства в восьмой пятилетке. Однако, будучи непоследовательной уже в замысле и еще более выхолощенной в ходе реализации, реформа стала свертываться. Усложнение хозяйственных связей сделало неизбежным и некоторый рост товарно-денежных отношений. Но поскольку административно-директивные факторы оставались решающими, товарно-денежные отношения могли развиваться только в ограниченных и во многом уродливых формах. Они неизбежно вытеснялись на периферию хозяйственной жизни, в том числе в сферу «теневой» экономики, образуя полулегальное дополнение экономики согласовывания. Понятно, что развивающиеся в этих формах товарные отношения, выполняя объективно необходимые функции, одновременно становились фактором разложения, источником злоупотреблений, хозяйственной преступности. В 70-е гг. происходит неуклонное скатывание отечественной экономики к стагнации. От восьмой (1966—1970 гг.) к одиннадцатой (1981—1985 гг.) пятилетке неуклонно снижались основные экономические показатели, темпы роста валового общественного продукта (они по официальным завышенным данным составили соответственно 42%, 36, 23, 19%).

Особенно неблагоприятным выглядело экономическое развитие страны на фоне мировой экономики. Промышленно развитые государства Запада переходили в 1970—80-е гг. к новому информационному (постиндустриальному) обществу, характеризующемуся разким увеличением роли непроизводственной (особенно образовательной) сферы, индивидуализацией потребления, тогда как СССР по-прежнему осуществлял расширенное воспроизводство индустриальной структуры с упором на традиционные отрасли. Экстенсивный характер развития отечественной экономики резко ограничивал возможности решений социальных задач. Из-за нараставших экономических трудностей, продолжавшейся концентрации средств в тяжелой и военной промышленности, доля средств, шедших на социальные нужды, снижалась. В частности, удельный вес капиталовложений в жилищное строительство (к общему их объему) сократился с 17,7 % в 1966—1970 гг. до 15,1% в 1981—1985 гг. С начала 70-х гг. в нашей стране перестала увеличиваться средняя продолжительность жизни и начала расти детская смертность. К началу 80-х гг. мы находились лишь на 35 месте в мире по продолжительности жизни и на 50-м — по уровню детской смертности.

Конечно, в годы «застоя» произошел заметный сдвиг в повышении благосостояния граждан. Тем не менее, доля фонда зарплаты в национальном доходе, созданном в промышленности на Западе, составляла 60—80% (в США в 1985 г. — 64%), а в СССР в 1985 г.—36,5%. По уровню потребления на душу населения СССР занимал лишь 77-е место.

Кризисные явления проявились в сфере науки и образования. Количественные показатели выглядели внешне благополучно. Быстро повышался уровень образования. Доля лиц с высшим и средним образованием (полным и неполным) выросла с 66,3% в 1970 г. до 80,5% в 1979 г. и 92,1% в 1989 г. Вместе с тем, образование все более отставало от требований времени, его уровень, по существу, снижался. Различные административно-организационные меры давали малый эффект. Доля средств, шедших на просвещение, к 1985 г. в союзном бюджете упала ниже 1940 г. Продолжался рост численности научных учреждений, научных работников, увеличивалось финансирование науки. Кадровый потенциал отечественной науки к середине 80-х гг. был лишь чуть ниже уровня США. Однако только в отдельных фундаментальных областях отечественная наука не отставала от науки западных стран. Даже традиционная политика опережающего развития военных отраслей с максимальной концентрацией в них материальных и кадровых ресурсов в новых условиях стала давать сбои, так как эти отрасли все больше зависели от общего технологического уровня хозяйства, от эффективности экономического механизма.

4. КУЛЬТУРА

Первое послевоенное десятилетие духовная жизнь России была буквально парализована рядом постановлений 1946—1948 гг. Это постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда», «Ленинград», о кинофильме «Большая жизнь», об опере «Великая дружба» В. Мурадели, о репертуаре драмтеатров. Были подвергнуты остракизму М. Зощенко и А. Ахматова, В. Саянов и Ю. Герман, Дм. Шостакович и В. Шабалин, С. Прокофьев и А. Хачатурян. Образ процветающей державы, пользующейся всеми благами социалистической демократии, представал со страниц газет и журналов; ленты кинематографа показывали богатые колхозы, райскую деревенскую жизнь, освященную гением «наимудрейшего» (фильмы «Кубанские казаки», «Богатая невеста», «Сказание о земле Сибирской»). Все это не имело ничего общего с трудной, полной лишений и негромкого повседневного героизма жизнью послевоенной страны.

Конечно, художественная жизнь страны не исчерпывалась только лакировкой действительности. Остались в советской литературе «Золотая карета» Л. Леонова, «Далекие годы» К. Паустовского, произведения К. Федина, «Звезда» Э. Казакевича, стихи К. Симонова; в классику советского киноискусства вошла «Молодая гвардия» С. Герасимова. Лишь в последние годы стало известно из записок и дневника А. Фадеева, какому нажиму он под-

вергался, высвечивая несуществующую роль коммунистов в организации «Молодой гвардии», как жестоко заплатил за эту неправду.

С тех лет продолжают волновать нас работы П. Корина, Ф. Фаворского, П. Кончаловского. Достойное место заняло в репертуаре современных исполнителей творчество Д. Шостаковича, В. Шабалина, С. Прокофьева.

Вторая половина 50-х — середина 60-х годов традиционно связана с представлением о начале демократизации, первых попытках пробить брешь в тоталитаризме, об «оттепели» в культурной жизни (кстати, именно представитель литературной интеллигенции, писатель и поэт И. Эренбург так назвал этот период).

Об «оттепели» говорили возрождаемые или создаваемые в эти годы творческие союзы писателей, художников (1957 г.), композиторов, Всесоюзные совещания архитекторов (1954 г.), историков (1962). Была осуждена практика прямого некомпетентного вмешательства в творческий процесс (восстановлены добрые имена Д. Шостаковича, В. Мурадели, С. Прокофьева). Свежая струя в прозе была внесена А. Солженицыным («Один день Ивана Денисовича»), созданы фильмы, с художественной правдивостью отображающие героизм и человеческую подлость, патриотизм и предательство («Чистое небо», «Летят журавли», «Торпедоносцы», «Дорогой мой человек», «Высота»). Были восстановлены имена тысяч деятелей науки, литературы, искусства, ставших жертвами беззакония: Н. И. Вавилова, В. Э. Мейерхольда, Б. А. Пильняка, О. Э. Мандельштама, И. Э. Бабеля и др. После почти двадцатилетнего перерыва были изданы произведения А. Ахматовой, М. Зощенко. Со второй половины 50-х годов в Москве стали проводиться (сразу получив международную известность и признание) конкурсы им. П. И. Чайковского (первый состоялся в 1958 г.).

Впервые были проведены выставки зарубежных собраний изобразительного искусства: Дрезденской галереи, музеев Индии, выставка П. Пикассо.

Однако недаром этот период был образно назван «оттепелью» — это были первые, отдаленные приметы весны с сильными заморозками. Известен знаменитый эпизод разгрома Н. С. Хрущевым выставки молодых художников и скульпторов в Манеже в 1962 г. (один из них — Э. Неизвестный, создавший после смерти реформатора памятник, символизирующий противоречивость его натуры — свет и тьма, гармония белого и черного мрамора). Сохранялось монопольное положение в науке любимца И. Сталина академика Т. Лысенко и его сторонников. Публичная экзекуция была проведена над Б. Пастернаком, «посмевшим» опубликовать на Западе роман о русском интеллигенте докторе Живаго: в

1957 г. Б. Пастернак был исключен из Союза советских писателей и восстановлен лишь в 1987 г. посмертно. Трагична судьба романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба» (1960 г.), увидевшего свет лишь в 1988 г.

Развитие народного образования определялось Законом 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», положившем начало школьной реформе, и продолжалось до середины 60-х гг. В 1964 г. и 1966 г. в Закон были внесены изменения. Курс в развитии высшей школы оставался прежним: обеспечить потребности народного хозяйства в кадрах специалистов. Заметим: слово «интеллигенция» нигде даже не упоминалось! Оно было накрепко заменено словом «специалист». Между тем, в жизнь вступало новое поколение интеллигенции, вдохнувшее глоток свежего воздуха, поколение, которое стало называть себя «шестидесятниками». В эти годы появилось много имен в литературе (о них мы уже говорили) и в искусстве. Были созданы новые театральные коллективы, не боявшиеся острых постановок. Среди них «Современник» (1957 г., главный режиссер О. Ефремов) и театр драмы и комедии на Таганке (1964 г., главный режиссер Ю. Любимов).

Характерная примета времени — массовый интерес к поэзии. Заново открывали С. Есенина, М. Цветаеву, А. Ахматову. В литературу пришло новое поэтическое пополнение, которое заблистало в полную силу в последующее десятилетие. Наиболее яркие имена — А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко, Р. Рождественский.

Время 60-х—70-х гг. это и расцвет эстрады и авторской песни. В песнях Б. Окуджавы, А. Галича, В. Высоцкого бился пульс времени, сложного, противоречивого, шел мучительный процесс превращения человека — «винтика» в человека мыслящего.

В это время плодотворно работали писатели В. Аксенов, Ф. Войнович, живописцы, композиторы А. Шнитке, С. Губайдулина, скульпторы Сидур и др., кинематографисты А. Тарковский.

5. ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ

В марте 1985 г. руководителем страны стал М. С. Горбачев. К этому времени стало ясно, что как внешняя, так и внутренняя политика страны зашла в тупик. Необходимо было срочно менять ориентиры. Этот процесс вошел в историю под названием «перестройка».

Во внешнеполитической деятельности была выдвинута концепция «нового политического мышления». Ее основные положения были сформулированы в 70-х—начале 80-х гг. движением «зе-

ленных», в работах А. Д. Сахарова. После XXVII съезда КПСС эта концепция была официально взята на вооружение партией и правительством. Суть ее в том, что в связи с НТР могущество человечества неизмеримо возросло, но появились и новые, глобальные проблемы (экологическая, ядерная мировая война), угрожающие самому существованию цивилизации и не решаемые в одиночку ни одним государством. Перед человечеством, впервые в его истории, встала проблема выживания. Спасти себя от самоуничтожения человеческая цивилизация может, лишь объединив усилия и ресурсы всех стран. Национальные и классовые интересы отходят на второй план, а на первое место выдвигаются проблемы общечеловеческие.

Новое политическое мышление ставит во главу угла задачи выживания человечества, сохранение жизни на Земле. Отсюда признание приоритета общечеловеческих ценностей. Решение этой задачи подразумевает конструктивное, равноправное взаимодействие государств и народов в масштабах всей планеты.

Исходя из этих положений XXVII съезда, была предложена программа создания всеобъемлющей системы международной безопасности, включающая меры в военной, политической, экономической и гуманитарной областях. Магистральным направлением внешней политики страны стала борьба за мир, за прекращение гонки вооружений.

В Заявлении Правительства СССР от 15 января 1986 года была выдвинута программа поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. Применение ядерного оружия, как показали исследования, невозможно, так как неизбежно приводит к гибели человечества. Следовательно, его разработка и накопление бессмысленны.

Поворотным пунктом в мировой политике явилась встреча президента Р. Рейгана и М. С. Горбачева в октябре 1986 г. в Рейкьявике. Впервые конкретно обсуждались проблемы ликвидации ядерного оружия. СССР внес конкретные предложения о ликвидации ракет среднего радиуса действия, 50-процентном сокращении стратегических ракет, контроле за ядерными испытаниями, недопущении милитаризации космоса. По первым трем вопросам соглашение было достигнуто, по четвертому переговоры зашли в тупик, так как Рейган не хотел отказываться от программы СОИ. Соглашение в Рейкьявике подписано не было.

Правительство СССР продолжало поиски компромиссного решения. В своем заявлении М. С. Горбачев выдвинул предложение — выделить проблему ракет среднего радиуса действия в Европе из блока вопросов и заключить по ней отдельное соглашение, которое и было подписано во время визита в США в де-

кабре 1987 г. Впервые за всю историю отношений было заключено соглашение о ликвидации целого класса ракетно-ядерных вооружений.

В июле 1991 г. во время визита Д. Буша в Москву было подписано новое соглашение — о 40-процентом сокращении стратегических вооружений СССР и США.

После распада СССР Россия продолжила прежнюю политику в области разоружения. В июне 1991 г. во время визита в США президента Б. Н. Ельцина подписано новое соглашение о кардинальном (на 2/3) сокращении ядерных потенциалов СССР и США. Россия в одностороннем порядке обязалась снять с боевого дежурства стратегические ракеты СС-18, основу советского стратегического потенциала. Этот смелый шаг означал, по существу, отказ от провозглашенного ранее военно-стратегического паритета, полностью был выдержан в духе нового мышления. Одновременно активизировались переговоры и по другим видам вооружений. В ноябре 1990 г. было достигнуто соглашение о сокращении в Европе обычных Вооруженных Сил.

Новое политическое мышление сыграло решающую роль в ликвидации ряда очагов международной напряженности, локальных конфликтов. В мае 1988 г. начался вывод советских войск из Афганистана, который был завершен 15 февраля 1989 г. Советская дипломатия приложила много усилий для ликвидации очагов напряженности в Камбодже и Анголе, создания там коалиционных правительств. Были нормализованы напряженные с 60-х гг. отношения с Китаем.

В 1989—1990 гг. произошли так называемые «бархатные революции» в странах восточной Европы. Коммунистические правительства были отстранены от власти. Произошло объединение Германии. Прекратили свое существование СЭВ и Варшавский договор.

Вместе с тем появились новые проблемы. После распада СССР обострились отношения между бывшими советскими республиками. Возникли новые очаги напряженности (Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Средняя Азия). Кроме того, вывод советских войск не привел к окончанию войны в Афганистане. Она все более принимает межнациональный характер. Новому политическому мышлению еще предстоит стать всеобщим.

Замедление темпов развития экономики в 70-х—начале 80-х гг. заставило искать выход из кризиса. В феврале 1986 г. на XXVII съезде была предложена концепция ускорения социально-экономического развития страны. Казалось, что все беды экономики происходят от распыления средств. Поэтому главным стержнем ускорения было изменение инвестиционной политики. Предусматривалось перераспределение капиталовложений в отрасли, опре-

деляющие технический прогресс, в первую очередь, в машиностроении. В него планировалось вложить средств в 1,8 раза больше, чем в предшествующую пятилетку. Предстояло в кратчайший срок построить новые и реконструировать старые заводы, обеспечить техническое перевооружение отрасли, выйти на самые передовые рубежи в области науки и техники. По существу, речь шла о новой индустриализации.

Одновременно осуществлялась реформа системы управления, напоминающая реформы 1957 г. и 1965 г. В 1987 г. был принят Закон о государственном предприятии (объединении). Несколько расширялись права предприятий. В их ведение переходило составление производственных планов. Они составлялись на основе государственных заказов, прямых договоров с другими предприятиями и торговыми организациями. Предприятия переходили на самофинансирование. После выплат в госбюджет за производственные фонды, землю, воду и др. оставшаяся прибыль шла на реконструкцию производства, социальное развитие. Было сокращено число министерств. Коллективы предприятий получили возможность брать их в аренду, выходить из состава министерств, создавать концерны, акционерные общества.

Аналогичные преобразования начались и в агропромышленном комплексе. Также был введен госзаказ; продукцию, произведенную сверх госзаказа, разрешили продавать по договорным ценам. Был взят курс на развитие в деревне арендных отношений.

Однако реформы, хотя и были радикальнее предыдущих, носили половинчатый характер. Они означали не переход к экономическим методам руководства, а лишь некоторое смягчение администрирования. Реформы вызвали рост цен и разрыв производственных связей между предприятиями.

Программа ускорения требовала гигантских капиталовложений в промышленное строительство и реконструкцию предприятий, которые могли дать отдачу лишь через 5—10 лет. Рабочие получали зарплату, а товарной массой она не обеспечивалась. Положение усугубилось сокращением импорта товаров народного потребления, переходом на валюту в торговле с бывшими социалистическими странами. Сыграли свою роль непродуманное повышение зарплат, пенсий и стипендий; волюнтаристская программа «жилье-2000»; совершенно бесперспективная антиалкогольная кампания, нанесшая ущерб свыше 40 млрд. рублей. На руках населения стали скапливаться массы денежных средств, не обеспеченных товарными ресурсами. Начались инфляционные процессы. Предприятия, стремясь избавиться от денег, стали вкладывать их в любые виды ресурсов. Широкое развитие получили бартерные сделки. Предприятия любой ценой отказывались от госзаказа, стремились обменять свою продукцию или продать за границу

пусть за бесценок, но за твердую валюту. Стали придерживать продукцию колхозы и совхозы. Реальной стала угроза голода.

В связи с экономическим кризисом возросли сепаратистские тенденции. Республики и отдельные территории стали запрещать вывоз промышленных товаров и продуктов питания. Политика ускорения потерпела крах, привела к развалу экономики. Началось уже не снижение темпов роста производства, а его падение.

В этих условиях стало ясно, что частичными изменениями существующей экономической системы не обойтись, ее надо менять в корне. Единственный выход был в переходе к рыночным отношениям.

Однако и союзный парламент, и правительства Н. Рыжкова и В. Павлова не решались на радикальные реформы, понимая, что начать их придется с освобождения цен. И только после ликвидации СССР правительство Российской Федерации начало преобразования.

Вплоть до середины 80-х гг. политическая система страны, сложившаяся в 30-е гг., оставалась без изменений. Для нее характерны были предельная централизация управления, наличие мощной бюрократии (слоя управленцев разных уровней), сосредоточение хозяйственных функций в руках партийно-политического руководства, подмена партийными органами хозяйственных. Как показал весь предшествующий опыт, без изменения этой системы никакие экономические реформы были невозможны.

Так как в существовавшей системе управления ведущую роль играла КПСС, то и реформу политической системы начала она. В июне—июле 1988 г. прошла XIX Всесоюзная партийная конференция, определившая направление реформ. Основным направлением провозглашалась передача власти от партийных органов Советам народных депутатов. Высшим органом власти провозглашался Съезд народных депутатов СССР (в республиках — республиканские съезды). Съезд избирал Верховный Совет СССР и его председателя. На местах власть осуществляли местные Советы. Вместе с тем решения конференции носили половинчатый характер. В частности, предусматривалось совмещение постов председателей Советов и секретарей соответствующих партийных организаций. Эта мера вызвала недовольство и практически осуществлялась далеко не везде.

В декабре 1988 г. был принят Закон о выборах народных депутатов СССР. Впервые в истории страны предполагались альтернативные выборы из нескольких кандидатур. В то же время предусматривались выборы от общественных организаций (КПСС, профсоюзов, комсомола, женсоветов). Эта мера призвана была обеспечить преобладание КПСС на съезде. В апреле 1989 г. открылся первый съезд народных депутатов СССР. Он избрал

Верховный Совет СССР и его председателя, которым стал М. С. Горбачев.

В марте 1989 г. прошли выборы в Верховные Советы республик. В июне 1990 г. первый съезд народных депутатов РСФСР избрал Верховный Совет и его председателя — Б. Н. Ельцина. Одновременно были избраны и местные Советы народных депутатов.

В марте 1990 г. третий съезд народных депутатов СССР внес существенные изменения в политическую систему страны. На съезде был избран президент СССР. Им стал М. С. Горбачев. Была отменена статья 6 Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС. В октябре 1990 г. был принят Закон СССР «Об общественных объединениях», в котором признавалось наличие в стране многопартийности. Тем самым ликвидировалась монополия КПСС на власть, завершалась передача функций власти в руки Советов.

В большинстве Союзных республик также были введены посты президентов. 12 июня 1991 г. всенародным голосованием первым президентом России был избран Б. Н. Ельцин. Этот день стал Днем независимости России.

Резко ухудшившаяся экономическая ситуация обострила центробежные тенденции. Разработка нового Союзного Договора, который должен был резко расширить права республик, встретила непреодолимые препятствия. Прибалтийские республики заявили о выходе из СССР. В этих условиях часть руководителей СССР, представители партийно-государственной номенклатуры решили свернуть процесс реформ. 19 августа 1991 г. вице-президент Г. И. Янаев объявил о введении чрезвычайного положения. Для управления страной был создан так называемый Государственный комитет по чрезвычайному положению. Президент М. С. Горбачев был отстранен от власти. Однако попытка государственного переворота не удалась. Уже 21 августа заговорщики были арестованы.

Августовские события резко изменили положение в стране. Президент Б. Н. Ельцин подписал указ о запрете КПСС на территории России. Аналогичные указы подписали президенты других республик. Путч ускорил распад СССР. Республики заявили о независимости. В декабре 1991 г. в Минске президентами России, Украины и Белоруссии был подписан договор о ликвидации СССР и создании Содружества независимых государств. К этому соглашению присоединились Казахстан, Азербайджан, Армения и республики Средней Азии. Был распущен Верховный Совет СССР, ликвидированы союзные органы. Начался новый этап существования России.

ЛИТЕРАТУРА

Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление. 1953—1985. М., 1991.

Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 2. М., 1990.

Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. М., 1990.

Внешнеполитическая стратегия КПСС и новое политическое мышление в ядерный век. М., 1989.

XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии. М., 1990.

История отечества: люди, идеи, решения. М., 1991. Ч. II.

Медведев Р. А. Они окружали Сталина. М., 1990.

Медведев Р. А. Н. С. Хрущев // Дружба народов. 1989. № 7, 8, 9.

Медведев Р. А. Личность и эпоха. Политический портрет Л. И. Брежнева. М., 1991.

Миф о застое. М., 1991.

Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991.

На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М., 1990.

Погружение в трясину. Анатомия застоя. М., 1991.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ РОССИИ

VIII—VII вв. до н. э.	— создание сильного племенного союза киммерийцев в Сев. Причерноморье
VIII—III вв до н. э.	— Господство скифов в черноморских степях
VI в. до н. э.	— Возникновение греческих колоний на Черном море
I в. до н. э.	— Первое упоминание о славянах в римских нсточннках
VIII—IX вв.	— Образованне Хазарского каганата. Образованне Волжской Буолгарии
VI в.	— Первые известия о «Руси» и «русах»
860	— Поход русов на Византию
882	— Завоевание Киева Олегом. Традиционная дата образования Древнерусского государства
882—912	— Княженне Олега в Киеве. Подчиненне Киевскому полнтическому центру славянских племен: древлян, северян, радимичей
2-я пол. IX в.	— Составление упорядоченной славянской азбуки
907	— Поход Руси на Византию
911	— Договор Олега с грекамн
912—945	— Княжение Игоря. Присоединение земель уличей и тиверцев
941, 944	— Походы Игоря на Византию
944	— Договор Игоря с греками
945	— Восстанне в земле древлян, установленне уроков и погостов
965—972	— Княжение Святослава
980—1015	— Княжение Владимира. Окончательное разрушение и нсчезновенне племенных делений и складыванне территорни Древнерусского государства
988	— Принятне христианства в качестве государственной религии Руси
X в.	— Появление на Русн двух алфавитов: глаголицы н кириллнцы
1019—1054	— Княжение Ярослава Мудрого. Издание «Русской правды»

Нач. XI в.	— Появление летописей
1037	— Заложен Софийский Собор в Киеве
1056—1057	— Написано «Остромирово евангелие», древнейшая рукописная книга
1097	— Любечский съезд, падение единовластия Киевских князей
1113—1125	— Княжение Владимира Мономаха
1116	— «Повесть временных лет» в редакции Сильвестра
1147	— Первое упоминание в летописи о Москве
XII — конец XV в.	— Период раздробленности
1164	— Сооружены Золотые ворота во Владимире
1165	— Построена церковь Покрова на реке Нерли
1185—1188	— «Слово о полку Игореве»
1237—1242	— Нашествие татаро-монголов на Русь
1240	— Победа новгородского князя Александра над шведами на реке Неве
XIII в.	— Возникновение Великого княжества Литовского, включение в его состав значительной части западнорусских и южнорусских земель
1242	— Ледовое побоище
1314 или 1322—1392	— Сергий Радонежский
1340—1405	— Феофан Грек, живописец
1325—1340	— Княжение Ивана Даниловича Калиты в Москве. Переход ярлыка на великое княжение в руки московского князя. Начало «собирания земли русской»
1359—1389	— Княжение Дмитрия Донского. Начало чеканки монеты
Середина XIV в.	— Основан Троице-Сергиев монастырь
1360—1430	— Андрей Рублев, живописец
1366	— Начало строительства каменного московского Кремля
1380	— Куликовская битва
1382	— Поход Тохтамыша на Москву. Возвращение власти Золотой Орды над русскими землями
1410	— Грюнвальдская битва
1443—1783	— Крымское ханство
1448	— Русская церковь стала автокефальной (независимой)
1438—1552	— Казанское ханство

1462—1505	— Княжение Ивана III. Присоединение Новгорода, Твери, Чернигово-Северской земли. Включение в состав Российского государства пермских земель, проникновение за Уральский хребет
1610	— Занятие поляками Москвы
1611	— Создание Первого ополчения
1612	— Создание Второго ополчения. Освобождение Москвы
1613	— Избрание на царство Михаила Романова
1617	— Заключение Столбовского мира со Швецией. Отход к Швеции Ижорской земли, всего побережья Финского залива
1618	— Заключение Деулинского мира с Польшей. Отход к Польше Смоленской земли и большей части Северной Украины
1632—1634	— Война за возвращение Смоленска
1649	— Соборное Уложение. Окончательное юридическое оформление крепостного права
1654	— Воссоединение Украины с Россией
XVII в.	— Присоединение Сибири до р. Лены
1653—1656	— Реформы патриарха Никона. Церковный раскол
1682—1725	— Царствование Петра I
1685	— Открытие Славяно-греко-латинской академии в Москве
1700	— Введение нового календаря
1700—1721	— Северная война. Присоединение к России Эстонии, значительной части Карельского перешейка, Латвии, возвращение старинных земель на побережье Финского залива
1703	— Начала выходить первая печатная газета
1703	— Основание Санкт-Петербурга
1705	— Введение рекрутской повинности
1708	— Создание губерний
1711	— Учреждение Сената
1718—1724	— Первая ревизия. Введение подушной подати
1714	— Учреждение коллегий
1718	— Указ о единонаследии
1719	— Создание провинций
1721	— Учреждение Синода
1721	— Разрешение покупать крестьян к заводам
1721	— Принятие Петром I титула императора

1722	— «Табель о рангах»
1722—1727	— Война России с Персией. Присоединение западных и южных земель Каспия
1724	— Первый торговый тариф
1725	— Открытие Академии наук
1725—1762	— Период дворцовых переворотов
1750	— Открытие в Ярославле первого русского театра
1754	— Отмена внутренних таможенных пошлин
1755	— Разрешена крестьянская промышленность
1757	— Учреждение Академии художеств в Петербурге
1762—1796	— Царствование Екатерины II
1762	— Манифест «О вольности дворянской»
1762	— Запрещена покупка крепостных к заводам
1768—1774; 1787—1791	— Русско-турецкие войны. Присоединение Сев. Причерноморья, Крыма
1772, 1793, 1795	— Три раздела Польши. Отход к России правобережной Украины, Западной Белоруссии, Курляндии, Литвы
1775	— Губернская реформа. Упразднение Запорожской Сечи
1783	— Георгиевский трактат. Переход Восточной Грузии под протекторат России
1785	— Жалованная грамота дворянству и городам
1790	— Издание книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву»
1801	— Вхождение Восточной Грузии в состав Российской империи
1802	— Учреждение Министерств в России
1803	— Указ о свободных хлебопашцах
1804—1813; 1826—1828	— Войны с Ираном. Присоединение Сев. Азербайджана, Дагестана и Восточной Армении
1806—1812	— Война с Турцией. Присоединение Бессарабии и Западной Грузии к России
1808—1809	— Война со Швецией. Присоединение Финляндии к России
1812	— Отечественная война народов России против Наполеона
1815	— Заключительный акт Венского конгресса. Присоединение большей части Польши
1817—1864	— Кавказская война. Присоединение Кавказа

1819	— Основание Петербургского университета
1825	— 14 декабря. Восстание декабристов
1830—1831	— Восстание в Польше
1837	— Открытие первой пассажирской железной дороги в России
1837—1841	— Реформа управления государственными крестьянами (реф. П. Киселева)
1846	— Присоединение большей части Казахских земель
1849—1915	— С. Ю. Витте
50 гг. XIX в.	— Присоединение Приамурья
1851	— Открытие железной дороги Петербург—Москва
1853—1856	— Крымская война
1855—1881	— Царствование Александра II
1860	— Договор России с Китаем в Пекине
1861	— Учрежден Государственный банк
1861, 19 февраля	— Отмена крепостного права в России
1862	— Начало публикации государственного бюджета
1862—1911	— П. А. Столыпин
1863	— Восстание в Польше, Литве, Белоруссии
1864	— Судебная, земская, школьная реформы
1864—1885	— Присоединение Средней Азии
1867	— Продажа Россией Аляски американскому правительству
1874	— Военная реформа
1876—1879	— Деятельность народнической организации «Земля и воля»
1877—1878	— Русско-турецкая война
1881, 1 марта	— Убийство Александра II
1882	— Учреждение крестьянского банка
1902	— Образование партии эсеров
1903 г. 17(30) июля	— II съезд РСДРП в Брюсселе—Лондоне
10(23) августа	— Образование большевистской партии
1904 г., январь	— Русско-японская война. Портсмутский мирный договор
1905 г., 9 января	— «Кровавое воскресенье». Начало первой русской революции
1905 г., 17 октября	— Манифест о созыве «законодательной» Государственной думы и о «конституционных свободах»

1905 г., октябрь	— Образование буржуазной конституционно-демократической партии (кадеты)
1905 г., ноябрь	— Возникновение партии октябристов — «Союза 17 октября»
1906 г., 27 апреля — 8 июля	— I Государственная дума
1906 г., июль	— Восстания матросов и солдат в Свеаборге и Кронштадте
1905 г., ноябрь	— Указ о выходе крестьян из общины. Начало столыпинской аграрной реформы
1907 г., 20 февраля — 2 июня	— II Государственная дума
1907 г., 1 ноября— 1912 г., 9 июня	— III Государственная дума
1912 г., 15 ноября— 1917 г., 25 февраля	— IV Государственная дума
1914—1918 гг.	— Первая мировая война
1917 г., 27 февраля (12 марта)	— Переход войск в Петрограде на сторону восставшего народа. Победа Февральской буржуазно-демократической революции. Свержение самодержавия. Образование Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы
1917 г., 2 марта	— Образование Временного правительства
1917 г., 25 октября	— Победа Октябрьской социалистической революции
1918 г., 5—6 января	— Созыв и роспуск Учредительного собрания
1918, июль	— Убийство Николая II и его семьи в Екатеринбурге
1921 г., март	— Провозглашение новой экономической политики
1922, декабрь	— Образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР)
1924, 21 января	— Принятие первой Конституции СССР
1929, осень	— Начало массовой коллективизации крестьянских хозяйств
1932—1933	— Голод в стране
1936, 5 декабря	— Принятие второй Конституции СССР
1936—1938	— Политические процессы в Москве
1939, 23 августа	— Договор о ненападении между СССР и Германией. Разграничение сфер влияния
1939, 1 сентября	— Начало второй мировой войны
1939, сентябрь	— Включение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии

1939, ноябрь— 1940, март	— Советско-финляндская война
1940, лето	— Присоединение Бессарабии, Северной Буковины. Образование Молдавской ССР
1940, август	— Присоединение Латвии, Литвы, Эстонии к СССР
1941, 22 июня	— Нападение Германии на СССР
1941, июнь	— Создание Государственного Комитета Обороны
1945, 9 мая	— День Победы над Германией
1945, 17 июля—2 августа	— Потсдамская конференция глав правительств СССР, США, Англии
1956, 14—25 февраля	— XX съезд КПСС. Осуждение культа личности Сталина
1956, октябрь	— Ввод советских войск в Венгрию
1957, 4 октября	— В СССР произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли
1957 г.	— Реорганизация в управлении промышленностью: создание совнархозов
1961, 12 апреля	— Полет Ю. А. Гагарина в космос
1965	— Реформы в промышленности и в сельском хозяйстве
1968 г.	— Ввод советских войск в Чехословакию
1977 г.	— Принятие третьей Конституции СССР
1979 г.	— Ввод советских войск в Афганистан
1985—1987 гг.	— Политика социально-экономического ускорения развития страны, ее провал
1989 г.	— I съезд народных депутатов СССР
1990 г., март	— Введение поста Президента СССР. Избрание М. С. Горбачева на этот пост
1990 г., июнь	— Провозглашение государственного суверенитета России
1991 г. июнь	— Избрание Б. Н. Ельцина Президентом России
1991 г., август	— Попытка государственного переворота ГКЧП
1991 г., декабрь	— Распад СССР. Создание Содружества Независимых Государств
1992 г., январь	— Начало реформы по переходу к рыночной экономике в России.

РУКОВОДИТЕЛИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО[1]

Правитель	Годы жизни	Годы правления
1	2	3
Гостомысл	первый Новгородский посадник. По некоторым сведениям дед Рюрика	
Династия Рюриковичей (862—1598)		
Великие князья		
Рюрик	? — 879	862—879
Олег	? — 912	879/882—912
Игорь	? — 945	912—945
Святослав I	? — 972	945—972
Ярополк I Святославич	? — 980	972—980
Владимир I Святославич	? — 1015	980—1015
Святополк I	980—1019	1015—1019
Ярослав I Владимирович (Мудрый)	978—1054	1019—1054
Изяслав I Ярославич	1024—1078	1054—1068, 1069—1073, 1076—1078
Всеслав Брячиславич Полоцкий	? — 1101	1068—1069
Святослав II Ярославич	1027—1076	1073—1076
Всеволод I Ярославич	1030—1093	1078—1093
Святополк II Изяславич	1050—1113	1093—1113
Владимир II Всеволодович (Мономах)	1053—1125	1113—1125
Мстислав I Владимирович (Великий)	1076—1132	1125—1132

[1] При составлении таблицы использовались следующие источники: Романовы. Царствующий дом Российской империи. С. Пб 1878; Историческая энциклопедия Т. 1—16. М., 1961—1976; История СССР с древнейших времен. Серия 1, т. I—II, М., 1966. При определении правителей особенно в период феодальной раздробленности исходили из общепринятой традиции, что в начале столицей являлся Новгород; с 882 г. — Киев; с 1169 г. — Владимир; с 1328 г. — Москва; с 1703 — С-Петербург; с 1918 г. — Москва. В число правителей не включены княгиня Ольга, Софья Витовтовна, Елена Глинская, правившие в период малолетства своих сыновей. Софья Алексеевна, правившая в период малолетства своих братьев. Митрополит Бяконт — глава Московского правительства в период малолетства Дмитрия Донского.

1	2	3
Ярополк II Владимирович	1078—1139	1132—1139
Всеволод II Ольгович	1090—1146	1139—1146
Игорь II Ольгович	1097—1147	1146
Изяслав II Мстиславич	1097—1154	1146—1149, 1151—1154
Юрий I Владимирович (Долгорукий)	? — 1157	1149—1151, 1155—1157
Ростислав Мстиславич	? — 1167	1154—1155, 1159—1167
Изяслав III Давыдович	? — 1162	1157—1159
Мстислав II Изяславич	? — 1170	1167—1169
Андрей Юрьевич (Боголюбский)	? — 1174	1169—1174
Михаил Юрьевич	? — 1176	1174—1176
Всеволод III Юрьевич (Большое гнездо)	1154—1212	1176—1212
Юрий II Всеволодович	1189—1238	1212—1216, 1219—1238
Константин Всеволодович	1186—1219	1216—1219
Ярослав II Всеволодович	1191—1246	1238—1246[1]
Святослав III Всеволодович	? — 1252	1246—1247
Михаил Ярославич	? — 1248	1247—1248
Андрей Ярославич	1221—1264	1248—1252
Александр Ярославич (Невский)	1220—1263	1252—1263
Ярослав III Ярославич	1230—1272	1263—1272
Василий Ярославич	1241—1276	1272—1276
Дмитрий Александрович	1253—1294	1276—1283, 1284—1294
Андрей Александрович	1255—1304	1283—1284, 1294—1304
Михаил Ярославич	1271—1319	1304—1317
Юрий III Данилович	1280—1325	1317—1322
Дмитрий Михайлович (Грозные очи)	1299—1326	1322—1326
Александр Михайлович	1301—1339	1326—1328
Иван I Данилович (Калита)	1282—1340	1328—1340
Симеон Иванович (Гордый)	1316—1353	1340—1353
Иван II Иванович (Красный)	1326—1359	1353—1359

[1] В 1243 г. Ярослав Всеволодович первым получил ярлык на великое княжение от хана Батыя.

1	2	3
Дмитрий Константинович	1324—1383	1359—1363
Дмитрий Иванович (Донской)	1350—1389	1363—1389
Василий I Дмитриевич	1371—1425	1389—1425
Василий II Васильевич (Темный)	1415—1462	1425—1462[1]
Иван III Васильевич	1440—1505	1462—1505
Василий III Иванович	1479—1533	1505—1533
Иван IV Васильевич (Грозный)	1530—1584	1533—1547
Цари московские		
Иван IV Васильевич (Грозный)	1530—1584	1547—1584
Федор Иванович	1557—1598	1584—1598
* * *		
Борис Федорович Годунов	1552—1605	1598—1605
Федор Борисович Годунов	1588—1605	15.IV—10.VI 1605
Лжедмитрий I	? — 1606	1605—1606
Василий Иванович Шуйский	1552—1612	1606—1610
Династия Романовых 1613—1917[2]		
Михаил Федорович	1596—1645	1613—1645
Алексей Михайлович	1629—1676	1645—1676
Федор Алексеевич	1661—1682	1676—1682
Иван V Алексеевич	1666—1696	1682—1696
Петр I Алексеевич	1672—1725	1682—1721
Императоры Всероссийские		
Петр I Алексеевич	1672—1725	1721—1725
Екатерина I Алексеевна	1684—1727	1725—1727
Петр II Алексеевич	1715—1730	1727—1730
Анна Ивановна	1693—1740	1730—1740
Иван VI Антонович	1740—1764	1740—1741
Елизавета Петровна	1709—1761	1741—1761
Петр III Федорович	1728—1762	1761—1762

[1] В 1433—1434; 1446—1447 гг. великокняжеский трон был отнят у Василия II его дядей Юрием Дмитриевичем, а затем двоюродным братом Дмитрием Шемякой.

[2] В период 1610—1612 гг. власть в Москве находилась в руках семи боярских родов (семибоярщина), передавших ее затем в руки поляков. Наследник польского престола Владислав Ваза был одним из претендентов на царский трон.

1	2	3
Екатерина II Алексеевна	1729—1796	1762—1796
Павел I Петрович	1754—1801	1796—1801
Александр I Павлович (Благословленный)	1777—1825	1801—1825
Николай I Павлович	1796—1855	1825—1855
Александр II Николаевич (Освободитель)	1818—1881	1855—1881
Александр III Александрович (Миротворец)	1845—1894	1881—1894
Николай II Александрович	1868—1918	1894—1917
Временное правительство		
Львов Георгий Евгеньевич	1861—1925	2 III—8 VII 1917
Керенский Александр Федорович	1881—1970	8 VII—25 X 1917
Советский период		
Руководители правительства		
Руководители правительства (с 1917 г. — Совнарком РСФСР; с 1922 г. — Совнарком СССР; с 1946 г. — Совет Министров СССР)		
Ленин Владимир Ильич	1870—1924	1917—1924
Рыков Алексей Иванович	1881—1938	1924—1930
Молотов Вячеслав Михайлович	1890—1986	1930—1941
Сталин Иосиф Виссарионович	1878—1953	1941—1953
Маленков Георгий Максимилианович	1902—1988	1953—1955
Булганин Николай Александрович	1895—1975	1955—1958
Хрущев Никита Сергеевич	1894—1971	1958—1964
Косыгин Алексеей Николаевич	1904—1980	1964—1980
Тихонов Николай Александрович	р. 1905	1980—1985
Рыжков Николай Иванович	р. 1929	1985—1990
Павлов Виктор Сергеевич	р. 1937	1-VIII-1991
Руководители партии (с 1922—1952 г. — и с 1966 — 1991 гг. генеральные секретари ЦК, с 1953—1966 гг. — I Секретари ЦК)		
Сталин Иосиф Виссарионович	1878—1953	1922—1952
Хрущев Никита Сергеевич	1894—1971	1953—1964
Брежнев Леонид Ильич	1906—1982	1964—1982
Андропов Юрий Владимирович	1914—1984	1982—1984
Черненко Константин Устинович	1911—1985	1984—1985
Горбачев Михаил Сергеевич	р. 1931	1985—1991

1	2	3
Руководители Советского государства		
(1917 г. — Председатель ВЦИК РСФСР и СССР; с 1938 г. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. С 1989 г. — Председатель Верховного Совета СССР. С 1990 г. — Президент СССР. С 1991 г. — Президент РСФСР)		
Каменев Лев Борисович	1883—1936	X-XI-1917
Свердлов Яков Михайлович	1885—1919	1917—1919
Калинин Михаил Иванович	1875—1946	1919—1946
Шверник Николай Михайлович	1888—1970	1946—1953
Ворошилов Климент Ефремович	1881—1969	1953—1960
Брежнев Леонид Ильич	1906—1982	1960—1964, 1977—1982
Микоян Анастас Иванович	1895—1978	1964—1965
Подгорный Николай Викторович	1903—1983	1965—1977
Андропов Юрий Владимирович	1914—1984	1983—1984
Черненко Константин Устинович	1911—1985	1984—1985
Громыко Андрей Андреевич	1909—1989	1985—1988
Горбачев Михаил Сергеевич	р. 1931	1988—1990 с 1990—1991 — президент СССР
Ельцин Борис Николаевич	р. 1931	с VI.1991 г. первый президент РСФСР

Руководители органов безопасности

7(20) декабря 1917 г. создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Главное политическое управление народного комиссариата внутренних дел РСФСР (ГПУ), а затем в Объединенное главное политическое управление при Совнаркоме СССР. С 1934 г. ОГПУ реорганизовано в НКВД. Вначале 1941 г. НКВД разделен на два наркомата — внутренних дел и государственной безопасности, но в условиях войны вновь был создан объединенный наркомат. В 1943 г. было образовано два наркомата, которые в 1946 г. были переименованы в Министерства внутренних дел и Государственной безопасности СССР, которые в 1953 г. были вновь объединены в Министерство внутренних дел СССР, из которого в 1954 г. был выделен Комитет Государствен-

ной безопасности при Совете Министров СССР. С 1978—1991 гг.— Комитет Государственной безопасности СССР. В 1960 г. Союзное Министерство внутренних дел было упразднено и вновь восстановлено в 1966 г.

1	2	3
Дзержинский Ф. Э.	1877—1926	1917—1926
Менжинский В. Р.	1874—1934	1926—1934
Генеральный комиссар безопасности Ягода Г. Г.	1891—1938	1934—1936
Генеральный комиссар госбезопасности Ежов Н. И.	1895—1940	1936—1938
Маршал Советского Союза Берия Л. П.	1899—1953	1938—1941, 1941—1943, 1953
Генерал армии Меркулов В. Н.	1895—1953	1941, 1943—1946
Генерал-полковник Абакумов В. С.	1908—1954	1946—1951
Игнатьев С. Д.	1904—1983	1951—1953
Генерал-полковник Круглов С. Н.	1907—1977	1953—1954
Генерал армии Серов И. А.	р. 1905	1954—1958
Шелепин А. Н.	р. 1918	1958—1961
Генерал-полковник Семичастный В. Е.	р. 1924	1961—1967
Генерал армии Андропов Ю. В.	1914—1984	1967—1982
Генерал-полковник Федорчук В. В.	р. 1918	V-XII-1982
Генерал армии Чебриков В. М.	р. 1923	1982—1988
Генерал армии Крючков В. В.	р. 1924	1988—1991
Генерал-лейтенант Бакатин В. В.	р. 1937	VIII-XII-1991
Генерал армии Баранников В. П.	р. 1940	с 1992 г. министр безопасности России

Наркомы, с 1946 г. Министры внутренних дел СССР

Генеральный комиссар госбезопасности Ягода Г. Г.	1891—1938	1934—1936
Генеральный комиссар госбезопасности Ежов Н. И.	1895—1940	1936—1938
Генеральный комиссар госбезопасности с 9.VII.1945 г. Маршал Советского Союза Берия Л. П.	1899—1953	1938—1946, 1953
Генерал-полковник Круглов С. Н.	1907—1977	1946—1953, 1953—1956
Дудоров Н. П.	1906—1973	1956—1960
Генерал армии Щелоков Н. А.	1910—1984	1966—1982

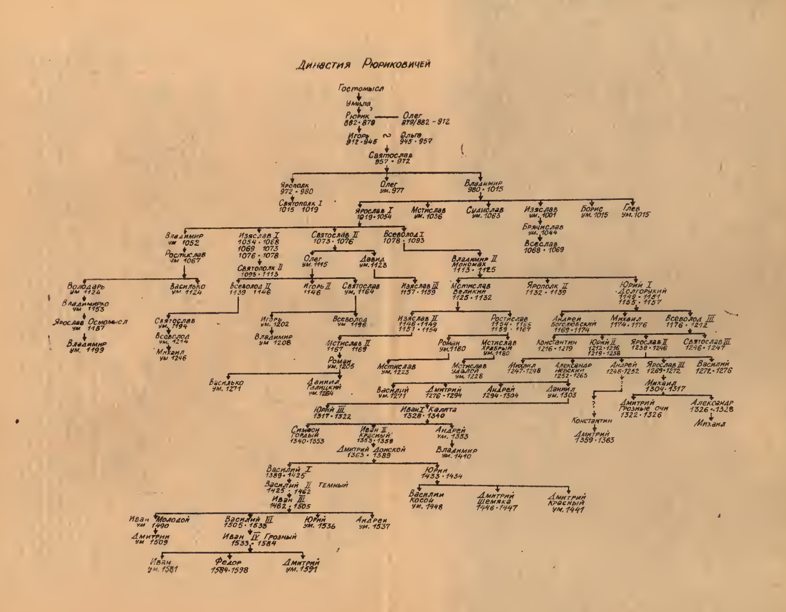
1	2	3
Генерал армии Федорчук В. В.	р. 1918	1982—1986
Генерал-полковник Власов А. В.	р. 1932	1986—1988
Генерал-лейтенант Бакатин В. В.	р. 1937	1988—1990
Генерал-полковник Пуго Б. К.	1937—1991	1990—1991
Генерал-лейтенант Баранников В. П.	р. 1940	VIII—XII 1991
Генерал-полковник Ерин В. Ф.	р. 1942	с 1992 г. Министр внутренних дел России

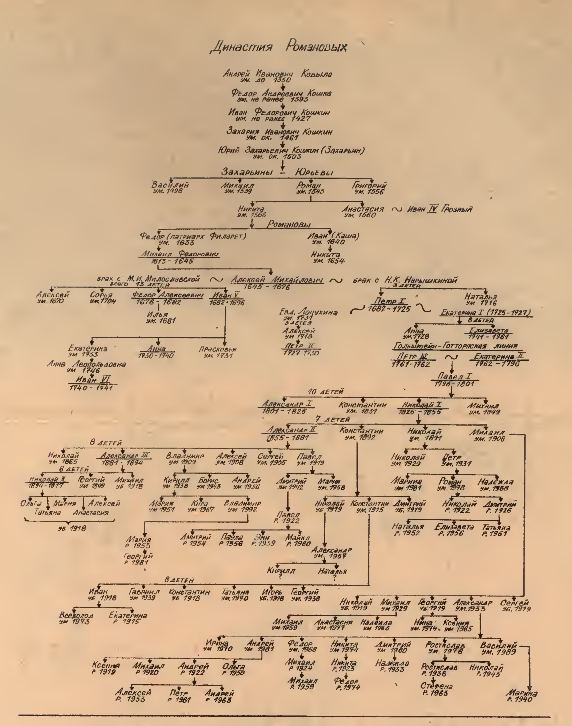
Руководители Вооруженных Сил

В первом Советском правительстве руководство Вооруженными Силами осуществляли Дыбенко П. Е., Антонов-Овсенко В. А. и Крыленко Н. В., затем были созданы два комиссариата по военным и морским делам, которыми руководили Подвойский Н. И. и Дыбенко П. Е. С 1918 г. руководство Вооруженными Силами осуществлял Реввоенсовет и наркомат по военно-морским делам. В 1934 г. организован наркомат обороны, переименованный в 1946 г. в Министерство обороны. С 1947—1949 гг. существовало Министерство Вооруженных Сил. С 1950—1953 гг. —Военное Министерство. С 1953 г. вновь Министерство обороны. С 1937—1953 гг. существовал наркомат и военно-морское Министерство.

Троцкий Л. Д.	1879—1940	1918—1925
Фрунзе М. В.	1885—1925	26 I-31 X-1925
Маршал Советского Союза Ворошилов К. Е.	1881—1969	1925—1940
Маршал Советского Союза Тимошенко С. К.	1895—1970	1940—1941
Генералиссимус Советского Союза Сталин И. В.	1878—1953	1941—1947
Маршал Советского Союза Булганин Н. А.	1895—1975	1947—1949, 1953—1955
Маршал Советского Союза Василевский А. М.	1895—1977	1949—1953
Маршал Советского Союза Жуков Г. К.	1896—1974	1955—1957
Маршал Советского Союза Малиновский Р. Я.	1898—1967	1957—1967
Маршал Советского Союза Гречко А. А.	1903—1976	1967—1976
Маршал Советского Союза Устинов Д. Ф.	1908—1984	1976—1984

1	2	3
Маршал Советского Союза Соколов С. Л.	р. 1911	1984—1987
Маршал Советского Союза Язов Д. Т.	р. 1923	1987—1991
Маршал авиации Шапошников Е. И.	р. 1942	VIII-XII 1991
Генерал армии Грачев П. С.	р. 1948	с 1992 г. министр обороны России
Наркомы (министры) Военно-Морского Флота 1937—1953		
Армейский комиссар I ранга Смирнов П. А.	1897—1938	1937—1938
Комиссар госбезопасности 2 ранга Фриновский И. П.	1896—1938	1938—1939
Адмирал флота Советского Союза Кузнецов Н. Г.	1904—1974	1939—1946, 1951—1953
Адмирал Юмашев И. С.	1895—1972	1950—1951
Наркомы (министры) иностранных дел		
Троцкий Л. Д.	1879—1940	1917—1918
Чичерин Г. В.	1872—1936	1918—1930
Литвинов М. М.	1876—1951	1930—1939
Молотов В. М.	1890—1986	1939—1949, 1953—1956
Вышинский А. Я.	1883—1954	1949—1953
Шепилов Д. Т.	р. 1905	1956—1957
Громыко А. А.	1909—1989	1957—1985
Шеварднадзе Э. А.	р. 1928	1985—1990, XI-XII-1991
Бессмертных А. А.	р. 1933	I-VIII-1991
Панкин Б. Д.	р. 1931	VIII-XI-1991
Козырев А. В.	р. 1951	с 1991—министр иностранных дел России

Династия Рюриковичей
Гостомысл
Умила ?
Рюрик 862 · 879
Олег 879/882 - 912
Игорь 912 · 945
Ольга 945 · 957
Святослав 957 · 972
Ярополк 972 · 980
Олег ум. 977
Владимир 980 · 1015
Святополк I 1015 1019
Ярослав I 1019 · 1054
Мстислав ум. 1036
Судислав ум. 1063
Изяслав ум. 1001
Борис ум. 1015
Глеб ум. 1015
Брячислав ум. 1044
Всеслав 1068 · 1069
Владимир ум 1052
Изяслав I 1054 · 1068 1069 1073 1076 · 1078
Святослав II 1073 · 1076
Всеволод I 1078 · 1093
Ростислав ум 1067
Святополк II 1093 · 1113
Олег ум. 1115
Давид ум. 1123
Владимир II Мономах 1113 · 1125
Володарь ум 1124
Василько ум 1124
Всеволод II 1139 1146
Игорь II 1146
Святослав ум. 1164
Изяслав III 1157 · 1159
Мстислав Великий 1125 · 1132
Ярополк II 1132 · 1139
Юрий I Долгорукий 1149 · 1151 1155 · 1157
Владимирко ум 1153
Ярослав Осмомысл ум 1187
Владимир ум. 1199
Святослав ум. 1194
Всеволод ум. 1214
Михаил ум 1246
Игорь ум. 1202
Владимир ум 1208
Всеволод ум 1196
Изяслав II 1146 · 1149 1151 · 1154
Ростислав 1154 · 1155 1159 · 1167
Андрей Боголюбский 1169 · 1174
Михаил 1174 · 1176
Всеволод III 1176 · 1212
Мстислав II 1167 1169
Роман ум. 1180
Мстислав Храбрый ум. 1180
Константин 1216 · 1219
Юрий II 1212 · 1216 1219 · 1238
Ярослав II 1238 · 1246
Святослав III 1246 · 1247
Роман ум. 1205
Мстислав ум. 1223
Мстислав Удалой ум. 1228
Михаил 1247 · 1248
Александр Невский 1252 · 1263
Андрей 1248 · 1252
Ярослав III 1269 · 1272
Василий 1272 · 1276
Василько ум. 1271
Даниил Галицкий ум. 1264
Василий ум. 1271
Дмитрий 1276 - 1294
Андрей 1294 · 1304
Даниил ум. 1303
?
Михаил 1304 · 1317
Юрий III 1317 · 1322
Иван I Калита 1328 · 1340
?
Константин
Дмитрий Грозные очи 1322 · 1326
Александр 1326 · 1328
Михаил
Дмитрий 1359 · 1363
Симеон Гордый 1340 · 1353
Иван II Красный 1353 · 1359
Андрей ум. 1353
Дмитрий Донской 1363 · 1389
Владимир ум. 1410
Василий I 1389 · 1425
Юрий 1433 · 1434
Василий II Темный 1425 · 1462
Иван III 1462 · 1505
Василий Косой ум. 1448
Дмитрий Шемяка 1446 · 1447
Дмитрий Красный ум. 1441
Иван Молодой ум 1490
Василий III 1505 · 1533
Юрий ум. 1536
Андрей ум. 1537
Дмитрий ум 1509
Иван IV Грозный 1533 · 1584
Иван ум. 1581
Федор 1584 · 1598
Дмитрий ум. 1591

При составлении генеалогических таблиц использовались следующие источники. Романовы. Царствующий дом Российской империи СПб 1878; История СССР с древнейших времен Т 1-2 М 1966, Советская историческая энциклопедия Т. 12 М., 1968 с 128 133 и другие издания. В генеалогической таблице Рюриковичей показаны не только официально признанные руководители государства Российского, но и наиболее известные князья. При составлении генеалогической таблицы династии Романовых стремились показать не только царей и императоров, но и великих князей и их потомков, в том числе и тех, кто родился после свержения династии. У правителей государства Российского указаны годы правления, у всех остальных либо даты рождения, либо смерти

ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ РОССИИ

Дворянство — юридически оформленное господствующее сословие, обладавшее определенными, передаваемыми по наследству привилегиями. Основой могущества являлась его собственность на землю.

Дворянское сословие в России формировалось в течение длительного времени. В X—XVII вв. господствующим слоем в Русском государстве являлось боярство, занимавшее место после великого князя, царя в государственном управлении. Начиная с XV века боярин — высший чин среди служилых людей. Это звание получали в первую очередь представители знатнейших фамилий.

Термин «дворянство» впервые упоминается в летописи в 1172 г. В XII—XIII вв. дворянство представляло собой низшую военно-служилую прослойку при дворе князя или боярина. В отличие от зависимых слуг их называли «вольными слугами». В процессе формирования Московского государства, начиная с XIV в., служилые люди получали за службу землю, ставшую в дальнейшем поместьем. Судебник 1497 г. впервые упоминает «поместника, за которым земли великого князя». В середине XVI в. на поместья распространяется иммунитет, то есть освобождение от налогов и повинностей, что было первым шагом на пути сближения вотчин и поместий. Одновременно усиливаются и политические позиции дворянства. В результате губной и земских реформ (30—50 гг. XVI в.) они возглавили местное самоуправление. Отмена в 1682 г. местничества устранила служебные привилегии боярства. Оформление дворянского сословия сопровождалось превращением поместий в наследственную собственность и увеличением земельных владений. По переписи 1678 г. им принадлежало 85% крестьянских дворов. Отмеченные тенденции свидетельствовали об усилении дворянства и ослаблении боярства и способствовали ликвидации различий между ними. Указ о единонаследии (1714), юридически закрепивший слияние вотчин и поместий, означал оформление дворянства как господствующего сословия, в состав которого вошли и представители боярских родов. Табель о рангах (1722) определил структуру и права дворянства, которое включало различные по имуществу и общественному положению группы: придворная аристократия, среднепоместные, мелкопоместные дворяне. Дворянство пополнялось за счет выходцев из других сословий по мере продвижения их по государственной и военной службе.

Дворянство расширялось и на многонациональной основе. В 1723 г. сюда было включено финское рыцарство. Присоединение Прибалтики сопровождалось оформлением остзейского дворянства. Указы 1783—1784 гг. распространили права российского дворянства на шляхетство трех украинских губерний, князей и мурз татарского происхождения. В конце XVIII—в начале XIX вв. оформляется донское, грузинское, бессарабское дворянство.

В целях регулирования количественного роста дворянского сословия правительство вводит ограничения. В XVIII в. стать дворянином можно было при условии достижения определенного чина, либо заслужив орден. В XIX в. класс чина и ранг ордена постоянно повышался. Если в первой половине XIX в. потомственное дворянство давалось при достижении VIII

класса, то в 1855 г. требования заметно возросли. Чтобы стать потомственным дворянином необходимо было в армии дослужиться до полковника (VI класс), а на гражданской службе до чина статского советника (V класс), что случалось весьма редко. Достигнуть потомственного дворянства при наличии орденов также было непросто. С 1845 г. эти права можно было получить лишь с орденом Анны I степени, который давался лицам, имеющим IV класс (генерал-майор, действительный статский советник). С 1900 г. потомственное дворянство стало даваться при наличии ордена Владимира III степени. Но и эту награду можно было получить при достижении V—VI классов. Только лишь военный орден Георгия давал права потомственного дворянства всегда.

В данном обзоре мы стремились дать общие представления о наиболее известных дворянских родах, которые вели свое происхождение от Рюриковичей, литовских, монгольских князей и существовавших в XVIII—в начале XX вв., а также удостоенных княжеских и графских титулов за заслуги перед Российским государством.

При составлении обзора была использована литература: История родов русского дворянства, составленная П. Н. Петровым, С-Петербург, 1886, т. 1—2; Кузнецов А. А. Ордена и медали России. М., 1985; Русский биографический словарь. С-Петербург, 1896—1918, Т. 1—25; Советская историческая энциклопедия. М., 1961—1976, Т. 1—16.

I. НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ — ПОТОМКИ РЮРИКОВИЧЕЙ, ГЕДИМИНОВИЧЕЙ, ЗОЛОТООРДЫНСКИХ ХАНОВ

Барятинские. Вели свое происхождение от младшего сына князя Михаила Всеволодовича Черниговского — Юрия. Его правнук, князь Андрей Александрович, владевший при Дмитрии Донском волостью Барятино, стал основателем рода. Его потомки занимали высокие должности в русском государстве. Наиболее известны: Федор Сергеевич (1742—1814) — обер-гофмаршал Екатерины II; Александр Иванович (1815—1879) — генерал-фельдмаршал, победитель Шамиля.

Белосельские-Белозерские. Вели свое происхождение от внука Великого князя Владимирского Константина Всеволодовича (1216—1219) — Глеба Васильевича, ставшего первым удельным князем Белозерским. После ликвидации этого удела в 1476 г. образовалось 8 княжеских родов, из которых четыре существовали в России и в начале XX в. (Шелепшанские, Ухтомские, Вадбольские). Но наиболее известен род князей Белосельских-Белозерских. Основателем этого рода был князь Гавриил Федорович, владевший волостью Белое село. При Павле I стали называться Белосельские-Белозерские. Наиболее известный представитель этого рода — Александр Михайлович (1752—1809), посланник в Дрездене и в Турине, обер-шенк при Александре I.

Вяземские. Прямые потомки старшего сына Владимира Мономаха — Мстислава Великого. Родоначальником фамилии стал князь Андрей Владимирович, владевший городом Вязьма и погибший в 1223 г. в битве на реке Калке. Представители этого рода занимали ответственные посты в государстве. Наиболее известны: Александр Алексеевич (1727—1792) — занимавший при Екатерине II в течение 27 лет пост генерал-прокурора; Петр Андреевич (1792—1878) — действительный тайный советник, обер-шенк императорского двора, поэт.

Волконские. Происхождение этого рода не совсем выяснено. Существует мнение, что они — потомки князя Михаила Черниговского, поскольку на гербе есть эмблема Киевского и Черниговского княжеств. Согласно иной точке зрения они—потомки Рюрика, но выходцы из рязанских князей. Первые упоминания об этом роде относятся к концу XIV—началу XV в. Среди представителей этого рода много государственных и военных деятелей, писателей. Наиболее известны Михаил Никитович (1713—1789) — дипломат,

главнокомандующий в Москве; Григорий Семенович (1742—1824) — генерал от кавалерии, член Государственного Совета; Николай Сергеевич (1753—1821) — генерал от инфантерии, дед Л. Н. Толстого; Петр Михайлович (1776—1852) — генерал-фельдмаршал, начальник Главного штаба его императорского величества, министр двора и уделов (1826—1837); Сергей Григорьевич (1788—1865), декабрист; Михаил Николаевич (1860—1917), писатель, автор исторических романов, Сергей Михайлович (1860—1937) — директор императорских театров (с 1921 г. эмигрант).

Гагарины. Вели свое происхождение от младшего сына Всеволода Большое Гнездо — Ивана, владевшего городом Стародуб. Его потомство разрослось и в XVIII—начале XX вв. было представлено Гагариными, Хилковыми, Ромодановскими-Лодыженскими. Основателем рода Гагариных является живший во второй половине XIV в. князь Михаил Иванович, сыновья которого имели прозвище Гагара. Наиболее известны: Гавриил Петрович (1745—1808) — министр коммерции при Александре I; Григорий Иванович (1782—1837) — действительный тайный советник, посол в Риме и Мюнхене.

Голицыны. Потомки великого князя Литовского Гедимина, основателем рода считается князь Михаил Иванович Булгаков — Голица, боярин Василия III, пробывший 40 лет в польском плену. Среди представителей этого рода было много государственных и военных деятелей. Наиболее известны Борис Алексеевич (1654—1714) — воспитатель Петра I; Василий Васильевич (1643—1714) — фаворит царевны Софьи, фактический правитель Русского государства в 1682—1689 гг.; Дмитрий Алексеевич (1734—1803) — ученый, дипломат, друг Вольтера и Дидро; Дмитрий Михайлович (1665—1737) — глава верховников, пытавшихся ограничить самодержавие; Михаил Михайлович (1675—1730) — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии; Александр Михайлович (1718—1783) — генерал-фельдмаршал.

Горчаковы. Потомки князей Мордкиных—Ярославских. Последние вели свое происхождение от Владимира Мономаха. Основателем рода был Иван Горчак — внук бежавшего при Иване Грозном в Литву князя Ивана Мордкина. Наиболее известны Алексей Иванович (1769—1817) — генерал от инфантерии, военный министр при Александре I; Андрей Иванович (1779—1855) — генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г.; Михаил Дмитриевич (1793—1861) — генерал от артиллерии, командующий русскими войсками в период Крымской войны, дед П. А. Столыпина; Александр Михайлович (1798—1883) — министр иностранных дел (1856—1882), государственный канцлер России.

Долгоруковы. Потомки князя Михаила Черниговского; основателем рода был сын князя Андрея Оболенского — Иван, по прозвищу Долгорука, живший в первой половине XV века. Его внуки стали родоначальниками четырех ветвей этого рода. Наиболее известные представители: Яков Федорович (1639—1720), сподвижник Петра I; Василий Лукич (1670—1739)—видный дипломат, Василий Владимирович (1667—1746)—генерал-фельдмаршал, президент военной коллегии при Екатерине Петровне; Василий Михайлович (1722—1782) — генерал-аншеф, в 1771 г. овладевший Крымом, за что получил почетный титул «Крымский» и орден Св. Георгия I степени; Иван Михайлович (1764—1823)—писатель; Василий Андреевич (1804—1868)—военный министр в 1852—1856 гг. и шеф жандармов в 1856—1866 гг.; Петр Владимирович (1816—1868) — историк, автор работ по генеалогии, в т. ч. «Российская родословная книга», «Сказание о роде князей Долгоруковых».

Кропоткины. Потомки князей Смоленских, ведущих свой род от Владимира Мономаха. Основателем рода является князь Дмитрий, по прозвищу Кропотка, современник великого князя Московского Василия Темного. Его потомки занимали различные должности в Русском государстве. Наиболее известным был Петр Алексеевич (1842—1921) — ученый, географ и историк, один из теоретиков анархизма.

Куракины. Потомки Великого Литовского князя Гедимина. Основателем рода является князь Федор Андреевич Курака, который был боярином при Василии III. Наиболее известны Борис Иванович (1676—1727) — один из ближайших сподвижников Петра I, видный дипломат, много сделавший для создания благоприятной внешнеполитической ситуации для России в период Северной войны; Александр Борисович (1752—1818) — действительный тайный советник I класса, посол в Вене и в Париже, вице-канцлер.

Лобановы-Ростовские. Потомки князей Ростовских, происходивших от Всеволода Большое Гнездо. Основателем рода является князь Иван Александрович, носивший прозвище Лобан, современник Ивана III. Наиболее известны Дмитрий Иванович (1758—1838) — генерал от инфантерии, министр юстиции (1817—1827); Алексей Борисович (1824—1986) — дипломат, министр иностранных дел (1895—1896).

Львовы. Потомки князей Ярославских, которые вели свое происхождение от Владимира Мономаха. Основателем рода является князь Лев Данилович, живший в конце XV — в начале XVI вв. Наиболее известны Семен Иванович (ум. 1671)—воевода, плененный казаками Степана Разина; Георгий Евгеньевич (1861—1925) — политический деятель, глава первых двух составов Временного правительства в марте-июле 1917 г.

Мещерские. Вели свое происхождение от выходца из Большой Орды Мухамеда, который в конце XIII в. прибыл в Мещеру для распространения ислама, но впоследствии принял христианство. Его внук Юрий Федорович, сподвижник Дмитрия Донского, отличился в Куликовской битве. Наиболее известны Платон Степанович (1713—1799), генерал от инфантерии, генерал-губернатор Малороссии; Петр Сергеевич (1778—1851) — действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор святейшего синода.

Оболенские. Потомки третьего сына Михаила Черниговского — Юрия Торусского. Основателем рода был правнук последнего — Константин Иванович, погибший в 1368 г. в сражении с литовцами. От его сыновей Ивана и Андрея пошли различные княжеские роды: Стригины, Туренины, Телепневы-Оболенские, Овчинины-Оболенские, Лыковы-Оболенские, Репнины-Оболенские, Долгоруковы, Щербатовы. Большинство из отмеченных родов вымерло до XVIII в. В XVIII—XIX вв. среди наиболее известных представителей этой фамилии выделяются Евгений Петрович (1796—1865) — декабрист, один из основателей Северного общества; Михаил Андреевич (1805—1873) — историк-архивист, опубликовавший много источников по истории России XVI—XVII вв.

Одоевские. Потомки третьего сына Михаила Черниговского князя Симеона Глуховского и Новосильского (от которого также произошли вымершие до XVIII в. роды князей Белевских и Воротынских). Основателем рода был сын последнего князя Роман Семенович. Наиболее известны: Никита Иванович (ум. 1689) — руководитель приказа, подготовивший Соборное уложение 1649 г.; Александр Иванович (1802—1839) — поэт, участник движения декабристов, Владимир Федорович (1803—1869) — сенатор, писатель (со смертью последнего род прекратился).

Прозоровские. Потомки князей Ярославских и Моложских, которые вели свое происхождение от Владимира Мономаха. Основателем рода является младший сын князя Федора Михайловича Моложского Иван, современник Василия I и Василия II, получивший фамилию по названию села. Наиболее известны Иван Семенович (ум. 1670) — астраханский воевода, погибший после взятия города казаками Степана Разина; Александр Александрович (1732—1809) — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Дунайской армией во время войны с Турцией (1806—1812). В связи с прекращением рода в 1854 г. внук фельдмаршала князь М. Ф. Голицин принял фамилию деда.

Репнины. Боковая ветвь рода Оболенских, ведущих свое происхождение от Михаила Черниговского. Родоначальником их был воевода при Иване III и боярин при Василии III князь Иван Михайлович Репня-Оболенский. Наиболее известны: Борис Александрович (ум. 1670) — политический и военный деятель при первых

царях династии Романовых, возглавлявший различные приказы; Аникита Иванович (1668—1726) — генерал-фельдмаршал, один из сподвижников Петра I, президент Военной коллегии; Николай Васильевич (1734—1801) — генерал-фельдмаршал, разгромивший турецкую армию при Мачине 28 июня 1791 г., что фактически обеспечило окончание войны, и награжденный орденом Св. Георгия I степени. В 1779 г. способствовал заключению Тешенского мира, укрепившего авторитет России в Европе. Умер, не оставив мужского потомства. В связи с этим его внук, князь Н. Г. Волконский (1778—1845), принял фамилию и отныне стал именоваться князем Репниным-Волконским.

Трубецкие. Потомки Великого князя Литовского Гедимина. Основателем рода был сын князя Ольгерда Корибут, ставший называться Дмитрием после принятия православия. Наиболее известны: Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625) — активный участник политической борьбы в период смуты (в 1613 г. был одним из претендентов на русский трон); Алексей Никитич (ум. 1680) — политический и военный деятель и дипломат второй половины XVII в., в 1672 был крестным отцом Петра I; Никита Юрьевич (1699—1767) — генерал-фельдмаршал, генерал-прокурор Сената (1740—1760), Президент военной коллегии (1760—1763); Сергей Петрович (1790—1860) — участник движения декабристов, один из руководителей Северного общества.

Шаховские. Потомки князей Ярославских, которые вели свое происхождение от Владимира Мономаха. Основателем рода являлся третий сын Глеба Васильевича Ярославского Константин, по прозвищу Шах, бывший в 1482 г. воеводой в Нижнем Новгороде. В период смуты известность получил Григорий Петрович, приверженец Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. С XVIII в. занимали видные посты на военной и государственной службе: Алексей Иванович (1690—1737) — генерал-аншеф, правитель Малороссии; Иван Леонтьевич (1776—1860) — генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов; Александр Александрович (1777—1846) — писатель, член Российской Академии; Федор Петрович (1796—1829) — декабрист; Дмитрий Иванович (1861—1939) — видный деятель земского движения, член кадетской партии, министр государственного призрения во Временном правительстве (после революции от политической деятельности отошел, репрессирован); Всеволод Николаевич (1874—1954) — министр торговли и промышленности (1915—1917), после революции — в эмиграции.

Щербатовы. Боковая ветвь рода Оболенских, ведущих свое происхождение от Михаила Черниговского. От младшего сына первого князя Оболенского, Андрея, произошли роды князей Долгоруковых и Щербатовых. Второй сын последнего князя Василий, по прозвищу Щерба, современник Василия I и Василия II, явился основателем данного рода. Наиболее известны Михаил Михайлович (1733—1790) — сенатор, действительный тайный советник, писатель, историк, автор «Истории Российской с древнейших времен», «О повреждении нравов в России», утопического романа «Путешествие в землю офирскую»; Алексей Григорьевич (1777—1848) — генерал от инфантерии, участник войн с Наполеоном, московский военный генерал-губернатор.

Юсуповы. Потомки ногайского мурзы Юсуфа (ум. 1556). Его младшие сыновья были в 1563 г. высланы в Россию, где получили в кормление г. Романов. Наиболее известны Григорий Дмитриевич (1676—1730)—участник Азовских походов и Северной войны, генерал-аншеф, сенатор; Борис Григорьевич (1695—1759) — тайный советник, президент коммерц-коллегии; Николай Борисович (1750—1831)—действительный тайный советник, директор императорских театров Эрмитажа, обладатель ценной коллекции картин, скульптор произведений прикладного искусства. После смерти его внука Николая Борисовича (1827—1891) княжеский титул был передан зятю последнего графу Сумаркову-Эльстону, сын которого — Феликс Феликсович (1887—1967) — вошел в историю как один из организаторов убийства Распутина.

II. НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ, ПОЛУЧИВШИЕ ТИТУЛЫ В XVIII—XIX вв

Адлерберг. Род шведского происхождения. Основателем считается некий Эразм, живший во второй половине XV — в начале XVI вв. Дети одного из его потомков Олая, который был примасом Шведского королевства при Карле X и Карле XI в конце XVII в., получили дворянство под именем Адлербергов. Старший сын Олая Самуил в начале XVIII в. поступил на русскую службу. Графский титул был пожалован Владимиру Федоровичу (1791—1884), главному начальнику почтового департамента, ставшему затем министром двора и уделов (1852—1870), и его детям. На этом посту его сменил сын Александр Владимирович (1818—1888), личный друг императора Александра II. В 1846 г. графский титул получила сестра Владимира Федоровича, Юлия Федоровна Баранова (1789—1864) — статс-дама, воспитательница детей Николая I — и ее потомки.

Бестужевы-Рюмины. Основателем рода является Андрей Федорович, внук Александра Федоровича Плещея, боярина Дмитрия Донского. Род имел несколько ветвей, которые носили фамилию Бестужевых-Рюминых и Бестужевых. Графский титул был пожалован в 1742 г. Петру Михайловичу Бестужеву-Рюмину и его потомству. Это было связано прежде всего с заслугами его младшего сына Алексея Петровича (1693—1766), активного участника возведения на престол Елизаветы Петровны, ставшего затем канцлером (1744—1758) и генерал-фельдмаршалом. Его брат Михаил Петрович (1688—1760) — действительный тайный советник, известный дипломат. Графская линия прекратилась в 1768 г. в связи со смертью Андрея Алексеевича. Из дворян Бестужевых-Рюминых наиболее известны: Михаил Павлович (1803—1826) — декабрист; Константин Николаевич (1829—1897) — историк, основатель Бестужевских курсов.

Бутурлины. Род, ведущий свое происхождение от родоначальника Романовых — Андрея Ивановича Кобылы (ум. 1350). Один из его сыновей Иван имел прозвище Бутурля, а его дети имели фамилию Бутурлиных. Представители этого рода играли большую роль в политической жизни русского государства. Василий Васильевич (ум. 1656)—боярин и дворецкий царя Алексея Михайловича, возглавлял русское посольство на Украине и 8 января 1654 г. на Переяславской раде принял присягу украинского народа, а в 1655 г. командовал армией, посланной на помощь Богдану Хмельницкому. Графский титул имела лишь одна ветвь: в 1760 г. в графское достоинство российской империи вместе с потомством был возведен Александр Борисович (1694—1767) — генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией.

Васильчиковы. Род, ведущий свое происхождение от выходца из Германской империи Индриса, который после принятия православия получил имя Леонтий. По другой версии — родоначальником является монгол Тенгри, бежавший из Орды в конце 50-х гг. XIV в. Родоначальником фамилии стал Василий Федорович (уменьшительное Васильчик), современник Ивана III. Титул имела лишь младшая ветвь этого рода. В 1831 г. в графское, а в 1839 г. в княжеское достоинство Российской империи вместе с потомством был возведен Илларион Васильевич (1777—1847) — генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 г., Председатель Государственного Совета.

Воронцовы. По данным составителя истории родов русского дворянства П. Н. Петрова, основателем рода в XVII в. был Федор Васильевич. Но упоминания этой фамилии относятся к более раннему времени. У Василия III был фаворит М. С. Воронцов. Его брат Федор Семенович играл заметную роль в политической жизни в период малолетства Ивана IV. В возвышении рода в середи-

не XVIII в. значительную роль сыграл Михаил Илларионович (1714—1767) — канцлер (1758—1762). В 1744 г. император Карл VI возвел его вместе с братьями в графское достоинство Римской империи. Наиболее известны: Александр Романович (1741—1805) — видный дипломат, участвовавший в заключении важнейших договоров России с Францией, Швецией, Турцией. В 1802—1804 — канцлер; Семен Романович (1744—1822) — военный деятель и дипломат; Михаил Семенович (1782—1856) — генерал-фельдмаршал, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, наместник на Кавказе. Был близок к ранним преддекабристским кружкам. В 1820 г. вместе с Н. И. Тургеневым пытался организовать общество для постепенного освобождения крестьян. В 1845 г. он был удостоен княжеского титула. В 1807 г. после кончины последнего князя П. М. Дашкова его внучатый племянник Иван Илларионович (1790—1854) стал первым графом Воронцовым-Дашковым. Его сын Илларион Иванович (1837—1916) — личный друг Александра III, министр двора и уделов (1881—1897), наместник на Кавказе.

Голенищевы-Кутузовы. Ведут свое происхождение от выходца из Германии Гавриила, поселившегося в Новгороде во времена Александра Невского. Род имел много ветвей, но титулы имели только двое. 29 октября 1811 г. в графское, а 29 июля 1812 в княжеское достоинство с титулом Смоленского был возведен выдающийся полководец Михаил Илларионович (1745—1813), не оставивший мужского потомства. В 1832 г. титул графа вместе с потомством получил представитель другой ветви — Павел Васильевич (1772—1843), генерал от кавалерии, член Государственного Совета.

Головины. Потомки византийского рода Комнинов, один из представителей которого поступил на службу к Василию II. Данная фамилия имеет несколько ветвей, но только одна из них имела титул. В 1701 г. император Леопольд I возвел в графы Римской империи вместе с потомством самого ближайшего в то время сподвижника Петра I — Федора Алексеевича (1650 — 1706), генерал-фельдмаршала и генерал-адмирала. Эта ветвь прекратилась в XIX в. Из дворян Головиных наиболее известны: Евгений Александрович (1782—1858) — генерал от инфантерии, участник войн с Францией, Турцией (в 1838—1842 гг. — командир отдельного Кавказского корпуса, вел активные боевые действия против Шамиля); Федор Александрович (1867—?) — один из основателей и член ЦК партии кадетов, председатель II Государственной думы.

Игнатьевы. Основателем рода считается боярин Федор Акинфиевич Бяконт, дед митрополита Московского Алексея Бяконта. Род имел несколько ветвей, и только одна младшая имела титул. В 1877 г. в графское достоинство Российской империи вместе с

потомством был возведен Павел Николаевич (1797—1879) — генерал от инфантерии, председатель Комитета министров. Его сыновья играли заметную роль в политической жизни империи: Николай Павлович (1832—1908) — дипломат, многое сделавший для обеспечения нейтралитета европейских государств в русско-турецкой войне (1877—1878); Алексей Павлович (1842—1906) — генерал от кавалерии, Иркутский и Киевский генерал-губернатор, член Государственного Совета. Сын последнего — Алексей Алексеевич (1877—1954) — генерал-лейтенант Советской армии, писатель, автор книги «Пятьдесят лет в строю».

Кочубеи. Потомки татар или турок, основатель рода в XVII веке поселился среди запорожских казаков и после принятия христианства получил имя Андрей. Его внук Василий Леонтьевич (1640—1708) — генеральный судья в Гетманском уряде предупреждал Петра I об измене, готовящейся Мазепой, и поплатился за это жизнью. Титул имела одна ветвь этой фамилии. В 1799 г. в графское, а в 1831 г. в княжеское достоинство Российской империи был возведен Виктор Петрович (1768—1834), в разные годы занимавший посты министра внутренних дел, председателя Государственного Совета и Комитета министров.

Лопухины. Род, существовавший с конца XV в., основателем которого был Василий Лопуха. Имеет несколько ветвей, представительницей одной из них была первая супруга Петра I Евдокия. При Елизавете Петровне представители одной из ветвей в результате интриг лейб-медика Лестока были сосланы в Сибирь (Лопухинское дело). Титул имели представители старшей ветви. В 1799 г. в княжеское достоинство Российской империи был возведен Петр Васильевич (1753—1827) — генерал-прокурор Сената, а с 1816 по 1827 гг. — председатель Государственного Совета.

Меншиковы. Дворянский, но малоизвестный до начала XVIII в. род, обязанный своим возвышением самому известному из «птенцов гнезда Петрова» Александру Даниловичу (1673—1729), получившему в начале графский и княжеский титулы Римской империи от Леопольда I. В 1707 г. Петр I произвел его в князья Российского государства. Это был первый случай пожалования княжеского титула. Его сын Александр Александрович (1714—1764) был возвращен из ссылки Анной Иоановной и впоследствии дослужился до генерал-аншефа. Наиболее известны: Сергей Александрович (1746—1815) — действительный тайный советник, сенатор; Александр Сергеевич (1787—1869) — генерал-адъютант, адмирал, в 1821 г. вместе с М. С. Воронцовым подготовил проект освобождения крестьян, в 1827—1855 гг. фактический руководитель военно-морского ведомства, в 1853—1855 гг. — Главнокомандующий сухопутными и морскими силами Крыма.

Мусины-Пушкины. Род, ведущий свое происхождение от Александра, брата родоначальника Романовых Андрея Ивановича Кобылы. Из нескольких ветвей этого рода титул имели две. В 1710 г. в графское достоинство Российского государства был возведен Иван Алексеевич, управляющий Монастырским приказом. Из его потомков наиболее известны: Валентин Платонович (1735—1804) — генерал-фельдмаршал; Аполлос Аполлосович (1760—1805) — известный ученый в области химии, почетный член Петербургской Академии наук и ряда европейских академий. В 1797 г. графский титул получил Алексей Иванович (1744—1817) — обер-прокурор Синода и Президент Академии художеств. Он был известный археограф и историк, открывший Лаврентьевскую летопись, «Слово о полку Игореве», «Поучение Владимира Мономаха».

Орловы. Потомки московских дворян, находившихся на службе у первых царей династии Романовых. В 1762 г. за заслуги в возведении ее на престол Екатерина II удостоила графского титула пять братьев Орловых, из которых наиболее известны Григорий Григорьевич (1734—1783)—фаворит Екатерины II, руководитель дворцового переворота, удостоенный затем титула князя Римской империи; Александр Григорьевич (1737—1807)—генерал-адмирал, командующий русской эскадрой в Средиземном море, одержавший победы у Наварина и Чесмы (1770); Федор Григорьевич (1741—1796) — генерал-аншеф; Владимир Григорьевич (1743—1831)—Президент императорской Академии наук. Из братьев мужское потомство оставил лишь Федор Григорьевич, который официально женат не был, и поэтому его дети были причислены к дворянскому сословию. Один из них — Алексей Федорович (1786—1861) — видный государственный деятель и дипломат, был удостоен графского (1825) и княжеского (1856) титулов. Его брат Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, в 1814 г. составил и подписал акт о капитуляции Парижа, участник декабристского движения.

Панины. Род, известный с XVI в. и имевший несколько ветвей. В 1767 г. Екатерина II удостоила графского титула братьев Никиту Ивановича (1718—1783)—воспитателя цесаревича Павла, президента коллегии иностранных дел, и Петра Ивановича (1721—1789)—генерал-аншефа, участника семилетней и русско-турецкой (1768—1774) войн. Сын последнего — Никита Петрович (1770—1837), вице-канцлер при Павле I. При Николае I и Александре II пост министра юстиции занимал Виктор Никитич (1801—1874).

Потемкины. Мелкопоместный дворянский род Смоленской губернии, обязанный своим возвышением выдающемуся государственному деятелю второй половины XVIII в. Григорию Александровичу (1739—1791), возведенному в 1775 г. в графское достоин-

ство, а в 1783 г. получившему титул светлейшего князя Таврического, но не оставившему мужского потомства. В 1795 г. графского титула был удостоен его родственник — Павел Сергеевич (1793—1796), генерал-аншеф, отличившийся в русско-турецких войнах, в том числе при штурме Измаила (1790).

Разумовские. Потомки украинского реестрового казака Розума. В 1744 г. Елизавета Петровна удостоила графского титула своего фаворита Алексея Григорьевича (1709—1771) и его брата Кирилла Григорьевича (1728—1803) — президента Петербургской Академии наук, последнего Гетмана Украины. Заметную роль в политической жизни России играли сыновья последнего — Алексей Кириллович (1748—1822), министр народного просвещения (1810—1816) и Андрей Кириллович (1752—1836) — известный дипломат, действительный тайный советник I класса, удостоенный в 1815 г. княжеского титула. В конце 30-х г. XIX в. род прекратился. В правление Николая I и Александра II были известны побочные дети Алексея Кирилловича, носившие фамилию Перовские: Лев Алексеевич (1792—1856) — министр внутренних дел (1841—1852) и Василий Алексеевич (1795—1857)—генерал от кавалерии, военный губернатор Оренбургской губернии, удостоенные графского титула.

Румянцевы. Дворянский род, первые сведения о котором относятся к концу XVI в. Из нескольких ветвей титул имела только одна. В 1744 г. в графское достоинство Российской империи были возведены генерал-аншеф Александр Иванович (1680—1749) и его сын Петр Александрович (1725—1796), выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал. Известны также Николай Петрович (1754—1826) — министр иностранных дел в 1808—1814 гг. и канцлер в 1809—1814 гг., основатель Румянцевского музея; Сергей Петрович (1755—18383) — дипломат, инициатор закона о свободных хлебопашцах, с его смертью род графов Румянцевых прекратился.

Салтыковы. Род, впервые упоминающийся в Москве в XIV в. и имевший несколько ветвей. Из этого рода происходила супруга царя Ивана V Прасковья Федоровна. В правление императрицы Анны ее родной дядя Василий Федорович (ум. 1730) получил графский титул. Старший сын внучатого племянника императрицы Ивана Алексеевича Николай Иванович (1736—1816)—воспитатель старших сыновей Павла I, был возведен вместе с потомством вначале в графское (1790), затем в княжеское достоинство Российской империи (1814). Еще одна ветвь имела графский титул, наиболее известные ее представители — Петр Семенович (1698—1772), генерал-фельдмаршал, победитель Фридриха II под Кунерсдорфом (1759), и его сын Иван Петрович (1730—1805) — генерал-фельдмаршал. Эта линия прекратилась в начале XIX в.

Строгановы. Потомки солепромышленников, поселившихся в Вычегде во второй половине XV в. При Михаиле Федоровиче они получили титул именитых людей. В 1722 г. Петр I возвел трех братьев — Александра, Николая и Сергея Григорьевичей — в баронское достоинство. Первым графский титул сначала римской империи (1761), а затем Российской империи (1798) получил Александр Сергеевич (1733—1811), обер-камергер, президент Академии художеств. Его сын — Павел Александрович (1772—1817), участник Французской революции, ближайший сподвижник Александра I в начале его царствования. После смерти последнего графский титул передан Сергею Григорьевичу (1794—1882), известному деятелю в области просвещения и науки.

Суворовы. Род, впервые упоминающийся в XVI в., своим возвышением обязан великому русскому полководцу Александру Васильевичу (1729—1800), за свои победы удостоенному звания генералиссимуса (1799), почетного титула графа Рымникского (1789) и светлейшего князя Италийского (1799). Из его потомков наиболее известны сын Аркадий Александрович 1784—1811) — генерал-лейтенант, погибший во время войны с турками, и внук Александр Аркадьевич (1804—1882) — генерал от инфантерии, Петербургский генерал-губернатор (1861—1866).

Толстые. Род, ведущий свое происхождение от выходца из Германии Индриса, получившего после принятия православия имя Леонтий. По другой версии — родоначальником является монгол Тенгри, бежавший из орды в конце 50-х гг. XIV в. Фамилия имела несколько ветвей, причем графский титул носили потомки сподвижника Петра I Петра Андреевича (1645—1729). Наиболее известные представители: Петр Александрович (1761—1844) — генерал от инфантерии; Федор Петрович (1783—1873)—вице-президент Академии художеств; Алексей Константинович (1817—1875) — поэт, писатель, драматург; Лев Николаевич (1828—1910) — писатель; Дмитрий Андреевич (1823—1889)—министр иностранных дел и шеф жандармов (1882—1889); Алексей Николаевич (1883—1945) — писатель.

Чернышовы. Потомки выходца из Польши И. М. Чарныш-Чарнецкого, поселившегося в России при Иване Грозном. Род имел несколько ветвей, из которых только две имели титулы. В 1742 г. графского титула был удостоен один из ближайших сподвижников Петра I — генерал-аншеф Григорий Петрович (1672—1745) вместе с потомством. Наиболее известные представители: Захар Григорьевич (1722—1784) — генерал-фельдмаршал, президент Военной коллегии; Иван Григорьевич (1726—1797) — генерал-фельдмаршал от флота; Захар Григорьевич (1796—1862) — декабрист. Графского (1826), затем княжеского (1841) титулов

был удостоен Александр Иванович (1785—1857) — военный министр и председатель Государственного Совета.

Шереметьевы. Потомки одного из сыновей родоначальника Романовых Андрея Ивановича Кобылы — Федора Андреевича Кошки. Род имел много ветвей, из них только потомки генерал-фельдмаршала Бориса Петровича (1652—1719) носили графский титул, которого он был удостоен в 1706 г. за подавление восстания в Астрахани. Наиболее известны: Петр Борисович (1713—1788) — обер-камергер, создавший дворцово-парковые ансамбли в Кусково, Останкино; Сергей Дмитриевич (1844—1918) — член Государственного Совета, почетный член Академии наук.

Шуваловы. Потомки мелкопоместных дворян Костромской губернии, первые упоминания о которых относятся ко второй половине XVI в. В 1746 г. Елизавета Петровна возвела в графское достоинство Российской империи братьев — Александра Ивановича (ум. 1769), генерал-фельдмаршала, начальника тайной канцелярии, и Петра Ивановича (1710—1762), генерал-фельдмаршала, многое сделавшего для проведения внутренней политики в духе «просвещенного абсолютизма». Из их потомков наиболее известны Петр Андреевич (1827—1889), генерал — от кавалерии, шеф жандармов и главный начальник III отделения (1866—1874), обладавший почти диктаторской властью; Павел Андреевич (1830—1908) — военный деятель и дипломат, генерал от инфантерии. Следует отметить также Ивана Ивановича (1727—1797) — фаворита Елизаветы Петровны, основателя Московского университета вместе с М. В. Ломоносовым, отказавшегося от графского титула.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

RESUME

In 1980s-90s Russian history is in its crucial testing period. At present, it is quite evident that historical processes cannot be explained only by marxist methodology. Judging from the analysis of the historical literature published recently one can notice some scientists rewrite history and try to interpret it using historical and materialistic approach. The other of them base on the synthesis of all the existing approaches: Christian, world historical (historical and materialistic including), cultural and historical. For the works of these historians, contradictions and categorical judgements are inherent.

The authors of this textbook do not tend to design a universal historical model as they realize that while comprehending history various approaches will be developed.

The main concept of the textbook «Lectures on Russian history since ancient times till nowadays» is the most respected attitude to different historical approaches and Russians historical schools: N.Karamzin, S.Soloviev, V.Klyuchevski, M.Pokrovski, L.Gumilyuv et al. For the first time while compiling a textbook, its authors take into account the concepts of different Russian historical schools. As this textbook contains a lot of facts, it may be used as a reference book too.

The textbook covers Russian history from the points of biew of different Russian schools and it is the reader himself who should come to certain conclusions. The textbook comprises 7 lectures on the following problems: 1. Introduction; 2. Ancient people on the territory of Russia; 3. Origin of Slavs; 4. Kiev Rus; 5. Fractioning of Rus; 6. The second half of the XVth — the beginning of the XVI centuries; 7,8. the XVIth century; 9. the XVIIth century; 10,11,12 — the XVIII century; 13,14,15 — the XIXth century; 16,17,18 — the XXth century. The main dates of Russian history are given in the Appendix

(the names of Russian tsars and leaders since ancient times till nowadays). The content of the lectures is as follows: Russia and its surroundings; Polytical system and Law; Economy and Culture. Each lecture has a title, the plan, text and bibliography.

All the lectures were admitted for publishing on a competitive basis. Among the authors there are 7 professors and 6 assistant-professors.

The lectures have been written by historians of the Urals University, the Urals institute of history and archeology which is affiliated with the Urals Branch of the Russians Academy of Sciences; the Urals institute of architecture and art; the Ekaterinburg institute of Law, the Ekaterinburg institute of National Economy, the Ekaterinburg Pedagogical institute; the Urals of Centre for training specialists including 30 social scientists that are responsible for the material presented here.

You can get this textbook if you send by mail 2 250 roubles (or 5 USA$) per one book to our bank account № 800161204/467083 in Uralakadembank ERKTs, Ekaterinburg, MFO 253910.

Send payments agreements to the adress:
«B» VOOPIK (TSGI «NIKA»-92). Pervomayskaya str., Ekaterinburg, 620219

Once we receive your payment agreement; we'll send you the book with in a month (time).

Please, write your return adress.

For detailed information.

Our telephone 83432 557340.

Translated from Russian by assistant-professor Rodyonova L.Z.

Принимаются заказы на книгу
Адрес: 620219, г. Екатеринбург, ул. Первомайская, 24 «В»
ВООПИК (ЦГИ — «НИКА»-92)

Телефон для справок:

Код г. Екатеринбурга 8-34-32
тел. 55-73-40

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ
КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ответственный редактор **Б. В. Личман.**

Технический редактор **Н. П. Денисенко.**

ЛО-020315
Сдано в набор 15.01.93 г. Подписано в печать 25.03.93 г.
Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 21. Тираж 15000. Заказ 2195. Цена С.
Полевская типография, Управления по печати
и массовой информации.

